Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления

На правах рукописи

Копырина Сардана Николаевна

Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала в 20–50-е гг. XVIII в.

Специальность: 5.6.1. Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Черноухов Анатолий Владимирович

Екатеринбург – 2023

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Казенные заводские поселки: организация жизнедеятельности населения 31

1.1. Общая характеристика населения: численность, состав, управление, оплата труда 31

1.2. Бытовые условия и материальная обеспеченность населения 56

1.3. Образ жизни населения: отдых и нравы 78

Глава 2. Формирование и развитие социальной инфраструктуры заводских поселков 116

2.1. Становление и совершенствование медицинского обслуживания 116

2.2. Церковь в системе социального дисциплинирования населения 167

2.3. Горнозаводские школы 206

Заключение 244

Список источников и литературы 250

Приложения 283

Введение

Актуальность темы. На современном этапе развития исторической науки растет интерес к человеку, его потребностям, социально-психологическим ориентациям. Окончательно закрепилось осознание того, что необходимы исследования повседневного уклада жизни людей с его материальными и духовными сторонами. Поэтому выявление элементов системы социальной инфраструктуры и способов удовлетворения основных жизненных потребностей в жилище, пище, одежде, других предметах быта, форм социально-культурного общения способствует расширению охвата социального исторического поля, реконструкции прошлого с высокой степенью полноты и жизненной конкретности.

В настоящее время одним из приоритетных направлений нашего государства является социальная политика, направленная на удовлетворение как можно более широких запросов населения, о чем свидетельствует принятие целого ряда национальных проектов, посвященных развитию медицины, сферы образования, защиты семьи и детства и др[1].

В условиях декларации преемственности российской государственности также важен анализ исторического опыта[2], благодаря которому возможна адекватная оценка перспектив развития региона. В результате, помимо научно-познавательного значения, исследование имеет общественно-политические и практические аспекты.

Углубляется и внимание исследователей к изучению «региональной идентичности». Оно закономерно связывается с формированием социального пространства региона, признанием значительной роли социальной инфраструктуры в удовлетворении жизненных запросов населения. В силу этих причин все больше возрастает интерес к изучению истории социальной

---

[1] Национальные проекты России / Официальный сайт Правительства России. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/ (дата обращения: 26.11.2022)

[2] Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы // Банк документов. Министерство просвещения Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/ (дата обращения:12.02.2023)

инфраструктуры в отдельных регионах имперской России первой половины XVIII в.

Объектом исследования является социальная инфраструктура казенных заводских поселков Урала, сформировавшаяся в результате взаимодействия горнозаводской администрации и подчиненных ей категорий работников и служащих казенных заводов.

Проблема социальных отношений, возникающих при управлении горнозаводским хозяйством, включает множество аспектов. Автор уделяет специальное внимание лишь вопросам, связанным с организацией быта населения, учреждениями медицинского и образовательного характера, общественного призрения и контролем за соблюдением морально-духовных ценностей горнозаводского населения.

Предметом исследования выступает организация социальной инфраструктуры, обеспечивающая физическое, моральное и духовное здоровье населения заводских поселков. Она включает в себя производственные отношения, материально-бытовые условия жизни, медицинское обслуживание, образовательные учреждения, общественное призрение, взаимоотношения светской и церковной властей. Из всех категорий жителей поселков основное внимание уделяется категории мастеровых, работных людей, служащим.

Цель исследования – реконструкция системы социального обеспечения жителей горнозаводских поселков в контексте организации жилищно-бытовых условий, оплаты труда, обеспечения важнейшими элементами жизнедеятельности, медицинского обслуживания, духовно-нравственных основ поведения.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) Раскрыть законодательную и нормативно-правовую базу государственной политики и ее реализации на местах в отношении социальной инфраструктуры казенных поселков в 20-50-е гг. XVIII в.: от создания горнозаводской администрации до передачи заводов в частные руки;

2) Проанализировать количественный и социальный состав населения,

социально-бытовые условия жизни офицеров, служащих, мастеровых работников, проживавших в заводских поселках, систему оплаты их труда, стоимость продуктов питания, одежды, обуви, предметов быта, состояние придомовых хозяйств, их роли в поддержании благосостояния населения;

3) Охарактеризовать становление и совершенствование медицинской инфраструктуры, и ее материально-техническую базу;

4) Раскрыть состав, квалификацию, условия, мотивы и продолжительность службы медицинского персонала; систему организации медицинской помощи населению, методику лечения болезней;

5) Представить механизмы взаимодействия горнозаводской и церковной властей в процессе морально-этических норм поведения основных категорий жителей поселков;

6) Отразить общее состояние образовательных учреждений как одного из важных элементов социальной инфраструктуры.

Хронологические рамки исследования включают временной интервал от создания горнозаводской администрации Урала в 20-х гг. XVIII в. и перехода под ее контроль казенных заводов от гражданских властей Сибирской губернии до передачи большинства предприятий в частные руки к концу 50-х гг. XVIII в.[3]

Территориальные рамки исследования определены месторасположением поселков, построенных при казенных заводах Урала. Кроме того, затронуты поселения в регионах Нерчинска, Якутска, Красноярска, подчинявшиеся горнозаводской администрации в Екатеринбурге в лице Канцелярии горных дел, Сибирского обер-бергамта, Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов.

Степень разработанности темы. Для выполнения поставленных задач исследования привлечена обширная историография, это и общие труды по истории уральской промышленности первой половины XVIII в., в которых затронуты вопросы, касающиеся повседневной жизни и социально-бытового

---

[3] Иванов П. А. Краткая история Управления горною частью на Урале. Екатеринбург, 1900. С. 11; Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 566.

обустройства населения, и специальная литература, посвященная состоянию горнозаводскому населению, вопросам медицины, взаимодействии церкви и горнозаводских властей в социальной сфере, горнозаводских школах. Поэтому используемая литература разделена на четыре группы.

К первой относятся работы, дающие общие представления о состоянии социальной инфраструктуры и бытовых условиях в заводских поселках в первой половине XVIII в. В дореволюционных исследованиях вопрос быта не рассматривался как отдельная проблема, а фрагментарно включался в тематику особенностей условий жизни работников, подчеркивая особый производственный фактор региона[4].

В годы советской власти в рамках социально-экономической проблематики в вопросах формирования, положения и борьбы рабочих, а также истории металлургической промышленности, рассматривались вопросы материально-бытовых условий существования горнозаводского населения края. Наиболее значимыми в этих вопросах являются сочинения Б.Б. Кафенгауза, Н.И. Павленко, А.С. Орлова, М.А. Горловского, Н.А. Пятницкого, С.Г. Струмилина, А.М. Панкратовой, П.А. Вагиной, В.Я. Кривоногова, Н.Н. Алеврас.[5] Специальное внимание в изучение проблемы генезиса горнозаводских центров Урала в XVIII в. уделила А.С. Черкасова. Она проанализировала состав,

---

[4] Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. Спб., 1896. С. 70; Гузеев, А. Е. Сысертские горные заводы, их прошлое, настоящее и летопись событий : (1702–1896 гг.). Пермь, 1896. 109 с; Иванов П. А. Краткая история Управления горною частью на Урале. Екатеринбург, 1900. С. 71; Митинский А. Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909. 244 с. Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М., 1910. 255 с. Орловский М. П. За двести лет : (очерки по истории горнозаводского Урала). Екатеринбург, 1907. 102 с. Соловьев М. Е. Начало горного промысла на Урале. Екатеринбург, 1891. 26 с. Чупин Н. К. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале. 1873. 43 с. Чупин Н. К. Об открытии и первоначальной разработке магнитной горы Благодати. Пермь, 1867. 17 с

[5] Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории Уральской металлургии. М., 1949. 524 с; Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М., 1953. 504 с.; Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. 566 с.; Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (к вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979. 262 с.; Горловский М. А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале : Очерки о положении крепост. рабочих Сред. Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800–1870). Свердловск, 1954. 380 с.; Струмилин С. Г. История чёрной металлургии в СССР. М., 1967. 442 с.; Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). М., 1963, 491 с.; Вагина П. А. К истории возникновения горнозаводской промышленности Южного Урала // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1958. Вып. 1. С. 22–36; Вагина П. А. Материально-бытовое положение мастеровых и работных людей Южного Урала во второй половине XVIII века // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 7–22; Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959. 177 с.; Алеврас Н. Н. Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов XVIII – начала XX века. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №16 (154). С. 26–37.

социальный статус, этапы формирования горнозаводского населения Урала[6]. В 1960–1980 гг. исследователи в основном изучали борьбу трудящихся за улучшение своего положения, почти не было работ по повседневной жизни. А если они и появлялись, как, например, работа Л.Н. Семеновой[7], то материал, посвященный исключительно социально-бытовой проблематике горнозаводского Урала, практически отсутствовал[8].

В постсоветский период проблематика быта и повседневной жизни населения горнозаводских поселков разрабатывалась более активно[9]. Изучением

---

[6] Черкасова А. С. Рождение индустриальной цивилизации Урала. XVIII век. Исследования, 1961–1991 гг. Екатеринбург, 2012. 407 с.

[7] Семенова Л. Н. Очерки истории и быта культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Ленинград, 1982. 280 с.

[8] Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в 1-й половине XVIII в. // Тезисы докладов на Сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1957. С. 26–39; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. 439 с.; Комелова Г. Сцены русской народной жизни конца XVIII–начала XIX века по гравюрам из собрания Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1961. 100 с.; Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII вв. : в 2 ч. Челябинск, 1966–1969; Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. 248 с.; Щепетов К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII–XIX веков : по материалам шереметевских вотчин. М., 1963. 100 с.; Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М., 1967. 335 с.; Греков Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века // Летописи занятий Археографической комиссии. № 35. Л., 1929. С. 39–104.; Раскин Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1974. № 4. С. 180–182; Ремезов Н. В. Заводские люди и их земли // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 235–252; Трефилова А. А. Из истории дореформенного земледелия посессионных заводов Пермской губернии. Исследования по истории Урала. Пермь, 1964. Ученые записки. ПГУ, № 108. С. 67–80; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 397 с.; Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.). Екатеринбург, 1987. 272 с.

[9] Анисимов Е. В. Дыба и кнут : Полит. сыск и рус. о-во в XVIII в. М., 1999. 719 с.; Антропов Д. Н. Образ горнозаводского Урала XVIII в. в иллюстрациях «Описания Уральских и Сибирских заводов» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 86–97; Варганова В. Сексуальное в свадебном обряде // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 149–156; Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. 368 с.; Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири // Культурное наследие Азиатской России: I Сибирско-Уральский исторический конгресс. Тобольск, 1997. С. 3–8; Земцов В. Н. Екатеринбург в мундире: Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVII–начала XX в. Екатеринбург, 1992. 237 с.; Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. 511 с.; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. 572 с.; Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы. Екатеринбург, 2001. 247 с.; Топорков А. Л. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М., 1995. 640 с.; Смилянская, Е. Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016. 384 с.; Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. / Н. А. Миненко, М. О. Акишин, С. В. Голикова, М. Г. Казанцева, И. Л. Манькова, И. В. Побережников, А. М. Сафронова. Екатеринбург, 1996. 360 с.; Рабинович М. Русский средневековый город. Домашний быт, занятия, обычаи горожан. М., 2019. 274 с.; Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. / В. И. Байдин, В. Ю. Грачёв, Ю. В. Коновалов, А. Г. Мосин. Екатеринбург, 2011. 68 с.; Бородина Е. В. Служилые люди Урала и Западной Сибири в судебных конфликтах // Уральский исторический вестник. 2011. №3 (32). 2011. С. 73–79; Киселев М.А. Люди Каменского завода и их конфликты (1721–1722) // Одиннадцатые Татищевские чтения. Всерос. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2015. С. 43–47; Сутырин Б. А. Историографические этюды. Екатеринбург. 2011. С. 148–151; Соловьева М. С. Екатеринбург и Ижевск – образцовые города-заводы XVIII В.: комплексная программа изучения архитектурного наследия «каменный пояс» // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск, 2020. С. 19–27; Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. 608 с.

истории заводов и заводских поселков занималась Р.М. Лотарева, которая выявила типологические и региональные особенности городов-заводов, провела ретроспективный анализ развития этого типа поселений[10]. Взаимодействие, конфликты горнозаводских центров и аграрного окружения в хозяйственно-экономической, социально-сословной и культурно-бытовой сферах, а также анализ структуры и деятельности органов городского самоуправления на Урале в XVIII – начале XX вв. представлены в коллективных монографиях Е.Ю. Апкаримовой, С.В. Голиковой, Н.А. Миненко, И.В. Побережникова[11]. С.В. Голикова, определив заводские поселки как особый тип уральских поселений, указала на различные трактовки этого понятия у исследователей[12]. В.А. Шкерин рассматривал горнозаводской Урал как особое социальное пространство, в рамках которого исторически сложился свой образ жизни и соответствующий ему тип общественного сознания рабочих, в основе которых лежал промышленный труд[13].

Изучению социальной истории российского города раннего Нового времени через анализ повседневной жизни жителей посвящены монографии А.Б. Каменского и О.Е. Кошелевой.[14]. Подобный же опыт предпринял Е.В. Акельев, исследуя преступную среду Москвы 30–40-х гг. XVIII в.[15] Работы С.И. Цеменковой и А.В. Черноухова демонстрируют особенности повседневных служебных и бытовых поведенческих практик, стратегий формирования неформальных взаимосвязей, специфики девиаций, успехов и неудач горных служителей и офицеров. То есть авторы пытались представить судьбу человека в

---

[10] Лотарева Р. Н. Города-заводы России, XVIII–первая половина XIX в. Екатеринбург, 1993. 213 с.

[11] Голикова С. В., Миненко, Н. А., Побережников, И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия, XVIII–первая половина XIX века. М., 2000. 263 с.; Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII–начале XX века / И. В. Побережников, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н.А. Миненко. М., 2003. 379 с.; Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. М., 2006 . 380 с.

[12] Голикова С. В. Заводские поселки – особый тип уральских поселений XVIII– начала XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 66–87.

[13] Шкерин В. А. Мы, верноподданные ведения горного мастеровые рабочие люди: социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX в. // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 73–80.

[14] Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. 486 с.; Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. 405 с.

[15] Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. 416 с.

разных измерениях – на фоне эпохи, в среде повседневности, в координатах личных и служебных взаимосвязей[16].

Вторую группу составляют работы, посвященные формированию медицинской инфраструктуры в России и на Урале, в частности.

История медицины подразделяется на две части: частную и общую. Частная изучает возникновение и развитие отдельных медицинских дисциплин (кардиология, хирургия, урология и т. д.). Общая история изучает вопросы развития медицины в целом, ее характерные особенности и отличительные черты в связи с развитием общества и человека. Она рассматривает формирование медицинских знаний, медицинскую мифологию, историю становления профессиональной группы врачей, эволюцию представлений о болезни и здоровье, зарождение врачебной этики, становление системы здравоохранения, параметры продолжительности и качества жизни, влияние медицинской практики на их изменение[17]. Одной из особенностей истории медицины является то обстоятельство, что ею занимались и занимаются в большей степени медики[18]. О

---

[16] Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Екатеринбургский завод в первые годы: человеческий фактор в системе управления // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2018. Вып. 18. С. 345–351; Цеменкова С. И. «Незаменимые были»: несколько сюжетов из биографии Евдокима Яковлева // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 338–345; Цеменкова С. И., Черноухов А. В «Горное дело производить сильною рукою…»: формирование состава «высших и нижних управителей» горнозаводского Урала в 20–40-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2020. Вып. 20. С. 52–53; Сафронова А. М., Цеменкова С. И. Горный межевщик Андрей Татищев: документы об учебе в Швеции и деятельности на заводах Урала (1724–1737 гг.) // Научный вестник Крыма. № 4 (33). 2021. С. 1–24; Цеменкова С. И. Знаки пространства империи: чертежи и чертежники горного Урала эпохи де Геннина // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург, 2021. С. 114–127; Цеменкова С. И. Первые картографы горнозаводского Урала: Михаил Силыч Кутузов // Диалог со временем. 2021. №. 75. С. 359–372; Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е–50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. 446 с.

[17] Медведева Л. М. Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград, 2013. 254 с.

[18] Гофман П. Краткая история врачебного искусства. СПб. 1789. 197 с; Рихтер В. М. История медицины в России. Т.1-3. М., 1814–1820; Чистович Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. 416 с.; Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб, 1883. 1033 с.; Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896. 252 с; Лахтин М. Ю. Этюды по истории медицины. М., 1902. 200 с; Лахтин М. Ю. Заготовка лекарственных средств в XVIII в. (Из истории аптечного дела в России) // Фармацевт. 1903. № 34. С. 1167; Лахтин М. Ю. Медицина и врачи в Московском государстве. М., 1906. 140 с.; Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. Санкт-Петербург., 1896. 252 с.; Алелеков А. Н. История Московского Военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею: 1707–1907. М., 1907. 802 с.; Новомбергский Н. Я. Материалы по истории медицины в России: Т.4. СПб., 1905–1910, Томск, 1910. 763 с.; Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. Ленинград, 1926. 274 с.; Страшун И.Д. Русский врач на войне. М., 1947, 142 с.; Знаменательные и юбилейные даты истории медицины / И. В. Венгрова, И. В. Егорышева, Р. С. Рабинович. М., 1956. 19 с.; Мультановский М. П. История медицины. М., 1961. 348 с.; Заблудовский П. Е. История отечественной медицины. М., 1981. 352 с.; Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. 376 с.; Мирский М. Б. Медицина России X–XX веков: Очерки истории. М., 2005. 631 с.; Конюс Э. М. Истоки русской педиатрии. М., 350 с.; Дельвиг В. С. Место и роль Московского госпиталя в истории реформирования российской медицины: 1707–1735 гг. // Общество. Среда. Развитие: (Terra Humana). 2013. № 1 (26) С. 65–70; Бородулин В. И., Банзелюк Е. Н., Бергер Е. Е. XXI век: кому писать историю медицины – врачам для врачей или историкам для историков? // Opera medica historica. Труды по истории медицины. М., 2019. вып.4. С. 42–48.

госпитальных школах и их воспитанниках, характере обучения, научных исследованиях, врачах преподавателях представлены сведения в трудах Б.Н. Палкина[19].

История медицины в России и на Урале, в частности, не может быть представлена только как история институциональных нововведений. В работе доктора филологических наук К.А. Богданова затронута проблема отношения населения к преобразованиям Петра I в сфере медицины, широкому приглашению иностранных лекарей[20].

Стремясь выйти за традиционные рамки только политической или экономической истории, исследователи в качестве нового ракурса выбирают повседневную жизнь человека в различных исторических эпохах. Указанные работы предоставляют информацию о значимости болезней, их роли в истории, войнах, взаимодействии цивилизации, функционировании общества в целом и взаимоотношениях отдельных людей[21].

Проблема изучения состояния медицинского обслуживания на территории Урала раннего Нового времени не становились предметом широкого специального научного исследования. Работы, подробно отражающие учреждения здравоохранения Урала как элемент социальной инфраструктуры дореволюционной России, относятся только к периоду с начала XIX в.[22]

В дореволюционной историографии встречаются лишь краткие упоминания об уральской медицине. В. Берхом в 1826 г. был опубликован дневник В.И. Геннина, инструкция Берг-коллегии ему, отдельные пункты которых содержали сведения о медицине[23]. В. И. Рожков привел сведения об

---

[19] Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М., 1959. 274 с.

[20] Богданов К. А. Врачи, пациенты читатели патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005. 504 с.

[21] Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004 – 398 с.; Михель Д. В. Оспа в контексте истории // Логос. 2007. № 6 (63). С. 17–40.; Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенной преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. 712 с.; Бужилова А. П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005. 320 с.; Бульст Н. Почитание святых во время чумы: социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в Позднее Средневековье // Одиссей. Человек в истории. М., 2000. С. 152–185; Супотницкий, М. В, Супотницкая, Н. С. Очерки истории чумы. М.. 2006. 468 с.; Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб., 2008. С. 41–73.

[22] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: диссертация … докт. ист. наук : 07.00.02. / Эдуард Анатольевич Черноухов. Екатеринбург. 2017. 535 с.

[23] Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов. // Горный журнал. 1826. Кн 4. С. 93–132; Кн. 5. С. 107–149.

отпуске с В.Н. Татищевым лекарств на Урал в 1720 г., но отказе направить лекаря[24].

В заметке Э.А. Пензина сообщалось об открытии госпиталя в Екатеринбурге в 1723 году, его служащих[25]. В постсоветский период внимание к изучению медицины на горнозаводском Урале усилилось. Ю.Э. Соркин привел данные о первых попытках В.Н. Татищева и В.И. Геннина заполучить лекаря на Урал[26]. Роли государственных органов в развитии здравоохранения посвящена статья М.О. Акишина[27]. Краткую справку о начальном этапе становления медицины на Урале представила Т.Ю. Шестова[28]. В.И. Старков кратко изложил нормы «Регламента об управлении Адмиралтейства и верфи» «Регламента о госпиталях», касающиеся его служителей и норм питания больных, отметив, что они использовались и на Урале[29]. Н.С. Корепанов привел данные о лекарях-немцах, трудившихся на Урале, о месте работы лекаря И.И. Спринцеля до его прибытия на Урал, сведения о екатеринбургском и егошихинском госпиталях[30]. А.М. Сафроновой раскрыла роль В.Н. Татищева в организации медслужбы в Екатеринбурге, рассмотрела вопрос о подготовке лекарских и аптекарских учеников, имеющейся медицинской литературе в Екатеринбурге [31].

---

[24] Рожков В. И. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на Уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1884. № 7. С. 94–128.

[25] Пензин Э. А. Первый госпиталь // Вечерний Екатеринбург. 1980. 2 июня.

[26] Соркин Ю. Э. Страницы истории медицины // В одном городе. Кн. 2. Екатеринбург, 1994. С. 20–24.

[27] Акишин М. О. Государство и становление профессиональной медицины в Сибири XVIII века // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем.: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2004. С. 23–28.

[28] Шестова Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. Пермь, 2000. 282 с.

[29] Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX в. Екатеринбург, 2007. 150 с.

[30] Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781). Екатеринбург, 1998. 106 с.; Корепанов Н. С. За семью печатями. Екатеринбург, 1998. 95 с.; Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. 273 с.; Корепанов Н. С. Пермь заводская. 1723–1781. Екатеринбург, 2011. С. 51–52;

[31] Сафронова А. М. Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734–1738 гг.) // Восьмые Татищевские чтения: материалы региональной научной конференции. Екатеринбург, 2010. С. 34–39; Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 51–70; Сафронова А. М. Личная библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2017. 408 с.; Сафронова А. М. Распространение медицинских знаний среди первых лекарских учеников на горнозаводском Урале в 1720–50-е гг. // Модернизация культуры: знание как инструмент развития : материалы VII Международной научно-практической конференции. Самара, 2019. С. 264–268; Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 56–79; Сафронова А. М., Сафронов А. А. Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723–1734 годах // Научный диалог. 2020. № 9. С. 434–453; Сафронова А. М. Первые лекарские ученики при казенных заводах Урала (1722–1734 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всероссийской науч. конф., Т. 1. Екатеринбург, 2020. С. 131–141.

К третьей группе трудов отнесены те, в которых рассматривались вопросы взаимодействия горнозаводских и церковных властей на Урале и организация учреждений общественного призрения. История взаимодействия церковных и государственных властей XVIII в. была актуальной темой для исследователей начиная с XIX в. В 1805 г. митрополитом московским Платоном была опубликована «Краткая российская церковная история»[32]. Государственные реформы Петра I и их непосредственное влияние на церковное управление проанализированы в труде С. Князькова, который проанализировал постепенную политику ограничения власти церковных властей[33]. Взаимоотношения государственной и церковной власти, общие и различные интересы церкви и государства исследовались Н.И. Костомаровым[34]. М.Ф. Владимирский-Буданов предложил периодизацию взаимоотношений церкви и государства[35].

В советский период солидный труд по истории церкви был издан Н.М. Никольским в 1930 г., переиздавался в 1931 и 1985 гг.[36]. Коллективная монография «Русское православие: вехи истории» охватывает многовековой хронологический период истории церкви, «местной тематике» в этом труде не уделено внимания[37]. А.В. Матисон рассмотрела условия жизни духовенства на местах, конфликты клириков друг с другом и представителями других сословий, разнообразные казусы из их семейной жизни, случаи неподобающего поведения[38]. Е.Б. Смилянская, опираясь на материалы почти 600 судебно-следственных дел, возбужденных в России в 1700–1801 гг. по обвинениям в колдовстве, богохульстве и антицерковных выступлениях реформационного характера, провела анализ влияния традиционных верований и культурных инноваций на повседневную жизнь российского общества XVIII в.[39]

---

[32] Левшин П. Г. (Платон) Краткая церковная российская история. М., 1821. 388 с.
[33] Князьков С. А. Из прошлого русской земли. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914. 672 с.
[34] Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1–3. СПб., 1888–1913.
[35] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. 699 с.
[36] Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1931. 398 с.
[37] Русское православие: вехи истории. М., 1989. 720 с.
[38] Матисон А. В. Материалы для истории повседневности православного духовенства России XVIII в. в фондах духовных консисторий // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М., 2014. С. 276–287.
[39] Смилянская Е. Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016. 384 с.

В отношении истории заведений общественного призрения в России отметим иисследования А.Д. Стога[40], Е.Д. Максимова[41]. А.Д. Стог представил широкий круг законодательных актов, посвященных этой проблеме, начиная с древнейших времен до XIX в. Е.Д. Максимов проанализировал типичные причины нищенства и меры борьбы с ним. В.М. Кабузан рассмотрел тему церковного призрения[42]. И.Г. Дурова[43], П.П. Щербинина[44] в своих работах рассмотрели вопрос призрения отставных военных в XVIII в. Попытку проанализировать церковно-приходское призрение в Москве XVIII в. предприняла Н.В. Козлова. Этот историографический опыт примечателен том, что историк анализирует не историю учреждений, а самих субъектов социальных процессов – нищих, больных, скитальцев и полагает, что предметом исследования должны стать «сами жители столицы», «требующие заботы», и механизм определения их в богадельни, социальный и половозрастной состав нищих в них[45]. Вопросы призрения незаконнорожденных детей в XVIII в. получили освещение А.В. Анисимова[46], Р.Е. Азизбаевой[47], Т.Г. Фруменковой[48].

Уральские историки также стали более плодотворно изучать местные аспекты деятельности церковных властей и горнозаводской администрации. Здесь необходимо выделить труды А.В. Мангилевой, которая анализирует духовное сословие на Урале в первой половине XIX в.[49]

---

[40] Стог А. Д. Об общественном призрении в России: Т. 1. СПб., 1818. 114 с.
[41] Максимов Е.Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. СПб., 1901. 136 с.
[42] Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. 256 с.
[43] Дуров И. Г. Пенсионное обеспечение отставных военных и морских чинов в монастырях Русской православной церкви в первой четверти XVIII в. // Меншиковские чтения. 2010. № 1. С. 20–54.
[44] Щербинин П. П. Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII – начале XX в. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2007. № 6/7. С. 6–29.
[45] Козлова Н. В. Нетрудоспособное население Москвы и его социальное обеспечение в XVIII в. (к постановке проблемы) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 2004. № 4. С. 30–42.
[46] Анисимов А. В. Превентивная политика в отношении дезадаптированных несовершеннолетних в России XVIII столетия // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1. С. 237–241.
[47] Азизбаева Р. Е. Госпитали для «зазорных» младенцев петровской эпохи: замысел и его судьба // Петровское время в лицах СПб., 2010. С. 5–7.
[48] Фруменкова Т. Г. Как родилась идея организации воспитательных домов в России // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. № 3. С. 66–70.
[49] Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIXв. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. 252 с.; Мангилева А. В. Бытовая культура духовенства Урала в первой половине XIX в. Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10. С. 202–209; Мангилёва А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2015. 480 с.; Мангилева А. В. Роль приходского духовенства в распространении медицинских знаний в Синодальный период // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 340–346; Мангилёва А. В. Клировые ведомости как источник по истории Русской православной церкви синодального периода // Исторические источники церковного происхождения синодального периода: сборник материалов научной конференции, посвященной 300-летию учреждения Святейшего Правительствующего Синода. М., 2021. 263 с.

Одним из основных вопросов, которые местные власти решали совместно с церковными руководителями, была проблема строительства монастырей. М.Ю. Нечаева в своей монографии и статьях подробно рассмотрела многие аспекты этого вопроса.[50] Отдельные работы, посвящены жизнеописанию святых, которые имели непосредственное отношение к процветанию и развитию православия на горнозаводском Урале[51].

История взаимоотношений церкви и горнозаводской власти рассмотрены в ряде работ, в том числе посвященных истории становления промышленности в регионе. В юбилейном издании, приуроченном к 125-летию Екатеринбургской епархии, коллектив авторов отразил основные вехи истории епархиального управления на территории Урала, жизни приходов, назначения церковных служителей[52]. Информация о строительстве и функционировании церкви Великомученицы Екатерины проанализирована в труде И.Л. Маньковой. Автор на основе архивных документов представила генезис развития «главной Екатеринбургской церкви»[53]. М.В. Голобородский в кандидатской диссертации проанализировал особенности архитектурного строительства храмов Екатеринбурга, привел данные об архитектурно-планировочных и пространственных организациях церковных зданий, существовавших на территории дореволюционного Екатеринбурга, выявил имена инициаторов строительства, стили, особенности храмовых комплексов[54]. А. М. Сафронова рассмотрела противоречия, возникавшие между горнозаводской властью и духовным ведомством в связи с попытками В. Н. Татищева вопреки российскому законодательству обучать детей духовенства в школах горнозаводского

---

[50] Нечаева М. Ю. Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998. 218 с.; Нечаева М. Ю. Взаимодействие центральных и местных властей в управлении монастырями Урала в XVIII веке / // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 90–100.

[51] Капалин М. К. К вопросу об участии священнослужителей во второй Камчатской экспедиции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2(82). С. 219–224; Снегирёв И. М. Арсений Мациевич, митрополит Ростовский и Ярославский. М., 1862. 42 с.

[52] История Екатеринбургской епархии / Е. М. Главацкая, А. В. Мангилева, И. Л. Манькова, В. А. Мусихин, М. Г. Нечаев, М. Ю. Нечаева. Екатеринбург, 2010. 552 с

[53] Манькова И. Л. Храм в сердце и памяти : очерки истории Екатеринбургского Екатерининского собора. Екатеринбург, 2000. 154 с.

[54] Голобородский М. В. Архитектура храмов Екатеринбурга: XVIII–XIX вв. : автореферат дис. ... кандидата архитектуры : 18.00.01 / Михаил Венидимович Голобородский. Екатеринбург, 2003. 22 с.

ведомства в начале 1720-х гг. и в 1735–1740 гг.[55]

По истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. имеется большое число основательных работ[56].

Дореволюционные исследования содержат отрывочные сведения об открытии школ в Екатеринбурге[57]. Н.К. Чупин впервые назвал дату основания екатеринбургских школ – 1724 г. и фамилии первых учителей, привел данные о числе учащихся на 1725, 1727, 1734 гг.[58]

Новые данные о екатеринбургских школах были введены в научный оборот Н.В. Нечаевым в монографии, посвященной горнозаводским школам Урала, Он процитировал первые доношения Геннина в Берг-коллегию 1723–1724 гг. о строительстве помещения для школ, о присылке инструментов, положения «инструкции Геннина» о целях заведения школ и их пособиях. Специальное внимание Н. В. Нечаев уделил методике обучения чтению, письму, арифметике, проанализировал социальный состав учащихся по ведомости школ 1727 г., упомянул о распоряжении 1734 г. провести новый набор школьников в связи с тем, что комплект мест на жалованье был неполон – 57 человек вместо 100[59].

В.Н. Будрин представил особенности функционирования Екатеринбургских школ[60]. Э.А. Пензин опубликовал четыре документа, касавшихся истории екатеринбургских школ: 1727 и 1729 гг. – о пополнении школ и смене учителей; 1728, 1729 гг. – о жалованье учащихся. В статье, посвященной истории первых уральских школ, Э.А. Пензиным назван состав пособий словесной школы на 1725 г., обеих школ – на 1734 г., раскрыты нормы

---

[55] Сафронова А. М. Обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 59-75; Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 71-99.

[56] Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народного образование в России с XVII века до учреждения министерств. СПб., 1874. 142 с.; Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX века: Т.1. СПб., 1912. 24 с.; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. М., 1973. 587 с.

[57] Герман И. Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург. 1810. Т. 1. 240 с.; Меньшенин Д. Об успехах горного промысла в России // Горный журнал. 1829. № 2. С. 147–228.

[58] Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып. 1. Пермь, 1882. 257 с.

[59] Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. М., 1956. 207 с.

[60] Будрин В. Н. Екатеринбургские школы за 200 лет // Екатеринбург за 200 лет (1723–1923). Екатеринбург, 1923. С. 173–175; Будрин В. Н. Предшественники Уральского училища // 100 лет Горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. С. 17–18; Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в.: материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск,1950. С. 45–98.

штатов 1726 и 1734 гг., касавшихся школ, проанализирован состав их учащихся на 1728 и 1734 гг.[61] Краткие сведения о развитии образования на территории горнозаводского Урала в XVIII–XIX вв. приведены в статье В.В. Запария[62]. О процессе формирования системы общего и специального горного образования на Урале написал И.В. Ситников[63].

Вопросы образование и общественного призрения рассматривались Л.А. Дашкевич, однако основной материал был посвящен концу XVIII – первой половине XIX вв.[64]

Значительный вклад в изучение школьного образования на Урале XVIII в. внесла А.М. Сафронова, автор многих статей, обобщенных в монографиях, посвященных истории культуры и образования на Урале. В ее работах отражен первый этап развития школ в 1721–1725 гг., история екатеринбургских школ 1724–1734 гг, первых иноязычных школ Екатеринбурга, вклад В. Н. Татищева в развитие образования на Урале, многочисленные проблемы жизни школ: формы профессиональной подготовки школьников, обеспечения школ учебной литературой, бегство учеников, место екатеринбургских школ в образовательной сфере России. Работы А.М. Сафроновой посвящены истории грамотности населения Урала, системе учебных заведений Урала XVIII – начала XX вв. Автор в своих трудах анализирует нормативные акты всероссийского и регионального

---

[61] Пензин Э. А. Из истории екатеринбургских школ в 1720–1730 гг. (по документам Сибирского обербергамта) // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 124–132; Пензин Э. А. Школы при горных заводах Урала в первой трети XVIII в. (по документам местных органов горнозаводского управления) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 57–75; Пензин Э. А. Первые иноязычные школы Екатеринбурга // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в. Свердловск, 1990. С. 13–30.

[62] Запарий В. В. Первые шаги металлургического образования на Урале // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2004. С. 226–230.

[63] Ситников И. В. Процесс формирования системы общего и специального горного образования на Урале в XVIII – первой половине XIX столетий // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2004. С. 259–263.

[64] Дашкевич Л. А. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Металлургические заводы и крестьянство. Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в ранне-индустриальный период: сб. статей. Екатеринбург, 1992. С. 87–94; Дашкевич Л. А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 103–124; Дашкевич Л. А. Управление делом «общественного призрения» в Пермской губернии XVIII – первой половине XIX веков // Первые Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2001. С. 52–64; Дашкевич Л. А. Уральские горнозаводчики и рабочие XVIII – первой половине XIX вв.: опыт социальной политики в промышленности // Развитие металлургического производства на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 64–70; Дашкевич Л. А. Формирование института призрения детства в Пермской губернии: государственная и частная инициатива // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2009. Вып. 7. Ч. 1. С. 141–149

и характера, регламентировавшие организацию школ[65].

Подводя итог обзора и анализа отечественной историографии по теме исследования, можно сделать вывод о том, что история социальной инфраструктуры рассматривалась в контексте изучения институциональной истории уральского региона.

При всем многообразии дореволюционных работ, посвященных горнозаводскому Уралу, основное внимание уделялось оценке ресурсной базы региона, формам добычи железа, эффективности производства заводов, обеспеченности лесами. В результате, повседневная жизнь заводских поселков, развитие социальной инфраструктуры, связанной с лечением работников, школами, богадельней, иными проблемами оставалась без должного внимания. Ограничившись описанием труда мастеровых и работных людей, косвенно затронув вопросы условий жизни населения, дореволюционные авторы не ставили задач глубокого рассмотрения проблем социального обеспечения жителей казенных заводских поселков.

В советский период историки главным образом концентрировались на расширении конкретных знаний об отдельных сторонах промышленного производства, осмыслении проблемы формирования рабочего класса, капиталистического уклада в истории заводского хозяйства Урала. Активно изучали проблему классовой борьбы и антиправительственных выступлений рабочих кадров на заводах. Но об условиях жизни населения уральских заводов можно найти лишь отдельные сведения, по ним невозможно составить цельную картину о непроизводственной инфраструктуре формирующихся поселков казенных заводов.

Современные исследователи активно изучают быт, жизнеобеспечение

---

[65] Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. 144 с.; Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002. 120 с.; Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. 355 с.; Сафронова А. М. Первая немецкая школа раннего Екатеринбурга. Екатеринбург, 2019. 196 с.; Сафронова А. М. Первые арифметические школы Урала (1721– 1725) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 1. С. 118–132; Сафронова А. М. В.Н. Татищев и организация первых словесных школ на Урале // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 482–496.

горнозаводского населения. Однако в большинстве случаев это труды, в которых проблемы функционального обеспечения жизнедеятельности населения, затрагиваются, да и то в общей форме только с конца XVIII в. Изучались как самостоятельные элементы медицинские и образовательные учреждения, рассматривались вопросы определения статуса заводских поселений, истории строительства церквей. Наиболее изученной является история заводских школ. Однако неравномерная изученность социальной инфраструктуры заводских поселков Урала потребовала комплексного ее освещения.

Научная новизна исследования состоит в проведении комплексного исследования социальной инфраструктуры заводских поселков казенных заводов Урала. Впервые в отечественной исторической науке на основе широкого круга архивных источников представлена организация жизнедеятельности жителей казенных заводских поселков, дана общая характеристика численности, состава, оплаты труда работников казенных заводов. Раскрыты условия жизни населения, в том числе стоимость жилья, размер приусадебного хозяйства, условия отдыха, количество выходных и праздничных дней, стоимость продуктов питания. Реконструирована история формирования системы заведений социальной инфраструктуры Урала первой половины XVIII в. Проанализирована специфика социальных учреждений, функционально обеспечивающих нормальную жизнедеятельность населения казенных горнозаводских поселков.

Методология и методы исследования. Осмыслить все многообразие социальных практик, контактов, институтов, обеспечивающих формирование и функционирование социальных отношений в казенных заводских поселках возможно на теоретической основе социальной истории[66]. Учитывая, что спектр вопросов современной «социальной истории» имеет «такой всеохватывающий масштаб», который «чреват утратой предмета исследования»,[67] ограничимся изложением проблематики, непосредственно касающейся исследования.

---

[66] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). СПб., 2003. 587 с.
[67] Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / В. А. Аракчеев, Е. В. Бородина, К. Д. Бугров и др. СПб., 2018. С. 21.

В качестве методологической основы используется теория социального пространства. В социальное пространство казенных заводов Урала входят заводские поселки, горная администрация, находящиеся на подведомственной ей территории церковные учреждения и служители, богадельни, школы и все объекты гражданской инфраструктуры, обеспечивающие быт населения – питейные заведения, бани, жилища и приусадебные хозяйства. Наиболее влиятельным агентом на подконтрольной территории выступают горнозаводские чиновники, взаимодействующие и оказывающие влияние в административном поле на прочих агентов сформированного социального пространства: всего население в сфере социального обеспечения здоровья и поддержания приемлемого уровня жизни. Применение теории социального пространства к населению казенных заводов оправдано еще и в том смысле, что по мнению П. Бурдье, социальное пространство часто уподобляется физическому: субъекты, занимающие близкие социальные позиции, склонны к обособлению, они стремятся сблизиться по своему желанию или необходимости в физическом пространстве[68]. Таким образом, представители различных социальных групп жителей горнозаводских поселков, объединенные одной территорией проживания, вполне могут быть соединены одним социальным пространством в рамках своей принадлежности к горнозаводской работе.

В отечественной социальной истории сохраняется проблема, отмеченная Б.Н. Мироновым – нечеткость и формальный характер используемого в исторической социологии и социальной истории понятийного аппарата[69]. Для объяснения методологической основы исследования приведем толкование французского социолога Пьера Бурдье. Описывая социальное пространство, П. Бурдье понимает его «как поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в

[68] Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
[69] Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2018. 896 с.

сохранении или трансформации структуры этих позиций»[70].

Понятие «социального пространства» не является исключительно социологической дефиницией, находит применение в исторических исследованиях. В частности, в статьях, близких проблематики исследования, М. Лавринович отталкиваясь от теории социального пространства П. Бурдье и используя его концепт «социального капитала», описывает жизненные стратегии богаделенных начала XIX в., рассматривает их индивидуальный социальный опыт и применяемые ими альтернативы институциональному призрению[71]. Е.В. Бородина использует понятие «социального пространства» для анализа поселенческих структур ссыльных и каторжных в Екатеринбурге первой трети XVIII в.[72] Неоднократно термин «социальное пространство» в различных контекстах употребляется в коллективной монографии под редакцией Д.А. Редина «Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования»[73].

Прямое следование социологическим теориям при изучении истории XVIII в. следует признать невозможным из-за недоступности для историка методов наблюдения, эксперимента, анкетирования, опроса. Это методическое ограничение можно преодолеть только тщательным анализом текстов исторических источников, включая те, ценность которых состоит «в демонстрации поведения индивидов»[74].

Помимо социальной истории рассмотрение широкого круга сюжетов, связанных с бытом и условиями жизни населения, потребовало привлечения историко-антропологических подходов.

Антропологически ориентированные подходы и методы микроанализа занимают значительное место в «новой исторической науке». Известно, что

---

[70] Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М., 2005. С. 554–560.
[71] Лавринович М. Б. Социальный капитал vs социальное дисциплинирование: Шереметевский Странноприимный дом и его обитатели в 1810–1811 гг. // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert. С. 1–39.
[72] Бородина Е. В. Каторжные и ссыльные в Екатеринбурге в 1723 – конце 1730-х гг.: к вопросу о формировании социального пространства города // Genesis: исторические исследования. 2020. №11. С. 14–26.
[73] Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / В. А. Аракчеев, Е. В. Бородина, К. Д. Бугров и др. СПб., 2018. 722 с.
[74] Redin D., Soboleva L. Dialogue: objectives, boundaries, forms // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. No 3. P. 638.

первопроходцами в области создания новой исторической науки были основатели «Анналов» М. Блок[75] и Л. Февр[76], создатели исторической антропологии, знаменовавшей «возврат к человеку» в гуманитарных исследованиях[77].

Понимание исторической антропологии в ее современных воплощениях как направлений социальной (социокультурной) истории, для которых характерно изучение социальных структур и их восприятия современниками в их взаимодействии, взаимовлиянии, а также использование в качестве инструмента исследования, «социального микроскопа», присуще П. Берку[78], К. Гинзбургу[79], Дж. Леви[80], Н. Дэвис[81], Х. Медику[82], И. Нарскому[83].

Ю.А. Поляков считает, что тема «человек в повседневности» близка к социальной истории. «История, пишет он, это, прежде всего, повседневная жизнь, опрокинутая в прошлое», а двуединая задача историка показать и человека и обстановку»[84]. Он включает в феномен повседневности три блока: 1) жизненные условия (жилье, пища, одежда, транспорт); 2) семья, брак, любовь, демография; 3) досугово праздничная сфера[85].

По мнению В.Д. Лелеко, теоретическая модель повседневности должна включать следующие компоненты: а) вещно предметный (мир вещей); б) стереотипы жизни (процессы одевания, приёмы пищи и др.), т. е. набор сценариев и повседневных ритуалов (суточный ритм); в) формы взаимодействия и общения людей[86]. Учёный предлагает изучать следующие аспекты

---

[75] Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенной преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. 712 с.
[76] Февр Л. Бои за историю. М., 1991. 632 с.
[77] Редин Д. А. «Человеческое» измерение власти (субъективный взгляд историка) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011. № 3 (32). С. 4.
[78] Берк П. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории, 1993. Образ «другого в культуре». М., 1994. С. 272–283.
[79] Гинзбург К. Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей. Человек в истории. 1900. М., 1990. С. 132–146.
[80] Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 191–206.
[81] Дэвис Н. З. Возвращение Мартина Герра. М., 1990. 208 с.
Дэвис Н. З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999. 400 с.
[82] Медик, Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1994. Т. II. Вып. 4. С. 193–202; Медик Х. Культура уважения: одежда и ее расцветка в Лайхингене (1750–1820) // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002. С. 222–243; Медик Х. Народ с книгами. Домашние библиотеки и книжная культура в сельской местности в конце раннего Нового времени. Лайхинген (1748–1820) // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 181–222.
[83] Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 613 с.
[84] Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. кн. 2. М., 2004. 350 с.
[85] Поляков Ю. А. Человек в повседневности: исторические аспекты // Отечественная история. 2003. № 3. С. 125–132.
[86] Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002. 320 с.

повседневной культуры: микро и макросреду обитания (дом), телесные потребности человека (пища, одежда, медицина), круг жизни, семью и макросоциальные группы, досугово развлекательную и праздничные сферы[87].

Разумеется, в основу исследования были положены базовые принципы историзма и объективности, требующие как анализа событий и фактов в их совокупности и многосторонности, так и предусматривающие рассмотрение влияющих и обусловливающих друг друга процессов и явлений.

Изучение поставленной проблемы потребовало привлечения общенаучных и специальных исторических методов.

Для решения задач исследования был применен историко-системный подход, который предполагает рассмотрение становления социальной инфраструктуры в рамках взаимодействия высших органов власти, центральных органов управления с уральским начальством, взаимоотношений горнозаводского ведомства с церковными властями. Если обобщить суть системного анализа, то она сводится к формуле: все явления, события, проявления окружающего мира находятся во взаимосвязи с другими явлениями, событиями и объектами[88].

Для изучения социального пространства поселков казенных заводов в рамках анализа развития как конкретного исторического явления был применен историко-генетический метод. По своему содержанию этот метод в наибольшей степени позволяет реализовать принцип историзма, суть которого состоит в рассмотрении исторических явлений и процессов с точки зрения того, как они возникли, какие основные этапы в своем развитии прошли и чем стали, то есть, он ориентирует на изучение объекта как системы, развивающейся во времени[89]. Иными словами, историко-генетический метод нацелен на изучение конкретных исторических явлений в их развитии, его основной задачей является не поиск общих тенденций и закономерностей, а осмысление уникальности исторической практики и ее специфических вариаций, к которым вполне может быть отнесена

---

[87] Короткова М. В. Культура и быт России с древнейших времён до XX века. М., 2009. 256 с.
[88] Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 419, 423–424.
[89] Там же, С. 474–493.

социальная инфраструктура казенных заводов Урала.

Источники. Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Среди опубликованных документов особую важность имеют законодательные и нормативно-правовые акты, выявленные на страницах Полного собрания законов Российской империи, которыми руководствовалась в своей деятельности горнозаводская администрация Урала в первой половине XVIII в. Это и Соборное уложение 1649 г., нормы которого принимались в расчет при вынесении решений о наказаниях, как и Воинского Устава 1716 г., Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г., Генеральный регламент о госпиталях 1735 г., служившие руководящими документами в организации медицинского обслуживания населения; указы именные и Сената о борьбе с бродячими нищими, определении их в богадельни и монастыри, призрении престарелых, отставных, сирот; указы Синода, регламентировавшие поведение прихожан в церквах, и др.[90]

Важным источником является «Описание Уральских и Сибирских заводов» 1735 г. В.И. Геннина, в котором наряду с глубокой характеристикой производства, приведены нормы заводских штатов, данные о числе работников, их жилищах, характеризуются окрестности заводских поселков и т. д.[91]

Использовались Наказы заводским комиссарам Т. Бурцеву 1721 г. и Ф. Неклюдову 1723 г., разработанные В. Н. Татищевым (второй утвержденный новым главой заводов В.И. Генниным), в которых регламентировались обязанности комиссара, в том числе в отношении наказаний работников, содержания драгун, оплаты труда, организации школ, богаделен, в Наказе 1723 г.– о содержании корчмы при заводе, обязанностях лекаря, содержании аптеки, поддержании порядка в поселении, мерах противопожарной безопасности[92]. Были

---

[90] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т. 5. № 3006; Т. 6. № 3534, № 3937; Т. 9. № 6852 и др.
[91] Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов 1735. М., 1937. С. 95–101.
[92] Татищев В. Н. Записки. Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. 438 с.

привлечены доношения В.И. Геннина Петру I и Екатерине II о присылке лекаря[93].

В качестве источников использованы европейские и отечественные фармакопеи и травники XVII-XVIII вв., на страницах которых приводились описания лекарств, их характеристики, описывались способы приготовления, давались рекомендации применения для лечения конкретных болезней[94].

Основу исследования составили документы Государственного архива Свердловской области, сосредоточенные в фонде 24 «Уральское горное управление». По изучаемой теме в составе первой описи фонда насчитывается более тысячи дел объемом до 800 листов, не имеющих четких заголовков, не все из них имеют и внутреннюю опись. В ходе исследования было просмотрено более 400 дел, что позволило по крупицам выявить необходимый материал.

Всю документацию условно можно разделить на распорядительную, информационно-отчетную, прошения. Полностью сохранился комплекс поступивших из высших и центральных учреждений России распорядительных документов, откуда поступали и копии законодательных актов. Это именные указы, Кабинета министров, Сената и Синода, Берг-коллегии, Коммерц-коллегии, Генерал-берг-директориума, восстановленной в 1742 г. Берг-коллегии. Без позволения Берг-коллегии уральское начальство не могло решить многие вопросы: строительства казенных домов, оплаты труда, заведения хозяйства работниками, снабжения их предметами первой необходимости и иные житейские проблемы. В фонде 271 «Берг-коллегия» в РГАДА отложились доношения с отчетами, запросами о позволении решить тот или иной вопрос,

---

[93] Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I /сост., вступ. ст., коммент. М.О. Акишин. – Екатеринбург, 1995. С. 20–21.

[94] Fagino E. Dispensatorivm Regivm Et Electorale Borvsso-Brandenbvrgicvm. Erford, 1734. 278 p.; Gottfried R. W. Med. D. und Practici in Leipzig, Gründliche Anleitung zur Chymie : Darinnen nicht nur Die in der derselben vorkommenden Operationes, und die ... entstehende Producta, sondern auch Die Præparationes derer besten Chymischen Medicamenten aufrichtig beschrieben sind / Von neuen durchgesehen, von ... vielen unrichtigen Dingen gesäubert, Hingegen aber ... mit nötigen Anmerckungen ... vermehret von D. Samuel Theodor Quelmaltz Physiol. Prof. Publ. Ord. Sechste vermehrte und verbesserte Auflage. Leipzig, 1745. 297 p.; Lewis W., Aikin J. An Experimental History of the Materia Medica, Or of the Natural and Artificial Substances Made Use of in Medicine Containing a Compendious View of Their Natural History, an Account of Their Pharmaceutic Properties and an Estimate of Their Medicinal Powers. London : London, 1791. 504 p.; Michaelis Ettmülleri ... Opera omnia: nempe, Institutiones medicinae, cum notis; collegium practicum generale & speciale de morbis virorum, mulierum ac infantium. Collegium chirurgicum. Notae in Morelli methodum de formulis medicamentorum praescribendis; in Ludovici Dissertationes pharmaceuticas. Frankfurt am Main, 1688. 1616 p.; Murray J. A System of Materia Medica and Pharmacy. New-York, 1824. 560 p.

протоколы заседаний с вынесенными определениями, поступавшими затем в форме указов на Урал. Аналогичные документы имеются и в ГАСО, поэтому материалы РГАДА использованы в исследовании в небольшом объеме.

Ценной разновидностью документов являются определения уральского начальства, рассылавшиеся по горным начальствам и заводским конторам в виде указов. Оттуда поступали доношения и рапорты, касавшиеся вопросов производства, возведения домов, уровня цен на провиант, морального климата населения поселков. Ценны годовые отчетные ведомости и приемно-сдаточные документы о передаче всего заводского хозяйства от одного управителя завода другому, в котором содержались сведения об основных постройках и припасах. Однако можно констатировать, что интересующий материал можно найти в любом из дел. В качестве пример приведем дело, озаглавленное «Об убеге от Л. Угримова дворового человека». Исходя из названия оно не относится к теме исследования, но оказалось - Л. Угримов (главный начальник Канцелярии) послал дворового от своего имени пригласить гостей. Последний исполнил волю хозяина своеобразно. Всем гостям сказал, что хозяин просит на стол взять серебряную посуду. Собрал ее всю у приглашенных и сбежал. Расследование подтверждает сведения об ассортименте дорогостоящей в то время посуды у части офицерского корпуса, служащих.

Особую ценность имеет промемории уральского начальства. В исследуемый период коммуникации горнозаводской власти с Медицинской канцелярией в Москве были крайне ограничены. Она не требовала еще с мест отчетности о состоянии госпиталей, количестве больных. Статистическая отчётность в то время фактически или не существовала, или же находилась в стадии зарождения. Переписка и деловые связи велись (вновь только через горнозаводские органы) о выполнении заявок на присылку лекарств, направлении на Урал лекарей, о подготовке младшего медперсонала. А местные власти интересовала лишь отчетность о правильном отчислении с работников половинных денег в казну за время нахождения в госпитале.

Среди документов, освещающих организацию медицины, следует особо

выделить списки заказов медикаментов, выписывавшихся из аптек Москвы, ведомости отправки медикаментов из центра на Урал, а из Екатеринбурга – на удаленные заводы, на основе которых можно реконструировать состав болезней и конкретных лекарств, употреблявшихся для их лечения. Журналы учета больных, ведущихся в Екатеринбургском госпитале, позволяют судить о том, с какими заболеваниями работники, школьники принимались на лечение, из каких поселений, об уровне травматизма на производстве, характере этих травм и эффективности лечения, количестве мест, доступных для жителей и доступности медицинских услуг в целом. Отчеты, составлявшиеся лекарями о препаратах, выданных для амбулаторного лечения горным офицерам и их женам, дополняют представления о характере заболеваний, которыми страдали эти категории жителей, в частности, о лекарствах, выписанных В.И. Геннину.

Особое значение для характеристики отношений с губернской властью имеют несколько дел, содержащих промемории, отражающие проблемы строительства и освящения церквей в заводских поселках, заботу о престарелых, возведении богаделен. Значительное место уделено вопросам соблюдения жителями культовых мероприятий, от присутствия на литургии до исповеди и причастия. Именно промемории содержат сведения о конфликтах, имевших место между горнозаводской властью и служителями Церкви в епархии.

В небольших по объему фондах казенных заводских контор (Ф. 39, 88, 89, 578, 581) переписка управителей заводов с уральским начальством, более ценная информация отложилась после перехода казенных заводов в частные руки в 1750-е гг. Некоторое исключение составляет Ф. 27 Каменского завода, но и здесь дублируются в целом документы фонда 24. То есть почерпнуть сведений из заводских фондов по теме исследования также сложно. В качестве примера приведем книгу коллектива авторов об Уктусском заводе[95], хотя фонд завода в архиве есть, материалы по истории первой половины XVIII в. авторы взяли именно из дел Уральского горного управления[96].

---

[95] Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. / В. И. Байдин, В. Ю. Грачёв, Ю. В. Коновалов, А. Г. Мосин. Екатеринбург, 2011. 68 с.
[96] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222, 324 и др.

Только 8 дел сохранилось в фонде № 398 «Туринский заводской госпиталь», только одно из них – о присылке лекарств – хронологически относится к теме исследования. Из фонда 59 «Чертежная Уральского горного начальства» использованы рисунки и чертежи заводских поселков, но они сохранилось и в делах 24 фонда Уральского горного управления.

В целом, можно утверждать, что тема исследования вполне обеспечена источниками и они вполне репрезентативно отражают проблемы, раскрывающиеся в нем.

Положения, выносимые на защиту.

1) В первой половине XVIII в. на Урале шло активное строительство казенных заводов, и горнозаводское ведомство в поселениях при них организовывало строительство казенных квартир для работников, поощряло возведение ими собственных домов, в качестве важного дополнения к оплате труда – разведение скота, предпринимало меры по борьбе с его падежом, выделяло участки под покосы; брало на себя организацию ярмарок и торжков для обеспечения населения продуктами питания, одеждой, обувью; доставку в поселения таких важных для питания продуктов как хлеб и соль.

2) Власти предпринимали особые меры и для поддержания нравственного климата в поселениях, посещения населением богослужений, вели борьбу с пьянством, игрой в карты на деньги и другими нарушениями поведения жителей.

3) С начала 1720-х гг. начинает формироваться система медицинского обслуживания населения, проживавшего в поселениях при казенных заводах: приглашаются из Москвы и Петербурга медицинские кадры, открываются первые госпитали, организуется доставка медицинских лекарств из центра, их рассылка по заводам, выписывается медицинская литература; разрабатываются нормативные документы, регламентирующие организацию медицинского обслуживания населения.

4) Все медики, приглашаемые из столиц, лекари и штаб-лекари, аптекари, были немцами, в Екатеринбурге в 1734–1737 гг. трудился доктор

медицины англичанин Д. Грив, горнозаводские власти организовали обучение при них лекарских и аптекарских учеников из русских, таким образом были подготовлены собственные кадры подлекарей и лекарей, начавших обслуживать жителей поселений при казенных заводах не только Урала, но и Сибири.

5) С начала 1720-х гг. складываются тесные взаимоотношения горнозаводской и духовной власти на территории заводского ведомства. Горнозаводское ведомство выступало инициатором строительства церквей в новых поселениях при заводах, откликалось на просьбы мирян об их открытии, обеспечивало их строительство, участвовало в формировании внутреннего пространства храмов; проводило политику, поощрявшую тесное взаимодействие священно- и церковнослужителей и мирян.

6) В период руководства заводами В. Н. Татищева (1734–1739 гг.) и в начале 1740-х гг. взаимоотношения светской и духовной власти обострялись из-за вмешательства горного ведомства в процедуру посвящения в священнослужители, привлечения в горнозаводские школы вопреки законодательству детей духовенства и других противоречий, что потребовало вмешательства в 1740 г. Синода, а в 1742 г. и Сената.

7) Горнозаводское ведомство открыло школы при первых казенных заводах в 1721 г., зачисляло в них детей не только с заводов, но и из приписных слобод, в 1725–1734 гг., действовали две школы при Екатеринбургском заводе, в которые периодически зачислялись дети из поселений Уктусского, Верх-Исетского, Алапаевского и Каменского заводов. В 1735 г. поставлена задача открытия словесных и арифметических школ при всех казенных заводах, но из-за нехватки учителей и малого числа детей из ряда заводских поселений их забирали в школы близлежащих заводов. Ни одно ведомство России в 1730-е гг. не имело такого широкого охвата обучением детей, но с конца 1742 г. из-за хронического перерасхода штатных сумм сокращается сеть школ и состав учащихся, в школы Екатеринбурга начинают зачисляться дети из поселений Верх-Исетского, Уктусского, Каменского и Сысертского заводов.

Теоретическая и практическая значимость. Учитывая важность

изучения социальной инфраструктуры в общем контексте развитии российской экономики, укреплении системы государственности, стимулировании регионального развития, управляемости территорий, эмпирический материал, накопленный и проинтерпретированный в диссертационном исследовании, может стать значимым компонентом при создании общих трудов по указанным направлениям, одним из верифицирующих комплексов для профильных социологических и историко-экономических теорий. На основе результатов данной работы возможно написание и обновление общих и специальных курсов по истории России и уральского региона для высшей школы. Информация, аккумулированная в диссертации, пригодна для разработки регионального компонента по истории в программе школьного обучения, в организации тематических музейных выставок, историко-познавательных туристических маршрутов, при планировании создания исторических парков, историко-культурной реновации территорий и т.п.

Полученные результаты могут быть использованы в исследованиях по социальной инфраструктуре уральского региона первой половины XVIII в; будут полезны в качестве материала для написания обобщающих трудов, рассматривающих эволюцию региональной политики в деле медицинского обеспечения, борьбы с нищенством, взаимодействия государственных органов и церковных властей.

Степень достоверности исследования. Достоверность выводов исследования основывается на использовании основных принципов исторической науки (историзма, объективности и всесторонности) и применении общенаучных, специальных исторических методов исследования. Они позволили комплексно исследовать социальную инфраструктуру казенных горнозаводских поселков Урала. Положения, выносимые на защиту, обоснованы материалами широкого круга архивных источников, позволяющих интерпретировать известные и новые факты, обосновывать выводы через сопоставления сведений из различных документов. В исследовании учтено дореволюционное, советское и современное историографическое наследие.

Отдельные положения диссертации были подвергнуты рецензированию и оценке при подготовке к публикации статей в научных журналах, а также в рамках рассмотрения заявок и итоговых отчетов по научным грантам.

Апробация результатов исследования. Положения и выводы диссертационного исследования были апробированы на семи конференциях международного (Магнитогорск, 2019; Нижний Тагил, 2019; Симферополь, 2019, 2021), всероссийского (Екатеринбург, 2020, 2022, 2022) уровней. Основные результаты исследования изложены в двенадцати научных публикациях автора общим объемом 7,2 п. л. (авторская доля 6,5 п. л.), в том числе в четырех статьях в рецензируемых журналах ВАК объемом 5,0 п. л. (авторская доля – 4,3 п. л.). Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Глава 1. Казенные заводские поселки: организация жизнедеятельности населения

1.1. Общая характеристика населения: численность, состав, управление, оплата труда

Поскольку в круг проблем данной главы входят различные аспекты как производственного, так и бытового уровня жизни населения казенных заводов, необходимо хотя бы кратко представить общие сведения о становлении и развитии уральской казенной промышленности. Общеизвестно, что в первой половине XVIII в. Россия, благодаря главным образом Уралу, вышла на первое место в Европе по производству металла. Важную роль в этом сыграли казенные заводы, которых в исследуемый период было построено 24, а именно:

Таблица 1

Перечень казенных заводов Урала в первой половине XVIII в.[97]

Наименование завода	Дата пуска	Наименование завода	Дата пуска
Каменский	1701	Висимский	1736
Алапаевский	1704	Юговской (нижний)	1736
Уктусский (нижний)	1704	Сусанский (нижний)	1737
Екатеринбургский	1723	Сылвинский	1738
Лялинский	1723	Кушвинский	1739
Пыскорский	1723	Мотовилихинский	1739
Егошихинский	1724	Туринский	1739
Полевской	1724	Северский	1739
Синячихинский	1724	Юговской (верхний)	1740
Верх-Исетский	1726	Баранчинский	1749
Уктусский (Цесаревны Елизаветы)	1726	Уткинский	1749
Сысертский	1733	Сусанский (верхний)	1753

Все заводы можно объединить в «кусты». В Пермский «куст» входили два Юговских, Пыскорский, Мотовилихинский, Егошихинский, Висимский заводы. Центром был Пыскор, а с 1735 г. – Егошихинский завод. Остальные заводы составляли «куст», во главе которого был Екатеринбург. Расположение заводов представлено на карте (Приложение № 1).

В ведении Сибирского обер-бергамта, а затем Канцелярии Главного заводов правления находились также Нерчинский сереброплавильный и

[97]Составлено по: История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989.С. 262–263; Григорьев Э. А., Черноухов А. В. Уникальные памятники истории: Жеребья. Печатки. Штемпели. Екатеринбург, 2013. С. 244–282.

свинцовый завод, с 1723 г. перешедший в ведение горнозаводской администрации, Луказский и Ирбинский заводы, подчиненные Красноярскому горному начальству, заводы в районе Якутска. Они работали в 30-е – середине 40-х гг. XVIII в. Краткие сведения о жизни в поселениях этих заводов, в рамках проблематики исследования, будут фигурировать в главах работы.

В российской экономической науке преобладают два подхода к толкованию понятия «инфраструктура». Согласно первому, инфраструктура есть совокупность различных условий, без которых невозможно развитие материального производства и удовлетворение потребностей населения. В соответствии со вторым инфраструктура трактуется как вся общность объектов и инженерно-технических сооружений, обеспечивающих функционирование производственных предприятий[98]. Именно первый подход, как представляется, целесообразно использовать в данном исследовании, поскольку это позволит в комплексе рассмотреть материально-бытовые условия жизни, медицинское обслуживание населения казенных заводских поселков, деятельность образовательных и церковных учреждений.

Во введении было отмечено, что специалисты, изучающие проблему, не имеют единого мнения о типологии и природе заводских поселков. Тем не менее, обобщив и проанализировав опубликованные данные и сведения архивных документов, отметим следующее. При выборе места под завод прежде всего учитывались факторы природно-географические, важнейшим из которых была река – ее полноводность и сила течения, специфика почвы и рельеф берегов.

Необходимо было найти место, где бы она, запруженная плотиной, с образованием пруда могла дать необходимую энергию для производства, место под плотину определяло будущее расположение поселка. Формирование же селитьбы было задачей второстепенной, поскольку жилую застройку было значительно проще разместить на выбранной местности.

Все заводы «эпохи Геннина» построены по заранее подготовленным

---

[98] Кузнецова А.И. Инфраструктура: Вопросы теории, методологии и прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Геоэкономический подход. М., 2013. 456 с.

чертежам. Например, Екатеринбургскую крепость проектировали специалисты, выпускники Морской академии. Сама застройка крепости-завода велась также по чертежам, созданным при личном участии В.И. Геннина. По чертежам в Екатеринбурге строились и первые жилые дома. В более поздний период вся частная застройка в городе отслеживалась полицмейстерской конторой. Контролировала горная администрация и застройку слобод. Тем не менее, необходимо оговорится, что ряд казенных заводов, построенных ранее – Каменский, Алапаевский, Уктусский – такой четкой организации застройки не имели и заводские поселки здесь выглядели иначе (Приложения № 2–11).

Но постепенно, с притоком населения, площадь изначальной селитьбы разрасталась, выходя за рамки установленной заранее планировки, адаптируясь, в том числе, и к специфике рельефа местности. При этом дома чаще всего «теснились» к реке, располагались по обе ее стороны. Примером может служить Мельковская слобода, возникшая практически непосредственно за стенами Екатеринбургской крепости на северо-востоке, где основой для организации слободы стала речка Мельковка. Поскольку вода в домашнем хозяйстве имела огромное значение, она могла спасти жилье и от пожара. А их, к сожалению, в первой половине XVIII в. было много, горели не только заводские строения, но и дома жителей.

При изучении социальной жизни заводского населения необходимо учитывать, что заводы, за исключением Екатеринбургского, Верх-Исетского и еще одного-двух в этот период, объективно не имели возможности значительно наращивать производство. Перекрытые плотинами небольшие реки образовывали пруды, могущие дать лишь ограниченный, но в какой-то мере стабильный объем воды для производственных мощностей доменных, медеплавильных печей, молотовых и других фабрик, поэтому у властей не было постоянной нужды в пополнении заводов новыми кадрами. В итоге количество населения заводских поселков росло медленно или вообще находилось на одном уровне. Но если на каком-то заводе сокращалось производство, или же, наоборот, рождался новый завод, работников с семьями переводили на другие предприятия.

Население заводских поселков главным образом составляли мастеровые и работные люди. Оно формировалось в основном путем привлечения специалистов из окрестных сел и деревень. Общеизвестен факт – на Урале в конце XVII в. – первых десятилетий XVIII в. было много мелких кузниц, доменок, плавильных печей (только в 1717 г. последовал указ о их запрете). Значит были и специалисты. В 1721 г. В.Н. Татищев издал распоряжение, которое велел распространять по всем населенным пунктам Урала – принимать на работы всех желающих – мастеровых и ремесленников, обещая им стабильные выплаты и казенные инструменты. Они составляли основу состава жителей, «лучших людей» поселков. Многие вырастали до подмастерьев и мастеров.

Эту категорию населения дополняли рекруты. В.И. Геннин добился издания указа Сената от 14 июля 1725 г., которым разрешалось приписных к заводам крестьян, зачисленных в число рекрутов, вместо отправки в армию определять на заводские места. Они проходили этап ученичества, получали квалификацию, становились мастеровыми и работниками[99]. Рекруты часто прибывали на заводы женатыми, им разрешали строить дома.

Другая часть рекрут пополняла ряды екатеринбургских караульных рот, распределялась на заводы для несения караульной службы, многочисленных курьерских разъездов. Караульная служба не была слишком тягостной. Единственное исключение составляла отправка их на длительный срок в команде охраны казенных караванов с продукцией заводов в Москву и Санкт-Петербург. При этом нужно отметить, что у всех солдат было стабильное место службы. Многие были женаты, имели дома в заводских поселениях. Они имели право на оплачиваемый отпуск.

Эта относительная свобода очень часто приводила к негативным явлениям – пьянству, нерадению по службе. И, как следствие, к социальной напряженности жизни населения в поселке. В связи с очередным нарушением практически все отвечали: «в штрафах за пьянство и за протчие в пьянстве

[99] РГАДА. Ф. 271. Оп.1. Д. 5. Л. 180 об.

продерзости бит плетми», «батожем и палкою бывал [бит] неоднократно, а сколько раз, того не упомню» и.т.п. Решения о наказании на основе Военного артикула 1722 г. должны были применяться строгие, в плоть до смертной казни, но начальство учитывало: солдаты «в карауле стояли не в опасных местах, при уходе с поста или сне никакого вреда не приключилось, поэтому прогнать шпицрутенами чрез полк каждого по двенадцати раз и быть им по-прежнему в службе»[100].

Относительно большую прослойку жителей заводских поселений составляли бобыли. Потеряв по каким-либо причинам земельный надел, они, большей частью с женами, «прибивались» к заводам. Источники фиксируют бобылей на Урале с XVII в., еще до начала строительства казенных заводов[101]. Они выполняли «поторожние», то есть вспомогательные работы, перевозили грузы. Фактически их судьбу решил В.И. Геннин в 1725 г., когда распорядился «думать» членам Сибирского обер-бергамта, какими видами работ занять бобылей, и разрешил им селиться в заводских поселках. Так, в Арамильской слободе, непосредственно связанной с Уктусским заводом, в 1718 г. их насчитывалось 67 человек[102].

Небольшую группу населения поселков составляли офицеры горнозаводской службы, работники заводских контор, священно- и церковнослужители. Для удовлетворения хозяйственных нужд основного населения поселков здесь появились иные категории жителей – бочкари, умельцы изготовления посуды из дерева, гончары, специалисты пошива одежды и обуви. Начали формироваться группы местных торговцев, различные по состоянию, из Малороссии стали появляться виноторговцы.

Особую категорию составляли ссыльные[103]. Уже в конце 20-х гг. XVIII в. они отправлялись на Урал со всей России: воры, разбойники, убийцы,

---

[100] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 988. Л. 771–774, 779, 876 и др.
[101] Борисов В. Е. Гулящие люди, бобыли и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII веке: состав, занятия, статус // Новый исторический вестник. 2013. № 3. С. 6–26.
[102] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 344–350.
[103] Бородина Е.В. Каторжные и ссыльные в Екатеринбурге в 1723 – конце 1730-х гг.: к вопросу о формировании социального пространства города // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 14–26.

фальшивомонетчики, осужденные бза побег, «политические», сосланные за попытку получения взяток. Один из них, в Москве ловил «разных чинов людей в русском платье и с бородами, и за отпуск имал с них взятки». Житель Воронежа был прислан «за учинение им зланомеренной еретической науки в привораживании к блудному падению девок и баб»[104]. В 1730 г. ссыльных было уже около 200 человек, к 1743 г. их число выросло до 500[105]. В Егошихе «скованных и не скованных колодников» в 1734 г. насчитывалось 75, из них «в вечную работу» было отправлено 20, «на урочные годы», за разные прегрешения – 55. В Полевском заводе находилось 33 человека из ссыльных, из них «10 женского полу». Их распределили в работу на рудники, они жили под охраной в тюрьме или в казармах.

Колодникам выдавали «без вычета» из жалованья из казны платье, обувь, рукавицы, солдатский хлебный провиант, постельные принадлежности. За рабочие дни они получали по 3 коп., в воскресенье и праздничные дни работали только «по самой крайней нужде»[106]. Если со ссыльными приезжали жены, они также селились в заводских поселках. После отбытия срока наказания, а в 40-х гг. XVIII в. и по именным указам об амнистиях, они получили право постоянно проживать при заводских поселениях или отъезжать на прежнее место жительства[107]. Ссыльным давали двухгодичный отпуск от работ для строительства жилья и заведения хозяйств.

Уже в 1732 г. В.И. Геннин констатировал – тюрьма полна преступниками, «опасно, чтоб они, и с ними тюремщики, не сообщили и какой пакости не сделали, потому что место здесь с башкирами пограничное, а караулы ненадежны». Было чего опасаться – колодники бежали разными способами. Построенная в 1733 г. более прочная тюрьма не оказалась преградой. Особую заботу вызывала и охрана колодников на рабочих местах. Геннин пытался учесть всё – даже то, как содержать и охранять нужник, чтоб оттуда не сбежали[108].

---

[104] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 881. Л. 58; Д. 1032. Л. 402.
[105] Там же. Д. 881. Л. 1–208; Д. 1050. Л. 89–93; Д. 1423. Л. 22–36, 475–480; Д. 1425. Л. 124–135.
[106] Там же. Д. 1052. Л. 66–67; Д. 1590. Л. 7–8.
[107] Там же. Д. 376. Л. 266; Д. 1323. Л. 47.
[108] Там же. Д. 126. Л. 824–861; Д. 354. Л. 431–435; Д. 532. Л. 52–58.

Указы именные и Сената 1719, 1724, 1728, 1731 гг. о поимке беглых мало помогали. Геннин вновь в 1733 г. требовал – «выставить во всех пристойных местах» указы, а священникам в праздничные и воскресные дни «во всегдашний страх и память читать всем вслух», чтобы «воров и становщиков и других причисленных людей и беглых» ловить[109].

Поселки казенных заводов резко отличались по количеству проживавших в них жителей. Это хорошо видно из приведенной ниже таблицы. Самый большой населенный пункт вырос при Екатеринбургском заводе – это не удивительно, здесь находился центр управления всеми казенными заводами Урала и Сибири.

Таблица 2

Количество служащих, мастеровых, работных людей на казенных заводах Урала в 30–50-е гг. XVIII в.[110]

№	Наименование завода	Количество населения		
		1734 г.	1744 г.	1754 г.
1	Алапаевский	123	206	262
2	Верх-Исетский	149	320	395
3	Висимский	-	56	98
4	Егошихинский	112	109	298
5	Екатеринбургский	912	923	1218
6	Каменский	85	126	128
7	Кушвинский	-	376	335
8	Лялинский	119	39	60
9	Мотовилихинский	-	85	153
10	Полевской	275	211	264
11	Пыскорские (верхний и нижний)	234	101	155
12	Северский	-	102	176
13	Синячихинский	64	63	104
14	Сусанский	-	65	102
15	Сылвинский	-	167	140
16	Сысертский	205	268	265
17	Туринский	-	162	133
18	Уктусский	66	57	149
19	Уктусский (цес. Елизаветы)	65	40	
20	Юговские (нижний, верхний)	-	203	215

В документах Государственного архива Свердловской области имеются

[109] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 424. Л. 461–463.

[110] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 77–216, 246–252, 256–285, 290–313, 351–398, 403–406, 419–448, 460–494, 500–515, 562–609, 623–690, 623–690; Д. 1071. Л. 12, 19, 37, 47, 51–55, 71, 81, 110–150, 160–178. 193–196, 229–264, 269–348; Д. 1417. Л. 217–225; Д. 1421. Л. 539–543.

В таблице не учтены иные категории жителей поселков. Прочерк в 1734 г. означает, что завод был построен позже.

объемные подомовые росписи Каменского, Алапаевского, Полевского, Верх-Исетского, Екатеринбургского и других заводов за разные годы[111]. Есть общие сводные данные о работниках горнозаводского ведомства за 1744 год[112]. Информативными являются сводные ведомости количества живущих в заводских поселках приказных служителей, мастеровых и работных людей (в том числе отставных) на 1753 г. и 1754 г. – кануна передачи казенных заводов в частные руки.

Всего в поселениях при всех казенных заводах в 1754 г. было: приказных служителей 177, мастеровых и работных с детьми – 3452, отставных с детьми – 91[113]. К ним нужно добавить около 60 обер-офицеров, которые трудились как в Екатеринбурге, так и по всем другим заводам, от одного до четырех человек на каждом. Для сравнения можно отметить, что в приписных к заводам слободах крестьян в это время насчитывалось более 45 тыс. человек[114]. Таким образом, в заводских поселках проживало менее 10 % от населения казенной горнозаводской империи Урала, росло население поселков в исследуемый период медленно. А снижение численности населения в некоторых из них к середине XVIII в. также объяснимо. Так, в 1744 г. Лялинский завод временно прекратил работу, на Пыскоре сократилось производство. Люди уехали в иные места.

Заводским кадрам требовалось жилье. Со времени строительства первых заводов – Каменского, Алапаевского, Уктусского – им обеспечивала казна. Такая же практика продолжилась при возведении Екатеринбургского, Полевского, Сысертского заводов, а также Пермских заводов. В итоге, в первые годы все жилье было казенным, причем очень часто в одном доме проживало две-три семьи – это крайне стесненные и неудобные условия. Необходимо также заметить – по удобствам и размерам казенные дома разнились строго «по ранжиру» должностей их постояльцев: офицерские – управленческие –

---

[111] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 424; 480; 489; 897; 914; 1243 и др.
[112] Там же. Д. 1080; 1123; 1393.
[113] Там же. Д. 1417. Л. 224.
[114] См. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е–50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 418–423.

канцелярских служителей – мастеровых и работных людей – солдатские. При этом за каждую «светлицу» в казенном доме необходимо было платить от 6 до 25 коп. в месяц.

Постепенно началось строительство и частных домов. Уже 27 января 1725 г. своим указом В.И. Геннин потребовал: подчиненным «накрепко смотреть с прилежным радением в строении заводских и в собственных домовых строениях, чтоб отнюдь никто не дерзал дворов строить без ведома и чертежа, никто бы не прибавливал и не убавливал, тако ж внутри строения никто самовольно без показания не строил же»[115]. Сохранился собственноручно подписанный В.И. Генниным чертеж (Приложение № 16)[116]. Однако, уже к 1726 г. оказалось, что «многие дома построены не так, как надлежит», много пристроек. Это естественно – люди обживались, покупали скот, птицу – держать все нужно было в каких-то помещениях. Запретами «самострой» пресечь было трудно. Это поняло и местное горнозаводское начальство – нужны подсобные строения.

В 1734 г., во время передачи заводов от В.И. Геннина к В.Н. Татищеву, количество домов, имеющихся в поселениях казенных заводов, выглядело следующим образом:

Таблица 3

Количество домов служащих, мастеровых и работных людей казенных поселков в 1734 г.[117]

№	Наименование завода	Количество домов			Количество населения		
		Казенных	Собств.	Итого	Служащих	Работников	Итого
1	Алапаевский	37	61	98	20	103	123
2	Верх-Исетский	19	73	92	11	138	149
3	Егошихинский	9	111	120	12	100	112
4	Екатеринбургский	89	429	518	41	871	912
5	Каменский	15	107	122	14	71	85
6	Лялинский	6	-	6	10	109	119
7	Полевской	12	156	168	19	256	275
8	Пыскорские (верхний и нижний)	33	42	75	12	222	234
9	Синячихинский	8	42	50	8	56	64
10	Сысертский	42	-	42	21	184	205
11	Уктусский	15	165	180	10	56	66
12	Уктусский (цес. Елизаветы)	2	50	52	4	61	65

[115] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 169; Д. 354. Л. 294–297.
[116] Там же. Д. 354. Л. 295–296.
[117] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 77–216, 246–252, 256–285, 290–313, 351–398, 403–416, 419–448, 460–494, 500–515, 562–609, 623–640.

В таблице зафиксированы только дома работников заводов, иные категории жителей – купцы, бобыли и другие – составляли еще малый процент от общего количества проживающих; на Лялинском заводе работники жили в домах крестьян окрестного села; а Сысертский завод только вступал в строй, индивидуальное строительство было еще впереди.

В.И. Геннин перед отъездом с Урала определил места строительства еще четырех заводов – Мотовилихинского, Северского, Сусанского, Юговского. А в 1735 г. вогулы сообщили уральской администрации о наличии горы, содержащей руду. Обследовавший ее горный межевщик Е. Арцыбашев и геодезист И. Шишков дали отличное заключение качеству содержащейся в ее недрах руды. Гору назвали Благодать, рядом стали возводить Кушвинский и Туринский заводы, а прибывающие строители стали первыми жителями новых поселков.

Многие заводы были обнесены крепостными стенами. Однако с ростом производства, привлечением новых кадров, возникали поселения за стенами крепости. Здесь строили дома индивидуально, казна выделяла место, необходимое количество леса, разрешала без оплаты его распиловку, давало рассрочку[118].

Со временем дома подгнивали, требовали ремонта, казна не желала вкладывать деньги, а жильцам эта работа была явна невыгодна. Поэтому в октябре 1723 г. Наказом заводскому комиссару позволялось: «ежели кто похочет государев двор купить», то разрешить продажу со скидкой: до трех лет дому – скинуть десятую долю, а после трех лет – «кто более даст, однако же мастера, подмастерья и ученики пред протчими могут ту льготу иметь… и взять за ту цену без наддачи». А деньги за покупку постепенно вычитались из жалованья[119]. В 1726–1727 гг. состоялись первые торги и приобретение казенных домов в частное владение.

В первой половине 30-х гг. XVIII в., во время завершения управления В.И. Геннина, ситуация усугубилась: с Каменского, Алапаевского, Уктусского

---

[118] Сафронова А. М. Подьячие казенных заводов Урала в Петровскую эпоху: формирование контингента, условия труда и быта // Quaestio Rossica. 2022. № 3. С. 976–990.
[119] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 305. Л. 166–167.

заводов в Сибирский обер-бергамт стали поступать постоянные просьбы о продаже домов[120]. Проследим это на примере Алапаевского завода: в прошениях отмечалось – казна построила 39 домов, 4 сгорели, осталось 35, всем им – более четверти века; продать нужно по оценке, но при передаче от губернских властей «цена не определена». Дома ветхие, разрушаются, «казна не имеет средств для починки, а мастеровые будут чинить прилежнее и вновь пристраивать». В Сибирском обер-бергамте решили – «оценить по сущей правде» и продать. Оценщики, видя разруху, дома оценивали дешево – от 6 до 13 руб. Подобная цена на жилье была и на других заводах. В Екатеринбурге цены были выше – от 8 до 20 руб., продавались с учетом скидки – «десятой доли» от первоначальной стоимости.

С приездом команды В.Н. Татищева в октябре 1734 г. процесс по продаже казенных домов продолжился. При этом офицерам в Екатеринбурге было приказано казенные дома освободить, построить собственные – своим коштом, поскольку жалованье позволяло, да и строевой лес и его распиловка выделялись без оплаты. В Екатеринбурге в 1748 г. из 912 дворов насчитывалось всего лишь 22 солидно обустроенных: командирский – 1, обер-офицерских – 5, секретарских – 2, унтер-офицерских – 14[121].

Постройка жилых помещений при пуске любого завода, за исключением Екатеринбургского, занимала немалое время. Жилье для будущих мастеровых и заводских работников строили силами солдат, редко – приписных крестьян. Жители и строили собственноручно, как это было на северных Кушвинском и Туринском заводах. За казенное жилье нужно было платить квартплату всем – от обер-офицеров до мастеровых. Только у иностранцев в контракте фиксировалось бесплатное проживание и дрова. Но техническое состояние построек зачастую было неудовлетворительным, начальству поступало много жалоб.

«Собственное строение» можно рассмотреть на примере поселений при новых заводах вокруг горы Благодать. В 1737 г. сюда было отправлено более 30

---

[120] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 305. Л. 57–62, 166–169; Д. 341. Л. 359–368; Д. 532. Л. 361–366.
[121] Там же. Д. 1243. Л. 444–445.

молотовых мастеров и работников с Уктусского завода. Им до 1738 г. «дано увольнительное время» для построения домов, на это же время выделялись «на пропитание кормовые указные деньги, кому по скольку надлежало». С пуском и началом работы на заводе, «собою и наемными людьми, своим коштом», дома были достроены. Работники жили в своих 37 домах до 1745 г., когда заводская контора вдруг посчитала их казенными и стала взимать плату – 25 коп. в месяц «за светлицу»[122]. Естественно, мастеровые возмутились, подали прошение – жалобу. Решение для просителей оказалось положительным – деньги вернули, квартиры перестали считать казенными. Поэтому уже в 20-х годах XVIII в. работный люд просил разрешения, а Геннин не препятствовал покупке в собственность построенных в поселках казенным коштом домов. Ремонтировать казна их не желала, хозяевам ремонт также не был нужен – квартплата в казну идет, а дом не собственный.

В 40-х гг. XVIII в. казенных домов даже для обер-офицеров в Екатеринбурге осталось мало. Они обветшали, ремонтировать их власти без разрешения Берг-коллегии не желали – деньги в сметах не заложены. Вот что представляла в 1747 г. казенная квартира, в которой жил пробирный мастер Ермолай Рюмин – уважаемый человек, выпускник столичной академии, к этому времени уже более 15 лет служил на Урале. Он писал в доношении: «Черная изба и подле оной в одной связи баня весьма ветхи и должно оное разобрать, а на место того построить новые, також и погреб, построенный в столбах, развалился…», но на строительство требовалось 45 руб.[123]

В Канцелярии отреагировали очередным определением от 22 апреля 1745 г.: офицерам, живущим в казенных квартирах, «быть без заплаты денег по двадцати по пяти копеек с каждого покоя в месяц, токмо оные починивать каждому, кто в котором покое живут, своим коштом». Предложили Е. Рюмину самому все вновь построить или починить. Он ответил: «не я должен «починивать», квартира и раньше «до перехода еще была ветха». В итоге

[122] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1140. Л. 1–1 об.
[123] Там же. Л. 109–111.

появилось решение Канцелярии: в квартире «исправить самое нужное, без чего в зимнее время пробыть невозможно, а вновь ничего не строить», писать доношение в Берг-коллегию – что она решит. И так жил не только русский офицер. В таком же ветхом строении проживал иностранец, учитель немецкого языка А. Миссет[124]. В Егошихинском поселке все казенные дома в 40-х гг. XVIII в. развалились. Местная администрация доложила: ремонтировать невозможно и представила уральскому начальству специальный план-рисунок поселка (см. приложение № 12)

А офицерам, переводимым с 40-х гг. XVIII в. с других заводов в Екатеринбург, жить было вообще негде – в крепости «порозжих мест» не осталось. Нужно было снимать «кортомное жилье» – от этого, особенно семейные офицеры, «претерпевали нужду». Как, например, управитель завода, горный офицер И. Яковлев, в 1754 г. с большим трудом нашел в крепости крайне ветхое строение. Просил у Канцелярии разрешение его сломать, чтобы на этом месте построить собственную квартиру. Долго решался вопрос, но в конечном итоге разрешение было получено[125].

Управление заводами на основании указов Берг-коллегии и Канцелярии осуществлялось обер-офицерами. В помощь к ним определялись один-два унтер-офицера, надзиратели работ, лесного хозяйства. Эти надзиратели часто менялись и на основе стандартной инструкции офицеры составляли акт о передаче дел. Он, помимо перечисления заводского хозяйства, кадров, учетных документов, непременно включал полный перечень наличия важнейших объектов социальной инфраструктуры и их состояния.

Практически все эти акты сохранились в архивных делах[126]. Начинались они с описания крепости (или палисада), церкви, ее внутреннего убранства. Далее следовала фиксация заводской конторы, судейской «каморы» с перечислением от покрытого скатертью главного стола, на котором возвышалась

---

[124] ГАСО. Ф.24. Оп. 1. Д. 1523. Л. 70–72.
[125] Там же. Д. 1405. Л. 55–63.
[126] Описания Алапаевского, Сысертского, Полевского, Каменского, Северского заводов см: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 897. Т.1–2.

Зерцало, до всех помещений. Следом шло описание командирского дома, на некоторых заводах был еще один особый дом – «для приезду главного командира» или иных высоких чинов с инспекцией из Екатеринбурга, его описание шло выше командирского дома.

Все управительские дома были построены основательно: включали не менее двух просторных светлиц, черную избу, баню, конюшню, погреб, амбар, строения были огорожены. На многих заводах «против того двора» нарезались огороды. В районе поселка завода цесаревны Елизаветы (Нижне-Уктусского) был «огород Екатеринбургских заводов главного командира» В.И. Геннина. Очень солидный – длина его составляла 49, ширина 10 сажень, весь был «забран стоячим тыном». В Екатеринбурге же, рядом с домом командира, был разбит сад с зоной отдыха[127]. Дома помощников управителей также не были убогими, здесь было все необходимое для жизнеобитания. Они строились обычно «в одном основании по две квартиры, меж ними сени».

Далее в актах перечислялись казенные дома, «в которых живут мастеровые люди и приказные служители». Их размеры, жилая и иная площади, зависели от ранга – статуса постояльца. Служащие и мастера получали более удобные благоустроенные помещения, подмастерья, заводские работники – меньшие по размерам. Собственные дома жителей поселков, кроме Екатеринбурга, также строились «длиною, шириною, высотою неравные». Их площадь, благоустройство, зависели от материального положения хозяев. Но все они непременно имели хозяйственные пристройки – амбар, конюшню, погреб, а также придомовой огород.

Непременным атрибутом во всех заводских поселках являлся «четвероугольный столб для прибития объявленных указов». Он располагался всегда рядом с конторой, редко был дополнительный у церкви. А в Екатеринбурге – у здания Канцелярии и на Гостином дворе. Обязательными, до появления в поселках колоколов, были две-три чугунные доски, подвешенные на столбах «для битья утренней и вечерней зари, на молитву, тревогу, иного сбору».

---

[127] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 256 об.

Редко в описания включались «торговые бани», избы, «в которых продается вино и пиво», корчмы, гостиные дворы или базары, потому что они напрямую не подчинялись горнозаводскому ведомству, лишь «присматривать» за ними управителю вменялось в обязанность.

Вот такое обширное хозяйство – завод и поселок – получал обер-офицер и помощники под свой надзор на срок от одного года до трех лет. В Екатеринбурге, до появления в 1751 г. ратуши, которая стала управлять посадом, все управление поселком было замкнуто на заводской конторе. Ей Сибирский обер-бергамт, а позднее Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов присылали указы и иные распорядительные документы.

На местах за основу была взята уже сложившаяся система управления сельской местности. Поселок разделялся на десятки домов, «из лучших мастеровых» и служащих контор определялся десятник. Он подчинялся пятидесятнику, а последний – сотнику. Не было в системе, как в селах, только старосты. На десятников, которые непосредственно подчинялись помощникам управителя заводов, возлагалась обязанность следить за соблюдением чистоты на вверенной территории, общей тишины и спокойствия домовладельцев, включая даже то, чтобы в праздники и выходные, до посещения церкви, все жители были трезвы. И особо важное поручение – соблюдение правил противопожарной безопасности на подчиненной территории.

Все заводские поселки находились в окружении лесов. И хотя с годами леса вырубались и отдалялись от населенных пунктов, опасность пожаров была велика. Поэтому неудивительно, что в первой половине XVIII в. была издана целая серия указов по охране заводов и поселков от этого несчастья, изготовлению противопожарной техники. В наказе В.Н. Татищева заводскому комиссару Ф. Неклюдову 1723 г. пункты 15-22 главы 10 были посвящены вопросам пожарной безопасности, в соответствии с которыми «лесной объещик» должен был надзирать над пожарными снастями, летом для пожаров по всем анбарам и жилым строениям следовало иметь катки с водой, крючья, малые и большие вилы. О начале возгорания полагалось оповещать звуковыми сигналами

– битьем в две доски или барабанным и колокольным звоном[128]. В 1729 г. руководители Сибирского обер-бергамта предписали на всех домах в поселках прибить «железные дощечки», на которых написать, с каким инструментом жители должны в обязательном порядке бежать на тушение пожара. Если кто-то, по любой причине, не являлся гасить огонь, он подлежал денежному и телесному наказанию[129]. Уральское начальство всегда вело расследование в отношении пожаров, выясняло, кто виновен в случившемся. Боясь наказания и зная, что сложно установить точную причину появления огня, погорельцы всеми силами отводили от себя причастность к беде. При разборе пожара в октябре 1742 г., когда сгорели в Екатеринбурге два офицерских дома, чуть не сгорел третий, подполковника И. Немцова, виновными, явно для «галочки» в отчете, определили дворовых людей, они якобы случайно «занесли огонь», и были наказаны батожьем. Но иногда виновных находили – так, дом капитана К. Брандта умышленно поджег, по неизвестным причинам, дворовый человек Ф. Шепелин, за что получил наказание кнутом и вечную горную работу[130].

На управителей вновь строящихся заводов возлагалась обязанность построить скромный командирский дом, жилье для конторских служителей, иностранных специалистов, ценных русских мастеров. А на возведение собственного жилья мастеровым, работным людям выделялось безденежно «двадцать дерев», немного, но для основных построек хватало.

Но на местах старались обойти указ, благо для них чертежей и размеров жилья В.И. Геннин не указал. А некоторые заводские управители жили вольготно. Например, в мае 1733 г., будучи на Каменском заводе, В.И. Геннин увидел на горе «великой дом, который наименован и назван, будто меховая». Убедившись, что прежние правители построили, «знатно для своего увеселения», «для своей одной спеси», генерал приказал их найти, оштрафовать, дом разобрать и «употребить на строения, которые от вешней воды снесло»[131].

---

[128] Татищев В. Н. Записки. Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. С.86–87.
[129] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55. Л. 29–53, 155–161; Д. 1094. Л. 294–299, 420–435, 470–496; Д. 1138. Л. 421–418.
[130] Там же. Д. 424. Л. 1283; Д. 450. Л. 674.
[131] Там же. Д. 424. Л. 1335.

В этом же 1733 г. хоромы в Сысертском заводе построил помощник управителя И. Сикорский. Дом был отобран на нужды завода, а хозяин оштрафован. Политика В.И. Геннина по пресечению излишеств продолжилась и при В.Н. Татищеве. Так, уезжавшему в 1736 г. на строительство Кушвинского завода обер-офицеру Л. Бекетову в инструкции было записано: «построить для житья управителю и подьячим по одной квартире небольшие, как в Екатеринбурге солдатские». Он же себе воздвиг два больших двора, а до подьячих у него «руки не дошли». Последовала жалоба в Канцелярию, приехали следователи, открылся целый комплекс нарушений. Л. Бекетов был жестоко наказан[132].

Такая же ситуация сложилась на Сусанском заводе. Посланный туда с инспекцией горный надзиратель Е. Арцыбашев констатировал: «дом управительский в трех светлицах, промеж оных сени и черная изба в трех с половиною саженей». А для мастеровых построено пока только два казенных дома из шести и лишь выделены места для строительства собственных квартир «всяким людям». В Канцелярии удивились – дом управительский «надмерно велик и во многих покоях, между же оными сени, каких нигде не водится». Решили узнать, кто же такие хоромы строить позволил, его найти, лишние расходы взыскать, а дому быть «довольно, чтоб одна горница с каморкою, одна же небольшая и небольшая черная изба»[133].

Заводы строились, поселки появлялись и благоустраивались. А офицеры, служащие, мастерые давали стране необходимую продукцию. Работу всем категориям тружеников необходимо было оплачивать, поэтому со времени приезда В.И. Геннина начала складываться и упорядочиваться система выплаты жалованья. Указом Берг-Коллегии от 9 декабря 1725 г., полученному в Сибирском обер-бергамте 20 апреля 1726 г., предписывалось: получающим оклад, « как русским, так иноземцам», жалованье выдавать по истечении трети года; колодникам и тем, кто работает сдельно, – «по прошествии недели, для того

[132] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1072. Л. 1–15.
[133] Там же. Д. 532а. Л. 801–802.

что оным за малою дачею до ожидания трети питатца будет нечем». Но мастеровых – сдельщиков бедными назвать трудно. Это были в основном бригады: мастер – подмастерье – работники в молотовых фабриках. Они получали жалованье еженедельно, оно зависело от количества сданной без брака продукции. Цифры, естественно, разнились и по бригадам, и по заводам. Но с уверенностью можно утверждать, что во времена В.И. Геннина в оплате «мастерство и искусство», трудолюбие имели первостепенное значение.

В указе Берг-коллегии отмечалось: «тем, которые получают жалованье ниже 2 рублев на месяц, оным давать помесячно по заслужении, для того что получаючи такой малый оклад, мастеровые люди ждать своего жалованья чрез всю треть года понуждены будут, терпеть самую нужду, ибо провианту сверх денежного жалованья не дается, и от того есть не без опасности, дабы терпя такую нужду, от работ не разбежались»[134].

Но работникам приходилось покупать на свое жалованье хлеб и иные «харчевые припасы» в долг «гораздо дороже у харчевников», чем у крестьян близлежащих деревень. Справедливо жаловались, что в заводских поселках «торгов нет», а мы, кроме воскресений и праздничных дней, «всегда в работе», поэтому просили давать хлеб из казны, вычитая деньги при выдаче жалованья[135].

В.И. Геннин пошел на уступки: указами от 16 ноября 1727 г. и 13 января 1729 г. приказал заводским конторам: хотя им «будет не без прибавки труда», закупать и «давать хлеб казенный и за то вычитать». Но эти решения имели половинчатый характер. Наступал Новый год, празднование Рождества Христова, надо было запасти «харчи», а денег нет, «сыпались» коллективные прошения в заводские конторы, а оттуда в Сибирский обер-бергамт, выдать хотя бы часть жалованья ранее окончания года. Власти вынуждены были идти навстречу – выдавали половину, «дабы они тем самым могли купить на праздники харчу и протчего»[136].

---

[134] ГАСО Ф. 24. Оп.1. Д. 422. Л. 311.
[135] Там же. Д. 474. Л. 144–150.
[136] Там же. Д. 422. Л. 385–387.

А помимо этого, с помощью центральных властей, совершенствовали и решение проблемы. 9 января 1734 г. состоялся указ в столице: тем, кто получает менее пяти рублей в месяц, жалованье выдавать ежемесячно, но хлеб из казны в долг не давать, так как люди «тем себя исправлять, и на месяц провиант и обувь запасать могут без нужды». Действительно, 60 и более рублей получали лишь квалифицированные мастера на доменном, молотовом, медеплавильном производствах, единичные служащие Сибирского обер-бергамта и обер-офицеры. Перетерпев один раз четыре месяца, получив по их окончанию сразу солидные суммы, жизнь можно было устроить[137].

Отмеченное состояние дел было закреплено в подготовленных в мае 1734 г. В.И. Генниным штатах заводов, повторено через три года в штатах В.Н. Татищева, утвержденных, с незначительным сокращением ставок и жалованья отдельным категориям служащих, в 1741 г. Генерал-берг-директориумом. Порядок оплаты, да и суммы жалованья оставались прежними до 50-х гг. XVIII в.

Отсюда можно перейти к суммам оплаты труда. Отметим, что в 1710–1720-е гг. XVIII в. новые казенные заводы еще не окупили себя, существовали на дотации государства. Поэтому В.И. Геннин всеми мерами ограничивал заработную плату, экономил на всем. Было даже время, когда на заводах временно все, кроме иностранцев, получали половинное жалованье ввиду нехватки денег. В ответ поступили типовые непрестанные жалобы: «в пропитании, одежде и обуви имеем крайнюю нужду и впали в неоплатные долги»[138].

Во-вторых, на заводах работал пока не совсем профессионально подготовленный контингент, набранный из крестьян, рекрут. Даже прибывшие из столиц воспитанники учебных заведений не имели опыта. Всем категориям тружеников оплата увеличивалась только в зависимости от способностей, стремления повышать «искусство». К концу правления В.И. Геннина на Урале ситуация стабилизировалась, заводы стали приносить солидную прибыль.

---

[137] ГАСО Ф. 24. Оп.1. Д. 474. Л. 150.
[138] Там же. Д. 278. Л. 202–205.

Генерал в 1731 г., решениями Сената и Берг-коллегии получил «полную мочь» – из прибыли увеличивать жалованье, и стал широко пользоваться этим правом – добросовестные исполнители получали надбавки. По этой причине малые суммы оплаты труда в первое десятилетие не являются показательными.

На горнозаводской Урал в начале 20-х гг. XVIII в. прибыли, как добровольно, так и принудительно, многие служивые люди из губернских, воеводских администраций. Там они, на основании указа от 28 января 1715 г., получали в дополнение к денежному, хлебное довольствие[139]. На новом месте службы, чтобы избежать споров, путаницы в расчетах, требовалось эту систему реорганизовать. В итоге, ко времени составления штата заводов 1726 г. было окончательно решено, что вместо хлебного жалованья этим служащим выдавать только дополнительно денежное жалованье.

Исследователи определяют стабильный годовой прожиточный минимум служащих, мастеровых и работных людей в 24 руб., то есть в 2 руб. в месяц.[140] Документы позволяют утверждать, что с этим жалованьем можно было иметь относительно безбедное существование, построить собственный дом, завести солидное хозяйство. Работники, получавшие в месяц полтора рубля, были минимально обеспеченными людьми. На муку, если в среднем она стоила 15–20 коп. пуд, тратилось чуть больше трети жалованья, еще 20 коп. уходило на крупу, треть шла на покупку одежды и обуви, на нее траты были не ежемесячные, 10–20 коп. откладывалось на оплату подушного оклада. Остальная небольшая сумма денег могла быть израсходована на мясо, рыбу, иные продукты. Они были относительно дешевы. Какие-то копейки могли оставаться «на черный день». Один рубль в месяц получали начинающие службу копиисты, но у них был «приработок», весьма своеобразный. В заводские конторы ежедневно приходило большое количество просителей. Будучи неграмотными, не зная правил оформления документов, они обращались к копиистам. Последние выполняли просьбы, естественно, за «какую-то копейку», или же натуральную плату, часто

---

[139] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 422. Л. 313–315.

[140] Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 510–513.

за спиртное, недаром именно в канцеляриях были нередки случаи регулярного употребления алкогольных напитков в значительных количествах. Секретарь Канцелярии Е. Яковлев и руководители Конторы судных и земских дел не могли справиться с этой проблемой (Приложение № 13.)[141].

Рассмотрим оплату труда основных категорий служащих, мастеровых и работных людей.

В 20-х гг. XVIII в. стабильная система жалованья офицерскому корпусу только формировалась. Оформились должности обер-офицеров: шихтмейстер – берггешворен – гиттенфервальтер – бергмейстер. Ниже стояли унтер-офицеры, им присваивались степени: младший – средний – старший. Из обер-офицеров лишь немногие получали оклад от 80 до 100 руб. и чуть выше. Младший унтер-офицер имел оклад 24 руб. С окончательным внедрением и утверждением системы штатов стабилизировалось и жалованье. В 30–50-е гг. XVIII в. у командного состава оно было следующим:

Таблица 4

Годовое жалованье обер- и унтер-офицеров[142]

Офицеры	Должность	Оклад (руб.)
Обер-офицеры	Шихтмейстер	84
	Берггешворен	96
	Гиттенфервальтер	120
	Маркшейдер	180
	Бергмейстер	180
	Обер-гиттенфервальтер	180
Унтер-офицеры	Унтер-шихтмейстер 3 класса	24
	Унтер-шихтмейстер 2 класса	36
	Унтер-шихтмейстер 1 класса	48

[141] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 934. Л. 180 об.; 242–243.
[142] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1414. Л. 1078; Д. 1421. Л. 51–64.

В 1754 г. под началом Канцелярии насчитывалось 54 обер-офицера и 47 унтер-офицеров[143]. Они руководили всеми заводскими и горными делами.

Обер-офицеры имели право на денщика (или получать за него деньги в размере 11 руб. 2 ½ коп.), в рангах до капитана – на одного денщика, капитан – на двух. Статус коллежских чинов, от майора и выше, резко повышался. Например, майор имел 360 руб. оклад и четырех денщиков. Но к концу исследуемого периода эти чины имели лишь единицы офицеров Канцелярии – Н. Клеопин, И. Юдин, П. Зеленой, Е. Арцыбашев, С. Неелов и некоторые другие. Остальной офицерский корпус дослуживался лишь до капитанских чинов. Поэтому оперировать необходимо вышеперечисленными суммами окладов. В целом, месячный оклад в 7 руб. (годовой 84 руб.) и выше можно считать солидным. Но и учитывать – у обер-офицеров были иные жизненные запросы и потребности, дворяне жили вдали от усадеб, многие не имели хозяйства. А фактически постоянные смены места службы, частые командировки не в лучшую сторону отражались на их благосостоянии. Унтер-офицеры всеми силами стремились получить хотя бы чин шихтмейстера: сразу же повышался статус и благополучие.

Стабильные, относительно достойные оклады получали служащие контор. Начиная со штатов, составленных В.И. Генниным перед отъездом с Урала в1734 г., они практически не изменились. Выглядели в 1744 г. следующим образом:

Таблица 5

Годовое жалованье канцелярских служителей[144]

Должность	Канцелярия, Екатеринбург (руб.)	Заводские конторы (руб.)
Секретарь	120–180	–
Протоколист	96	60–80
Канцелярист	72–80	42–48
Подканцелярист	48	30–36
Копиист старший	24	18-20
Копиист начинающий	12	12

[143] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1421. Л. 51–64.
[144] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735. М., 1937. С. 40–44.

Единственная категория – молодые копиисты – постоянно просили повышения оплаты. Остальные служащие лишь стремились получить повышение в должности. Наиболее успешным и не пьяницам по распоряжениям руководителей Канцелярии, без нарушения штатов, оплата увеличивалась на 3 руб.

Оплату труда основной массы работников целесообразно рассмотреть по производствам. Руководители отмечали – «против протчих работ доменная труднее и работа производится денно и ночно, да и платье и обувь держится и горит более». Здесь работали по 12 часов три смены работников. По штату, определенному В.И. Генниным, фактически повторенному в 1737 г. и действующему до конца исследуемого периода, все работники имели годовое окладное жалованье, именно в смене:

Таблица 6

Годовое жалованье работников доменного цеха[145]

Должность	Количество работников в смене	Оклад (руб.)
Уставщик «при вождении домны»	1	84
Ученики при уставщике	2	12
Мастер	1	36–48
Подмастерье	1	24
Ученик	1	16
Работники для засыпки угля, руды, флюсов	5	16–18

Из приведенных сумм видно, что оплата у основных работников была не велика. Если ученики могли добиться повышения в должностях, то у чернорабочих перспектив практически не было. Поэтому по просьбам управителей заводов, где было доменное производство, члены Канцелярии, не нарушая штатных расписаний, из заводской прибыли, разрешали засыпщикам, смотря «по искусствам» и стажу работы, давать в год дополнительно 2–6 руб., т.е. приближать оплату примерно до уровня подмастерьев.

Бригада (мастер – подмастерье – ученик – работник) в молотовом, также «огненном» производстве, в 20-е гг. XVIII в. также получала оклады. Но эта

[145] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1343. Л. 36–39.

форма не оправдала себя, стала использоваться «задельная» (сдельная) оплата труда. Достаточно резкого колебания сумм не произошло, оплата выросла, но появилось много брака при изготовлении продукции, последовали штрафные санкции. В итоге работники получали примерно столько же, что и при окладе. С установлением стабильности в качестве производства в целом, с середины 30-х гг. XVIII в., молотовой мастер мог получать в год до 60 руб., подмастерье – 32 руб., работники – 22–26 руб., лишь ученики имели заработную плату в 14–16 руб.[146]

Медеплавильное производство являлось наиболее сложным как по добыче и первичной обработке различных сортов руд, так и по их плавке. Оплата труда здесь была следующей:

Таблица 7

Годовое жалованье работников медеплавильного производства[147]

Должность	Оклад (руб.)	Должность	Оклад (руб.)
Плавильный мастер	36	Обжигальщик	18
Плавильщик (подмастерье)	24	Засыпщик	18
Гармахер (мастер)	30	Толчильщик	14
Подмастерье	24	Таскальщик	14
Штыкового дела мастер	30	Ученики при операциях	13–15

В горном производстве, помимо большого контингента ссыльных, работники на основных должностях получали:

Таблица 8

Годовое жалованье работников горного производства[148]

Должность	Оклад (руб.)	Должность	Оклад (руб.)
Штейгер (русский)	48	Рудоносчик	12–15
Бергаур	24–30	Рудоразборщик	18–24
Рудокопщик	18	Ученик при операциях	15

Помимо отмеченных категорий работников на заводах были иные специалисты. Оплату труда основных категорий представим в таблице:

[146] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 937. Л. 780–781.
[147] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1414. Л. 1078–1086.
[148] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Л. 1078–1086.

Таблица 9

Годовое жалованье различных категорий работников[149]

Должность	Оклад (руб.)	Должность	Оклад (руб.)
Плотинный мастер	54–60	Кирпичного, известкового дела подмастерье	15
Плотинный подмастерье	24	Якорный мастер	36
Плотник	18	Работник (молотобоец)	15–18
Столяр	18	Мастер на пильной мельнице	24
Меховой подмастерье	24	Подмастерье на пильной мельнице	18–20
Токарь	24	Сторож	13
Кузнец	18–20	Конюх	13

На монетном дворе и в камнерезном производстве – отраслях, которые только оформлялись в исследуемый период, оплата работников не отличалась от вышеприведенных сумм. Лишь мастера и резчики образцов монеты получали солидные деньги – от 60 до 72 руб. А «каменными» мастерами служили иностранцы – у них было особое жалованье по контракту.

В вопросе оплаты труда необходимо еще раз сказать о рекрутах. Здесь была одна особенность – до получения «звания» мастерового – работного человека, им необходимо было пройти стадию ученичества. Наиболее четко это зафиксировано в определении Канцелярии от 12 августа 1738 г.: «Рекрутам всем, кроме определенных в конюхи и к ремеслам задельным, плату производить по десятирублевому в год окладу, не вычитая на праздничные и воскресные дни. Дабы чрез то скорее могли обучиться и заступать по науке в ремеслах и потому получать жалованье или задельную плату». Не было вычетов и когда для «домашних нужд» рекрут отпускали на несколько дней, но не более, чем на полумесяц. Отмечалось, если кто-то прогуляет – тех наказывать, «однако ж дневной пищи, какая ему определена, не отрешать, дабы всегда им исправно доходил полный их оклад»[150].

Обобщая вышеприведенный материал, представим основные профессии и оплату труда на примере Кушвинского завода кануна передачи его в частные руки.

[149] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1414. Л. 1078–1086.
[150] ГАСО Ф. 24. Оп.1. Д. 1140. Л. 100 об.

Таблица 10

Годовое жалованье работников Кушвинского завода начала 50-х гг. XVIII в.[151]

Должность	Оклад (руб.)	Должность	Оклад (руб.)
Управитель	120	Мастер доменной печи	36
Лесной надзиратель	84	Подмастерье	24
Унтер-шихтмейстер	36	Работник	16
Плотинный подмастерье	24	Кузнец	18
Плотник	17	Ученик кузнеца	12
Меховой подмастерье	21	Мастер медной плавки	30
Столяр	18	Плавильщик	24
Подмастерье на пиловании леса	18	Засыпщик	18
Пиловальщик	14	Таскальщик руды	14
Штейгер при добыче руды	60	Гармахер	30
Подштейгер	48	Подмастерье	24
Горный рабочий 1 статьи	24	Ученик	14
Горный рабочий 2 статьи	18	Конюх	12
Горный рабочий 3 статьи	12	Сторож	10

Таким образом, приведенные данные по оплате труда позволяют сделать вывод – 18 – 24 – 30 руб. получала большая часть всех категорий работников. Примечательно, что помимо индивидуальных просьб об увеличении зарплаты в архивных делах не представлены факты каких-либо массовых недовольств у работников. Их материальное положение, обеспеченное главным образом заработной платой, можно считать стабильным. Только со времени передачи заводов в частные руки начались выступления и даже массовые волнения мастеровых и работных людей. По этой теме имеется обширная литература, а одной из главных причин выступлений отмечается ухудшение жизненного уровня населения[152].

1.2. Бытовые условия и материальная обеспеченность населения

Уровень жизни населения поселков зависел от многих факторов: обеспечения жильем, хозяйственными постройками, придомовым участком, размеров жилья; приобретения необходимого количества продуктов питания, одежды, обуви (в том числе и для заводских работ); количества и разновидностей домашнего скота, овощных культур для потребления в пищу; цен на продукты

[151] Составлено по: ГАСО Ф. 24. Оп.1. Д. 1385. Л. 271.
[152] Орловский М. П. За двести лет : (очерки по истории горнозаводского Урала). Екатеринбург, 1907. С. 65.

питания, которые необходимо было купить на рынках; сумм заработной платы (жалованья).

Наиболее приближенно к теме повседневной жизни, прожиточного минимума отдельных категорий населения Урала первой трети XVIII в. подошел Д.А. Редин[153]. На наш взгляд, необходимо рассматривать проблему по отдельным категориям кадров: мастеровые, работные люди, служащие контор, офицерские кадры.

Изучая проблему, на первое место необходимо представить цены на основные продукты питания, одежду, обувь. Они во многом определяли прожиточный минимум в целом. Иными словами, какую величину составляла к уровню зарплаты стоимость, выражаясь сегодняшними терминами, «продуктовой корзины», «потребительской корзины».

Уровень прожиточного минимума и стоимость «потребительской корзины» мастеровых и работных людей горнозаводских поселков нельзя определять обобщенно. Цены на продукты питания, одежду, обувь в Екатеринбурге не могут быть взяты за основу для определения прожиточного уровня на других заводах. Здесь уже с 30-х гг. XVIII в. установилась торговая жизнь. Следует учитывать и удаленность заводов от центра управления, а расстояния были различными – Сысертский – 38 верст, Полевской – 50, Каменский – 90, Сусанский – 102, Сылвинский – 116, Алапаевский 132, Синячихинский – 142, Егошихинский – 318, Мотовилихинский – 321, Лялинский – 336, Юговские – 348, Висимский – 389, Пыскорский – 485 верст. Прожиточный минимум заводчан зависел от уровня развития сельского хозяйства в регионах. Яркий пример – в особо сложном положении, хотя и ближе к Екатеринбургу, находились заводы Гороблагодатского округа – в пустом, холодном, малонаселенном, фактически не имевшем сельского хозяйства районе[154].

В силу сложившихся обстоятельств и географического расположения заводов руководством уже в 1720-е гг. было принято, видимо, единственно

---

[153] Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 502–522.
[154] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 914. Л. 605.

верное решение – необходимые припасы покупать, «где сыскать можно». Это было продиктовано тем, что администрация Сибирской губернии, изыскивая различные причины, не отказывалась, но и не помогала в снабжении продуктами, одеждой, обувью горнозаводской регион. Особенно ярко это проявилось в неурожайные 40-е годы XVIII в., когда, например, управитель Полевского завода вынужден был самолично объезжать даже Исетскую провинцию, закупать там припасы, вести их на завод более 200 верст. И это не единичный факт – руководители заводов всех уровней ездили и далее – в Шадринск, Окуневский дистрикт, закупали и везли продовольствие. Естественно, цена товаров от поездок возрастала[155]. Для более убедительных утверждений последующего текста в приложении представлена карта расположения заводов и подконтрольных Екатеринбургу территорий (Приложение № 1).

Необходимо учитывать, что штаты 1726 г., 1730 г., 1734 г. В.И. Геннина разнятся оплатой труда в сторону повышения. Штаты же 1737 г., введенные в действие в 1741 г. оставались неизменными. Все работники, начиная от обер-офицеров до таскальщиков руды, работая в разных экономических условиях и ситуациях, получали равную оплату. Например, шихтмейстер, что в Екатеринбурге, что на Кушве – 84 руб. А условия жизни разные, отсюда и различный прожиточный минимум.

Приведем доношение И. Юдина, управителя Полевского завода, имевшего годовой оклад 120 руб. В 1731 г., явно преувеличивая, что «пришел в скудность и великие долги», он подметил: здесь «харчевые припасы, также и прочие потребы к содержанию дома против других мест» дороже. Если в Екатеринбурге, «например, ценою в пять копеек, и оное при Полевском заводе в шесть и в семь копеек», и то в харчевых и протчих материях бывает в покупках и большая передача». Это на заводе, удаленном от Екатеринбурга всего лишь на 50 верст, где вблизи были вполне солидные деревни и села, откуда можно было закупить продукты питания[156].

---

[155] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1218. Л. 702–756.
[156] Там же. Д. 328. Л. 337–338.

Особо сложно было на Гороблагодатских заводах и на Ляле, где практически отсутствовало земледелие – продукты везли с Кунгурского уезда, откуда была расчищенная дорога[157]. Но было препятствие – ближе находились заводы Демидовых, где перехватывали товары и до поселений этих казенных заводов торговцы часто не доезжали. Да и зачем им ехать дальше, если все можно продать поблизости. Никакие увещевания от казны на Демидова не действовали, он также должен был обеспечить работников всем необходимым. Поэтому не удивительно читать доношения управителей северных заводов, что работники «за недостатком хлеба до выдачи жалованья по нескольку дней бывают, не етчи, и дети их многие питаются, бродя по дворам милостынею»[158].

Заводы Пермского «куста» также находились в особых условиях: относительная близость к сельскохозяйственным районам, трактовый путь через Егошиху до Соликамска, а далее через Каму до Пыскорских заводов, хотя и был труден, но постоянен, во многом способствовал стабильности цен в регионе. То же можно сказать об Алапаевском, Каменском заводах – вокруг были плодородные сельскохозяйственные районы. То есть, невозможно уравнивать условия жизни тружеников Екатеринбурга и других казенных заводов Урала.

Исследователи «привязывают» проблему к величине и структуре солдатского провианта. Петровское законодательство о солдатском довольствии все-таки было ориентировано на армию военного времени. Например, в паек солдата помимо хлеба, крупы, соли, мяса, входило вино и пиво. Две чарки вина (246 грамм) по калориям выше хлеба и мяса. Да еще рацион включал 3 литра пива. Но получали это солдаты на фронте. В гарнизонах положение было иным. Не получали, например, солдаты на Урале вина и пива. Архивные документы дают возможность утверждать, что положение солдат (не армейских полков) также было различным. Оно включало денежное жалованье и провиант: 3 четверти муки и 1,5 четверика крупы. Но, кроме этого, иным категориям полагалась доплата за соль – 15 коп. и мясо – 48 коп. Вот что получал фузилер

[157] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.1031. Л.335–346.
[158] Там же. Д. 1090. Л. 83–89; Д.1218. Л. 729–730.

Екатеринбургских рот в 1732 г.: оклад – 90 коп. в месяц, в год – 10 руб. 80 коп., к этому полагалась доплата за соль и мясо, а еще провиант – за 3 четверти муки – 4 руб. 50 коп., 1,5 четверика крупы – 37,5 коп. В итоге годовая оплата составляла – 16 руб. 30,5 коп. А денщик при поручике получал 50 коп. в месяц и провиант на 4 руб. 87,5 коп. В итоге годовая сумма составляла лишь 10 руб. 87,5 коп. При этом необходимо помнить, что из этих денег вычитали за медицину и мундир[159].

Жалованье фуриера составляло 8 руб. 11 коп. (за вычетом на медицину), капрала – 6 руб. 43 коп., рядового – 5 руб. 46 коп., денщика – 6 руб., а к нему полагалось дополнение за провиант. Таким образом, денежное жалованье (оно было обязательным для всех) различно, хлебный провиант – одинаков[160]. Но «хлебом единым» не прожить, а дополнительно соль и мясо получали не все категории рядовых солдат. Это, да и многое иное из продуктов, нужно было покупать. Как солдаты, так и все население поселков могли получить необходимое количество калорий от различных продуктов питания.

Количество и качество продуктов сельского хозяйства во многом определяли погодные условия. Во всех регионах горнозаводского края они были разные. Более того, случалось, что в один год в конкретном районе пшеничный «яровой хлеб озяб», а урожай ржи и овса был отличный. Сложные проблемы, но мастеровые и работные люди были беспашенные и полностью зависели от поставок сельхозпродукции. А цены на продукты питания нужно иметь погодные, в ином случае картина будет не совсем точной и верной. Но собрать их по всем заводам практически невозможно, поэтому представлены ярмарочные цены или цены Екатеринбурга. Лишь за некоторые годы можно составить обобщающую сводку. Как, например, очень тяжелому по природным условиям 1748 г.:

---

[159] ГАСО Ф. 24. Оп.1. Д. 375. Л. 67.
[160] Там же. Д. 94. Л. 480–485.

Таблица 11

Цены продуктов на казенных заводах в 1748 г. (коп./пуд.)[161]

Наименование продукта	Заводы				
	Екатеринбургский	Каменский	Сылвинский	Пермского «куста»	Гороблагодатские
Мука ржаная	18–19	18	20–21	14–16	21–25
Мука пшеничная	23–24	23	–	19–21	–
Солод ржаной	17–18	–	18–20	17–19	22–25
Крупа яшная	25–26	–	34	20–23	36–38
Овес	9–11	9–10	12–13	15–18	14–16
Толокно	–	–	32	16–18	36

Рожь стояла «во главе угла» хлебного потребления: ржаной хлеб здоровее по сравнению с другими, рожь в зернах прочнее, долго не портилась при бытовом хранении, она лучше годилась на солод, необходимый для варения кваса и пива. Наконец, рожь давала стабильно надежную урожайность. Овес неприхотлив, растет даже на плохих почвах, дает стабильный, хотя и невысокий урожай. Без этой культуры корм лошадей практически невозможен, а лошадь без овса не сможет работать. Ячмень также неприхотлив, срок вегетации его короток, урожайность средняя, а солод из него был не менее ценен, чем ржаной.

Представим цены на продукты питания за отдельные годы:

Таблица 12

Цены на продукты питания в 20–50-х гг. XVIII в.[162]

Год	Наименование продукции, коп. пуд;					
	Мука ржаная	Мука пшеничная	Крупа яшная	Солод	Мука гороховая	Мука овсяная
1729	20	–	–	–	–	–
1733	6	–	15	9–10	–	–
1735	13–14	21–22	23	–	–	–
1736	19–20	24–25	26	24	–	–
1737	18–20	24–25	17–18	11–12	20–23	–
1739	10–13	27–32	–	15–18	–	7
1740	8–9	22–23	–	11–14	–	7
1742	12–13	–	–	–	–	–
1750	18–26	27–35	18–24	24–30	23–25	–
1751	20–23	27–32	19–23	18–22	22–26	–
1752	9–13	18–24	10–13	14–18	16–17	–

[161] Составлено по: ГАСО Ф. 24. Оп.1. Д. 1218. Л. 740–762.

[162] Составлено по: ГАСО Ф.24. Оп.1. Д. 218. Л. 186; Д.350. Л. 147.; Д. 464а. Л. 199; Д. 562. Л. 1270; Д. 1013. Л. 757–758; Д. 1072. Л. 76–89; Д. 1079. Л. 435–500; Д. 1561. Л. 938–940. Прочерк означает, что данных не найдено.

Скрупулезный анализ по представленным данным фактически невозможен. Цены росли и падали, во многом зависели от «воли Божией». В.И. Геннин приводит следующие цены на продукты питания: «продаетца того хлеба пуд ржи по 4 и по 5 копеек, овса по три, пшенишной муки по 10, ячмень по 4 копейки … и пуд мяса продаетца по 20 и по 30 копеек»[163]. 1729, 1739, 1744, 1748, 1751 гг. были крайне неурожайными.

С вышеотмеченной проблемой связана система закупок. Ее необходимо осветить более подробно по многим причинам – у исследователей нет единого мнения. Руководством казенных заводов уже в 1720-е гг. было четко определено: холостому рабочему полагалось 2 пуда муки на месяц, женатому – 3 пуда, плюс на двух несовершеннолетних детей – 1 пуд. Эти нормы действовали на протяжении всего исследуемого периода, поэтому можно легко подсчитать, имея цены, какая доля зарплаты шла на покупку хлеба. Но порядки закупки «харчей» часто менялись, поэтому представим основные вехи этого мероприятия. Оно примыкает и проблеме выдачи жалованья, предельной ее сумме, когда можно было получать муку в счет заработной платы или рассчитываться при покупке.

Сразу нужно отметить – выдача из казны ржаной муки никогда не была дополнительной выплатой к жалованью. Решался лишь вопрос – как платить заработную плату и как рассчитываться за ржаную муку (кроме нее редко, не на всех заводах, дополнительно закупалась крупа). В начале1720-х гг. торговля была вольной. 17 января 1725 г. на все заводы был разослан указ Сибирского обер-бергамта: велено «купецким и всякого чина людям для всенародной пользы муку, крупу, солод и всякой молотой и толченой хлеб до полудни продавать обывателям, а перекупщикам только с полудни»[164]. Закупки осуществляли или заводские конторы, или труженики «запасались» сами собой – выбирали из своей среды «закупщиков». Удивительно, но эта система ежегодно зависела «от блогодати Божеской» – если цены не высоки – запасали закупщики, если высокие – заводские конторы[165].

---

[163] Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735. М., 1937. С. 72.
[164] ГАСО. Ф. 24.Оп. 1. Д. 422. Л.385–387; Д. 474. Л. 144–150.
[165] Там же. Д. 1523. Л.336–338.

Указом Коммерц-коллегии от 9 января 1734 г. было определено: кто получает менее 5 руб. в месяц, жалованье выдавать ежемесячно, мастеровые «тем себя исправлять и на месяц провиант и обувь запасать могут без нужды».

Ситуация стабилизировалась, рабочий люд обзавелся хозяйством, в целом сводил «концы с концами» жизненные потребности. Но в середине 40-х гг. XVIII в. последовали указы императрицы от 11 мая 1744 г., а также от 5 июля 1745 г., 20 июня 1746 г. в исторической литературе они по каким-то причинам не рассматриваются. А они очень важны для изучения проблем жизненного уровня низших слоев населения. Указы короткие, но при этом сильно ухудшившие материальное положение той части народа, на руках которых были лишь медные пятикопеечники. Ими платили месячное жалованье, они были в ходу на рынках.

Процитируем указ от 11 мая 1744 г.: «Указали мы, наделанным в России в прошлых годах медным пятикопеечникам, августа с первого числа сего 1744 г. в народе ходить и в нашу казну во всякие сборы принимать по четыре копейки»[166]. То есть государство ограбило малообеспеченных на 20 %. Двумя последующими указами – еще на 40 %. Оплата труда осталась прежней, а покупная способность упала, денег не хватало даже на скудный провиант. Удручающие положение четко прослеживается по оптовой закупке ржаного хлеба, к ней приступили на основании указа Канцелярии от 27 мая 1745 г. Большое количество просьб управителей заводов вернуться к системе, «как прежде бывало», «дабы люди при работах как сами, также жены и дети их без дневной пищи не могли претерпевать глада», подтолкнули к этому. Расчет, повторим, не изменился с прежних времен – холостым по 2 пуда, женатым – по 3, «на малолетних детей на две души» – еще пуд[167]. Но лишь тем, кто получал в год не более 15 руб. Тяжелые 1747–1748 гг., когда «хлеб вызяб» во многих районах Предуралья и Зауралья, усугубили ситуацию. Хлеб стали получать в долг и те работники, которые имели не более 24 руб. в год.

---

[166] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т. 12. № 8939, 9185, 9297. Григорьев Э. А., Мещеряков В. Н., Черноухов А. В. Екатеринбургский монетный двор. История. Каталог. Документы. Екатеринбург, 2010. С. 44–45.

[167] ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 1218. Л. 712.

Канцелярия указом от 26 августа 1751 г. потребовала от заводских контор ежегодных предварительных сведений-заказов о порядке закупок «харчей» для работников на очередной год. Конечный итог был следующим: 12 ноября 1754 г. Канцелярия определила: заводским конторам «покупку в казну провианта заготовить таким порядком, как и прежде заготовление оному было, только на одних тех ремесленников, кои жалованье не свыше пятнадцати рублев в год получают, да на каторжных, сколько надобно, без излишества. А на приказных служителей, мастеровых и работных людей, кои жалованье больше пятнадцати рублев получают, заготовления, для избежания в щетах немалого излишнего труда, не чинить, а имеют они тем довольствоваться покупного сами собою[168].

В завершение обзора покупки продуктов питания и других товаров необходимо отразить следующие события. Уже в 20-е годы XVIII в. В.Н. Татищев, а особенно В.И. Геннин, стали добиваться создания на горнозаводском Урале стабильных ярмарок и торжков. В это время появились на Урале и местные купцы – предприимчивые дельцы, которые ездили по слободам, селам и деревням для оптовых закупок пищевых припасов. Среди них можно назвать М. Бармина, М. Сапожникова и Н. Петрова. Они ездили для закупки на Ирбитскую, редко даже на далекую Макарьевскую ярмарки[169]. Отмечалось: в Успенском Долматовом монастыре 6 декабря «повсегодно бывает торг и с товарами из разных мест людей сьезжается немало, и про заводской обиход подлежащих припасов чрез нарочно посланных отсюда тамо покупалось довольно»[170].

В конечном итоге В.И. Геннин добился своего. На его неоднократные просьбы в апреле 1732 г. последовал указ из Сибирского приказа, а в октябре – из Сената о том, чтобы таможенники «с привозного на казенные заводы на продажу хлеба и харчевых припасов и прочие мелочи, что к одежде и обуви потребно, с тех, кто оное привозить будет, с продажи пошлин не брать, дабы в

---

[168] ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 1523. Л. 336.

[169] Там же. Д. 218. Л. 101─106; Д. 422. Л. 40–42, 107–109, 137–138; Д. 450. Л. 358; Д. 500. Л. 52─56; Д. 849. Л. 559–573.

[170] Там же. Д. 893. Л. 1030–1044.

привозе оных придать охоту, а мастеровые и работные люди и заводские служители в том обиды не понесли».

В Берг-регламенте 1739 г. за подписью Е.И.В. «для вящей пользы заводам» это положение было подтверждено. И дополнено условием – «только чтоб в привозе того не более было, как сколько на пропитание обретающихся на заводах людей, а не на посторонную продажу»[171].

Но таможенники нарушали требования – не брать пошлин. Доказать на таможне и заставах купцу, что купленные товары предназначены для горнозаводского ведомства, практически было невозможно. Не помогали даже «прочетные указы», даваемые Канцелярией купцам для предьявления таможенникам, где четко прописывались указы о запрещении брать пошлины. Купцы ежегодно жаловались: «сбирают во взяток деньги, да сверх того еще бьют и мучуют напрасно, от чего происходят несносные убытки и разорения». Этот произвол уральскому начальству прекратить так и не удалось. Только за последние пять лет до отмены внутренних таможен горнозаводские власти шесть раз посылали промемории тобольским губернским властям с просьбами навести порядок, но не помогало. А от этого страдало в первую очередь население заводских поселков. Цены на товары росли, иное необходимое купить было вообще сложно[172]. Мастеровые и работные люди многократно писали в Канцелярию: «обретаемся в заводских работах безотлучно, а харч, платье и обувь продаются дорогою ценою», не пускают на рынки купцы крестьян «для своей корысти, чем наводят жителям крайнее разорение»[173]. Крестьянам запрещалось строить лавки в гостиных дворах и базарах, они могли торговать лишь рядом, во временных балаганах, где не было условий для хранения товара. Просьбы людей не были удовлетворены и в 50-е гг. XVIII в., люди посада, желающие торговать, должны были записываться в купечество, объявить капитал[174].

---

[171] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1399. Л. 489–490.
[172] Там же. Л. 106–113, 489–495.
[173] Там же. Д. 1729. Л. 88–89.
[174] Половников А.П. Торговля в старой России. М., 1985. 100 с.

Помимо продуктов питания жителям заводских поселков необходимо была одежда и обувь. 20 июня 1742 г. в Екатеринбурге «от великого грома и молнии» случился пожар. Сгорело три из четырех рядов торговых лавок гостиного двора. Пожар был «велик», о таких необходимо было докладывать в Сенат, поэтому горнозаводские власти составили подробнейшую опись погорелых товаров. По этому источнику (критично надо лишь относиться к оценке сумм сгоревшего) можно представить перечень товаров, которые были в обиходе у населения. Например, сгорело много сортов разных тканей, иглы, нитки. Видимо, всю необходимую одежду и обувь на семью женщины шили в домашних условиях[175].

Но на рабочих местах всем полагалось быть в «немецком платье», т.е. выполнялся указ Петра I. Свидетельствует об этом скандал на Лялинском заводе, где управителю был поставлен в вину факт – рабочие одеты «не по форме» и не бриты. Управитель ответствовал: денег на форменное платье у населения нет, да и горит оно у печей намного быстрее, чем обычная русская одежда. А не бреются по иной причине – нет на заводе бритв и купить их невозможно[176]. «Форма», бритвы стоили денег, их покупку непременно нужно включать в сумму «прожиточного минимума».

Подтверждает факт ношения иноземного платья и особый документ – паспорт. Его выдавали заводские конторы отправлявшимся на прежнее место жительства, отставленным по старости или болезням от работ труженикам. Приведем выдержки из паспорта доменного работника Ф.Т. Даурцева: «жить ему в здешнем заводском ведомстве и нигде никому никакого насилия и утеснения не чинить, за ево службу показывать всякое благодеяние. Равным же образом ему, Даурцеву, никаких своевольств, насилия и обид никому не чинить же, и по миру не ходить и милостины не просить … и содержать себя в чистоте, платье немецкое носить и бороду брить … и пропитание иметь будет сам от себя и от

[175] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 986. Л. 264–290.
[176] Там же. Д. 1031. Л. 241–309.

детей своих, определенных к делам. По смерти же ево, у кого сей паспорт останется, объявить, где надлежит, без умедления»[177].

После работы, в выходные, праздники, жители не носили немецкой формы, переодевались в обычные одежды. В эти часы работник волен был носить, что угодно. Вот, например, управитель завода в 1739 г. А. Хрущев поздно вечером «в бурлатском зипуне, котах и маленькой шапке» с дворовыми людьми крепко побил барона И.П. фон Баннера, который перешел ему дорогу «по женским похождениям». При этом последний жаловался: «платье, кавтан и камзол, и рубашку на мне изодрали»[178].

Как уже отмечалось, основную категорию работников заводских поселков составляли бывшие крестьяне окружных сел и деревень. Естественно, что они принесли с собой сформировавшийся там домашний обиход. В работе Л.В. Милова описана одежда и обувь сельских жителей XVII–XVIII вв.[179]. Мужчины вне работы обычно носили кафтаны, балахоны, рубашки, порты (зимой и подштанники), онучи, коты, шляпы, шубы. От иностранцев, видимо, пришли «сапоги козловые» и башмаки. Женская одежда была разнообразнее: сарафаны, рубахи, душегрейки, зипуны, коты, шубы, летом балахоны. Архивные документы фиксируют у женщин украшения, в частности, серьги, а также разного рода нашивки-вышивки. Рубахи шились из льняной ткани, поверх надевали холщевый сарафан без рукавов, но с рядом пуговиц. На праздники они имели платье – «ферязь». В холодное время года на сарафан для тепла надевали кофты, юбки, душегрейки-телогрейки. На голове – платки, причудливые кокошники. Шубы практически не отличались от мужских – овчинные. Украшения – предмет особых забот – всегда стоили денег, поэтому на женский убор денег тратилось намного больше, чем на мужской. Но нужно иметь в виду и иное – женщины сами пряли, ткали и шили, то есть в изготовлении одежды и обуви экономили[180].

---

[177] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1140. Л. 478 об.
[178] Там же. Д. 901. Л. 542–543.
[179] Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 324–354.
[180] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1049. Л. 603–604.

Вокруг заводских поселков в селах имелись кожевенные, суконные и иные производства. Поэтому в целом повседневная одежда и обувь семье обходилась не слишком дорого, до 1–2 руб. в год. Например, коты (полусапоги) стоили 16 – 18 коп., черные и красные «кожи яловишные» продавались до рубля за штуку, из нее можно было изготовить две-три пары обуви[181]. Какие-то элементы одежды и обуви привнесли на Урал и немецкие специалисты. Возможно, башмаки с застежками, «сапоги козловые». Но эти вещи стоили дорого, на рынке стоили до 50 коп. пара[182].

Верхняя мужская одежда – кафтан был в покрое предельно прост, его шили, вероятно, в домашних условиях из сермяжного – простого, грубого сукна. Он был естественного цвета или крашеный. Под кафтаном – рубаха и порты, также из простых льняных или хлопчатобумажных тканей. На ногах обычно шерстяные чулки, а зимой поверх них – холщевые онучи. Сапоги шили из кожи, кожаными были и коты (полусапоги). Шуба обычно из овчины, она была пригодна для ношения не менее трех лет. Шапки, а летом шляпы, также были суконные. Возможно, лишь офицеры и зажиточные служащие могли позволить шить меховые шапки. Рукавицы, как для работы, так и вне ее, также шили из кожи. Зимой для тепла вкладывали шерстяные варежки.

В мужской одежде и обуви присутствовал рационализм (не бедность), отсутствие излишеств, но приспособленность к климатическим условиям. Простота покроя давала возможность многое шить в домашних условиях. Но поскольку в архивных документах в заводских поселках фигурируют портные, что-то изготовлялось и на заказ.

О предметах домашнего обихода сохранились скудные сведения. Известно лишь, что широко использовалась посуда из дерева, а также сосновые бочонки для соления. Котлы для варки пищи были чугунные, для розлива молока, кваса, сока, удобной была глиняная посуда.

---

[181] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1049. Л. 603–604.
[182] Там же. Д. 1730. Л. 463.

С 30-х гг. XVIII в. в хозяйствах появилась медная посуда – рукомойники, меденики (котлы), кунганы (кувшины), тазы, различных размеров блюда, солонки, чашки.

В более обеспеченных семьях не в диковинку была оловянная посуда. Так, например, подканцелярист Ф. Лодыгин имел оловянные блюда, ложки, вилки, рюмки, кунган, солонку, уксусник, «щипсы», сахар колоть, ножики. У него кстати, были и хрустальные стаканы и рюмки, «зеркало стеновое хрустальное» скатерть на стол, салфетки, имел он и костяные шахматы. В хозяйстве была лошадь и корова[183]. Более обеспеченные офицеры имели и серебряную посуду. То есть можно говорить, что бытовые условия жителей поселков отличались в лучшую сторону от сельского населения. Например, в документах о покупке обуви нет упоминания лаптей. Для жителей поселков они не годились для использования.

Важнейшей составляющей в обеспечении и поддержании жизненного уровня жителей поселков после заработной платы и возможности покупки на нее основных продуктов питания, являлось приусадебное хозяйство и связанное с ним разведение, содержание крупного и мелкого скота, приобретение сенных покосов. Со времени появления первых трех казенных заводских поселков проблему заготовки работниками сена решали назначенные губернской властью комиссары индивидуально. И здесь процветали поборы и взятки. Это ярко выявилось в поданных В.И. Геннину челобитных в 1723–1724 гг.[184] С переходом заводов в горнозаводское ведомство ситуация изменилась. А с появлением крупного Екатеринбургского завода в 1723 г., а также соседствующих с ним Верх-Исетского и Уктусского населенных пунктов, вводом в строй новых заводов, остро проявилась проблема наделения и размежевания сенных покосов, необходимых для содержания скота и лошадей.

Для заводских нужд сено для лошадей ставили подрядом. Для личных нужд, пока распоряжений из Сибирского обер-бергамта не было, жители участки

[183] ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 610. Л. 103–114.
[184] Там же. Д. 5а. Л. 6–28.

занимали хаотично. Начинались споры и ссоры. Местные комиссары не осмеливались на самостоятельные решения. Они пересылали прошения работников в Сибирский обер-бергамт. К лету 1724 г. их скопилось множество, все они практически одинаковы: «жалованье дается небольшое, купить сено не на что»; «чтобы которая у нас есть скотинешко, голодною смертию не уморить»; «живем на заводе с женами и детьми, имеем скот, а купить сено не можем»; «надобно про свои домовые нужды для прокормления скота поставить к зимнему времени сено»[185].

Проблему необходимо было решать. Поэтому В.И. Геннин приказал отпускать людей всех заводов по очереди, «по половине или трети», на неделю в июле и августе, «ежели крайней нужды нет», на сенокос, но за неделю, даже при хорошей погоде, много сена не заготовить, в 1724 г. практически на всех «фабриках» в людях была нужда – доменное производство не остановить и в добыче руд отмечалась крайняя нужда.

В следующем году ситуация повторилась, и в Сибирском обер-бергамте решили написать в Берг-коллегию, ждать резолюции. Она последовала, но нового в ней ничего не было. Указом Берг-коллегии от 26 января 1726 г. предписывалось: «мастеровых и работных людей русских, кроме иностранцев», для заготовки сена «увольнять от тех работ, у которых крайней нужды нет по неделе, считая в то число и праздничные, по половине или по третям»[186]. При этом уточнялось: только тех, кто имел скот, только женатых с детьми, а остальных, особенно рекрут, не отпускать, так как они «токмо будут пьянствовать, гулять и науку в мастерстве их потерять могут»[187]. При этом всем, кто получал менее 12 руб. в год, сохранялась оплата за неделю, выделенную на сенокос. Кто получал выше – оплаты не было.

Местной власти с сенокосами приходилось решать много проблем. Архивные документы дают возможность представить практически полностью их решение. Проблем было много: устанавливать размер участков сенокоса;

---

[185] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 74. Л. 592–593.
[186] Там же. Д. 865. Л. 190.
[187] Там же. Д. 122. Л. 79.

определять очередность («по рангам») выделения; вести размежевание лугов; наносить разметки на чертежи; вносить фамилий хозяев в специальные книги и др.

В 1729 г., 19 июля, в Сибирском обер-бергамте решили: места для кошения сена «отводить на начальников по рангам, чтоб каждому было на число его лошадей и толико же на рогатый скот, а мастеровым людям – на одну лошадь и корову». А если кто дополнительно найдет место для покоса – запрета нет. Для руководителей всех небольших заводских поселков, где лугов было достаточно, такая формулировка оказалась удачной[188]. Но для округи Екатеринбург – Верх-Исетский – Уктусские заводы – решение оказалось сложным. Начались споры и самозахваты среди мастеровых. Поэтому 27 июля 1731 г. появилось более строгое определение: все сенные покосы размежевать и поставить грани. Для выполнения этой работы были выделены поручик С. Сикорский и механик Н. Бахорев. Они в августе 1732 г. представили в Сибирский обер-бергамт первые чертежи и «записную книгу». Но заводские поселки росли, новые люди просили выделить им покосы. Им временно разрешали косить на «порозжих местах», где отводов не было.

Недельный срок для заготовки сена был очень мал. Постоянные просьбы об увеличении времени возымели действие. В 1735 г. было решено отпускать мастеровых всех заводов для заготовки сена в июле и августе на 20 дней, «не всех вдруг, но по рассмотрению, по третям или по половине»[189].

В этом же году состоялись еще два решения Канцелярии – офицеров обязали ездить на заводы, расположенные от Екатеринбурга не далее 50 верст, на своих лошадях. «И для того луга около заводов каждому отвести и во время сенокосу давать работников на месяц против числа денсчиков по рангу вдвое».

27 августа 1735 г., «чтоб впредь споров не было и чужих [участков] не косили», в Канцелярии решили провести новое межевание, с учетом рангов: лучшие луга отвести на казенные нужды, потом давать главным командирам и офицерам, секретарям и членам главного правления, заводским управителям и

---

[188] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 865. Л. 190.
[189] Там же. Л. 190 об., 405–420, 560.

надзирателям, подьячим и мастерам; мастеровым и работным людям. Бобылям и ссыльным места сенокосов не отводились. Более конкретно это выглядело следующим образом: офицерам – «по рангам их, по числу рационов на каждую лошадь»; приказным служителям, мастерам и прочим, «кои не в рангах», – на одну лошадь, а на крупный рогатый скот, кроме офицеров, «отводу чинить не велено». Явное упущение команды В.Н. Татищева. Этот вывод обоснован тем, что в 1734–1735 гг. В.Н. Татищев объехал с ревизией практически все казенные заводы. Путевые журналы зафиксировали многие непорядки – как на производствах, так и в хозяйстве заводских поселков. Особо его возмущало положение дел в столице края. В итоге в 1735 г. В.Н. Татищев, видя, что многие жители Екатеринбурга не отдают скот для пастьбы (за нее нужно было платить) и он «слоняется по улицам», приказал переписать всех хозяев-держателей живности, а также количество лошадей, крупного рогатого скота, овец, баранов, коз, свиней. Этот документ можно считать уникальным: в нем были представлены фамилии, должности, профессии жителей торговой и церковной сторон Екатеринбурга внутри крепости, а также населения, живущего по верхнему и нижнему течению Исети, держателей скота.

На 489 дворов (на торговой стороне – 106, церковной – 170, вдоль пруда и вверх по реке – 98, в нижнем течении – 95) приходилось: «всякого скота» 1253 голов, из них лошадей – 549, крупного рогатого скота – 575, овец, баранов, коз – 75, свиней – 54. Практически все категории населения держали живность: у В.Н. Татищева – 3 коровы; его первого помощника А.Ф. Хрущева также 3, да еще 3 барана, 1 коза; у заводского комиссара, обер-гиттенфервальтера Я. Бекетова – 1 корова, 2 свиньи; не гнушались хозяйством и иностранцы. В числе держателей были мастера, служащие – от протоколиста до копиистов, мастеровые, разночинцы, бобыли, солдаты, даже ссыльные[190]. Так что решать «сенокосный вопрос» было необходимо

Руководителем межевания сенокосных участков был назначен геодезист И. Шишков, в помощники ему определены И. Баннер и М. Тромберг. Они не

[190] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 610. Л. 249–282.

завершили работу и к концу 1737 г. В.Н. Татищев с Урала уехал, работа остановилась, а прошений прибавлялось, споры стали постоянными. В итоге жалобы населения возымели действие. В 1740 г. власти, отмечая, что «приказные служители, мастеровые люди и прочие обыватели почти все женатые и имеют у себя детей и без которых покосов пробыть им не можно», решили лицам, «кои хотя и не в рангах», дополнительно отводить покос в расчете и на одну корову. В июне 1740 г. возобновилась работа по межеванию. Во главе ее был определен прекрасный специалист и картограф, волею судьбы лишенный в 1738 г. офицерских чинов, ставший «бывшим маркшейдером», М. Кутузов. Он блестяще выполнил работу, полтора месяца объезжал территории вокруг Екатеринбургского, Верх-Исетского, Уктусских заводов, описал, составил «черный и белые чертежи» на 359 сенокосных участков, в мае 1741 г., уже будучи вновь шихтмейстером (вина ему прощена по именному указу) передал все документы в Канцелярию.

Но 19 июня 1741 г. получил новое задание – накопилось много «новых прошений», необходимо было продолжить и завершить работу, и Кутузов ее вновь начал, но не успел закончить ее, умер. Дело передали Н. Бахореву и Ф. Санникову, они в июле 1743 г. завершили работу, представили картину лучших, средних и плохих лугов. В 40-е гг. XVIII в. межевания стали проводиться регулярно, в числе руководителей числились И. Сусоров, А. Кичигин и другие. А жители, кого не заносили в книги, искали свободные участки или же покупали сено у крестьян окрестных деревень[191].

Указом Канцелярии от 17 мая 1743 г. предписывалось мастеровых, работных людей и рекрут «для поставки сена уволнять в каждой год по двадцати дней как тех, кои скот имеют, так и тех, кои не имеют, чтоб они равно все в том выгоду имели и без отмены одне против других пользоватца могли, наипаче неимущие, чрез то притяжав что-либо, обзаводиться [скотом] могли». Как и ранее, было подтверждено – кто получал годовой оклад не более 12 руб., по их

[191] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 865. Л. 226–227.

«скудости и нужде», деньги, как и у рекрут, не вычитали. Кто получал более – за время поставки сена денег не получали[192].

Такое положение просуществовало до конца 1746 г., когда Президент Берг-коллегии А.Ф. Томилов, во время пребывания на Урале, определил 10 ноября: впредь без работы на заводах мастеровым и работным людям никому кормовых и никаких денег производить напрасно не надлежит» и люди, получавшие годовой оклад до 12 руб., как и остальные, лишились оплаты за дни сенокоса.[193].

В летнее время табуны казенных лошадей, лошади и коровы частные паслись на отдельно выделенных поскотинах. Казна содержала пастухов, а население нанимало их за собственные деньги. В летнее время, с мая до начала октября – по 12 коп. с коровы и по 5 коп. с овец, коз, даже свиней, если они были в стаде[194]. Одна неприятность – на поскотины ночью приходили медведи и «лошадей давили», «побили немало». Необходим был их отстрел, но у мастеровых не было пороха. По их просьбам порох и ружья выдавали по специальным разрешениям в Канцелярии – «чтоб оной зверь, слыша порох, не так мог смело поступать»[195]. Более состоятельные, в основном служащие контор, просили «для держания скотишка» отведения личных поскотин, им это разрешали[196].

Помимо лошади, без которой в хозяйстве обойтись было невозможно, основной кормилицы – коровы, у заводского населения были козы, овцы, бараны, гуси, утки, курицы, индюшки, свиньи. Стоимость «мелочи» на рынке была не велика – например, гусь – 5 коп., утка – 3 коп, курица – 1,5 коп. За их содержание отвечали хозяева, находились они при усадьбе. И конечно же, в домах имелись собаки, коты и кошки. Первые для охраны, вторые для борьбы с мышами. Кое-кто, видимо, для удивления соседей, держал на цепи медведя[197]. Масло

[192] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1140. Л. 99–100.
[193] Там же. Л. 101.
[194] Там же. Д. 549. Л. 282–283.
[195] Там же. Д. 1414. Л. 333–333 об.
[196] Там же. Д. 96. Л. 83.
[197] Там же. Д. 901. Л. 452–453; Д. 1414. Л. 137.

покупалось на рынке не дороже 1 руб. 20 коп. пуд, мед стоил до 2-х рублей. За 2 руб. 50 коп. можно было купить быка на мясо[198].

Таким образом, к денежному жалованью солидным подспорьем заводским жителям являлась живность. Горнозаводская власть была крайне заинтересована в разведении крупного рогатого скота, поскольку только говяжье сало было пригодно на изготовление свеч, которых требовалось в заводских и горных производствах огромное множество. Без свеч невозможно было жить и работать. Годовые расчеты показывали – в среднем сальные свечи горели по 8 часов, из пуда топленого сала изготовляли до 200 штук. Но готовить их было сложно, случались негодные – «затем, что весьма оплывчивы и горят скоро». Покупалось в основном не топленое сало, его со знанием дела переваривали в топленое. Свечи изготовляли подрядчики, срок годности их был мал, от долговременного лежания они портились, горели не положенные 8 часов. Убытки за излишне использованные свечи взимались с управителей заводов, как например случилось с В. Титовым в Сысерти, ему насчитали 10,5 руб. штрафа[199].

Поэтому неудивителен указ Сибирского обер-бергамта от 16 августа 1729 г.: «Мясникам сало под страхом смертной казни, пока в казну не куплено, никому не продавать». В 1733 г. указ повторили, все торговцы получили его под расписку. С отъездом В.И. Геннина мясники эти указы стали игнорировать, потребовался новый, и 3 марта 1738 г. повторены прежние требования с дополнением – из числа торговца полагалось выбирать старосту, который «должен помесячно рапортовать о количестве скота и сала» в Канцелярию[200].

Безусловно крупный рогатый скот являлся серьезным подспорьем к денежному жалованью и играл большую роль в поддержании жизненного уровня многих категорий жителей. Поэтому покупали, везли (пригоняли) скот мясники не только с окрестных сел и деревень, но и с далеко отстоящих от горнозаводского ведомства. Говяжье мясо на ранках заводских поселков практически никогда не продавалось выше 25–30 коп. пуд, а сало 40–45 коп. пуд.

---

[198] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1291. Л. 200–220.
[199] Там же. Д. 1561. Л. 974–980.
[200] Там же. Д. 385. Л. 245; Д. 849. Л. 559–560; Д. 867. Л. 585–588; Д. 701. Л. 61–62.

Исходя из этого можно утверждать, что у большей части населения на столе были молочные и мясные продукты. А так как появился указ Канцелярии (он был разослан на все заводы) о том, что жителям вменялось в обязанность нанимать пастухов для пастьбы личного скота, платить им, то можно утверждать, что у жителей всех поселков имелся «слонявшийся по улицам» скот, а порядок навести было необходимо.

Это было жизненно важно. Страшных эпидемий (за исключением одной) в горнозаводских поселках в первой половине XVIII в. архивные документы не зафиксированы. Но болезни скота были, их боялись все – это урон хозяйству, урон производству. Поэтому не удивительно, что на любой сигнал, даже слух, власти реагировали, и непременно требовали разбора – от какой болезни «упала» лошадь или корова. Был губернаторский наказ 1728 г., где в 38 пункте зафиксировано – при эпидемиях «от тех мест по всем дорогам и по малым стяжкам поставить крепкие заставы и иметь при них караулы и при них огни…».

Приведем пример, 5 июля 1732 г. подьячий Яков Солонкин заметил: в Невьянском Богоявленском монастыре, от Невьянской слободы в 10 верстах вверх по Нейве реке, «от болезни, которая называется прострелом» скот и люди умирают. Немедленно туда был отправлен посыльщик узнать подробности. Уже 9 июля от посыльного получен ответ – нет болезней, через два дня состоялось решение в Сибирском обер-бергамте: Я. Солонкина «за ложное показание о моровой язве наказать батожьем» и вычесть из жалованья за отправку в Алапаевск и обратно посыльного[201].

Меры по борьбе со скотским падежом были подробно изложены в указе Сената от 21 июля 1747 г.[202] Применять их пришлось уже вскоре. В июне 1750 г. в Каменском заводе началась эпидемия среди животных: «Как при заводе, так и в слободах и в деревнях скотский падеж. А наибольше конский, которого исчислить невозможно, пока не окончится. И так валятся, что и в землю не успевают закапывать». «У лошадей является опухлость небольшая, по коей часов

[201] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 397. Л. 402 об.
[202]Там же. Д. 1153. Л. 403–405.

более десяти живы не бывают». Падеж распространялся с юга и менее чем за неделю охватил поселки Полевского, Северского, Сысертского заводов, настиг и Екатеринбург. За неделю пали более 30 обывательских лошадей. К середине июля падеж начался по всему Екатеринбургскому ведомству, по Гороблагодатским и Демидовским заводам[203].

Для предотвращения эпидемии было решено «здоровой скот как скоро можно из тех мест, где падеж есть, от больного скота отогнать в особливые способные места» – поля и степи, расположенные не менее чем в 5 верстах от зараженных. Скот закапывали в «падежных» ямах или сжигали, обывателям запретили убивать и употреблять в пищу зараженных животных, касаться умерших животных.

Занимающиеся зарыванием и сжиганием туш работники должны были мазать руки и сапоги дегтем и носить «пред носом своим и ртом» вымоченную в дегте «тряпицу». Жителям рекомендовалось иметь в доме деготь «для поправления воздуха и предосторожности», жевать можжевеловые ягоды, часто полоскать рот уксусом, «в пищу и питие употреблять всячески кислоту», умеренно пить горячее вино, «дабы, колико можно, в рассуждении их убытку и разорения ободрилися и не печалилися, понеже известно, что в таковых случаях печаль весьма склоняет людей к получению заразы». Проезжающим по дорогам не позволяли останавливаться близ зараженных мест, для чего учредили заставы, которые контролировали слободские старосты, свободных солдат не нашлось[204].

Искали способы борьбы с бедой. Так, сысертский работник Родион Погадаев вспомнил, как в Башкирскую войну от поветрия в крепостях по Московской дороге пользовали лошадей батуном (махоркой), нашатырем и лыком некоего дерева «дикий перец»: «И о том диком перце знает Екатеринбургского завода отставной молотовой подмастерье Лаврентий Палкин, который ныне живет в Нижне-Решетской деревне». Палкин в расспросах

[203] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1295. Л. 1–81.
[204] Там же. Л. 13–16.

показал, что «дикий перец растет около озера Исетского по берегу, в ельнике и липняке»[205].

Однако средство действия не возымело, за июль-декабрь 1750 г. в Екатеринбургском ведомстве были потеряны 10 541 лошадь, 7 664 головы рогатого скота, 9 355 овец, 12 203 жеребенка. При составлении этих данных в Канцелярии указывались имена лиц, утративших скот, что позволяет узнать численность мужского населения на 1750 г. – 28 819 лиц мужского пола, из них 12 376 годных в работу[206].

Таким образом, представленные материалы свидетельствуют, что в исследуемый период горнозаводские власти уделяли внимание улучшению бытовых условий и материальной обеспеченности работников. Оформление гостиных дворов, торжков, базаров способствовало стабильности в покупке продуктов питания, одежды, обуви. А появление в хозяйствах лошадей, коров, мелкого скота, птицы являлось солидным подспорьем в поддержании уровня жизни населения.

1.3. Образ жизни населения: отдых и нравы

Прибывшие на Урал сначала В.Н. Татищев в 1720 г., а затем в 1722 г. В.И. Геннин призывали к борьбе с «леностью» и пьянством работников. В.Н. Татищев, например, считал, что только трудом можно принести пользу себе и, следовательно, государству, был уверен в необходимости принуждения к работе всех без исключения. В «Разсуждении о ревизии поголовной и касаючемся до оной» он, в качестве одного из эффективных способов увеличения «государственного интереса», указывал на «понуждение к трудам», уверял – «здешний народ безмерным ленностям подвержен, … еще многия от обычая и ленности празднования умыслили», что «уменьшение тунеядцев во всех обстоятельствах немалую государству пользу приносят»[207].

Вот что, например, увидел В.И. Геннин уже в первые месяцы пребывания на Урале в обычае «помочей»: «созывая соседей на работу, а оное ни для чего

---

[205] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1295. Л. 5–6.
[206] Там же. Л. 82–620.
[207] Татищев В. Н. Избранные произведения. / под ред. С.Н. Сапко. М., 1979. С. 362.

иного, токмо что для пьянства, понеже надобно ему наварить пива, убить скотину и в том токмо более пропьют и прогуляют, переезжая из дому в дом»[208]. В.И. Геннин, будучи иностранцем, не знал и не мог оценить преимуществ традиции русского коллективизма и взаимопомощи, которые позволяли выполнять многие работы, например, строительство дома, сообща. Поэтому он крайне отрицательно относился к практике «помочей».

Исходя из выше отмеченного, станет неудивительным текст, зафиксированный в Наказе заводскому комиссару Т. Бурцеву от 27 февраля 1721 г. В.Н. Татищева зафиксировано – людей, «кроме недель, господских праздников и государских ангелов с работ не спущать»[209].

И «не спущали» с работ тружеников первые начальники казенных заводов. В наказе В.Н. Татищева комиссару Ф. Неклюдову от 1723 г. в 6 главе зафиксированы рабочее время работникам заводов. [210] Исследователи изучали величину рабочего дня в первой половине XVIII в.[211] На взгляд автора мнения историков по этой проблеме совершенно точно обобщил А.Г. Козлов: он зависел от световой части дня, в разные месяцы года рабочий день был не одинаковым[212]. В темное время года, например, при добыче и сортировке руды, работники тратили казенных денег более на свечи, чем их зарабатывали. Примерно такое же положение было и в цехах. Но в целом рабочий день был длинным.

В Адмиралтейском регламенте 1722 г. определен порядок работы, поэтому В.И. Геннин лишь конкретизировал и расписал его суть на заводском производстве. Подробные расчисления представлены в архивном деле[213]. Обратил особое внимание на времена года – светлое время в осенне-зимние и весенне-летние периоды, исходя из 12-часового рабочего дня с двухчасовыми перерывом на обед. В подавляющем большинстве на основных производствах,

---

[208] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 588–589.
[209] Татищев В. Н. Записки. Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. С. 62.
[210] Там же. С. 80–81.
[211] Бородина Е. В. Регламентация и контроль служебного времени делопроизводителей в России в 1725–1734 гг. (на примере Среднего Урала) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 5. С.1–26.
[212] Козлов А. Г. О продолжительности рабочего дня на казенных заводах Урала в XVIII – начале XIX вв. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 23–36.
[213] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 424. Л. 1287–1300.

кроме доменного, работали по седмицам недели. Серьезных изменений в исследуемый период они не претерпели.

Отметим продолжительность рабочего дня по субботам. Долгое время В.И. Геннин и уральские руководители, возможно от незнания, нарушали 26 пункт 10-й главы Уложения о субботнем дне – отпускать «от всяких работ» за три часа до вечера. И трудились люди, как в дни обычные.

Только 25 октября 1734 г. уважаемые мастера написали новому командиру – «работаем до указных седмого и осмаго часов, а вечерни бывают всегда после полудни в пятом и в шестом часах», поэтому «для моления и слушания святого пения к вечерням за не отпуском от работ своих ходить нельзя и для того никогда не бываем». Просили отпускать раньше, чтоб подготовиться к приходу в церковь «и для исправления необходимых домовых нужд»[214].

Следуя законодательству, В.Н. Татищев «с товарищи» были вынуждены пойти на удовлетворение просьбы. В субботу со всех поторожных (не основных) работ труженики за три часа до вечера (наступления темноты) отпускались на отдых, включая воскресный день. Горняки даже раньше – включалось время «на приход из гор» до постоянного жилья. Несколько иная ситуация складывалась в плавильных фабриках. Доменное производство было круглосуточным (до остановки домны для ремонта), работники имели сменные выходные дни. Медеплавильные печи также работали «до выдувки» – технического ремонта, здесь, как и у доменных работников, – сменные выходные дни, даже когда печи стояли на ремонте. Наконец, в молотовых фабриках работы также в субботу останавливались, но лишь после того, как работники заканчивали обрабатывать крицу[215].

Кроме воскресного дня в году были высокоторжественные светские и церковные праздники, а точнее, Господские и Богородничные[216]. Они также непременно являлись выходными днями. Первое распоряжение о нерабочих днях, то есть праздничных и торжественных (кроме воскресных), «в которых на

[214] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 532 а. Л. 684–685.
[215] Там же. Д. 1079. Л. 900–905.
[216] Колесникова В. С. Русские православные праздники. М., 1996. С. 9.

заводах работы быть не надлежит», зафиксировано в Наказе заводскому комиссару от 15 октября 1723 г., она распространялась на все заводы. Их насчитывалось в целом около 30 дней. 31 декабря 1734 г. В.Н. Татищев «с товарищи», отметив, что за прошедшие 10 лет «некоторые отменялись» и чтобы «не быть конфузии», приняли новое распоряжение – праздничными и торжественными днями считать следующие:

Таблица 13

Перечень праздничных дней во второй трети XVIII в.[217]

Дата праздника	Количество дней	Наименование праздника
1 января	1	Новый год
6 января	1	Крещение Господне (Богоявление)
19 января	1	День восшествия на престол Ее Императорского величества
28 января	1	День рождения Ее Императорского величества
2 февраля	1	Сретение Господне
3 февраля	1	Тезоименитство Ее Императорского величества
февраль	3	Сырная седмица (последние 3 дня)
25 марта	1	Благовещение Пресвятой Богородицы
апрель	2	Страстная седмица (последние 2 дня)
апрель	3	Светлая седмица (первые 3 дня)
28 апреля	1	День Коронования Ее Императорского величества
май	1	Вознесение Господне
май	3	День Святой Троицы
29 июня	1	День Петра и Павла
6 августа	1	Преображение Господне
15 августа	1	Успение Пресвятой Богородицы
8 сентября	1	Рождество Пресвятой Богородицы
14 сентября	1	Воздвижение Креста Господня
21 ноября	1	Введение во храм Пресвятой Богородицы
24 декабря	8	Рождество Христово (с 24 декабря по 1 января)
–	2	«На заводах во чье имя церковь, тогда работам не быть по два дня»

Таким образом, кроме 52 воскресных дней насчитывалось 32–34 праздничных, то есть почти три месяца в году были не рабочими. Определение В.Н. Татищева не изменялось в течение 10 лет. Только в 1746 г. выходные дополнили еще четырьмя днями, а празднование, «в чье имя церковь построена», сократили с двух до одного дня[218].

[217] Составлено по: ГАСО. Ф.24. Оп. 1. Д. 489. Л. 489–489 об.
[218] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1112. Л. 228, 239.

Летом работники освобождались на сенокос от заводских работ. Но эти дни нельзя считать выходными, это время тяжелой, хотя и не заводской работы.

Получив дополнительные часы отдыха в субботу работный люд, перед посещением церкви, мог успеть сходить в баню. В.И. Геннин приказал в 1724 г. построить мужскую и женскую «торговые бани» под началом руководителей таможни. Место нашли внизу по течению Исети за крепостью. Бани начали функционировать с 1725 г., но одно условие не выполнили – не построили специального помещения для хранения веников, что в дальнейшем привело к негативным последствиям.

Определен был и штат. Банщику «велено баню топить и с парельщиков деньги в данной запечатанной ящик збирать, веники приготовлять». Бани требовали много воды. Поэтому существовала должность водолива. Его работа примечательна – он из Исети, «стоя на козлах, черпал бадью и лил в проведенной в баню желоб воду».

С людей, положенных в подушный оклад, плата за пользование баней не взималась. Так как доход от бань был мал, служители таможни не ремонтировали ее хозяйство. В итоге баня к 1736 г. пришла в упадок: «от ветхости потолок нагнуло и пол в ней гнил и дыроват и стена над дверми от ветхости и гнилости выгнулась и оконицы плохи и от плохой каменицы загорелась»... 31 июля 1736 г. в городе случился пожар – сгорела баня и пристроенная к ней гончарная изба. Ее хозяином был мастер «Михаил Эфрем Гартвих». Пожар начался от печи – каменки, загорелся потолок, а далее чердак, где «было повешено веников дружков тысячи с четыре». «Водою заливали, токмо залить не смогли»[219].

Расследование показало не профессионализм работников таможни, их наказали. Нужно было «для парения всякого чина людям» построить новую баню «на ином удобном месте». Долго искали новое расположение, согласовывали его с В.Н. Татищевым, который был в отъезде в войсках. После искали подрядчиков на строительство, строили. Все это время жители временно оставались без казенной бани. Только через два года нужды «парильщиков» были

[219] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 607. Л. 470–475.

удовлетворены. А с 1752 г. в городе начали строить каменные отдельно мужскую и женскую бани[220].

Затронув тему чистоты человеческого тела, хотя бы кратко осветим проблему соблюдения нравственности. Уже в первые годы горнозаводская администрация попыталась установить во всех поселках жесткий «распорядок» жизни. 17 октября 1726 г. последовал указ Сибирского обер-бергамта чтобы «по пробитии вечерней зари никто никуда не ходили и в компании собравшихся не пьянствовали». Ежели кто нарушит – «брать под караул и по изобретении вины, смотря по персоне, штрафовать дабы стыдное житие пресечь и превратить в благое, ибо от пьянства рождается в мастерствах худоба». Указ был разослан управителям всех заводов, продублирован 11 января 1727 г.[221]

По петровскому указу от 17 февраля 1718 г. все люди в Господские праздники, воскресные дни должны были ходить в церковь к вечерням и заутреням, а надзирать за этим следовало священникам, старостам[222].

Воскресный день должен был начинаться с посещения церкви. Кстати, именно в церкви все служащие, офицеры, по занятию новых должностей, принимали присягу. Здесь слушалась литургия, иные богослужения, а также принимались причастие и исповедь. Об этом населению постоянно напоминали. Но по нередко жители это игнорировали.

В.И. Геннин гневно отмечал, что в Екатеринбурге «оный указ, как видно есть что забыт, ибо здесь мастеровые люди и некоторые приказные служители, забыв страх Божий, уклонились к безмерному проклятому пьянству, в ни во что обращающему человека, и не токмо чтоб в церковь к вечерне и заутрене ходить, но и к литургии мало ходят и более упражняются в самые те церковные службы и мольбы в пьянстве». Более того, В.И. Геннин отметил, что три дня были пьяны не только мастеровые люди, «но и протопоп здешний», которому «надлежало над всеми своими духовными детьми яко отцу оного смотреть и от того

---

[220] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 142. Л. 25–36; Д. 408. Л. 16–17; Д. 673. Л. 442–481; Д. 1420. Л. 429–445; Д. 1397. Л. 269–270.
[221] Там же. Д. 148. Л. 109–110.
[222] Законодательство Петра I. / В. М. Клеандрова, Б. В. Колобов, Г. А. Кутьина, Т. Е. Новицкая, А. А. Преображенский, и др. М., 1997. С. 538–539.

отвлекать, а он сам был пьян». О проступках священника генерал написал в Тобольск к архиерею.

В.И. Геннин 27 ноября 1732 г. вновь резко выступил против пьянства и пропуска богослужений в церквях мастеровыми и горными служителями.

Об общей обстановке в городе во время церковных праздников В.И. Геннин отмечал: «мастеровые люди и приказные служители во оные дни также в безмерном пьянстве обращались и так в городе было страмно, что от происходимого крику и песен и драк странно было и слушать, что чинитца более от шинков». Отмечалось, что кабаки в Екатеринбурге отсутствовали, но это не изменило ситуации с алкоголем, «ибо кабаков хотя и нет, а все пьяны не от чего иного, что от корчемного вина, от чего и в работе происходит остановка».

Для решения проблемы В.И. Геннин приказал заводским управителям собирать своих подчиненных и ко времени службы приводить в церковь, «невзирая ни на какие отговорки, и того б за ними смотрели накрепко, чтоб как до службы, так и ко времени оной пьян никто не был, а кто явитца пьян таковых наказывать от Обер-бергамта … дабы тем удобнее было опровергнуть проклятое и Богу мерзкое пьянство»[223].

Подобная ситуация была и в заводских поселках. В 30–40-х гг. XVIII в. со многих заводов, как, например, с Алапаевского в 1744 г., от управителей приходили в Канцелярию доношения от управителей: «к церкви божией леностно ходят, а иные и никогда не бывают, пьянствуют». Спрашивали, как наказывать и штрафовать? Получали традиционный ответ: «поступать в оном обо всем по силе Уложения 10 главы 26 статьи и указов 1718 г. февраля 17, 1719 г. октября 30, 1722 г. июля 16 чисел, Военных 2 главы 10 и 17 артикулов», то есть, наказывать[224].

Иные управители приняли это к действию. В Туринском заводе унтер-шихтмейстер И. Замощиков пришел в караульню, где сидели 35 человек, не явившихся на литургию, заявил им: «буду я вас всех бить как собак, знаете ли вы

[223] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 372. Л. 221–221 об.
[224] Там же. Д. 1031. Л. 1423–1425.

де, что я ваш повелитель». Последовал донос подканцеляриста, посчитавшего, что повелитель – это государь. Началось следствие, в итоге И. Замощиков «за непристойные слова» наказан батожьем, а жалобщик «за напрасное растолкование тех слов к другой силе» – плетьми нещадно[225].

И в 50-е гг. XVIII в. из Екатеринбургского духовного правления неоднократно присылались просьбы в Канцелярию о помощи к принуждению ходить жителей поселков в церковь, требования «во время крестного хода кулачных боев, скачек и плясок не устраивать», стоять во время службы смирно, не разговаривать, учить наизусть мирянам «Отче Наш», вплоть до того, что исследовать – не завелась ли ересь на Полевском и Северском заводах.

В 1754 г. в продолжение указам о соблюдении тишины в церквах во время богослужения последовало и более жесткое распоряжение о том, чтобы «иметь от начала до окончания пения молчание». В этой связи протопоп Федор Кочнев просил Канцелярию выбрать или назначить двух человек, «в неправде не подозрительных», в церковь для сбора штрафов. За этот труд им выделялось вознаграждение – десятая часть собранных денег[226].

Можно предположить, что многие жители дорожили временем выходного воскресного дня, праздников, и часто не посещали богослужения. О том, как проводили время в воскресный (праздничный) день после посещения церкви, в архивных документах крайне мало сведений. Наиболее сознательные мужчины вели работы по хозяйству, могли помогать женам, например, в огороде.

При освещении проблемы жилья, в работе отмечены и приведены в приложении чертежи домового хозяйства, выполненные В.И. Генниным (Приложение № 16). Примечательно, что в них зафиксирован огород. Однако его размер не обозначен, поэтому трудно судить о величине, но по чертежу видно, что огород был достаточно большой, не менее 10–15 грядок на этой земле могли уместиться. Можно утверждать, что жители заводских поселков были, кроме

[225] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1112. Л. 90–94.
[226] Там же. Д. 1422. Л. 614–616.

продуктов полеводства, на продовольственном самообеспечении. Оно являлось важнейшим подспорьем к денежному жалованью.

Не будет преувеличением утверждение, что ведение основного домашнего хозяйства ложилось на представительниц женского пола, помощниками у которых были дети. Женщины крайне редко фигурируют в архивных документах: или по смерти мужа просят их жалованье, или при дележке наследства, иногда в некоторых неприглядных ситуациях. Даже офицеры, заполняя служебные документы, перечисляя имена детей мужского пола, не упоминали имена дочерей. Например, неизвестно имя второй жены крупного управленца Урала Н.Г. Клеопина. У него была дочь, но ее имени также не удалось обнаружить[227].

Представим, далеко не полно, перечень имен жен служащих, мастеровых и работных людей первой половины XVIII в., а именно: Агрепина, Анна, Варвара, Василиса, Дарья, Домна, Евдокия, Елена, Катерина, Лукерья, Мавра, Мария, Марфа, Матрона, Настасья, Наталья, Ненила, Оксинья, Окулина, Орина, Офимья, Парасковья, Пелагея, Пестеминья, Степанида, Ульяна, Федосья[228].

Сведения из архивных документов об огородничестве однозначно приводят к выводу – в первой половине XVIII в. уральский мастеровой и работный люд, в массе своей рекрутированный из крестьянской среды, перенес весь накопленный опыт хозяйствования в заводские поселки.

Л.В. Милов посвятил уральскому огородничеству лишь один абзац, сделал вывод о том, что здесь было «продовольственное самообеспечение», выразил «общее представление о характере уральского огородничества» – одно несомненно: огороды уральских городов, как правило, предназначались «для своего употребления»[229].

Согласно архивным документам, выращивали морковь, свеклу, репу, брюкву, огурцы, капусту, лук, чеснок, горох, бобы, редьку, хрен, укроп. Бедой огородников были грызуны и даже вепри – лесные кабаны, которые топтали

---

[227] Редин Д. А., Умнякова С. И., Черноухов А. В. Будучи 40 лет в службе…// Регион-Урал. 1997. № 8. С. 38–40.
[228] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 532. Л. 19–20.
[229] Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 264–265.

огороды, поедали овощи[230]. Очень много продуктов нужно было заготовить впрок. Поэтому большое значение имела соль, которую по праву можно назвать одним из важнейших составляющих в рационе питания. Не только потому, что она требовалась ежедневно на столе, но и в виду того, что шла на зимние заготовки овощей, мяса, рыбы, иных продуктов. Поэтому неудивительно, что на Урале, как и в стране в целом, добыче «государевой соли» и обеспечению ею населения уделялось пристальное внимание.

Население первых казенных заводов в 1702–1722 гг. пользовалось солью из двух источников: привозимой из Тобольска и Верхотурья; с башкирских соляных озер, откуда ее подрядом везли с выделенным караулом крестьяне и сдавали в казну (поездки засчитывали в счет заводской работы). Все операции доставки, продажи, контроля курировали губернские власти, продавали ее специальные соляные целовальники, цена редко превышала 6 коп. за пуд.

С началом работы администрации в Екатеринбурге ситуация в принципе не изменилась. Появился лишь еще один источник – соль стали покупать с чусовских варниц Строгановых. Причем часто рассчитывались с хозяевами «натурой» – «цырными досками», железом. Доставка была трудной, поэтому цена соли возросла до 12–15 коп., а с оформлением системы подрядов в целом она стала постоянно расти – в 1727 г. на рынке уже нужно было платить по 17–22 коп. за пуд. В 1730-х годах, с началом «шалости башкир», очень часты стали перебои с солью. Указы горнозаводских властей о том, чтобы «соль заготовлять заблаговременно», «сыскивать способы, чтоб никогда оскуднения нигде не было», мало помогали. Пик трудностей пал на 1736–1737 гг. в связи с военными событиями в Башкирии: пуд подскочил до рубля, но для многих заводов «достать соли не могли». С 1740-х гг. ситуация в основном стабилизировалась. Поставщиком вновь стали чусовские варницы, озерная соль, но перебои не исключались, особенно трудно заводы пережили 1745–1746 гг.

Для взвешивания соли использовали «висячие орленые безмены» – весы. Отметим один часто повторяющийся факт – крестьяне горнозаводской округи

[230] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 901. Л. 452–454.

часто откровенно воровали соль и продавали тайно в заводских поселках. Ездили на соляные озера (славилось Сорочье озеро в Зауралье, куда «дней семь ехать надо»), при удачной поездке – очень солидная прибыль, при поимке – лишение соли и наказание плетью. В качестве громкого скандала, где были замешаны горнозаводские местные власти от десятников, сотских до попа приходской церкви и фендрика С. Малотеина, во второй главе работы нами приведены данные о следствии и наказании по воровской соли за 1735 г.[231]

Исследователи, изучающие ассортимент продуктов питания, выделяют своего рода элитные, например, сахар, мясо[232]. Сахар в заводских поселках уже появился, но лишь у зажиточной части населения. Мясо было на столе работников – не удивляют факты приглашения гостей «на пельмяни». Примером могут служить факты, когда во время очередной переписи населения в 1744 – 1745 гг. приезжие команды не стеснялись творить поборы с местных жителей всевозможными продуктами. Старосты позднее составляли перечни взятого без денег, отправляли их в Екатеринбург горнозаводским властям. Здесь фигурировала, хотя и не часто, «сахара голова» по цене 1 руб. 10 коп.[233] Кстати, даже мелкие служащие, уличенные во взятках, наивно отвечали следователям – брали копейки «на калачи и пельмяни».

В январе 1727 г. жители горнозаводского Урала, видимо, впервые познакомились с чаем. Он был прислан из Нерчинска, а там, видимо, выменян на таможне на свинец у китайцев, 8 пуд. 34 фунта. Половину сразу же отправили на Ирбитскую ярмарку менять на сукна, там его моментально продали купцам[234]. А половину решили продать «всяцкого чина людям, кто купить пожелает». Цена была высокая – «не ниже 10 рублев пуд», то есть 25 коп. фунт. До мая торговали, но продали только 6 фунтов, причем 5 из них купил сержант лейб-гвардии Преображенского полка, знающий, видимо, уже толк в чае, и фунт – подьячий

---

[231] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.Д. 94. Л. 70–72; Д. 164. Л. 1–3; Д. 341. Л. 32; Д. 464а. Л. 299; Д. 562. Л. 66–74, 943–959; Д. 898. Л. 115–119; Д. 1113. Л. 812–818.
[232] Семенова Л.Н. Очерки истории и быта культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Ленинград, 1982. С. 220–221.
[233] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1291. Л. 218.
[234] Там же. Д. 134. Л. 249–252.

Павел Дягилев. В августе решили – продолжить торговать в поселке, часть вновь отправить на Ирбитскую ярмарку, продать или обменять на предметы обихода.

Не прижился у населения пока чай, иные были напитки в то время. Это в основном квас (недаром солод всегда был дорог), ягодные настойки и соки. В.И. Геннин представил широкий ассортимент ягод, которые росли в округе. Нет сомнения в том, что и рядом с другими заводскими поселками они были в изобилии. В лесах росли, как отмечал генерал, «вишенье, кислое мелкое на самых ниских суптельных деревцах, малина, глубеника, земляница, брусница, смородина черная и красная, рябины много, калина, морошка, клюква»[235].

В.И. Геннин, описывая окрестности, не упомянул по какой-то причине наличие или отстуствие в лесах грибов, но профессора Академии наук, отправлявшиеся из столицы в 30-х гг. в регионы Сибири, составили обширнейший перечень вопросов. Ответы местных властей сохранились в архиве. Сибиряки перечислили до десятка сортов грибов. Поэтому можно предположить, что и на Урале они были в избытке[236].

Пристрастилось население и к табаку. Появившийся в России во время Ивана IV этот товар не прижился. В XVII в., начиная от повеления 1634 г. Михаила Федоровича о смертной казни за курение, закрепленного в Соборном Уложении, на табак было гонение. Но Петр I легализовал его продажу сначала через казну, а с 1714 г. оформился и откуп.

Этот «откупной» табак появился на горнозаводском Урале в 20-х гг. XVIII в., возил его «черкашенин города Чернигова, села Михайловка» А.К. Велеченко. Он, заплатив пошлины в Курске, пересекая границу Малороссии, в Екатеринбурге успешно торговал уже в 1729–1731 гг. Стоил табак дорого – 40 коп. фунт, жители называли его – «папушный черкаский», (папушный – не искрошенный, связанные в пучки листья)[237]. Курили уральцы по современным понятиям махорку, многие ли – неизвестно. Но упоминания о курящих офицерах в документах встречаются.

---

[235] Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735: М., 1937. С. 73.
[236] ГАСО.Ф. 24. Оп. 1. Д. 673. Л. 866–967.
[237] Там же. Д. 328. Л. 10–13; 339–340.

Этот табак был официальным товаром, но еще ранее население пристрастилось к «воровскому табаку». Откуда его привозили татары и башкиры, неизвестно. Но «в горах, где ломали доменный камень», на рудниках, они его рабочим, главным образом ссыльнокаторжным, продавали, причем дешевле – по 30 коп. фунт. В 1725 г. в Сибирском обер-бергамте велось большое следствие «о воровском табаке». Допрашивали даже доменного мастера, иностранца М. Орловского. В его доме, пока он «был хмелен и спал, також и жена была пьяна», табак спрятала дворовая девка. Наказали колодников[238].

С привозом большого количества табака в 30–40-е гг. XVIII в. цена на него снизились до 20–25 коп. за фунт. «Воровской табак» не исчез, любителей получить барыш от продажи прибавилось. Показателен пример 1752 г. Купил возвращавшийся из каравана канонир в магазине Казани четыре пуда «табака папушного черкаского» по 2 руб. 60 коп. пуд. Получил на это разрешение – ярлык, где отмечено – далее Казанского уезда вести нельзя, весь там продать. Канонир поторговал, но решил часть довезти до Екатеринбурга, благо, что в Егошихе получил задание – сопровождать в город колодников «по секретному делу». Такие команды на таможнях осматривать запрещалось. Добрался до дома, но кто-то сообщил в полицию. Судили канонира по именному указу от 3 мая 1732 г. за контрабанду, который преписывал: «за необъявленные товары» на таможнях … отнятием имения и на теле или смертию наказать». Отделался канонир накозанием «батожьем при собрании ево братьи», да и табак конфисковали[239].

В 50-е гг. XVIII в. продолжала функционировать откупная система. В 1753 г. Козьма Матвеев, московский купец, выиграл откуп – «табашные сборы» на шесть лет в Сибирской губернии. Назначил в главных центрах своих поверенных, в Екатеринбурге им стал М. Ведров[240]. Через год купец именовался уже как коллежский асессор «и сибирских табашных зборов содержатель». Он поручил своему поверенному найти в Екатеринбурге место, построить большой каменный погреб, а над ним лавки для продажи товара. Это было исполнено,

---

[238] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 71. Л. 326–333.
[239] Там же. Д. 1397. Л. 576–578.
[240] Там же. Л. 805.

члены Канцелярии самолично (просит же коллежский асессор) осмотрели место, и на территории гостиного двора разрешили строительство по представленному чертежу (Приложение № 17)[241].

Так «табачное зелье» на Урале укоренилось, курение не запрещалось. Кроме того, пристрастились в эти годы табак и нюхать. А хозяйки экономно посыпали сельскохозяйственные растения – табак убивал вредителей.

При огородах были небольшие посадки плодовых растений – они составляли «сады». Здесь росли яблони, смородина, малина, крыжовник. Одновременно со сбором лесных ягод – земляники, черники, брусники, клюквы, шиповника, они являлись подспорьем в приготовлении на зиму напитков, соков, даже домашнего изготовления легкого не корчемного вина. Сохранилось свидетельство о наличии сада в документах. Сосед арендовал у соседа часть огорода под «сад». Но тот дом продал, новый хозяин потребовал убрать посадки, освободить землю. Долго шли споры, но закон был на стороне нового хозяина, и владелец сада выкопал весь «сад», перенес на свой огород.

В.И. Геннин, описывая окрестности Екатеринбурга и других заводов, отмечал наличие здесь большого количества зверей и птиц, а в реках и озерах – рыбы. В литературе об этом встречаются сведения[242]. Можно предположить, что в воскресный день местные жители занимались звериным промыслом. Описания охоты, применения огнестрельного оружия в архивных документах не обнаружено. Однако сохранился примечательный документ – книга учета продажи свинца из Екатеринбургской заводской конторы за 15 лет – с 1738 по 1754 гг.[243] Здесь погодно зафиксированы фамилии всех, кому продано 176 пуд. по 4 коп. за фунт. В этом ряду более 200 фамилий офицеров (многие повторяются неоднократно), иностранцев, мастеровых, служащих контор.

Для «домовых нужд» в небольшом количестве свинец явно не нужен, можно предположить – для охоты. А охотиться было на кого, хотя бы на вепря – лесного кабана, о котором упомянуто ранее. У офицеров, помимо шпаги,

---

[241] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1405. Л. 77–84.
[242] Миненко Н. А., Федоров С. В. Город на Исети: страницы Шадринской летописи. Шадринск, 1997. С.21.
[243] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1561. Л. 923–930.

кортика, оружие было, например, пистолеты. Простые люди имели ружья, об этом свидетельствуют «наборы мужиков для борьбы с башкирской шатостью», там они фигурируют. И в документах часто встречаются такие просьбы от заводского населения начальникам: «из содержащего при себе скота нередко у нас убивает зверь, а к обороне оного пороху и свинцу мы не имеем и на стороне купить, сыскать, не можем». И просили немного – «по фунту свинца и пороху мелкого». В горнозаводском ведомстве свинец и порох продавались с разрешения Канцелярии. Заводские управители, руководствуясь указом Военной коллегии от 11 января 1731 г. (со ссылкой на указ от 1715 г.), разрешали продавать людям «до одного фунта, а знатным особам – до пуда», но требовалось ввести жесткий учет пороху – «сколько кому продавался». Именными указами от 20 мая и 25 октября 1734 г. разрешение на продажу пороха подтверждалось, но с оговоркой – «смотреть по человеку и его состоянию»[244].

Изучая рацион питания необходимо учитывать, что в году было около 200 «постных дней». То есть дней, когда запрещалось употребление в пищу мяса, молока, иных «молосных продуктов». А они в это время, естественно, не исчезали, а заготавливались, хранились «впрок» – на иные дни в виде сметаны, масла.

В «постные дни» добавкой на столе была рыба. В реках и в озерах ее было много, в документах зафиксированы факты поездок на рыбную ловлю даже на озера, находящиеся в башкирских землях. Отметим два факта: рыбу, видимо, очень любили иностранцы – русские управленцы жаловались: «работают мало, а все рыбу ловят»; на Чусовой работный люд устраивал перед вскрытием льда специальные язы (езы), будущие заводи для более объемной ловли. Эти «сооружения» приводили к серьезным неприятностям – нагруженные коломенки часто угождали в заводи, садились на мель, иногда получали более серьезные повреждения.

Разновидностей рыбы было много, но на рынке особо ценились щука, карась. Рыба по цене дешевле мяса, так щука, стоила в среднем 21–24 коп., карась

[244] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1399. Л. 121–130.

– 10–14 коп. пуд. Деликатесом считалась семга, она продавалась от 50 до 60 коп. пуд. Но работный люд вполне устраивали окуни, плотва, чебаки, иная «мелочь».

Воскресный день не обходился без застолий, приглашения гостей. А застолья не обходилось без вина. А после вина нередко начинались споры, драки, даже поножовщина, бывали и смертные случаи[245]. Например, 6 октября 1746 г. вечером в воскресенье в харчевню пришли два брата Ереминых, приняли вина, старший напился так, что не смог идти домой, брат уложил его спать, а он ночью умер. Врач И. Шнезе освидетельствовал: «сгорел от вина, отчего весь почернел, тако все тело его раздуло, а болезней никаких признаков на нем не явилось»[246].

Вино сгубило многих молодых и перспективных офицеров и конторских служащих. Об этом подробно написано в книге «С.И. Цеменковой и А.В. Черноухова[247]. Смело можно утверждать, что к вину пристрастились на уральских заводах и иностранцы. В мае 1725 г. «пушечный» мастер Яган Дейхман с учеником прогуляли полтора дня. В объяснительной Дейхман сообщил – ездил в гости на именины в Николин день, «не для пьянства», пили, но «суще пьяны не были», а в работные дни «приключилась к нему болезнь». В Сибирском обер-бергамте решили – болезнь «от его пьянства». Руководствуясь инструкцией В.И. Геннина о запрещении пить на работе мастерам, так как при этом и ученики, «видя его, мастера, во пьянстве також обучатся пить и достальное мастерство потеряют», их «телесным наказанием отучить будет трудно», постановили – вычесть у Я. Дейхмана недельное жалованье за прогульный день, а ученика «наказать телесно»[248]. Подобных примеров много[249].

Пьяных ссыльных приводили на гауптвахту постоянно, единожды, дважды, а иных и многократно, как, например, Парасковью Никитичну Пуговишникову. Осужденная на десять лет, она прибыла в Екатеринбург в 1730 г., через три года была выдана замуж за ссыльного. В 1735 г. наказана два раза –

---

[245] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 920. Л. 110–129; Д. 1405. Л. 455–462.
[246] Там же. Д. 1116–1122. Л. 562 об.
[247] Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник СПб., 2022. 446 с.
[248] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 32. Л. 373.
[249] Там же. Д. 73. Л. 89–91; Д. 934. Л. 31–33.

за «блудное воровство» публично плетьми, а за истинное воровство – батожьем, в 1736 г. за драку с мужем – батожьем, в 1738 г. – вновь за воровство, в следующем году – «блудное дело». Наказания помогали, но малое время. В октябре 1743 г. за то, что она «в непостоянном житии и всегда пьянствует», вновь получила плеть, не унялась. В январе 1744 г. пьяная учинила скандал «в карауле у рогатки подле кабака, называемом отрясиху». Разодрала у часового рубаху, «и, схватя ево за тайной уд, едва и до смерти не удавила». Члены Канцелярии, изучив все шесть приводов, а также статьи о наказаниях из Соборного уложения, Военного артикула 1722 г., указы властей об этом, определили: «наказать плетьми нещадно и отдать по-прежнему мужу», но взяли подписку – «ежели она впредь, хотя малую какую пакость учинит и мужу противится будет, то жестоко наказана и на дальние заводы сослана будет»[250].

Государственная власть спаивала народ, но одновременно с этим злом и боролась. Пьянство можно считать пороком горнозаводского общества первой половины XVIII в. Особо ярко написал о пьянстве руководитель Сибирского обер-бергамта, верный помощник В.И. Геннина, боевой офицер, капитан А.Ф. Томилов: «понеже всем известно, что непрестанное и без меры пьянство какую мерзость и пакость человеку приносит, и в какие болезни и смерти и в помрачение ума и в убожество приводит и не токмо доброго жития лишаются, но и детей свои губят…»[251].

По указу Сената от 16 июня 1725 г. мастера и подмастерья за пьянство должны быть наказаны «унижением чинов», «а работники определяемы будут в рудокопщики вечно». Выполнить указ – можно остаться без мастеров, а на заводах работников не будет – все отправятся в рудокопщики. Поэтому даже через четверть века в 1750-е годы пили мастера и работники, а целовальник в кабаке «продавал им вино без всякого препятствия». И в эти годы мастеров наказывали лишь штрафом – «по три рубли по тринадцати с половиною копейки», а работников – батожьем. При этом на все заводы разослали указ –

[250] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1030. Л. 267–267 об., 271.
[251] Там же. Д. 375. Л. 61 об.

ежемесячно рапортовать о пьяницах, наказанных на рабочем месте. Рабочие «подесятично» подписывали «поруки» в цехах и присылали в Канцелярию[252].

Такие рапорты и «поруки» сохранились в архивных делах. Одно из дел 1753 г. состояло из 80 листов[253]. И в Канцелярию пришел рапорт управителя Каменского завода о пьянстве на заводе. Напоил работников священник С. Парамонов. Канцелярия требовала от протопопа Кочнева, «ведомом в его заказе священно- и церковнослужителям подтвердить от себя указом, дабы они в работные дни» мастеровых не поили. А священник ответствовал: в воскресенье были «помочи», день работали, а «ночь на оной пропили и, не проспавшись, на работу пришли» … Я лишь их немного похмелил»[254].

С первых дней пребывания на Урале В.И. Геннин начал бороться с пьянством. Но не учел важного момента – противников в различных сферах власти у него по этому вопросу было много. Вино, спаивание народа, имело иную «сторону медали» – деньги рекой текли в государственную казну. Но знал он и том, что в указе Петре I о передаче Невьянского завода Н. Демидову был пункт: «кабаков держать не велено, дабы от пьянства мастеровые люди в деле доброго и мяхкого железа повреждения никакого не учинили, и сами б от хорошего мастерства не отстали и в совершенное безумие бы не пришли». При заводах Демидова 28 лет кабаков не было, только по передаче в откуп кабаков Андрей Грек (Петров) их настроил, а один из Демидовых, Григорий, также начал яростную борьбу за их уничтожение[255].

В 1731 г., будучи в столице, В.И. Геннин убедил чиновников, добился включения в указ Сената от 14 июня о его полномочиях, пункта о кабаках на казенном горнозаводском Урале: «где оным надлежит быть и не быть, учинить ему, генерал-лейтенанту и кавалеру по своему рассмотрению»[256]. Возможно, этим решением сенаторы «подсластили пилюлю», теперь уже кавалеру, (он был награжден орденом) – не хотел В.И. Геннин ехать на Урал, но уговорили в

[252] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1397. Л. 18, 57–136.
[253] Там же. Л. 57–136.
[254] Там же. Л. 25–26.
[255] Там же. Д. 375. Л. 56.
[256] Там же. Л. 53.

столице. А, может быть, чиновники и «держали в уме» – сегодня дали, а завтра отберем…

Так или иначе, В.И. Геннин 24 декабря 1731 г. приказал: «кабаки снесть и нигде им от заводов ближе 20, а от рудников 5 или 10 верст не быть», а заводским жителям «во время родин, крестин, свадеб в домы их вина отпускать и им покупать с ведома командиров лучшим мастерам, также и протчим служителям, состоящим не в рангах, по ¼ ведра, а подмастерьям и работникам – поменьше. А буде у кого более того явится без ведома, оное отбирать и сверх того их батожьем наказывать». Кто на работе будет пьян – штрафовать, от дел убирать, «другому годному отдать, а подьячих и батожьем наказывать». Разослали такой указ всем управителям заводов. При этом В.И. Геннин в пяти пунктах обосновал причины снесения кабаков. Включил и пункт, что «от чего, Боже сохрани», случись пожар, его пьяные и потушить не смогут. А поручику К. Бранту, командиру Екатеринбургских рот, еще и приказал: «патрулировать в каждую ночь раза по два или по три по всем здешным Екатеринбургских жителей квартирам и прислушивать, в какой квартире есть пьянство, крик и драки, и таких людей, кто б какого звания … ни был, не взирая ни на кого, таких брать и приводить на гаубтвахту под караул»[257].

А еще ранее, 18 сентября 1731 г., в Сибирском обер-бергамте, «с воли» В.И. Геннина, определили: «накрепко в народ публиковать, дабы здесь шинки и блятские домы отнюдь пресечены и искорены были». В полицию поручику С. Сикорскому в 1734 г. была дана инструкция о «смотрении за всеми», о видах телесного наказания и штрафах. Инструкция С. Сикорскому, из 15 пунктов, сохранилась в архивном деле[258]. По этой инструкции полиция работала и в 40-е гг. XVIII в.[259]

Уже через три месяца после разрешения В.И. Геннину действовать по вопросу кабаков лично, столичные власти стали думать иначе: 17 сентября 1731 г. Сибирский Приказ, которому подчинялась губернская власть в Тобольске,

---

[257] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 331. Л. 616–619, 657–658; Д. 1068. Л. 497.
[258] Там же. Д. 499. Л. 55–60.
[259] Там же. Д. 1068. Л. 497–497 об.

известил ее – «с повеления правительствующего Сената» кабаки на заводах оставить. Тобольчане, в свою очередь, в конце декабря сообщили В.И. Геннину: нужно до времени подождать сносить кабаки, ждать окончательного, официального решения Сената. В.И. Геннин 5 января 1732 г. направил специально порученца, поручика А. Лазарева в Москву и Санкт-Петербург. Вложил в пакеты отчеты о многих делах, а отдельно – новую просьбу о необходимости закрытия кабаков.[260]

Однако 27 ноября 1732 г. последовал указ Сената: отмечалось, что намерения В.И. Геннина хороши, но «чтоб не было тайного кормчества», кабаки не сносить, «велеть вино, вотку, пива и меды казенные, привозя с вышеписанных кабаков, в продажу производить в торжественные и воскресные дни, когда работы не бывает, и то после обедни, в летние дни до 7, а в зимние до 5 часу по полудни в чарки и крушки на деньги. А кому надлежит для какого-либо случая ведрами и полуведрами и четвертьми, таким давать билеты от заводского правления по рассмотрению». Кто будет пьян в запрещенные дни – «наказывать на теле или другим, штрафом тяжелых работ»[261].

Фактически Сенат разрешил пить, но только из чарок и кружек, по скольку не указали, так что мужики и женщины могли пить сколько угодно, лишь бы не из ковшика или ведра. Но идеи В.И. Геннина о введении трезвого образа жизни, выносе кабаков из Екатеринбурга и иных заводских поселков, не умерли. Время от времени горнозаводские власти поднимали этот вопрос, но интересы казны в получении денег от спиртного с населения всегда побеждали.

Так, например, и в 60-е гг. XVIII в. власти пытались все кабаки убрать в деревню Шарташ, а от поселков на 7–10 верст, «чтобы мастеровых и работных людей оберегать от пьянства». Но в эти же годы ловили даже «шатавшихся в ночное время пьяных и кричавших песни» людей. А в Канцелярии служители удивлялись, «качали головой» – нарушителей бьют, «а они все равно в чувство не приходят, на работу идут с похмелья или же вино в контору приносят, словом,

[260] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 375. Л. 63, 66.
[261] Там же. Д. 1068. Л. 497.

бродят как сумосшедшие». В полиции стали составлять специальные реестры на дебоширов, пьяниц, блудников и блудниц. Всех взяли на контроль[262].

А после выпитого можно «побеседовать», возник спор – выяснить, кто прав, кто виноват, поиграть в карты – на деньги или пожитки, лишь бы кто-то об этом не донес. Уральцы при застольях играли в карты, они не были запрещены, их продавали на ярмарках. Запрещалась лишь игра «на деньги и пожитки». В изучаемый период зафиксировано четыре запретительных указа: от 13 декабря 1717 г., 23 января 1733 г., 9 июня 1743 г., 1 марта 1747 г. Все они примерно одинаковы в отношении наказания: пойманных в игре на деньги и пожитки наказывали тройным штрафом от суммы, стоящей на кону.

Представим выдержки из указа уральского начальства 1733 г.: «чтоб никто, съезжаясь в партикулярных и вольных домах, как в денги, так и на пожитки ни в какую игру отнюдь не играли». За нарушение – «жестко штрафовать, а именно, за первое преступление, по прежнему 1717 г., указу тройным взятием обретающихся денег и протчего в игре, ис чего давать объявителю о том – треть, а две доли – на госпиталь». Кто «явится вторично, таковых, сверх взятья, офицеров и протчих знатных людей сажать в тюрьму на месяц, а подлых бить батоги нещадно»[263]. Указ был отправлен всем руководителям заводов. Указом 1743 г. дополнительно определили: если игроки попадали повторно или в третий раз – наказание умножалось вдвое»[264].

Любители карт играли тайно в кабаках даже ночью, их ловили, наказывали, но они игру не прекращали[265]. Проигрывали не только собственные деньги и «пожитки», но и казенные. Как, например, каптенармус из Тобольска, привезший на Урал рекрутов, расслабился, проиграл 36 руб., следователи нашли только 18 руб., но и наказание «втрое» – солидное для худого по званию военного[266].

---

[262] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2341. Л. 1–9.
[263] Там же. Д. 1068. Л. 498 об.
[264] Там же. Л. 496–499; Д. 1153. Л. 295–298.
[265] Там же. Д.1797. Л. 668–669.
[266] Там же. Д. 691. Л. 442–450.

Постоянно играли на деньги и в Нерчинске, также проигрывали казенные деньги даже унтер-офицеры[267]. О том, как можно при пьянке и игре в карты остаться «нагишом», приведем пример. Поселок Сылвинского завода, 1747 год. В кабаке собралась компания. Сколько выпили чарками неизвестно. Угольного дела ученик и молотовой работник начали играть в карты. В итоге первый «проиграл с себя шляпу, зипун, опояску, рубашку и был нагишем». Но не остановился, «с дощатым мастером Спиридоном Ужаевым начал играть в плашки», проиграл последние 30 коп. денег. А далее гурьбой вышли на луг, началась драка. В итоге еще и побили угольного дела ученика Никиту Токарева. В конторе утром разбирал дело управитель завода. Но о «картах и плашках» дело замяли – никто не желал быть доносителем. Все твердили – пьяны были, не помним. Отправили дело в Екатеринбург. Так как пьяная ссора не привела к серьезным телесным повреждениям, никто не был наказан. В Екатеринбурге после разбора скандального случая приняли решение: «Сылвинской конторе подтвердить, чтоб о не игре в карты и в другие ни в какие игры на деньги поступано было по силе указов 1717 года декабря 13, 733 года января 23, 743 годов июня 9 чисел»[268].

После появления сенатского указа 1732 г., естественно, встал вопрос о контроле за продажей спиртного. В.И. Геннин, видимо, уяснил, что и здесь не победить губернскую администрацию (в ее ведении были кабаки и сборы денег), подчиняющихся ей таможенных чиновников во главе с комиссарами. Сначала пытался взять контроль в руки горнозаводской власти, но потом отступился. После получения указа о разрешении питья в кабаках, Сибирскому обер-бергамту отводилась лишь одна роль – «смотрение иметь, как пить будут люди»[269].

В.Н. Татищев решил все-таки утвердить за собой контроль. Указом от 13 мая 1737 г. «о продаже вина в неуказные дни» он предписал кабаки в Екатеринбурге печатать, одновременно с печатью таможенной и канцелярской

[267] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1112. Л. 423–425.
[268] Там же. Д. 1140. Л. 25–32.
[269] Там же. Д. 1068. Л. 497.

печатью, в других поселках – заводской управительской. Но действовал этот указ недолго. С отъездом В.Н. Татищева и его первого помощника А.Ф. Хрущева в Самару, таможенные власти победили, 9 августа 1738 г. в Канцелярии решили: «подвал, где стоит казенное вино, отдать под таможенную печать, а от полиции не печатать. А что противно оная таможня указам чинить будет, о том имеет сама ответствовать». За собой Канцелярия оставила лишь право ежедневных обходов урядникам или капралам с шестью солдатами территории – «шинков, так и протчих непорядков завсегда смотреть»[270].

«Обходы» были регулярными, ловили в конце 30-х, и в 40-е гг. XVIII в. любителей курить и тайно продавать корчемное вино, собутыльников за игрой в карты на деньги[271]. А в полиции, на основании решений Канцелярии, их штрафовали, наказывали «на теле». Поразительно, но очень много фигурирует женщин, они также попадали под наказание, их судили по указу Военной коллегии от 31 мая 1737 г., который гласил: офицеров предостерегать, «дабы жены их никаких шинков и кормчества не токмо в квартирах своих мужей, но и в посторонних, ни под каким видом не имели и для продажи винной и кормчества никому во услугу не вступали»[272].

Приведем одно из многочисленных свидетельств. 28 августа 1743 г. капрала Ф. Чемесов с четырьмя солдатами назначили «смотрение иметь, как в городе, так и за городом у всех обывателей, чтоб шинков и протчих корчемных и блядских домов и продажи пива и вина ни у кого отнюдь не было», виновных приводить в полицию. В начале октября в Канцелярии получили отчет о службе – 27 приводов по делам нелегального варения пива, продажи вина. И это только один отчет за один месяц. В 1751 г. и 1754 г. вновь появились жесткие указы по борьбе с этим злом: «кому вино курить не дозволено, про себя вино курить станут, и в том по следствию изобличены будут, за то годным в военную службу чинить наказание – бить плетми и писать в солдаты без зачету в рекруты». В Канцелярии приказали – во всех поселках в церквах «чрез шесть недель по все

[270] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1068. Л. 488.
[271] Там же. Л. 480–530.
[272] Там же. Л. 499 об.

воскресенья» читать эти указы населению. Указы о кормчестве фигурируют во многих архивных делах[273].

Другие наряды ходили по кабакам и постоянно ловили целовальников: они прятали вне хранилищ-подвалов и тайно продавали вино. Ловко, через снятие скоб, «обходили» таможенные печати, много изобрели способов украсть. Да и таможенные комиссары нередко пьянствовали в кабаках, потом дрались в городе, даже кололи кортиком сослуживцев и друзей. Протоколы допросов за 1745 г. занимают более 30 листов[274]. 25 июня 1745 г., будучи в Екатеринбурге, горный офицер М.А. Карамышев встретил в городе таможенного комиссара С. Израилева. Собрались в гости к лекарю И. Шнезе, компанию им составил секретарь Канцелярии Е. Яковлев. Около полуночи начали расходиться, но часть компании решила продолжить веселье в другом месте. По дороге поссорились: «матерная брань и драка» закончились тем, что С. Израилев «поколол кортиком ногу выше колена» М. Карамышеву, который «весь в крови» упал на землю. Призванный на место конфликта И. Шнезе констатировал, что «рана не самая смертельная», но следствие тем не менее началось. В конечном итоге оба пошли на «мировое согласие», но дело отправили в губернский суд[275].

В полиции разбирали многие дела – на «улице Харчевниковой» в Екатеринбурге пьяный драгун после службы столкнул в канал только что прибывшего из Москвы выпускника академии И. Агашкова, нанес ему шпагой ранение. А из заводских контор присылали такие доношения: «работники уходят для пьянства в кабак, через несколько часов из кабака к своим делам приходят, но за пьянством никаких дел делать не могут и при том, за унятием от тех их непотребств, произносят шум и матерную брань»[276].

---

[273] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1112. Л. 89–94, 192–197; Д. 1397. Л. 807; Д. 1418. Л. 385–390; Д. 1422. Л. 425─430; Д. 1425. Л. 387–403, 458–467.
[274] Там же. Д. 1068. Л. 503–538.
[275] Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е–50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 84–85.
[276] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 428–435, 629–635; Д. 1422. Л. 822–831; Д. 1668. Л. 151–155, 389–398 и др.

Однако приведенные примеры не являлись нормой. Горнозаводское общество в основе своей добросовестно трудилось, в меру сил и возможностей достойно проводило досуг.

К сожалению, цельную картину проведения досуга, неформальных отношений после работы в исследуемый период представить сложно. Официальные документы по этой проблеме чрезвычайно скупы. В гостях, на обедах и ужинах, люди естественно вели беседы, играли не на деньги в карты, шахматы, иные игры. Наверное, высказывали свои взгляды, мнения и убеждения на события жизни в провинциальных заводских поселках. Поразительно, но многие застолья заканчивались, даже с участием офицеров, скандалами и драками. Можно отметить и примечательный факт – в составе гостей непременно были женщины, хозяйка и жены приглашенных, им в потасовках нередко «доставались» удары. Среди иностранных специалистов случались частые бытовые ссоры, а иногда и драки, в этих случаях кто-либо из сослуживцев был пьян, иностранцы очень быстро пристрастились на Урале к спиртному. Неизвестно – пили ли они ранее, но здесь лишь единицы вели совершенно трезвый образ жизни.

Шумные веселья проходили во время праздников. В документах «гульбища» в каком-либо месте лишь упоминаются, подробно не описываются. Можно лишь предполагать, что как издревле на Руси, играми, хороводами, плясками, гуляниями отмечалась Пасха, первый большой праздник после зимы на открытом воздухе. В эти дни, как и на Рождество, одаривали нищих, убогих. В Троицу прощались с весной, встречали лето, пели песни, завивали венки, избы украшались березками. А на Благовещение, когда грехом считалось заниматься каким-либо делом, естественно, были «гульбища». Период от Крещения до Пасхи, особенно февраль, считался временем свадеб. В уральских поселках были музыкальные инструменты, даже скрипки. Они в документах значатся как «простые скрипицы», ценой в полтора руб. и «скрипица немецкая», стоившая уже 3 руб.[277]

[277] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1730. Л. 463.

Затронув проблему взаимоотношений губернской и горнозаводской властей, необходимо кратко рассмотреть функционирование таможенных служб.

Освещая вопрос снабжения населения поселка продуктами питания, обувью, тканями для пошива необходимой одежды, виноторговли, кратко отразим историю казенной структуры, которая играла в этом большую роль, т.е. таможенную службу. Эта система первых двух десятилетий XVIII в. отражена в работах исследователей[278]. Однако с появлением горнозаводской администрации взаимоотношения изменились.

Например, с основанием Екатеринбургского завода как центра по руководству всеми казенными заводами здесь должна была быть построена таможня. Таможенный голова, ларечный, еще ранее были переведены из Арамильской слободы в Уктусский завод, работали там совместно с земской конторой, во главе которой стоял С. Неелов. В 1724 г. головой был Я. Сабинин, в 1726 г. – А. Мальцев. В ноябре 1723 г. В.И. Геннин приказал строить таможню в Екатеринбурге, отправил таможенного ларешного Ф. Каргополова в Тобольскую земскую контору решить вопрос, «на какие деньги строить», «чтоб в сборе таможенных пошлин остановки и проезжим напрасного удержания не было».

Эти вопросы в Тобольске разрешили, прислали в Екатеринбург в марте 1724 г. ответ – строить за счет кабацких сборов «наймом при фискале с публичного торгу». Но на первом чертеже будущего города 1723 г., врученного вместе с Наказом заводскому комиссару Ф. Неклюдову, место под таможню не было обозначено, помечен лишь гостиный двор. Более того, четко определено: «сверх данного чертежа как казенных, так и собственных строений не прибавлять и не убавлять». Да и в инструкции В.И. Геннина от 12 марта 1724 г. с Пыскора местным управителям предписано – строить церковь, школу, госпиталь, гостиный двор, еще многое иное, но «таможни не упомянуто»[279]. Нужно было решать вопрос, а генерал к этому времени уехал в столицу.

---

[278] Клюева В. П. Екатеринбургская таможня в таможенной системе Сибири : XVII–XVIII вв. // Урало-Сибирская научно-правктическая конференция: матералы докладов. Екатеринбург, 2003 С. 147–149

[279] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 248 об., 253.

В 1725 г. на гостином дворе имелось уже много «лавошного, избного и сарайного строения», все ждали приезда В.И. Геннина. Только 30 марта 1726 г. состоялось решение Сибирского обер-бергамта – «понеже таможне быть принадлежит при гостином дворе, того ради оную таможню вновь строить не надлежит, а отдать из построенных светлиц при гостином дворе, сколько к таможенному сбору понадобится».

Такое решение не очень обрадовало амбициозных таможенных служителей. Им хотелось иметь собственное отдельное помещение, вне «лавошного и избного строения». Со временем они этого добились, в архивном деле есть чертеж здания таможни (Приложение № 18). Заметим, что таможенные головы (комиссары) и их подчиненные очень часто входили в конфликты с горнозаводской администрацией, превышали служебные права, обвешивали, обманывали, тайно торговали вином, не доливали и разбавляли его водой, много творили «непотребных поступков». Естественно, жители «приносили жалобы», власти разбирали их, отсюда конфликты с таможенниками. Так, майор Л. Угримов, главный начальник заводов, в 1739 г. так «осерчал» на «непотребные поступки» главного таможенника, что приказал телесно его наказать перед зданием Канцелярии. И наказали, но за превышение власти Л. Угримов попал даже под следствие. Таможенников наказывать могли лишь губернские власти[280].

Не только в Екатеринбурге таможенники вели себя скверно. Находясь вдали от Тобольска, они брали взятки практически открыто, оправдываясь на следствиях весьма своеобразно – проезжие давали все «по своей воле, в честь». Фактов поборов в архивных делах множество. Они останавливали и умудрялись добиваться поборов даже с повозок, везущих казенные «харчи», хотя прекрасно знали, что они не облагались пошлинами. Их наказывали, сменяли, но вплоть до отмены внутренней таможенной системы в середине 50-х гг. XVIII в. ситуация в корне не менялась. Примером может служить факт наказания таможенника в

[280] Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е–50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 367–371.

1739 г. офицером К.А. Гордеевым. К великому сожалению, он оказался трагичным для судьбы этого яркого человека[281].

Винокуренные подрядчики, целовальники подчинялись таможне и также были «не чисты на руку». В 20-х гг. XVIII в. им был С. Минюхин, в 1726 г. подряд он проиграл, все оставшееся (к тому же «худое» вино) выставил на продажу по низкой цене. Народ его с лихвой закупил, иные запаслись аж на год[282]. После него вошел в силу грек Андрей Петров, солидное хозяйство имело семейство Третьяковых. В эти же годы каким-то путем прибыл на Урал и закрепил место в виноторговле серб Дмитрий Милутинович, он сменил умершего в 1734 г. А. Петрова, развил бурную деятельность в 30–40-е гг. XVIII в. В конце 40-х – начале 50-х гг. XVIII в. процветал московский купец Иван Дягилев.

Все откупщики имели солиднейшие доходы, умели скрывать не только истинную цену вина, водки, но и качество приготовленного спиртного. Например, при смене откупщиков в 1752 г. И. Дягилев увез домой «про свой обиход» три бочки вина, бочка вмещала 45 ведер (ведро – 12 литров), значит оставил себе 1620 литров спиртного. Конечно, потаенно его продавал, не чарками, в итоге попал под следствие[283].

Хотя указом от 13 апреля 1723 г. запрещалось продавать вино «дороже чем вдвое», себестоимость высчитать практически было невозможно, да и кадров таких не было[284]. Поэтому неудивительно, что во время казенного и откупного содержания кабаков цены на Урале были следующие:

---

[281] Цеменкова С. И., Черноухов, А. В. Константин Артемьевич Гордеев (1700–1741): от взлета до падения. Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 22. Екатеринбург, 2022. С. 72–90.
[282] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 89. Л. 250–252; Д. 123. Л. 21–39, 54.
[283] Там же. Д. 1420. Л. 520–554.
[284] Там же. Д. 891. Л. 330–334.

Таблица 14

Себестоимость и продажная цена спиртного в 20-е гг. XVIII в.[285]

Вид продукции	Себестоимость (коп. за ведро)	Продажная цена (коп. за ведро)
Вино простое	45–55	222
Вино двойное	90–110	444
Пиво	3–4	7–8
Мед (медовуха)	15	30

В Сибири, в районе Красноярских заводов, в 40-х гг. XVIII в. вино со всеми расходами обходилось около 50 коп. ведро, а продавалось по 2 руб. 40 коп. Для изготовления вина и пива использовали муку ржаную – ¾ от всего объема и ¼ овсяной или крупяной муки. Необходим был солод ржаной – более 50% от объема муки, и, конечно же, хмель[286].

Меры продажи вина должны быть «заорлеными, чтоб никакого спора и подозрения не было», хранилища опечатаны. Но целовальники находили возможности обойти эту правовую норму. К тому же продавали тайно вино в работные дни, легко убирали печати с хранилища вина, после воскресения прятали по 2–3 ведра «про запас», вино разбавляли и не доливали. То есть творилось «в той мере не без плутки, а питухам не без обиды». Жалоб на эти непорядки в архивных делах сохранилось много[287].

Завершим описание асоциальных деяний анекдотичным случаем. Было велено «из состоящего у главной Канцелярии во дворе нужника дерьмо вывозить на казенной лошади по течению реки Исети вниз за город, за жило, в яму» колодникам под солдатским караулом. Поехали колодник А. Мешков и солдат И. Толстых, но колодник сбежал. В ходе допроса выяснилось: доехав «до называемого кабака «отряси ноги», взяв у колодника взаимообразно денег пять копеек», солдат попил под окном вина, да на копейку угостил пивом колодника. Приехали к месту, Мешков «стал из кади дерьмо выгребать, а я в то время сел

[285] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1420. Л. 520–554.
[286] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 891. Л. 330–334.
[287] Там же. Д. 94. Л. 464–470; Д. 562. Л. 406–419; Д. 673. Л. 713–762; Д. 936. Л. 390–393; Д. 1112. Л. 107–124; Д. 1396. Л. 592–593; Д. 1423. Л. 406–431.

блись того места неподалеку на поляну», заснул, колодник «выпряг лошадь, скочил на нее», солдат его «настичь не мог».

Через месяц колодника поймали. Военный суд в Екатеринбурге, учтя, что солдат И. Толстых еще молод, в наказаниях не бывал, вину полностью признал, решил: «учинить ему телесное наказание, прогнать сквозь шпицрутен чрез тысячу человек вместо смерти двенатцать раз», после – оставить на службе. Решение должно было быть утверждено в Канцелярии и Берг-коллегии. Первая «сократила» прохождение до трех раз, что решила главная инстанция – неизвестно[288].

Помимо пьянства и взяточничества к числу пороков жителей казенных заводов относился и блуд. В российском законодательстве первой четверти XVIII в. по представлениям Сената и Синода от 12 апреля 1722 г., 4 сентября 1722 г., 10 декабря 1723 г. появились указы Петра I, где четко зафиксированы наказания за «блудные дела»[289]. Дела подлежали рассмотрению светского суда, хотя и церковные власти должны были следить за благочестием паствы. Указы стали основополагающими, в последующий период редко дополнялись.

На местном «уральском уровне» первой по времени мерой по борьбе с развратом можно считать указ В.И. Геннина от 27 января 1725 г.: «за городом чтоб отнюдь жилья не было, понеже в таких местах бывают всегда курвяжные домы и шинки»[290].

В документах не отражены причины, побуждавшие людей к «блудному делу». Лишь один раз фигурирует «несносная жизнь» при муже и еще один раз – «муж телесной охоты утулить не может»[291]. В «блуде» косвенно участвовали сводницы, их наказывали так же жестоко: публично били кнутом или плетью.

Впервые «о курвах» пришлось разбираться по делу иностранцев. В октябре 1725 г. разругались жены «жестяного дела мастера» И. Ваплера и доменного мастера М. Орловского. Лукерья «бранила» жену И. Ваплера «многими

---

[288] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1668. Л. 176–193.
[289] Там же. Д. 937. Л. 249; Д. 1561. Л. 116 об.
[290] Там же. Д. 52. Л. 169.
[291] Там же. Д. 1032. Л. 549–550.

ругательными словами и называла ее татарскою курвою и сказала, будто она с честными людьми обхождения не имела, но с курвами». И. Ваплер «такого ругательства терпеть не мог», пришел в контору подать челобитную заводскому комиссару Ф. Неклюдову. А тот его «матерно бранил», назвал «проклятым собачьим сыном и выгнал».

Дело дошло до Сибирского обер-бергамта. Там, не желая обижать умелого мастера, переправили дело в земскую контору, где, ссылаясь на, что есть указы, как судить мастеровых и крестьян, а «как баб судить» – нет, просили помощи в Сибирском обер-бергамте. Вновь получили решение: судите, «пока оной Ваплер не отъехал в отечество свое». В это время Лукерья и М. Орловский попросили прощения у Ваплеров, но все равно получили решение от конторы – вычесть «от зарплаты мужа вдвое». М. Орловский обжаловал «несправедливость» – с иностранцами надо обходиться мягче. В итоге дело закончилось ничем – семейство Ваплеров уехало в отечество, значит и суд не нужен[292].

Летом 1727 г. «отличились» в блудном деле сразу три жены работников Екатеринбургского завода, еще одну арестовали «за сводничество». Всех женщин (как и мужчин) наказали батожьем и определили на месяц на работу в кузницу (с мужчин вычли месячное жалованье на содержание госпиталя). Необходимо было определить оплату за труд.[293] И 24 августа в Сибирском обер-бергамте В.И. Геннин, Р. Горчаков, С. Неелов за блудодейство и сводничество предписали: «бабам за работы их у дутья мехов выдать на каждой работной день по копейке и впредь им, пока они в работе будут, також и протчим, посылающимся в работу женского полу, давать по копейке же на день, ибо оные против мужска полу сработать не могут, а при здешнем месте копейкою днем пропитатца можно»[294].

В.И. Геннину и следующим командирам не удалось искоренить зло. Генерал лишь ужасался, что даже некоторые командиры, «забыв страх Божий», живут блудно и детей прижили. Новый главный начальник В.Н. Татищев «с

---

[292] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 53. Л. 305–308; Д. 93. Л. 91–92.
[293] Там же. Д. 122. Л. 492.
[294] Там же. Л. 495.

товарищи» вынуждены были вновь вернуться к решению проблемы. 8 мая 1735 г. появилось строгое определение Канцелярии: «Об искоренении на заводах подозрительных бляцких домов и блядей»[295]. В нем содержались следующие положения: «Дабы оные мерзости здесь всеконечно были пресечены, о том подтвердить в полицию, чтоб от оной в том смотрение было крепкое и кто в таковых бляцких приводах явятся девки и вдовы, таковых для конечного оных мерзостей пресечения и чтоб другие, смотря на то, от того воздержались, выдавать в замужество за ссыльных холостых и вдовых, а не по их воле, за кого они похотят. О том же подтвердить на все заводы, чтоб и тамо управители чинили против вышеписанного.

А при которых заводах ссыльных нет, а таковые из девок и вдов в приводах будут, оных для выдачи в замужество за ссыльных присылать сюда без замедления. А кто с ними мужского полу также будет, и любодающие жены от своих мужей в том пойманы будут, тем чинить наказание так, как указы повелевают. Да сверх того, кто получает жалованье или с заделья, у тех вычитать на богадельню за месяц. А которые жалованья не получают, тех по наказании держать скованных в заводской работе без денежной платы по месяцу.

А понеже как видно, что такие в девках продерзости наиболее происходят от нерадения, а, может быть, и с позволения родителей, того ради и родителям, которые ведали, а от такого злодеяния не удерживали, чинить наказание жестокое. А ежели явится, что они соизволяли, то таких определять на год в каторжную работу.

И о том, куда надлежит, послать указы и велеть об оном объявить в церквах»[296].

Решение было подписано В. Татищевым, А. Хрущевым, Н. Клеопиным, протоколистом Е. Яковлевым. Указ об этом 14 мая был разослан во все заводские конторы за подписью Н. Клеопина. Управителям заводов даже стали вписывать в инструкции пункт: в поселках вылавливать курв, присылать их в Екатеринбург,

---

[295] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 560. Л. 202–203.
[296] Там же. Л.202–203.

зорко следить, «кто с кем живет блудно». «Блудные дела» не прекращались, можно привести многочисленные примеры.

В августе 1737 г. управляющий на Полевском заводе поручик А. Зубов доложил в Канцелярию: разбирали дело «о приводе в блудном воровстве» холостого Павла Стрелкова и жены горного ученика Ирины Большухиной. Они «за три недели блуд творили раза з два, про тот их блуд никто не ведал и сводни и враждебной присушки между ими не было»[297]. Парень ранее «ни с кем не живал и в приводе нигде не бывал». А Ирина в 1735 г. уже «была в приводе», наказана плетьми. В заводской конторе решили: Павла «бить батогами», а Ирину «за показанное прелюбодеяние вместо кнута на публичном месте бить плетми нещадно и выгнать из заводу, яко блудниц, метлами». Канцелярия 14 мая 1735 г. решила: «обоим быть в заводской работе скованными по месяцу без оплаты», а у мужа Ирины, «за невоздержание оной жены от прелюбодеяния вычесть за месяц жалованье».

В 1740 г. на Лялинском заводе долгое время шло следствие по челобитной М. Мальцева – его жену три женщины называли «канальею и блядью» за то, что она с засыпщиком «за фабрикой блудила в стоячку». Дело зашло столь далеко, что все женщины, убоясь сурового наказания, сговорившись, на допросах уверили – были на застольях пьяны, все слова «говорены с пьяну». Все помирились, заплатили за следствие пошлины. Сам надзиратель работ С. Ранчковский замечен «в блуде», но он и сумел замять дело[298].

А вот дела 1737–1739 гг. других управителей Ф. Неклюдова и П. Кудрявого на Сылвинском заводе оказались очень громкими. Первое дело выехал расследовать от Канцелярии главный межевщик, капитан И. Юдин. Оно занимает более 80 листов дела. Серьезный случай – управитель принуждал «к блуду» жену подчиненного – надзирателя работ, в купе с другими его грязными проступками: взятки, вымогательство поборов с подчиненных. И. Юдин предложил применить к Ф. Неклюдову даже смертную казнь или сослать в

[297] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 678. Л. 1152–1153.
[298] Там же. Д. 901. Л. 438–443.

горную работу. Так низко опустился Ф. Неклюдов, в 1723 г. назначенный заводским комиссаром. Он не дождался решения суда, умер[299].

Более мерзко поступал П. Кудрявой, зверски бил и принуждал замужнюю женщину «к блудному делу». Она сумела сбежать в Екатеринбург и подать жалобу[300].

Отмеченные дела неординарные. Автор намеренно не включил в текст грязные извращения – блуд со скотиной, мужеложество[301]. А обычные любовные «приключения» были постоянными и в 40-е гг. XVIII в. Руководствуясь нормами указа 1735 г., полиция проводила регулярные рейды: «смотрение иметь», чтоб «не было шинков и прочих корчемств, також блядских домов и блядей ни у кого не было, а буде где такие похабства явятся и сысканы будут, таких велено приводить в полицию»[302].

И очень часто по доносам ловили, приводили на гауптвахту, разбирались, наказывали. Но в этом деле был один сложный момент – «подлинно уличить в «блудном деле» фактически было очень сложно или невозможно. Некоторые избегали наказания. Как, например, выкрутился лекарский ученик И. Бревнов, ходивший к вдове, которая и до него имела «похождения», наказывалась плетьми. Но здесь доказать «блудное дело» не смогли – И. Бревнов уверял – «угол для жилья здесь имею». Вынуждены были чиновники Канцелярии записать: обходчикам, которые «впредь для выимки шинков и блядей от полиции определятся, накрепко подтвердить, чтоб оные осмотрительно, а не нагло и без всяких нападок по присяжной должности в том поступали»[303].

А из заводских контор регулярно поступали доношения в Канцелярию о поимке и наказании тех, «кто из девок и вдов в приводах по блудному делу и кто с ними мужска полу также буде, и любящие жены от своих мужей в том пойманы». Так, из Сылвинской конторы в 1746 г. прислали список уличенных и наказанных – от досчатого мастера Федота Верхотурова до мехового ученика

[299] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 937. Л. 980–1067.
[300] Там же. Д. 937. Л. 668–785.
[301] Там же. Д. 562. Л. 870–885; Д. 850. Л. 69–103.
[302] Там же. Д. 1030. Л. 1–5.
[303] Там же. Л. 187.

Степана Корзухина и целовальника при винной продаже Дмитрия Хренова[304]. А в Каменском заводе «отличились» канцелярист Б. Гобов и дочь пономаря Ксения. Оба на основании указов Синода «для тонкости исследования и увешевания» отправлены к протопопу в Екатеринбург[305]. Люди, уличенные в таких делах, должны были подлежать и церковному наказанию, но оно применялось лишь при серьезных преступлениях и судили их на основании именного указа по представлению Синода от 2 апреля 1722 г. В качестве примера можно привести скрупулезное исследование, с указанием всех церковных законов, по делу о вторичной женитьбе солдата, следующего с казенным караваном с Урала в Санкт-Петербург.

Он, при «живой первой жене», видимо, за взятку священнику венчался в пути. По прибытии домой обман был раскрыт, началось следствие, дело дошло до консистории митрополита Тобольского и Сибирского. Разбор занимает более 30 листов дела[306]. Но солдат ввиду того, что их в Екатеринбурге мало, не был наказан. Ему лишь предписали жить с первой женой. А вот вторую жену, которая «от безтрашия» и «по ненависти» клеветала на первую, обвиняла в прелюбодеянии, наказали жестоко – «на страх другим», публично кнутом, а потом выгнали, «яко явную прелюбовницу по примеру протчих блудниц за город», отправили на прежнее место жительства[307].

Следствию и суду подлежали и противоположные случаи – жена с ребенком при живом муже, взятом в рекруты и отправленном на Урал, вновь вышла замуж. Узнав это, рекрут написал прошение в Канцелярию, но «молодожены» сбежали[308].

В разборе дела 1754 г. о похождениях другого рекрута и его жены представлены все церковные законы «о блудодействе» и наказания за него[309]. Рекрут был определен в заводскую работу в Екатеринбурге. Женился, прижил

---

[304] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1112. Л. 602–604.
[305] Там же. Д. 1399. Л. 313–318.
[306] Там же Д. 1420. Л. 134–160.
[307] Там же. Л. 142–142 об.
[308] Там же. Л. 33–37, 96–103.
[309] Там же. Д. 1414. Л. 1–54.

дочь. Но по какой-то причине «ушел в бега». Жена с ребенком уехала к родственникам в деревню, там «казак уговорил ее», они отбыли к его новому месту службы, жили не венчаны, «блудно» прижили еще детей, двое умерли, один здоровый. Тайна раскрылась, казака наказали публично кнутом, оставили служить, женщину с детьми привезли в Екатеринбург на гауптвахту, наказание известно – в заводские работы. Но ей повезло – взяли на поруки добрые люди. Рекрут же добровольно вернулся из бегов, попал под указ об амнистии 1744 г. Обманул девицу, женился на ней второй раз, прижил сына, и этот обман также вскрылся. В итоге гражданское и церковное наказание – жить ему с первой женой, а второй разрешить замужество, так как она из-за «обмана вышла замуж».

Активное строительство казенных заводов на территории Урала в первой половине XVIII в. сопровождалось появлением поселений при них. Главным фактором выбора места для строительства завода, а следовательно, и поселения при нем, было наличие природного водного потока, необходимого для возведения плотины и обеспечения производства продукции. Численность населения в поселениях определялась мощностью предприятия, самыми крупными стали поселки при Екатеринбургском, Верх-Исетском, Сысерстком, Полевском и Алапаевском заводах.

Население поселков было различным по социальному составу. Подавляющее большинство жителей составляли мастеровые и работные люди, особые группы составляли офицеры и унтер-офицеры, составлявшие руководство заводов, приказные служители, представители духовенства, ссыльные, бобыли, солдаты. Уральское начальство организовывало строительство казенных квартир для поселенцев, взимало плату за проживание в них, поощряло возведение собственных домов, и к середине века во всех поселках при казенных заводах частные дома стали преобладающими.

Уровень жизни населения определялся прежде всего размерами получаемого жалованья, а они резко отличались по размерам в зависимости от занимаемых должностей. Низкооплачиваемым работникам жалованье выдавалось помесячно, остальным – по окончании трети года, при этом

горнозаводские власти шли навстречу просьбам низших слоев своих работников и выдавали им в зачет будущего жалованья хлеб, организовывали его доставку в поселения, поскольку приобретать хлеб у крестьян в слободах работники не могли из-за занятости на производстве.

Важным подспорьем являлось наличие у жителей подсобного хозяйства. Семьи имели своих лошадей, охотно разводили крупный и мелкий скот, птицу, выращивали овощи на огородах. Собирали ягоды, грибы, дикорастущие плоды, ловили рыбу, охотились. Власти выделяли работникам сенокосные участки, организовывали борьбу с болезнями и мором скота в поселениях, открывали ярмарки и торжки для обеспечения населения продуктами питания, одеждой, обувью.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что удаленность поселений от административного центра, Екатеринбурга, приводила к неоднородности цен на продукты питания и, как следствие, понижению качества жизни жителей. Влияли на цены и неурожаи, плохие погодные условия приводили к резкому удорожанию продуктов питания, в первую очередь хлеба.

Совокупность факторов, связанных с особенностями заводского производства, предопределяли время работы и отдыха работников заводов. Население поселков в воскресные и праздничные дни посещало церковь, устраивало гульбища, ходило в гости друг к другу, широкое распространение получили «помочи», когда родственники, соседи сообща помогали в проведении каких-то крупных работ, например, возведении домов, сопровождавшихся застольем с употреблением горячительных напитков.

Несмотря на жесткость правовых и административных мер, предпринимаемых В.И. Генниным и В.Н. Татищевым, обыватели периодически становились участниками бытовых конфликтов, устраивали любовные похождения, играли в азартные игры, однако, следует признать, что главным катализатором девиантных поведений жителей служил доступ к алкоголю. Вопрос о порядке продажи алкоголя не раз поднимался руководством заводов,

но регулирование его напрямую зависело от указов высших и центральных органов управления.

Глава 2. Формирование и развитие социальной инфраструктуры заводских поселков

2.1. Становление и совершенствование медицинского обслуживания

В первой главе раскрыт состав горнозаводского населения заводских поселков. Они, отчисляя из жалованья деньги на медицину, естественно имели право на обслуживание. Кроме этих заводских поселков требовали медицинского обслуживания работники далекого от Урала, но подчинявшегося Екатеринбургу, Нерчинского завода, а также направляемые на поиск руд экспедиции в районы Якутска и Красноярска, население построенных там заводов, перешедшие в ведение Кабинета Е.И.В. заводы Колывано-Воскресенского округа.

Базовыми элементами любой медицинской инфраструктуры являются госпиталь и аптека. Во многих словарях о термине «госпиталь» нет разночтений[310]. В первой половине XVIII в. отмечаются военные, полевые, походные, госпитальные аптеки. Все дефиниции можно объединить в четыре определения: учреждения, осуществляющие приготовление и отпуск лекарств; набор лекарств для оказания первой помощи; склад, кладовая, хранилище; подразделение больницы.

С началом организации горнозаводского управления на Урале в 1720 г., с главой первых казенных заводов В.Н. Татищевым прибыла и первая аптека как своеобразный комплекс лекарств, предназначенный для лечения.

Личную аптеку вез, видимо, и берг-мейстер И.Ф. Блиер, не отличавшийся хорошим здоровьем.

Эти первые аптеки, напоминали полковые медицинские «ящики», конструкция и содержание которых были предложены И.Л. Блюментростом. В 1700 г. он, будучи одним из помощников Петра I по реорганизации

---

[310] Даль Д. В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863. С. 341; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 222; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 481; Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Ленинград, 1989. С. 256; Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 541; Энциклопедический лексикон. СПб., 1838. С. 36; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / гл. ред. К. К. Арсеньев, Ф. Ф. Петрушевский. СПб., С. 386.

медицинского дела в России, издал книгу под названием «Практический опыт, делающий полкового врача руководящим лицом в Московском войске». В приложении дал описание двух ящиков: для врача и для хирурга. В ящике для врача были представлены растительные средства по разделам: травы, цветы, корни, семена и плоды (например, миндаль горький, мак сладкий); ароматические вещества, смолы, различные масла, уксусы, спирты. Приводится перечень хирургических инструментов. Ящик для хирурга должен был иметь лекарственные средства для наружного, внутреннего применения и различные инструменты[311].

Отправляясь на Урал, В.Н. Татищев 15 марта 1720 г. подал доношение в Берг-коллегию наряду с партией лекарств и отправку лекаря. Президент Берг-коллегии Я.В. Брюс и асессор А. Зыбин предписали И.В. Блюментросту, с 1719 г. возглавившего медицинскую службу России в качестве архиатра, подыскать подходящую кандидатуру. Но лекаря В.Н. Татищев не получил. На Урале поиски лекаря также не увенчались успехом. Уже в первом доношении, отправленном в Берг-коллегию по прибытии на Урал, 13 сентября 1720 г., В.Н. Татищев повторно просил лекаря, но опять не получил, а на месте найти не смог[312]. Относительную квалификацию имели здесь только пленные шведы, на Алапаевском, Толмачевском, Федьковских (Невьянских) заводах они успешно лечили больных[313].

В марте 1721 г. на Урал приехал берг-рат (полковник) И.М. Михаэлис. Высокий ранг, возраст, слабое состояние здоровья, позволяли и вынуждали его везти с собой медикаменты для лечения собственной персоны. Постоянно конфликтуя с другими руководящими чинами уральского горного управления, И. Михаэлис 28 января 1726 г. отбыл с Пыскорских заводов в столицу[314]. Руководитель Пермского бергамта гиттенфервальтер И. Юдин сообщил в

---

[311] Куликов В. А. История создания общегосударственных и ведомственных российских фармакопей // Вестник фармации. 2012. № 2 (56). С. 56; Надель Н. Первый печатный каталог лекарственных средств // Фармация. М., 1971. № 2. С. 83–84.
[312] Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 53–54.
[313] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 77. Л. 184–185.
[314] Там же. Д. 23. Л. 466.

Екатеринбург, что после его отъезда «оставлена аптека в двух ящиках». Офицер писал: «ежели оной аптеке быть при Пыскорских заводах долгое время, а за тою аптекою презирать будет некем, то оная за неимением к тому искусного человека повредиться может напрасно». Через 15 дней последовало распоряжение В.И. Геннина: поскольку при Екатеринбурге имеется лекарь, «того ради оную из Пермского бергамта аптеку взять в Сибирский обер-бергамт». Аптека с Пыскора летом прибыла в Екатеринбург. Перечень лекарств на немецком и русском языках состоял из 425 наименований. Она стали большим подспорьем начального этапа работы госпиталя[315].

Сам генерал В.И. Геннин в 1722 г. на Урал приехал с личным врачом Иоганном Иосифом Спринцелем. Петр I удовлетворил его просьбу, приняв во внимание аргументацию: «И понеже я волею Божиею всегда грудью скорблю и может быть, что без лекаря безвременно умру, того ради прошу не для меня, но для отправления вашего величества дел и для лечения будущих при мне нужнейших мастеровых людей, кои заскорбят, дать лекаря с лекарством, ибо ежели оные в скорбех незапно умрут, то будет великая во всех делах остановка»[316]. В.И. Геннин полагал, что его пребывание в здешних краях будет недолгим. Но судьба распорядилась иначе, генералу пришлось прожить на Урале 12 лет. На него и на руководителей созданного им Сибирского обер-бергамта выпали все тяготы работы с населением уральских поселков, в том числе и по организации медицинского обслуживания.

Деятельность И.И. Спринцеля на Урале началась со строительства Екатеринбурга, борьбой со вспышкой эпидемии, случившейся вследствие большого скопления строителей, приемом пищи солдатами из общих котлов. В архивных документах фигурирует даже яркое слово – «офранцузили»[317].

В то же время власти приступили к возведению госпиталя. Это оказалось невероятно трудной задачей. И.И. Спринцель был единственным медиком на

---

[315] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 92. Л. 259–268.

[316] Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 21; Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов. Приложения // Горный журнал. 1826. кн. 4, С. 96.

[317] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 33, 535, 552.

весь огромный горнозаводской край, выполнял, кроме прочего, обязанности личного лекаря генерала. В конце 1723 г. И.И. Спринцель с В.И. Генниным уехали из Екатеринбурга сначала на Пыскорский завод, а потом в Москву. Но госпиталь было приказано достраивать. В Москве И. Спринцель рассчитывал на более выгодные условия дальнейшей службы в России. А тем временем в Санкт-Петербурге В.И. Геннин 8 июня 1725 г. подал доношение Екатерине I, где фактически повторил раннюю просьбу: необходимо отправить «со мною лекаря с надлежащим медикаментом, оное требуется не ради одной моей персоны, но и ради тамошних командиров и мастеровых людей, понеже без лекаря быть невозможно, и мастеровые люди, как русские, так и иноземцы, от великих работ принимают себе часто увечья и болезни, и от того умирают безвременно, а на их места сыскивать и выписывать иных трудно и дорого»[318]. Ответ чиновников удручал: «лекарей ко отправлению не имеется», В.И. Геннину советовали писать И. И. Спринцелю и просить его вновь ехать на Урал[319].

30 июня 1725 г., в день отъезда из столицы, В.И. Геннин вновь просил Екатерину I «приказать архиатору Блюмантросту, дабы он со мною отправил лекаря» – иначе от «частых моих болезней ехать мне с Москвы невозможно для того, что тамо и во всей Сибири лекаря нет»[320]. А, по счастью для генерала и для Екатеринбурга, И.И. Спринцель не получил лучших предложений и согласился ехать. Но выставил условия: определить штаб-лекарем, жалованья повысить до 180 руб. в год, дать помощника в госпиталь, ученика из школьников, казенный фураж на три лошади, квартиру, дрова. Условия были приняты, вместе с В.И. Генниным он вернулся в Екатеринбург, привез с собой многие необходимые лекарства и инструменты.

К 1727 г. госпиталь был достроен, И. Спринцель принял решение продлить контракт, но поднял ставки. Прежде всего штаб-лекарь потребовал увеличить годовое жалованье до 219 руб., право лечить жен и детей служителей «за особливую плату собственными его лекарствами», а при отсутствии

---

[318] Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 275.
[319] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 908–910.
[320] Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 279.

собственных – казенными, с внесением за них денег в казну. По сути, это было право вести частную врачебную практику. В. И. Геннин, зная, что «человек он вольной, а здесь при заводах для лечения болящих весьма нужен быть, он надобен и без него пробыть невозможно, ибо других лекарей никого не имеется», принял решение заключить новый контракт на условиях И. Спринцеля[321].

После решения кадрового вопроса для В.И. Геннина наступила очередь улаживания финансовых проблем. Дело в том, что власти, поставив задачу становления государственного медицинского обслуживания, не очень желали вкладывать надлежащие деньги на ее решение. Значительную часть ресурсов должны были доставлять сами болящие.

Поэтому казенная горнозаводская медицина незыблемо стала следовать положению ст. 8 гл. 47 Адмиралтейского регламента 1722 г.: «У содержания в госпиталях с больных удерживать половину денежного жалованья … и употреблять деньги на содержание госпиталей. Другую половину отдавать им по выпуске их из госпиталя»[322]. В.Н. Татищев увидел и «дисциплинирующий» потенциал в этой статье и зафиксировал в 25-й главе Инструкции заводскому комиссару 1723 г.: «дабы мастера напрасно притворною болезнию не заскорбели и не ленствовали». Но в Табель заводских штатов 1726 г. было внесено доброе начинание: «ежели оных денег первой половины не достанет», дополнительно выделять на покупку медикаментов в год из доходов Сибирского обер-бергамта 100 руб., а на содержание раненых и хворых – 50 руб.[323]

Адмиралтейский регламент предусматривал меру для пополнения медицинского бюджета казенных учреждений. В соответствии со ст. 34 гл. 1 регламента устанавливалось взимание платы на госпиталь по копейке с рубля[324]. На его основе указом от 4 февраля 1723 г., управителям всех заводских контор, В.И. Геннин определил: «Надлежит как с канцелярских со всех чинов служителей, так и с мастеровых людей и прочих, не обходя никого, которые

[321] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 911–913.
[322] Там же. Д. 157. Л. 177.
[323] Там же. Д. 243. Л. 57.
[324] Там же. Д. 691. Л. 28.

получают Его императорского величества денежное жалованье годовое, месячное и задельное, вычитать на медикаменты, то есть на лекарства для лечения по копейки с рубля и записывать те деньги в приход особно». Деньги следовало собирать и с иностранцев. А если кто заболеет или на работе повредится – «приходить к лекарю и требовать лекарства без платы», «только кроме тех, которые имеют французскую немощь или в драке ушиблены будут»[325].

Кроме основных доходных статей В.И. Геннин уже в первые годы «изыскивал» дополнительные источники – штрафы за пьянство, игру на деньги в карты и кости. Примечателен в этом отношении документ от 5 марта 1724 г.: «ежели мастера как русские, так и иноземцы будут пьянствовать, отходя от своих работ в работные дни, тех брать за караул и вычесть за день месячное жалованье, и класть оные деньги особо на школу и госпиталь, а когда по вычете пьянства не пресекут, то держать оных у работ скованных»[326].

В целом, в 1723–1727 гг. на медицину и школы были издержаны следующие суммы (в руб.):

Таблица 15

Количество денежной суммы, издержанной на госпиталь и школы[327]

Год	Госпиталь	Школы	Год	Госпиталь	Школы
1723	265	54	1726	367	186
1724	24	79	1727	128	85
1725	372	87	Всего	1156	491

[325] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73. Л. 55.
[326] Там же. Д. 160. Л. 171.
[327] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 142. Л. 460–465 об.

Для оценки объемов финансирования приведем суммы, затраченные в эти же годы на отправку караванов с заводской продукцией – более 21,5 тыс. руб.[328] Большая часть денег по статье медицинских расходов в 1723, 1725, 1726 гг. была израсходована на оплату лекаря и присылаемых лекарств. Снижение суммы в 1727 г. объясняется двумя причинами. Первая – данные в источнике представлены лишь до сентября. Вторая, главная – В.И. Геннин испытывал жесточайший денежный кризис. Даже жалованье всем работникам и служащим, кроме иностранцев, на время, он вынужден был выдавать лишь половинное.

Выход из трудного положения он нашел своеобразный, но противоречащий законодательству. Используя право, предоставленное Берг-коллегией в 1725 г., решать некоторые дела лично, в оперативном порядке, во избежание длительной переписки, он указом от 28 августа 1727 г. приказал временно собирать на медицину по две копейки с рубля. В итоге, в 1728–1734 гг., вплоть до отъезда генерал-лейтенанта и кавалера с Урала, такие сборы и осуществлялись.

Таблица 16

Сводка сбора денег на Полевском заводе от маркшейдера Михаила Кутузова[329]

Год	Сумма (руб.)	Год	Сумма (руб.)
1728	59,23	1732	74,05
1729	81,36	1733	74,05
1730	87,42	1734	70,53
1731	82,82	1735	40,05 («по копейки с рубля»)

В.Н. Татищев восстановил законность и справедливость: на основании решения Канцелярии от 8 февраля 1735 г. восстановлена прежняя система: одна копейка с рубля[330]. Она действовала на протяжении всего исследуемого периода.

В первые годы своего пребывания на Урале В.И. Геннин, одновременно с решением текущих дел, настойчиво добивался от Берг-коллегии помощи в

[328] Уланов К. А. Казенные караваны уральских заводов первой трети XVIII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 3. С. 104–108.
[329] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 616. Л. 364–380.
[330] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 28.

налаживании медицинского обслуживания своего ведомства. Только в 1723 г. было подано 3 доношения на этот счет: от 23 апреля, 29 июля, 28 ноября. На последнее послание Берг-коллегия, понимая, что без лекарей «при тех заводах пробыть невозможно», просила Медицинскую канцелярию «приискать одного штап-лекаря да лекаря из иноземцев добрых искусных людей, которые могли б то дело снесить». Предполагалось платить жалованье штаб-лекарю 180, а лекарю – 120 руб. При медиках следовало содержать «по два человека учеников из русских». Коллежское мнение было послано на рассмотрение в Сенат, сообщили В.И. Геннину, предложили подать вторичное доношение непосредственно сенаторам, «чтоб быстрее указ учинить»[331].

24 марта 1724 г. В.И. Геннин вновь озабоченно писал в столицу: «Великая имеется нужда в лекарях как [на] Екатеринбургских заводах, так и у Соли Камской. И опасно, чтоб мастеровым людям напрасно без лекаря не потребить и от того остановки в заводских и горных делах не учинить. Для того, когда мастер занеможет, а без лекаря пособить его болезни некому и от той болезни безвременно умрет, то другого на ево место из Саксонии достать будет трудно и не безубыточно. Дело его мастерства остановится, русские ученики его мастерство и искусство свое еще до конца не приняли и без мастера потеряют»[332].

Торопил он и утверждение заводских штатов, которые были разработаны в 1723 г. В них были определены и должности медицинских работников. При этом необходимо отметить, что это был не особый штат, а лишь часть сводного штата «Сибирского обер-бергамта… что ко оным надобно членов и служителей». Его повез в столицу В.Н. Татищев. 11 апреля 1724 г. штат был рассмотрен и серьезно скорректирован по многим позициям в Берг-коллегии. Ровно через 2 месяца, 11 июня, прошел утверждение в Сенате, 28 июня 1724 г. отправлен на Урал, а 30 июля получен В.И. Генниным.

В сопроводительном письме предлагалось, чтобы генерал приобщил вновь свое мнение и прислал в коллегию. И хотя решение по аптекарям В.И. Геннина

---

[331] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 100 об.–101 об.
[332] Там же. Л. 100 об.

не устраивало, он согласился со всеми положениями. Сравним изначальные положения В.И. Геннина и изменения, внесенные Берг-коллегией, в дальнейшем утвержденные Сенатом[333].

Таблица 17

Табель о количестве медицинского персонала и оплате их труда (1724 г.)[334]

Мнение В.И. Геннина				Мнение Берг-коллегии, утвержденное Сенатом	
Должность	Кол-во людей	Годовое жалованье (руб.)	Жалованье всем (руб.)	Кол-во людей	Жалованье всем (руб.)
Доктор медицины	1	240	240	1 (Штаб-лекарь)	180
Лекарь	1	120	120	1	120
Лекарских учеников	4	18	72	4	72
Аптекарь	1	100	100	Аптекаря отставить, а лекарство брать из Москвы	
Учеников аптекаря	2	18	36	–	–

Можно утверждать, что в 1726 г. в основном завершилось строительство и благоустройство хозяйства «госпитального двора». В описи строений, переданных в ноябре 1734 г. В.И. Генинным новому начальнику В.Н. Татищеву, указан год постройки – 1727 г. и дано описание екатеринбургского госпиталя: «бревенчатой, в одном основании три светлицы, трои сени покрыты драньем, в них полы деревянные, две печи кирпишные с выводными трубами; в сенях очаг с трубою на чугунных столбах и сваях; в бане печь кирпишная». Помещение было длиной 12 сажен, шириной 5 сажен, высотой 4,5 сажени. При госпитале был погреб «бревенчатой, покрыт драньем, осыпан землею», длиной, шириной и высотой по 3 сажени[335]. В этом помещении можно было разместить до 24–30 коек.

В передаточном акте 1734 г. не отмечено здание аптеки. Объясняется это просто – здание находилось в комплексе – в одной связи – с пробирной лабораторией, она включена в акт. Архивные документы подтверждают наличие здания аптеки[336]:

[333] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 175 об., 204.
[334] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 175 об., 204.
[335] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 47 об.–48.
[336] Там же. Д. 1243. Л. 89–92.

– 13 августа 1735 г. Канцелярией принято решение – «дом, где ныне содержится аптека, продать с торгу откупщику Петру Перевалову или другим охотникам, кто более даст». Желавших купить ветхое здание не объявилось.

– 1738 г. Аптека «весма обветшала и от гнилости села к земле, к тому же и потолок и матицы очень погнулись и задняя стена назад отвалилась и пол гораздо сгнил. И опасно того, чтоб в ней людей не убило и содержащие лекарства не раздавило…».

– 11 сентября 1741 г. аптекарь Х. Мендерс докладывал в Канцелярию – «по усмотрению моему здешняя аптека стенами весьма сгнила и сего лета осела книзу вершка на полтора, при той же аптеке лабораториум построен поблизости и уже оной загорался два раза …, чулан, где содержатся материалы и травы весьма плох, многое в мокрую погоду гниет, а в ведренные дни весьма высыхает, отчего великий ущерб бывает. Того ради надобно на здешнюю аптеку свободные хоромы, где б на лабораторию была построена каменная палата поблизости воды, также бы и пространные были огороды»[337].

Но чиновники не спешили. Лишь в июне 1745 г. в Канцелярии создали комиссию, целью которой был осмотр аптеки – «как она обветшала и не можно ль без перестройки вновь исправить так, чтоб еще несколько времени могла стоять». Членами комиссии были: Н. Клеопин, А. Порошин, И. Юдин. Механик Н. Бахарев и плотинный мастер Л. Грамотчиков осмотрели строение: в аптеке «две коморы», где «хранятся лекарства и прочее, к ним пристроена лаборатория, караульная изба». Стоять еще «несколько времени» может, но сделали вывод – аптеку «за ветхостью построить вновь»[338].

Таким образом, деревянное здание аптеки существовало. Построенное из сырого леса, как и все казенные дома того времени, строение быстро гнило, рушилось, но выполняло свою функцию.

В 1726 г. случилось событие, которое потребовало от властей форсировать введение в строй и оптимальное функционирование госпиталя. В феврале 1725

[337] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1243. Л. 89–92.
[338] Там же. Л. 90 об.–91.

г., для работ на заводах были присланы из Москвы 20 отставных унтер-офицеров, среди них капрал И. Погорельский. Он «от полученных ранее ран» серьезно болел и «надлежало ему быть за болезнями в госпитале». Местные власти, на основании «свидетельств товарищей» и «понеже госпиталя не имеется», а лекарь находился вместе с В.И. Генниным в отъезде, отправили его домой.

В Берг-коллегии рассудили по-иному и 11 мая 1726 г. в указе написали: поскольку в Обер-бергамте «имеется лекарь, и того Погорельского болезнь надлежало ему освидетельствовать, а на объявление товарищей его не утверждаться. И впредь таких, кои покажут за собою болезнь, без свидетельства лекаря отнюдь отрешать и отпускать не надлежит. А генерал-маэору о том ведать и чинить по Ея Императорскому Величеству указу»[339].

После получения этого указа решение местных руководителей было естественным: «Ежели кто покажет за собою болезнь, таковых без подписки лекаря ни от каких служб никого отнюдь впредь не отставливать». А управителям заводов вменялось в обязанность «больных отсылать прямо в госпиталь при письменном известии». Лекарю же вменялось написание обязательного заключения по каждому больному. Вариантов было три: «подлинно ли он не годен для работы», может работать на другой, (более легкой) работе, «болезнь притворная». Выполнение этих процедур, разумеется, требовало функционирования госпиталя[340].

Наличие медицинского заключения не ставило точку в судьбе работника: окончательное решение принималось в Обер-бергамте. В конечном итоге сложилась и стало действовать сложная, а часто парадоксальная ситуация: лекарь оформлял заключение на больного, но окончательное решение оставалось в руках других людей, не имеющих отношения к медицине.

И только когда лекарь и власти были единодушны, что «скорбь вылечить невозможно», работник «изработался» окончательно, ему предлагался выбор: уйти в богадельню, остаться на своем пропитании по месту прежнего

---

[339] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 135. Л. 187–187 об.
[340] Там же. Л. 196.

жительства, отправиться к детям или родственникам на иждивение. С середины 1730-х гг. предлагался еще один вариант – переселение в необжитые края между реками Волгой и Яиком, выделение ссуды и наделение там землей.

Медикам, руководителям заводов, рудников совместно приходилось оценивать тяжесть болезни, выявлять симулянтов. Работники были подвержены «падучей болезни» – обмороку, эпилепсии. Для ее лечения использовался Pulvis epilepticus (порошок от падучей болезни), состоящий из смеси порошков мауноваго корня и листов корького померанца[341]. Работники могли симулировать судороги с целью избежать горнозаводского труда и вернуться «во крестьянство». Для выявления обманщиков в Сибирском обер-бергамте 3 июля 1729 г. разработали специальный указ: «Ежели падучую болезнь примет и падет на землю, в то время розжечь железо и тем горячим железом приложить к пяте. И ежели не услышит, то подлинно падучую болезнь имеет. А ежели услышит – притворная болезнь». Указ зачитали людям на всех заводах и рудниках[342].

Примером исполнения указа может служить случай 8 июля 1731 г., когда из Пермского бергамта за подписью К.А. Гордеева в Екатеринбург было отправлено доношение о «падучей болезни» горного ученика Ф. Юшкова. Шихтмейстер А. Лавров, свидетельствующий Ф. Юшкова, доложил: «к пяте горячее железо прикладывали и жгли, и оной Юшков от того ноги своей не отнял и ничего не слышал». Началось разбирательство о его дальнейшей судьбе. В конечном итоге руководители Пермского бергамта получили внушение: «лекаря у вас нет, но не прислали, кто свидетельствовал из братии под присягой о его болезни, часто ли он падает и от чего». Вновь по требуемой форме провести освидетельствование, прислать документы в Сибирский обер-бергамт, а пока пусть на руднике работает, а если не может – оплаты ему не давать. Как появится свой лекарь, вам, без рапортов в Екатеринбург, и решать»[343].

Встречались и «самоохотные» болезни. Так, два ученика, «чтоб отбыть от школьного учения», растравили сулемой ноги «и притворяли болезнь напрасно».

---

[341] Шлерет Ф. А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1812. С. 448.
[342] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 280. Л. 180–182.
[343] Там же. Л. 185–186.

Один, постарше, в наказание был бит «кнутом нещадно» и отправлен вместо школы в работу на пять лет. Младшего, избив батогами, вернули в школу. При этом наказали и отца, который «ведал» о поступках сына, старшего школьника. Он «вместо кнута бит батожьем в публичном месте нещадно при многих людях»[344].

Приведем пример оставления в горнозаводской службе даже при положительном заключении лекаря о наличии болезни. В декабре 1738 г. в Канцелярии назначали поручика А. Арефьева управителем казенного каравана до Санкт-Петербурга. Он пытался избежать назначения, указывал на слабое здоровье. Штаб-лекарь И. Шнезе подтвердил: стар, дряхл, «глазами худо видит и глух, и головою и правою ногою болен, от ножной болезни ходить мало может». Но заключение медика не помогло: в Канцелярии указали на отсутствие свободных офицеров, замены нет, и в 1739 г. А. Арефьев отправился руководителем каравана[345].

Процедура лечения и медицинского освидетельствования требовала материальных затрат на содержание госпиталя. Из обширного письма штаб-лекаря И. Спринцеля от 9 февраля 1727 г. можно понять, что обеспечение единственного медицинского стационара на Урале было неудовлетворительным, не хватало средств даже на элементарные вещи: закупку продуктов, дров, свечей, уборку госпитального двора. Нужно было решить вопрос подчиненности госпиталя: Екатеринбургская заводская контора «точного повелителного указа не имеет… также лекаря и гошпитали содержать в ведении заводской канторы повеления заводская кантора не имеет», – писали чиновники в Сибирский обер-бергамт, вопросами материального снабжения ведала припасная контора Обер-бергамта[346].

На решение организационных вопросов ушло два месяца. В первую очередь в Обер-бергамте решили разобраться с законодательной основой дела. Как отмечалось выше, медицинская инфраструктура при заводах нормативно

---

[344] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 92. Л. 9–12.
[345] Там же. Д. 742. Л. 776–777.
[346] Там же. Д. 123. Л. 206.

ориентировалась на положения Адмиралтейского регламента. Существовал и Наказ заводскому комиссару, написанный В.Н. Татищева и утвержденный В.И. Генниным от 15 октября 1723 г., данный Ф. Неклюдову, он включал главу «О содержании аптеки, лекаря и богадельни», где впервые были регламентированы основы организации медицинской службы, работа лекаря, аптекаря, порядок отпуска лекарств, обучения первых лекарских и аптекарских учеников.

В начале главы В.Н. Татищев объяснял причину распространения болезней среди населения тем, что «здешний простой народ о пользе лекарства и лекаря разуметь не хотят, болезнуя, лекарствами гнушаются, паче же от глупости и неразумия в грех ставят» и «доколе пользы ясно не ощутят не поверят»[347]. А.М. Сафронова, исследуя деятельность В.Н. Татищева показала, что при всей привлекательности положений инструкции в отношении медицины на Урале не все они были выполнены, аптекаря на Урал так и не отправили[348].

В итоге, 13 апреля 1727 г. в Сибирском обер-бергамте приняли решение: при обеспечении функционирования госпиталя следовать Адмиралтейскому регламенту, передать госпиталь в ведение Екатеринбургской заводской конторы, ей «о всех болящих при казенных заводах к их пользе иметь доброе призрение и попечение». Административное управление госпиталем поручалось надзирателю, которого ежегодно назначали из числа «обывателей екатеринбургских лучших людей». Он должен был вести учет поступающих больных «в особливой книге», отмечать дату поступления в стационар, имя и место проживания. В этой же книге лекарь делал отметки о выздоровевших, указывая имя и дату выписки. Надзиратель оповещал о выписке Екатеринбургскую заводскую контору, а последняя письменно уведомляла управителя завода, с которого поступал больной, «дабы всегда знать было можно, кто сколько пробудет в болезни, чтоб в даче жалованья конфузии не было»[349].

---

[347] Татищев В. Н. Записки. Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. С. 91-92.
[348] Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 59
[349] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. Л. 183–188; Д. 123. Л. 206–215.

Распоряжением определялся госпитальный штат: сторож «с бабою» из числа бобылей, написанных в подушный оклад. На них ложилась вся хозяйственная работа: сохранность имущества, уборка госпитального двора и помещений, топка печей, приготовление пищи, стирка белья, мытье посуды. Сторожу полагался годовой оклад в 18 руб., его жене 6 руб.[350]

Заметим, что до публикации Аптекарского устава 1789 г.[351] официально крайне редко употреблялись термины «врач», «фармацевт», «провизор». В обиходе использовались следующие должности: доктор медицины, штаб-лекарь, лекарь, аптекарь, гезель, подлекарь, лекарский, аптекарский ученик[352].

Весь груз профессиональных забот о больных лег на плечи И.И. Спринцеля. Управителям заводов в начале 1725 г. впервые строго предписали: «Ежели кто из заводских и горных служителей и мастеровых, работных людей заскорбит какою ни есть болезнию, то таких немедленно объявлять Спринцелю для свидетельства и лечения их болезней, дабы безвременно мастеровые люди от болезней не помирали»[353].

В.И. Геннин тем временем продолжал добиваться улучшения медицинской инфраструктуры, просил и требовал лекарей. В сентябре 1728 г., будучи в Москве, с согласия Берг-коллегии и Медицинской канцелярии, на основании того, что по Табели 1726 г. при Пыскорских заводах положен «для лечения больных мастеровых людей и служителей особливый лекарь», он заключил контракт с И.Г. Репкеном, на два года, или, «дабы ему жить здесь доколе он, генерал-лейтенант, при здешних делах пробудет».

Контракт был вполне приемлем – 10 руб. в месяц жалованья, «да за его инструменты на каждый год по десяти рублев, ему же особливую квартиру и дрова, також одного денщика и ученика»[354]. С Уралом И. Репкен был знаком, ранее работал на заводах Демидовых. В Москве же были закуплены все

---

[350] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 158. Л. 11–12.
[351] Варадинов Н. Аптекарский устав, извлечённый из Свода законов полных собраний законов, распубликованных циркуляров Министерства внутренних дел, постановлений Медицинского совета и разъясняемый историей законодательства. СПб: Типография Министерства Внутренних Дел, 1880. 140 с.
[352] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т. 9. № 6852.
[353] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 79. Л. 331.
[354] Там же. Д. 188. Л. 1–2.

необходимые лекарства на солидную, почти в 140 руб., сумму. По приезде на Пыскор с Д. Одинцовым, руководителем Пермского бергамта, они подыскали место, где построили «особливую квартиру для лечения больных» у Григоровой горы. С Егошихи привезли для нее всю необходимую обстановку. Для «призрения и варения пищи» выделили «доброго человека с женою», сторожа. В помощники определили из школьников ученика Алексея Завьялова. Госпиталь успешно функционировал. По инициативе Иоганна Репкена в апреле 1729 г. В.И. Геннин вновь организовал значительную закупку медикаментов в Москве для пополнения Пыскорской аптеки[355].

В марте 1730 г., отправляясь в Москву для представления доклада императрице «о нынешних горных и заводских делах», В.И. Геннин был уверен, что уезжает с Урала окончательно. Поэтому взял с собой и лекаря, хотя контракт его не закончился. Тот даже аптеку не успел сдать, поручил сделать это ученику[356].

Судьба третьего по счету лекаря на казенных заводах Урала – Иоганна Христиана Гриненберга – сложилась иначе. Родом он был из Саксонии, возраст ко времени заключения контракта был солидным – 35 лет, как и опыт работы лекарем. В.И. Геннин нашел его в Москве, в июне 1732 г. в Медицинской канцелярии заключил контракт на условиях: срок службы – три года или до тех пор, пока генерал будет на Урале; жалованье – 12 руб. в месяц, казенная квартира и дрова на ее отопление. Как и его предшественник, новый лекарь обязался «лечить генерала и обретающихся при нем офицеров, около болящих поступать и пользу им подавать»[357].

Ко времени отъезда В.И. Геннина в 1734 г. с Урала И. Х. Гриненберг должен был решить, ехать ли ему в Москву или продолжить работать. Он выбрал Урал, выразив готовность работать в Екатеринбурге, на Пыскоре или Егошихе, но не посылать его в Якутск, Красноярск, Нерчинск, просил увеличить оплату, «понеже прежним жалованьем едва питался». Условия были удовлетворены.

---

[355] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 278. Л. 263.
[356] Там же. Д. 278. Л. 239, 263.
[357] Там же. Д. 376. Л. 9.

Помимо казенной квартиры и дров лекарю определили оклад в 15 руб. в месяц и прикрепили денщика для личных услуг.

В свою очередь медик должен был сопроводить генерала до Москвы, поскольку, как заметил сам В.И. Геннин, «за болезнями моими без него здесь, а особливо в пути, никак пробыть не могу». Однако уже в Казани отпустил лекаря, в феврале 1735 г. лекарь вернулся в Екатеринбург. В команду лекарей, набранных В.Н. Татищевым, И. К. Гриненберг, не вписывался. Поэтому 4 марта 1735 г. последовало распоряжение Канцелярии: отправить И.К. Гриненберга в Пермское горное начальство, выдав ему «надлежащее число лекарств» для организации госпиталя в Егошихинском заводе[358].

Это было целенаправленное назначение. Долгое время управители Пермских заводов «докучали» сообщениями: деньги со всех категорий работников вычитаются, а госпиталей нет. Комплекс Пермских заводов находился в 380 верстах от Екатеринбурга, там нужен был стационар. Новый госпиталь построили на Егошихе, в специальном помещении при нем хранили лекарства[359]. Госпиталь стал успешно функционировать, И.К. Гриненберг всю оставшуюся жизнь связал с Уралом.

Ветеран уральской медицины И. Спринцель к сентябрю 1734 г. «был одержим тяжкою болезнию» и «должность отправлял с великою трудностью». Просил увольнения от службы, отъезда в Москву. В.И. Геннин принял решение: «Штаб-лекаря Спринцеля за старостью, дряхлостью, слабостью, многия болезни и за малозрением отпустить»[360].

Однако к ноябрю И.И. Спринцель «с помощью Всевышнего от той болезни облегчение возымел» и попросил заключения нового контракта. Уже два генерала – сдающий дела В. И. Геннин и принимающий их В. Н. Татищев – должны были решить его судьбу. Учитывая заслуги штаб-лекаря за 12 лет, трудности службы, которые, естественно, сказались на здоровье, контракт 10 января 1735 г. был заключен на прежних условиях. Этот год оказался последним

---

[358] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376. Л. 8–14; Д. 530. Л. 19; Д. 546. Л. 32–34, 52–58; Д. 568. Л. 290–300; Д. 1071. Л. 108.
[359] Корепанов Н.С. Пермь заводская. 1723 – 1781. Екатеринбург, 2011. С. 51–52.
[360] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 568. Л. 92–93.

в его жизни. В 1736 г. И.И. Спринцель «Божием соизволением с сего света в вечное отошел». Похоронили его в Екатеринбурге, а жена с детьми на четырех подводах уехали в Москву[361].

Становление и совершенствование вспомогательной структуры госпитальной службы также можно подробно проследить. С 1727 г. первым надзирателем был определен Конон Булдаков, верхотурский сын боярский. Он ранее служил мостовым и подчиненным комиссаром в Камышловском дистрикте, провиантмейстером в Екатеринбурге и на Уктусе. Но в госпитале пробыл недолго, был привлечен к судебным разбирательствам. Его место 25 сентября 1727 г. занял отставной лейб-гвардии солдат Семен Кладов.

В 1732 г. надзирателем госпиталя назначили также отставного солдата лейб-гвардии Семеновского полка Михаила Севергина. Он был «во многих баталиях и штурмах, принимал неоднократно и раны», на Урале с 1727 г. По доносу доктора Грифа в июле 1735 г. «в издержке излишно казенного пива и прочих припасов» попал под следствие, «вины его не объявилось», но чтобы не было далее конфликтов, его перевели в местную роту сержантом. Временно должность надзирателя стал исполнять госпитальный ученик Егор Томилов[362].

По прошению лекаря И. Спринцеля в 1728 г. «в помощь для письма» надзирателю определили подьячего. Эту должность занял Иван Санников. Он пробыл на службе до марта 1735 г. В.Н. Татищев, по просьбе доктора Грифа, отставил его «от дел», а другого подьячего не назначил. Надзиратель М. Севергин в мае справедливо писал: «Подьячего не определено и поныне опасно, чтоб без записок прихода и расхода денежной казны и прочих госпитальных нужд чего не утратилось и на мне бы взыскано не было»[363].

Первыми должность сторожа «с бабою» заняла семья Улановых. Очень скоро стало очевидным, что одному сторожу «с бабою» управиться с госпитальным хозяйством невозможно. В 1729 г. В. И. Геннин удвоил штат сторожей. К отцу был определен сын Пантелей Уланов с женою, они трудились

---

[361] Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 44.
[362] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 589. Л. 102–103.
[363] Там же. Д. 562. Л. 341–342.

в госпитале до января 1734 г.[364], когда глава семьи получил по «старости и дряхлости» отставку. Его место занял «из рекрут» Пантелей Холкин с женою, трудился Пантелей до апреля 1742 г., когда «волею Божию умре». Сменил его рекрут – Яков Печенкин с женой Улитой.

В последнем штате, который составил В.И. Геннин в мае 1734 г., фигурировали штаб-лекарь И. Спринцель, старший гезель Василий Сизиков с окладом в 30 руб. в год, ученик Андрей Рудаков с 12 руб. годовым окладом, надзиратель госпиталя Михайло Севергин «с прежним жалованьем», подьячий Иван Санников (15 руб. в год) и два сторожа «с бабами» (каждой семье по 18 руб.)[365].

В заводском штате 1726 г. фигурировали лекарские ученики. Можно утверждать, что они, первое время, определялись в будущие медики совершенно произвольно. В «Роспись школьников, кто в какую науку определен», составленную 6 февраля 1723 г. В.Н. Татищевым, наряду с 8 местами ремесленных учеников ввел и два лекарских. К И. Спринцелю были направлены выпускник Московской артиллерийской школы Петр Родионов и ученик Уктусской арифметической школы Андрей Попов. Первый с жалованьем 1 руб., второй – 75 коп. в месяц[366]. Оба они пробыли у И. Спринцеля недолго, в 1724 г. определены к иным работам[367]. В 1725–1734 гг. у лекаря И. Спринцеля числились следующие ученики: Василий Сизиков, Антип Иванов, Андрей Рудаков, Сергей Ярцов, Яков Кочкин.

Василий Сизиков был выходцем из драгунских детей, родился в 1704 г., в 1721 г. солдатом прибыл на Урал, стал «фелшером». Его и взял в 1726 г. в помощники и обслугу И. Спринцель. Но база у ученика была крайне слабая, постичь требовалось многие науки, поэтому время ученичества растянулось на многие годы. В отзывах отмечалось, что «он у лечения, если лекаря нет, бывал

---

[364] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 243. Л. 4; Д. 278. Л. 531; Д. 894. Л. 398–405; Д. 940–941. Л. 29–31.
[365] Там же. Д. 433. Л. 29.
[366] Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург , 2017. Вып. 17. С. 54–55.
[367] Сафронова А. М. Первые лекарские ученики при казенных заводах Урала (1722–1734 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2020. С. 133.

один и давно обучается лекарскому искусству», получил должность гезеля и жалованье 36 руб. В 1735 г., получив оклад 48 руб., в составе большой экспедиции уехал сначала на Колывано-Воскресенский завод, а далее на Луказский завод Красноярского края. Оборудовал госпиталь, лечил людей[368]. В 1742 г., из-за сокращения числа работников при заводе в нем там «нужды нет для того, оставлена тамо команда весма малая и лекарскому ученику оттуда велено быть сюда», приказали прибыть в Екатеринбург, он получил звание подлекаря, был отправлен в Туринский госпиталь. Там он «стал ленив», и рукам его от «пьянства приходит временем немало трясение», поэтому в 1748 г. В. Сизиков был заменен, но наказание получил не очень жесткое. Исправился, работал в госпитале Екатеринбурга, но уже был «одержим чахотною болезнию немалое время». Умер 5 августа 1753 г., почти четверть века он верой и правдой служил на медицинском поприще, но так и не получил звание полного лекаря[369].

Еще одним лекарским учеником был Антип (Антипа) Иванов. Он попал «для обучения лечению» в 1725 г. из Московской артиллерийской школы. Дали ему жалованья по 50 коп. в месяц, плюс солдатский провиант. Естественно, он стремился к делу, которому учили, а не к медицинской карьере, добился своего: в мае 1727 г. его определили в якорную фабрику завода. А от И. Спринцеля ученик получил следующий нелестный отзыв: «По усмотрению моему оной школьник Иванов явился негоден, понеже чрез многое время науки не принял и привеликой ленивец»[370].

1 июня 1727 г. И. Спринцелю прислали нового ученика, сына угольного мастера с Алапаевских заводов Андрея Рудакова. Через полгода он слезно писал в Канцелярию: питаться на 6 руб. в год нечем и даже солдатского «кормового жалованья не определено». Чиновники, не бравшие в расчет что медицинские премудрости даются не всякому, назидательно посоветовали А. Рудакову учиться «со всем усердным радением», посулив в случае успеха награждение «немалым жалованьем». В итоге после шести лет мучений И. Спринцель писал

[368] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 486. Л. 40–41; Д. 707. Л. 200–201, 2122.
[369] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1071. Л. 9; Д. 1243. Л. 295–297; Д. 1396. Л. 687.
[370] Там же. Д. 122. Л. 194.

в Канцелярию о А. Рудакове: «Лекарской науки за непонятием своим чрез многое время и поныне еще понять не может, да и впредь той науки за непонятием своим принять не уповает»[371]. В ноябре 1734 г. А. Рудаков обратился с просьбой определить его в угольные ученики на Алапаевский завод «за непонятием его в лекарской науке чрез многое время». В итоге, отправили ученика домой, в Алапаевск, к заводской работе[372].

В 1728 г. И. Спринцель выбрал из школьников еще одного ученика, Сергея Ярцова. О нем В.И. Геннин справедливо отметил – «человек умной». Действительно, он сделал хорошую карьеру, прошел многие ступени по иерархической лестнице, но на ином поприще. В том же 1728 г. генерал убрал С. Ярцова с медицинской работы, увидел – не его призвание.

Не состоялась медицинская карьера и у Якова Кочкина, определенного «для научения лекарского искусства» в 1734 г. Сын угольного мастера учился вполне успешно, с отъездом В.Н. Татищева в Самару, оказался в команде «при докторе Грифе». Последний послал его в 1738 г. при В.Н. Татищеве в Санкт-Петербург «для случающихся в пути от болезней пользы». Там он был передан генерал-лейтенанту кн. В.А. Урусову, сменившему В. Н. Татищева в должности главного командира Оренбургской комиссии. С князем прибыл вновь в Самару, прослужил год лекарским учеником при тамошнем госпитале. Но, «не хотя быть в оных учениках и по желанию своему», подал прошение об увольнении. В январе 1740 г. его определили в драгунский полк капралом. Несостоявшийся медик отправился служить в Исетскую провинцию[373].

Таким образом, ученичество оказалось сложным делом. Но в целом, со множеством издержек, препятствий, обусловленных недостатками всей системы администрирования и зачаточного состояния общего и специального образования эпохи, в первой трети XVIII в. на казенных заводах Урала все-таки удалось заложить основы медицинской инфраструктуры. Ее «хребтом» стал госпиталь в Екатеринбурге и более скромные стационары на Пермских заводах.

---

[371] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. Л. 199.
[372] Там же. Д. 489. Л. 301–303.
[373] Там же. Д. 936. Л. 28–34.

При минимальной обеспеченности квалифицированными кадрами, они все-таки были снабжены медикаментами, способными оказывать помощь больным по широкому профилю заболеваний. Стараниями В.И. Геннина, его ближайших помощников, самоотверженной службой первых медиков оказалось возможным наладить работу по приему больных, материальному обеспечению госпитального хозяйства, осуществить первые попытки подготовки младшего персонала, создать систему врачебно-трудовой экспертизы.

Во второй период пребывания на Урале В.Н. Татищев разработал Заводской устав, в который включил раздел «О докторе медицины или берг-физике», регламентирующий медицинское обслуживание на заводах. В главах «О власти докторской над подчиненным», «Об отпуске лекарств на другие заводы», «О положении цены лекарствам» и других он изложил представления о том, как должна быть устроена медицинская служба на предприятиях. В частности, предписал докторам следить за тем, чтобы рабочим оказывалась квалифицированная помощь, больные с разными болезнями должны были находиться в разных покоях[374].

С В.Н. Татищевым в Екатеринбург приехали: доктор медицины – англичанин Джейкоб Гриф, лекарь – Эвергарт (Лаврентей) Сименс, ранее он служил подлекарем в Кадетском корпусе, аптекарь Генрих Тамм. Все они были в Екатеринбурге недолгое время. В статье А.М. Сафроновой вполне подробно отражен их труд[375]. На наш взгляд высоко оценивать работу Д. Грифа нет серьезных оснований. Он получал огромные деньги, его труд – это выполнение обязанностей по контракту, как это делал его предшественник. Иностранцы, работавшие в этот период в более тяжелых условиях горной добычи и при плавке металла, получали лишь треть от его жалованья. Как только В.Н. Татищев получил новое назначение в 1737 г., он забрал Д. Грифа в Самару. Лечить генерала намного приятнее, чем руководить неухоженным госпиталем, общаться

[374] Заводской устав Татищева // Горный журнал. 1831. Кн. 2. С. 190–192; Ч. II. Кн. 6. С. 343–344; Ч. III. Кн. 7. С. 143. Ч. III. Кн. 9. С. 315–328; Ч. IV. Кн. 10. С. 1–2, 5.

[375] Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 56–79.

с больными, заводскими служителями и слабо подготовленными учениками. Тем более Самара того времени, куда отправился В.Н. Татищев, более привлекательна, нежели Екатеринбург.

Лекарь Л. Сименс не имел солидного опыта. Прельщенный высокой оплатой (подлекарю в кадетском корпусе платили заметно меньше), он направился на Урал. Попав из столицы в необжитый край и лишившись помощи от доктора, быстро засобирался домой. По контракту время службы Сименса истекало 29 марта 1738 г. Указ Татищева об отпуске Сименса в Петербург от 31 декабря 1737 г. был получен в Екатеринбурге 11 января 1738 г. Его сменил Иоганн Христофор Шнезе[376].

После прибытия и начала работы в Екатеринбурге к аптекарю Г. Тамму не было нареканий. Но уже в 1736 г. Д. Гриф, указал, что «аптекарь Тамм многие весчи из аптеки продает, а особливо для нужды привезенные спиртус и водку французскую продает чарками, а прежде продал в Тобольске пластыря немалое число»[377]. В.Н. Татищев 27 февраля 1737 г. в доношении в столицу дал ему отрицательную характеристику. Г. Тамм же всеми силами стремился остаться в Екатеринбурге, в итоге очень ненадолго был оставлен при аптекарских и бухгалтерских делах с жалованьем 180 руб. в год, отправился в Ригу в сентябре 1737 г.[378] Место аптекаря после Г. Тамма занял прибывший с Олонецких заводов бергмейстер Л. Мендерс. К представленной негативной характеристике Г. Тамма можно лишь добавить, жалобу его ученика Н. Казанцева: делу «не обучает, всегда всячески безвинно бьет, служителя у него нет, поэтому принуждает за скотом и лошадьми ходить»[379].

Штаты 1737 г. предусматривали: доктор с жалованьем 600 руб., штаб-лекарь – 350 руб., 2 младших лекаря – 400 руб., аптекарь, 2 подлекаря – 96 руб.,

---

[376] Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 66–67.
[377] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 611. Л. 538–540.
[378] Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 61–62, 65, 68.
[379] ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Л. 559. Л. 597–598.

2 ученика при лекаре – 48 руб. и 2 ученика – 24 руб., 2 ученика при аптекаре – 66 руб., 4 работника в госпитале – 60 руб. На лекарства выделялось 200 руб. в год[380].

До приезда нового начальника в Екатеринбурге функционировали построенные во второй половине 20-х гг. XVIII в. деревянные госпиталь и аптека. В.Н. Татищев вместо ветхой аптеки решил построить новую – каменную: издал 8 октября 1734 г. указ – «Для содержания аптеки дом построить, как потребно». Но от желания до выполнения решения прошло почти 20 лет. Новое здание было введено в строй лишь в 1753 г. Причин этому было много – запрещение в 1739 г. каменного строительства в России, долгое составление сметы, технической документации, иные обстоятельства[381].

И. Шнезе прибыл в Екатеринбург в 1738 г. В 1742 г. заслужил капитанский чин штаб-лекаря. В России он служил по контракту с 1731 г., до этого принимал участие в Персидских походах, кроме того, работал в Персии посольским лекарем при тайном советнике Сергее Голицыне. В 1748 г. принял в Екатеринбурге российское подданство. А после женитьбы на местной уроженке и с принятием православной веры штаб-лекарь Шнезе, стал Иваном Христофоровичем, получил дворянский титул[382]. В 1751 г. купил землю у башкир Салзаутской волости и основал при озере Синарском деревню Воздвиженка[383]. Умер И. Шнезе 19 мая 1774 г. в Екатеринбурге[384].

Приведем доношение И. Шнезе о состоянии принятого им госпиталя 3 июля 1738 г.: «Госпиталь, где больные пользуются, стоит не у места, над запертою водою, коему надобно быть над проточною водою ниже пруда». Руководители согласились, приняли 19 июля 1738 г. решение – «обыскать место для строения нового по течению реки Исети на низу недалеко от города. И каким манером и скольки покоям быть, надлежит учинить чертеж»[385].

---

[380] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 918. Л. 240.
[381] Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / В. А. Аракчеев, Е. В. Бородина, К. Д. Бугров и др. СПб., 2018. С. 419–420; Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С.58; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 510. Л. 82–83; Д. 560. Л. 467; Д. 1243. Л. 88–92 об., 97–98.
[382] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 918. Л. 189, 193–194, 219–222 об., 224, 227–227 об., 234, 236–238, 245–246.
[383] Ларионова М. Б. Пермские помещики Зубовы: владельцы и имения // Шестые Татищевские чтения : тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2006. Т. 2. С. 150.
[384] Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 123.
[385] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 877. Л. 307–308.

Решение принято, но исполнять его не торопились. Через два года, И. Шнезе констатировал – госпиталя «по силе оного указа и до ныне не построено». Описал медицинское хозяйство: «имеющийся ныне госпиталь весьма при месте своем в состоянии быть не угоден, к тому же и в тех и находящимся в нем больных покоев мало, в коем хотя и здоровым быть одну неделю, то от духа больных, лежащих в разных болезнях, имеет быть и он болен. По силе предписанного указа всемерно надлежит построить новый госпиталь, как в оном указе изображено, с надлежащими покои».

И. Шнезе просил издать указ, чтобы руководители всех заводских контор оперативно присылали больных, «не запуская их болезней, отчего за продолжением неприсылки чинится оным вред». Вновь была поднята давняя проблема – скудность пищи: «за скудно болящим в дачю пищею, коя им по силе лекарств потребна, почти напрасно казенные лекарства тратятся. Или же могут за не дачею той им довольной пищи, смотря по их болезням, коя пища имеет им быть в пользу, могут вред себе получить… прочие же, присылаемые в госпиталь для лечения болезней, за оскуднением пищи и в лечении быть не хотят и отпрашиваются домой»[386].

Екатеринбургские чиновники приняли решение по всем поднятым проблемам. О скудности пищи написали: необходимо лекарю просчитать все суммы от половинного вычитаемого жалованья и сборных на медицину денег, сверить со штатами, уточнить – «сколько каждогодно остается» и прислать предложения по улучшению питания[387].

В конце 1741 г. «госпиталь был почти в готовности построен», а в следующем году вступил в строй[388]. Рядом с госпиталем располагались подлекарская изба, пивная поварня с солодовней, госпитальная баня, где в больших кадях с травами парили больных, погреб для хранения продуктов, анатомическая камора, караулка на аптечном огороде, несколько амбаров, конюшня. Больные лежали на вязаных тюфяках, набитых камышом, и волосяных

[386] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 877. Л. 307 об.
[387] Там же. Л. 308–308 об.
[388] Там же. Д.893. Л.265–266; Д.916. Л. 137 об.

круглых подушках[389]. К зданию госпиталя, примыкали изолированные помещения: камора для больных «французской болезнью», стряпчая изба и отапливаемые нужники[390]. В 1742 г. в госпитале лечились 372 человека, из них выздоровело 334, умерло 12, остались на очередной год 26 человек[391].

Строительство каменного госпиталя в Екатеринбурге было инициировано доношением штаб-лекаря И. Шнезе 7 мая 1746 г. в Канцелярию о том, что нужно новое помещение для лечения больных французской болезнью и необходимо расширение жилья подлекарю. 16 мая 1747 г. от него запросили сведения о количестве и размерах покоев для создания чертежа нового каменного госпиталя (Приложение № 26) с железной кровлей взамен «ныне имеющегося деревянного госпиталя, который уже ветхий». С одобрения президента Берг-коллегии А.Ф. Томилова в феврале 1748 г. Н. Бахоревым была составлена смета, согласно которой строительство каменного госпиталя обходилось казне дорого, почти в 3 500 руб. В соответствии со сметой на строительство затрачивалось 148 200 кирпичей, 76 камней на фундамент, 7 520 пуд. извести, 15 040 пуд. песка из Шарташского озера, 333 пуд. железа, 6 650 железных досок весом 1 330 пуд. К 20 мая 1749 г. Канцелярия ожидала указа от Берг-коллегии об утверждении места постройки госпиталя[392]. Строительство было завершено в 1751 г., госпиталь был расчитан на 26 человек[393]. Здание сохранилось практически в первозданном виде до настоящего времени, оно расположено в историческом центре Екатеринбурга[394]. В 1757 г. здание старого деревянного госпиталя продали с публичного торга[395].

В 1738 г. прибыл в Екатеринбург Л.Х. Мендерс, занял место аптекаря. Через пять лет он представил отчет о проделанной работе по первому контракту. При этом заметил – все, что он перечислил, члены Канцелярии могут сами лично

---

[389] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1113. Л. 280–281.
[390] Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 70–71.
[391] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 990–993. Л. 3.
[392] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 716. Л. 506–510, 529.
[393] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1728. Л. 159–160.
[394] Постников С. П. Историко-культурный ландшафт города Екатеринбурга в начале XX века // Архитектон: известия вузов. 2021. № 4(76). С. 40–46.
[395] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1643. Л. 395–398.

«в каком оно состоянии ныне оценить». Так что заподозрить его в самовосхвалении сложно. Представим фрагменты отчета:

О госпитале – «И тако здешний госпиталь по словесному моему представлению в Канцелярии Главного заводов правления за городом вниз реки [в] угодном месте с умножением покоев построен. И тако болящие свежий воздух и воду имеют и попечением удовольствованы, и здешним лекарем всею верностию лечатся»[396].

Об аптеке – «до прибытия сюда оная четыре года аптекою называлась, только имя носила, а ничего порядочного видеть было не можно, хотя доктор Гриф в год по шти сот рублев жалованья, а аптекарский подмастерье Тамм сто двадцать рублев получали. Но никакого от них строения не зачато. Наименьше же, чтоб какое от них лекарство действительно сделано было, не токмо чтоб они здешние медицинские материалы собирали, но все дорогою ценою из Москвы сюда выписывали. И тако я в прибытносить свою сюда все в помешательстве и не порядочном учреждении нашел»[397].

О медицинском огороде и травах Х. Мендерс написал: «учредил я медицинский огород в угодном месте, где я привезенные мною из дальних степей коренья, семена насадил, тако же де и выписанные из Москвы семена насеял, чтоб всегда свежая трава, цветы, коренья и семена имел, которые б в здешнем воздухе росли, ибо оные здешним болящим весьма способнее и прибыльнее, нежели те, которые из другой страны выписываются. Собран и изготовлен мною живой травник о всех здешних трав, наклея траву на картузную бумагу по цвету ея живности, чтоб имеющиеся при мне мои ученики в познании и разбирании трав по сей книге следовать могли»[398].

Создание собственного аптекарского огорода в Екатеринбурге являлось значительным достижением. В Москве такой огород, а фактически ботанический сад, был заложен в 1706 г., в Петербурге – в 1714 г. на Аптекарском острове. Там

[396] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 916. Л. 137 об.
[397] Там же. Л. 138.
[398] Там же. Л. 138–138 об.

работали специалисты – провизоры и садовники, выращивали травы, кустарники и деревья, плоды которых использовались для приготовления лекарств[399].

В 1741 г. Х. Мендерс поставил вопрос о строительстве каменной аптеки. Однако члены Канцелярии решили чинить фактически ветхое, неремонтопригодное здание и использовать максимально возможный срок до создания критической ситуации. Аптека по планам В.Н. Татищева должна быть каменной, но указом от 19 июня 1739 г. каменное строительство запретили, «да хотя б указа такого не было, то признавается по не великому здесь расходу медикаментов и аптеке особливо быть не для чего. Как в том было поступано до бытности его, тайного советника, что медикаменты выписываны и привожены из Москвы и расход им содержал тот же лекарь, который у пользования больных находился. Также бы и ныне поступать, то можно было уменьшить на то происходимых расходов»[400]. Фактически горнозаводские руководители признали наличие аптеки в Екатеринбурге излишним и сделали вывод о более выгодной доставке медикаментов из Москвы, чем организацию производства лекарств на Урале.

О ремонте Х. Мендерсу сообщили, но скрыли намерение о закрытии аптеки до получения ответа из Берг-коллегии, куда доношение было отправлено 13 сентября 1745 г.[401]. В конце декабря 1745 г. в Канцелярии получили указ: пришлите «обстоятельное известие», как без аптеки «можно будет пробыть и в выписывании лекарств», возьмет ли лекарь и на каких условиях новые обязанности. Также предписывалось ждать приезда президента Берг-коллегии А.Ф. Томилова, который вскоре должен был посетить Екатеринбург[402]. Начались подсчеты, «цифирь» доходов и расходов[403]. Обратились к штаб-лекарю И. Шнезе. 2 августа 1746 г. в Канцелярии И. Шнезе сказал – «содержание аптеки на себя принимает он на таком порядке, как прежние лекари содержали, а не так, как ныне содержится, ибо и без того по его лекарской должности труда довольно

[399] Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 77.
[400] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1243. Л. 92 об., 97–98.
[401] Там же. Л. 97–98.
[402] Там же. Л. 99–99 об.
[403] Там же. Л. 102–102 об.

есть. А в выписывании лекарств и содержании расходу, какой из того лучшей способ будет, о том Канцелярия Главного заводов правления сама изволит рассмотреть»[404].

После такого заявления штаб-лекаря И. Шнезе, члены Канцелярии временно сняли вопрос о закрытии аптеки. Представили 19 августа 1746 г. президенту Берг-коллегии доклад, где просили решить лишь вопрос о месте ее нахождения. А.Ф. Томилов приказал – «аптеке должно быть внутри, а не за городом, как Канцелярия предлагает, для прочности лучше сделать каменную и по удобности оной велеть бергмейстеру Райзеру с совета аптекаря и бергмейстера Мендерса сделать чертеж, по которому и обстоятельное определение»[405].

Отдавая такое распоряжение, генерал А.Ф. Томилов, конечно же вспомнил свое тяжелое положение капитана в Екатеринбурге 1731–1732 гг. В феврале 1732 г. он написал откровенно генералу В.И. Геннину: «понеже я от Дербенского похода стал быть болен ногами, а наипаче головою, а здесь будучи другой год не знаю, какою прежестокою болезнию нутреннею обременен и непристанно скорблю, и многожды меня смертельно схыватывало, тем же ныне лежу несколько недель в постели, и о том все ведают». Далее он отметил: «излечение получить не могу», многих лекарств здесь «найти не можно и дабы не умер и мог, совершенно вылечась, еще в службе быть», просил отпустить в Московский госпиталь[406]. В.И. Геннин отправил на лечение А.Ф. Томилова. Он выздоровел, дорос до генерала, президента восстановленной Берг-коллегии.

В октябре 1745 г. Х. Мендерсу, фактически инициатору строительства новой аптеки, отказали в прибавке жалованья, но он заключил контракт – остался служить «на прежних кондициях» до 1 января 1747 г. А 4 октября 1746 г. решил «при здешних заводах остаться», поставив условие: «токмо не на урошной перемене», «а пока пожелаю». Члены Канцелярии отправили в Берг-коллегию доношение, приложили неубедительные цифры о малой роли аптеки в развитии

---

[404] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1243. Л. 103.
[405] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1243. Л. 109–109 об.
[406] Там же. Д. 375. Л. 204–205.

медицинской инфраструктуры, заключили: «аптеке быть большой нужды не признавается», «аптеку отставить и бергмейстера Мендерса отсюда отпустить», а ежели «аптеку повелено будет по-прежнему содержать», то Мендерса принять по контракту на три или пять лет, а «не пока в службе быть пожелает»[407].

В феврале 1747 г. Канцелярия определила очередность действий для строительства новой аптеки: составление чертежа – сметы – отправка документации в Берг-коллегию – ожидание прибытия разрешительного указа – определение руководителей строительства и др. Затянулось окончание этого дела надолго, к 1755 г. на месте старой аптеки – в линии учреждений напротив Главного Правления – сложили по чертежу Райзера новое каменное здание с каменным крыльцом[408].

Таким образом, хроника событий показывает, что до 1734 г. в Екатеринбурге функционировала аптека. Строительство новой растянулось на 20 лет, все попытки ее ликвидировать провалились. Но до окончания строительства Х. Мендерс не дожил. Он в ноябре 1752 г. составил последний каталог на более чем 200 наименований лекарств на очередной год, из-за старости и болезни просил в помощь гезеля, а 14 октября 1753 г. умер[409]. Главное детище Х. Мендерса – аптекарский огород – на рубеже 40–50-х гг. XVIII в. угасал, а после его смерти был заброшен. Позднее его вновь восстанавливал штаб-лекарь И. Шнезе.

Вместо умершего берг-мейстера Х. Мендерса в должности аптечного гезеля Московская медицинская канцелярия утвердила его зятя, саксонца Якоба Тешнера[410]. С новым зданием аптеки сложились неприятности. У строителей не было опыта возведения каменных специальных зданий. Поэтому уже в августе 1757 г. гезель И.Я. Тешнер доносил в Канцелярию: в аптеке в «нижнем апортаменте» окна малы, света и воздуха мало, от каменного пола «происходит немалая сырость, так что почти сгнил весь потолок, опасно, дабы совсем не

[407] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1243. Л. 120 об.
[408] Там же. Д. 1496. Л. 412–415.
[409] Там же. Д. 1395. Л. 236–248; Д. 1399.Л. 484.
[410] Там же. Д. 1399. Л. 485, 495.

обвалился», материалы «весьма гниют и портятся». И «дабы о такой напрасной трате и гибели материалов к ответу потребован я не был», просил сделать ремонт[411].

Члены Канцелярии приказали горной заводской комиссии, работающей при Канцелярии, «со знающими разных художеств ремесленики» осмотреть помещения, представить заключение. Это было выполнено, подтвердилась «великая духота», сырость, гнилость и иные беды. Были предложены варианты утепления пола, на «чугунных столбиках» укрепление потолка, расширение окон и многое иное. Начальство определило: «исправить всемерно должно ныне в летнее время, не упущая оного, … дабы лекарства были годными в пользу ко исцелению больных»[412].

За остаток лета сделать ничего не удалось. От И. Тешнера вновь последовали требования о ремонте. В итоге все вылилось в ссору и члены Канцелярии решили избавиться от нового «настырного» аптекаря, в 1758 г. он уехал в Москву[413]. Аптеку принял штаб-лекарь И. Шнезе. Вновь, как и при И. Спринцеле, главный екатеринбургский лекарь наряду с госпиталем возглавил и аптеку.

К этому следует добавить, что одновременно со строительством Кушвинского завода было определено место под госпиталь, началось его возведение. Немецкая компания, в составе которой был лекарь, соорудила здесь небольшую квартиру-госпиталь, а основное строительство началось на Туринском заводе. С передачей заводов вновь в казну, лекарский ученик Е. Томилов в 1743 г. докладывал в Канцелярию – квартира мала, всех больных более 50 человек, уместить невозможно. Члены Канцелярии решили перевезти пациентов в Туринский госпиталь, разместить их «в нижних деревянных покоях», а что делать с недостроенными «верхникими мазанковыми» определиться, «как наилучше признается» на месте офицерам и прибывающему

[411] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1525. Л. 5–5 об.
[412] Там же. Д. 1525. Л. 6–11.
[413] Там же. Д. 1399. Л. 484.

из Екатеринбурга инспектору и новому подлекарю Н. Голомзину. В итоге было решено оба этажа отдать под госпиталь, занять часть верхнего под аптеку[414].

Состояние медицинской инфраструктуры вне Урала можно дополнить сведениями о медицинском обеспечении в Нерчинском поселке. 10 февраля 1740 г. поручик Е. Назарьев, с 1729 г. служивший на Урале и направленный в Нерчинск, с горечью писал: «при серебряном заводе служителям и мастеровым людям почасту случается незапные болезни. Иные же и в шахтах от разваления камня вредятся и в плавильных обжигаются, отчего и в заводском действии бывает не без помешательства. А лекарей при заводе не имеется, и не токмо от другой какой болезни получить от кого способа, но во время случающихся от натуги и крови пустить некому. А при выдачах служителям окладного жалованья по указам на госпиталь и медикамент по копейке от рубля вычитается. И чтоб для того повелено было прислать к серебряным заводам из Екатеринбурга хоть подлекаря искусного с принадлежащими лекарствами»[415].

25 июля 1740 г. состоялся указ Канцелярии – «для лечения заводских служителей отправить подлекаря Петра Трумлера с лекарствами». Его отец, иноземец Петр Михайлов, работал на Урале до 1735 г. молотовым мастером, вернулся в Москву. А там в 1738 г. встретился с Х. Мендерсом и «вручил ему сына своего Петра для домовых услуг и обучения аптекарской должности». П. Трумлер, имея солидную базу, хотел быть лекарем, поэтому добросовестно и быстро освоил премудрости, был аттестован в подлекари, получил 60 руб. жалованье, отправлен на трудную самостоятельную работу[416].

Петр Трумлер прибыл в Нерчинск 15 февраля 1741 г., следуя четкой инструкции от лекаря И. Шнезе, сразу же начал требовать от местного начальства помощника, материалы для строительства госпиталя. Бюрократическая переписка заводских начальников, «как выполнять инструкцию», застопорила дела. Хотя П. Трумлер сообщал И. Шнезе: больных много, приходится ходить по дворам, «понеже казенного лазаретам нет», он

[414] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 987. Л. 111–113.
[415] Там же. Д. 832. Л. 686–689.
[416] Там же. Д. 1112. Л. 481–482.

нужен, «ибо за теми болящими всегда требуется смотрение, как в способной по болезни пище, так и в прочем»[417].

Из Екатеринбурга приказали: все припасы отпускать, если нет пригодного помещения, «по состоянию тамощней команды построить новый госпиталь и определить в оной сторожа из отставных людей с надлежащим жалованьем». Но по приисканному П. Трумлером помощнику из ссыльных И. Кологривову, который знал лекарское дело, приказ был иным: быть ему только в сторожах, «а до другого ни до чего не допускать, понеже он человек подозрительной и поверить ему в лечении и в лекарствах не можно, а отправлять то дело оному подлекарю Трумлеру одному, ибо тамо приказных и прочих служителей и мастеровых людей имеется невеликое число и исправляться ему в лечении можно одному». А всех, «кто работает в горных работах крестьян, лечить только за плату», так как у них вычета по копейке с рубля не проводится[418].

В 1744 г. П. Трумлер вернулся «на доучение» в Екатеринбург, а через два года уехал к отцу в Москву. На его место в Нерчинск был направлен Егор Томилов. Он из московской синодальной школы, приехал в 1734 г., был определен в лекарские ученики в солидном 24-х летнем возрасте. При отправке был аттестован в подлекари, а в 1770 г. получил звание лекаря, вырастил подлекаря Е. Завьялова, который позднее стал лекарем в Екатеринбурге[419], служил в Нерчинске медиком до кончины в 1777 г. Он – отец будущего крупного горнозаводского деятеля Павла Томилова, составившего в 1807 г. подробнейшее описание многих уральских заводов.

Прежде чем представить сведения об учениках, необходимо заметить – лекарские и аптекарские ученики, стали находиться «под дирекциею Медицинской канцелярии», а не в ведении горнозаводских властей. С 1740 г. она требовала ежегодных отчетов об успехах – на основе которых принимались решения о надбавках «сперва по восьми рублев, а впредь до десяти рублев в месяц», также учитывалось, что ученики «в дальних местах государства служат».

---

[417] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 940–941. Л. 24–26.
[418] Там же. Д. 936. Л. 34–36.
[419] Там же. Д. 616. Л. 289; Д. 557. Л. 286; Д. 715. Л. 3; Д. 1071. Л. 9; Д. 1112. Л. 481–484; Д. 1282. Л. 101.

Эта административная «независимость» играла положительную роль. Жалованье учеников–медиков было солиднее, чем у многих горнозаводских служащих[420].

Во второй трети XVIII в. состав медицинских кадров пополнился новыми именами. Среди них Никифор Голомзин – сын драгуна, с октября 1732 г. учился в школах, с 1737 г. – в лекарских учениках. Первые годы премудрости давались трудно, в 1742 г. от И. Шнезе получил плохой отзыв: в науке шесть лет, «хотя он письму немецкого диалекта, разговору писать и отчасти читать умеет, токмо за его беспамятством и без рассуждения его науки и непонятием им доныне познать не может и для того подлекарем удостоить его невозможно, и более обучать и труд мне иметь не для чего». Он предложил отправить его в Алапаевские заводы «к лечению тамо в случившихся легких болезнях разного звания чинов людей», а если в каких болезнях «в лечении знать не может, таковых присылать в госпиталь Екатеринбургский». Члены Канцелярии не согласились с таким предложением, приказали «быть ему здесь при госпитале в науке и обучаться с прилежностью». Обучение в итоге принесло результат – в 1744 г. Н. Голомзин был аттестован в подлекари И. Шнезе и прибывшим по делам из Тобольска доктором Ридером. После Н. Голомзин работал на Егошихе и в Туринском госпитале. Получал оклад 60 руб., в 1751 г. был переведен «за лекаря» с надбавкой в 24 руб. в Нерчинский госпиталь, где в 1760 г. завершил земную жизнь[421].

В 1738 г. к И. Шнезе был направлен из немецкой школы дворянин из Углича Иван Бревнов в возрасте 15 лет. Обучался «прилежно и охоту имел», регулярно получал надбавки к жалованью, через 10 лет со стартовых 12 руб. уже получал 48 руб. Он в 1751 г., будучи подлекарем, сменил Н. Голомзина в Туринском госпитале[422].

Не менее успешным учеником был и Иван Каменщиков, его 15 летнего, из немецкой школы в 1744 г. выбрал И. Шнезе. Учился он добросовестно, много

---

[420] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1422. Л. 519–522.
[421] Там же. Д. 936. Л. 230–231 об.; Д. 1243. Л. 299–300; Д. 1422. Л. 659–660; Д. 1670. Л. 262.
[422] Там же. Д. 850. Л. 552–553; Д. 1243. Л. 391.

ездил по заводам, «где госпиталев не имеется». В 1751 г. при «случайной бытности здесь из Тобольска штаб-лекаря Лиерца» аттестован в подлекари. «На предлагаемые ему разные вопросы из анатомии, медицины и хирургии благо и искуссно ответствовал и обещался впредь прилежать и порядочно жить, … для его добрых оснований в лекарском искусстве подлекарем быть достоин» – так решили экзаменаторы[423]. Он первым из уральцев в 1750-е гг. был определен лекарем в Томский армейский полк.

В 1738 г. из Москвы прибыл иноземец Иван Крестьян Брискорн, младший брат служителя Петербургской аптеки. Он по собственной инициативе предложил себя в ученики И. Шнезе – «по его желанию по услугам и обучения должности лекарской». Канцелярия разрешила обучение «приежающего своею волею и на своем коште», если лекарь согласится. И. Шнезе ответил – «обучать готов и в моей квартире, понеже он ко мне прислан для учения и для услуги мне». Учился И. Брискорн отлично, в 1742 г. был аттестован в подлекари. А так как много «безденежно» помогал медикам, для отъезда домой ему выделили даже место в казенном караване, «понеже он был здесь в услуге при заводах, а не за своим делом»[424].

Уже отмечалось, в 1735–1737 гг. был построен и стал постоянно функционировать госпиталь при Егошихинском заводе. Там бессменно, «на прежних кондициях» – 191 руб. жалованье, плюс квартира, дрова, свечи, – постоянно получая требуемые лекарства, до 1753 г. работал лекарь Иоганн Христиан Гриненберг, после него госпиталь принял И. Каменщиков[425]. Главной трудностью здесь была присылка больных. Так, из Пермского горного начальства в 1741 г. А. Порошин слал жалобы в Екатеринбург: «до Юговского завода – 30, до Висимского – 71, до Пыскорского – 179 верст, просил указа, «на каком коште повелитца больных для лечения в госпиталь посылать». Ему напомнили прежние нормы указов – «на казенном» коште»[426].

---

[423] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1422. Л. 518, 520, 529–530, 534–535.
[424] Там же. Д. 743. Л. 248–252.
[425] Там же. Д. 530. Л. 19; Д. 832. Л. 29; Д. 1071. Л. 108; Д. 1414. Л. 897.
[426] Там же. Д. 869. Л. 133 об.

При лекаре И.К. Гриненберге были ученики, присланные из Екатеринбурга. Первыми стали подьяческий сын Василий Резанов и сын мастерового Иван Грудин. У обоих сложная судьба. В. Резанов только через 14 лет стал подлекарем – не всем быстро давались премудрости медицины. А.И. Грудин отличился иначе. И. Шнезе, инспектируя госпиталь в 1754 г., вместе с лекарем констатировали: «в должности весьма не исправен и обращается почасту в шумстве пьяным и к науке нерачительным». От медицины его отрешили, велели определить «куда явится способным». Стал А.И. Грудин засыпщиком руды на заводе[427].

С передачей Пермских заводов в частные руки руководители в Екатеринбурге решили госпиталь и лекаря сохранить, но новые хозяева посчитали – народ болеет и «повреждается» редко, от содержания медицины только убыток. Госпиталь в Егошихе сначала пришел в запустение, а в 1760-е гг. закрылся. Только с 1770 г., когда два Юговских завода возвратились в казну, там началась новая страница медицины[428].

У бергмейстера Х. Мендерса также были аптекарские ученики. Особенно перспективными были взятый в 1739 г. из немецкой школы Емельян Углов, а через 10 лет из ротных фельдшеров Лаврентий Голомзин. В 1750 г. обоим было повышено жалованье, выдана характеристика: «к науке ревностную охоту имеют и дело свое исправляют всегда безостановочно прилежным трудом почти дневно и ночно. И обучились из разных материалов лекарства составлять, … в летние времена за прииском разных трав и коренья и прочих материалов, пристойных к составлению лекарств, ездят попеременно, по-немецки и по-латински читать и писать, и часть в разговору знают»[429].

А через три года случился скандал и решение: «Углова Емельяна за невоздержанное и безмерное пьянство и непорядочное житье от аптеки отстранить», отправить на Березовские золотые рудники, Лаврентия Голомзина

[427] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1422. Л. 519, 522 об.–525, 539–540, 542, 547.
[428] Там же. Д. 1636. Л. 176.
[429] Там же. Д. 850. Л. 554–555; Д. 1422. Л. 515–516.

«за пьянство в аптеке определить работником на два месяца». Е. Углов в медицину не возвратился, а Л. Голомзин исправился, остался работать[430].

Федор Попов, взятый в 1744 г., хотя к «аптекарской науке заобычен» был, попал под следствие и от нее отрешен[431]. Известно также о прочих учениках. Например, Алексее Березине, который в 1738 г. был определен из немецкой школы и работал «денно и ношно», в том числе собирая целебные травы в лесу[432]. Были набранные в 50–х гг. XVIII в. ученики Александр Денисов, Василий Доровиков, Иван Попов, Семен Семенников[433].

В 1752 г. на казенных заводах лечение больных осуществляли 15 медиков, в число которых входили лекари, подлекари и ученики (Приложение № 20).

Екатеринбургский госпиталь стал в середине XVIII в. признанным центром подготовки лекарей не только для Урала, но и для Сибири. В 1747 г. Алтайские заводы Демидовых были взяты в казну. В связи с этим екатеринбургских медиков начали отправлять и на эти заводы. Отметим, позднее они перешли в подчинение Кабинету Е.И.В., где находились на особом положении в обеспечении медперсоналом и лекарствами[434]. При нехватке там подлекарей запросы шли не только в столицу, но и Екатеринбург. И с Урала туда отправлялись специалисты, например, В. Калинин, И. Панаев[435].

В 1760 г. учеников И. Попова, Е. Завьялова представленных штап-лекарем И. Шнезе в подлекари, Медицинской канцелярией было решено не оставлять при уральских заводах, а направить в Азовский и Ростовский полки. Но Берг-коллегия, зная трудную ситуацию с нехваткой лекарей на Урале, запретила выполнять это распоряжение и отправила их в Оренбургский госпиталь и на Колывано-Воскресенские заводы[436].

---

[430] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1422. Л. 153–153 об.
[431] Там же. Л. 519 об.
[432] Там же. Д. 850. Л. 552, 557–559.
[433] Там же. Д. 1422. Л. 154 об. –155, 521, 548–548 об.
[434] Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 104; Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М., 1959. С. 19–20.
[435] Сафронова А. М. Распространение медицинских знаний среди первых лекарских учеников на горнозаводском Урале в 1720–50-е гг. // Модернизация культуры: знание как инструмент развития : материалы VII Международной научно-практической конференции. Самара, 2019. С. 267.
[436] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1665. Л. 23–36, 41–42; Д. 1763. Л. 456–461.

Наибольшую сложность в медицинском деле представляла диагностика. Лекарей, способных поставить точный диагноз, было мало, что часто были тяжелые последствия. Заболевание сифилисом всегда ставилось в вину потерпевшему. По определению Канцелярии от 18 декабря 1734 г. в отношении «больных мастеровых людях при государственных заводах» предписывалось: «кто когда заболит, то осматривать самим управителям, и ежели подлинно явится болезнь непритворная, а особливо огневая лихоратка и тому подобная, то давать им, пока будут больны, на пропитание как холостым, так и женатым, на день по 3 копейки; а которые от работы повредятся, яко несчастием ожгутся или убьются, тем давать полное, кто что мог бы получать во время своей работы. Ежели же кому самоохотная болезнь будет, яко французская или от пьянства и драки приключится, тому ничего не давать»[437].

В Екатеринбург из Красноярского горного начальства в 1747 г. с подозрением на французскую болезнь были отправлены 7 человек. Из-за постыдного диагноза денег на прогоны не получили, были вынуждены «продавать свой последней шкарбишко, за которой, получа деньги, нанимали подводы у вольных людей по договорам дорогою ценою, ибо из нас иные имеют жен и малолетних детей, к тому же и мы от многотрудного в пути на судах ходу весьма истомлены и затем пешие идти не могли». После осмотра в госпитале болен сифилисом оказался только один, остальные «от воли Божьей гортаною болезнью» от которой уже излечились[438].

Препараты получали не только пациенты в Екатеринбурге. По заявкам с заводов регулярно отправлялись лекарства, за исключением случаев временного отсутствия необходимых препаратов или в отношении редких сильнодействующих, сложных лекарств, о которых руководства «по употреблению знать некому». Поводом для отказа мог оказаться и короткий срок хранения препаратов, которые «чрез долгий в пути проезд и по приезде туда повредятся, и действительны в сохранении по прошествии полугода быть не

[437] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1138. Л. 478.
[438] Там же. Л. 476–477.

способны, и за тем воспоследует казенной убыток». Перечень таких лекарств в первой половине XVIII в. бы крайне мал. В остальных же случаях главный лекарь непременно вкладывал в отправляемую посылку описание лекарств, «как их должно и от какой болезни, по скольку каких принимать».

Яркий пример об отправке лекарств связан с Лялинским заводом, расположенным на значительном удалении от Екатеринбурга. В 20-х гг. XVIII в. заводские управители имели на руках документ: «ежели кто повредится, тех для лечения посылать в госпиталь на казенном коште». Это требование неукоснительно соблюдалось, но случались казусы – по выздоровлению люди возвращались «недели по три и по месяцу и более, якобы всё шли в пути и знатно, что они заходят и живут… у свойственников, а в сказках показывают, будто в пути были больны и шли долгое время. А подлинного известия взять нельзя и не от кого». А некоторые работники вообще хитро заявляли, уже прибыв в госпиталь, «ехали три недели и Божию волею мы от болезни освободились»[439].

В итоге, в 1729 г. было решено: в Екатеринбург больных с Лялинского завода не направлять, а «пользовать там, присылая лекарства». А 17 августа 1734 г. распоряжение повторили: кто на Ляле «будет болен, тех тамошнему управителю свидетельствовать, и которые по свидетельству управительскому явятся больны, тех, как возможно, пользовать тамо, а за дальностью сюда их не присылать»[440].

В результате заводские управители вынуждены были овладевать, в меру своих способностей, основами познаний в медицине. В 1735 г. лялинский управитель писал в Екатеринбург: «присланы лекарства для лечения болезней», но они «все в росходе». При этом, проявив завидную осведомленность в знании препаратов, просил направить вновь проверенных и простых медикаментов, «а именно: очного пластырю, живучего проносного, рвотного, потетного, от лихорадки, от кашлю, от груди порошку, от поносу и от мыта крепительного алексиру, також по-прежнему для пробы винного камня»[441].

---

[439] ГАСО.Ф. 24. Оп. 1. Д. 476. Л. 51–52; Д. 562. Л. 337–340.
[440] Там же. Д. 475. Л. 52.
[441] Там же. Д. 562. Л. 337.

Решение, подписанное Н. Клеопиным на просьбу лялинского управителя, конечно же, не без ведома лекаря, удивляет: лекарство не посылать, так как знающего человека нет, люди «могут вместо пользы наибольшую скорбь или смерть безвременно получить»[442]. Можно предположить, что без необходимости управитель завода не запросил бы препараты. Получив медикаменты, больные могли иметь шанс на выздоровление, к сожалению, горная администрация оставила их без помощи в борьбе с болезнью. К отправляемым лекарствам лекарь мог бы приложить инструкцию по применению, как это будут делать позднее.

Подобную просьбу подлекаря В. Сизикова о присылке лекарств в 1737 г. фактически отклонил доктор Д. Гриф, а руководители Канцелярии отказ утвердили[443]. Однако, фактически, он оставил людей в Красноярском горном начальстве без лекарств, сделал это не в первый раз, мог бы для исключения «опасности» от бездумного употребления, написать способ применения[444]. Тем более, что в обязанности главного лекаря, начиная от И. Спринцеля, входило комплектование и отсылка по присылаемым реестрам – просьбам необходимых лекарств как на близлежащие, так и на дальние заводы. А управители заводов постоянно набирались опыта и общих знаний по лечению больных.

После отъезда Д. Грифа и принятия госпиталя И. Шнезе посылки с лекарствами регулярно отправлялись. Подтвердим это отправкой медикаментов в самый дальний регион, в Якутск. Там не было лекаря, руководитель завода А. Митенев в доношениях регулярно присылал реестры необходимых лекарств. В ответ получал препараты с краткими разъяснениями по применению. В приложении мы представили образец наставлений, отправленных И. Шнезе в январе 1743 г. вместе с лекарствами в Якутскую заводскую контору «для пользования тамо находящихся служителей»[445] (Приложение № 19).

---

[442] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 562. Л. 338.
[443] Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 60.
[444] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 677. Л. 859.
[445] Там же. Д. 986. Л. 194–197.

Помимо перечисленного, И. Шнезе выслал травы «против грудной болезни 4 фунта» и написал: «из коих взяв одну горсть и налив два фунта воды, варить, потом сквозь тряпицу процедить, потом положить меду ложки четыре, вторично варить, … по сварению оной пить по стакану по утрам, не евши»[446].

Лекарства, составленные Х. Мендерсом, продолжали рассылаться и по другим заводам. Так, в январе 1740 г. Мендерс объявил в доношении Канцелярии роспись лекарств для отправки в Пермь, причем не только Урала, но и Сибири. В ноябре 1746 г. он рапортовал начальству об изготовленных и закупоренных в ящик лекарствах для отправки в Якутскую заводскую контору. При этом цена за отправленные лекарства ставилась на счет тех заводов, куда они доставлялись[447].

Отправлялись лекарства и в госпиталь Нерчинска в 1748 г. Подлекарь Егор Томилов доношением в Нерчинское горное начальство объявлял: «при здешнем лазарете ныне лекарств хотя и имеется, токмо впредь ко оным в прибавок весьма быть надобны». Отправка свыше 130 медикаментов была осуществлена в «закупоренных яшиках» с приложенной описью на латинском языке, составленной А.Х. Мендерсом[448]. В 1750-е гг. Екатеринбургский госпиталь и аптека отправляли медикаменты по просьбе митрополита в Тобольскую семинарию, на заводы Походяшина, находившиеся значительно севернее Гороблагодатских, и даже на завод Луганска[449].

Для отражения специфики и сложности работы лекарских служителей на уральских заводах в первой половине XVIII в. необходимо охарактеризовать заболевания, с которыми чаще всего им приходилось бороться. Приведем примеры из медицинской практики.

Перечень болезней, с которыми приходилось сталкиваться медикам, был обширен. В основном они носили производственный характер: ожоги и раны при работе на фабриках (в заводских цехах), чахотка – на рудниках, «грудные,

---

[446] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 986. Л. 199–200 об.
[447] Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.). Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 73.
[448] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1282. Л. 99–102.
[449] Там же. Д. 1643. Л. 38–44.

ножные, нутряные, очные, в спине великий лом», всевозможные переломы рук, ног. При этом «основное» лечение могло дополняться и рядом простейших хирургических манипуляций, таких как остановка кровотечения с помощью наложения лигатуры или «скручивания» поврежденного сосуда, вскрытие гнойников, очистка ран от грязи и попавших в нее посторонних предметов, прижигание ран раскаленным железом или кипящим маслом, вправление вывихов, вытяжение и наложение шины при переломах. В исключительных случаях могли производиться операции камнесечения, ампутации конечностей, трепанации черепа, глубокие разрезы для извлечения попавших в тело посторонних предметов. Однако лекари крайне неохотно шли на собственно оперативные вмешательства, поскольку опыт свидетельствовал об их чрезвычайной опасности для жизни пациента[450].

На уральских заводах известна была и раковая болезнь. Как было записано в регистрационной книге Екатеринбургского госпиталя, больной долго «чахнет, работы делать не может», но случилось чудо: применение ртутных препаратов привело к выздоровлению. На это штаб-лекарь Спринцель многозначительно заключил: «Бывает много случаев, что меркуриальное лекарство в короткое время не показует свое действие, а после с помощью Божиею действует»[451]. 15 октября 1743 г. обер-офицер А. В. Лавров серьезно заболел. С февраля 1744 г. он находился в Екатеринбургском госпитале. В апреле штаб-лекарь И. Шнезе представил результаты медицинского обследования: «у оного Лаврова содержит болезнь, называемая рак, которая сперва на языке оказалась и от того половину языка отъело и ныне пустилась в горло». 29 сентября 1744 г. А.В. Лавров умер[452].

Периодически случались и «горячки, гноение гортани и неба, ушей, поносы, желуницы, студеные лихорадки»[453]. Случались резаные раны – колодник вне города конвоиру «горло от уха до уха порезал», И. Спринцель срочно выслал лекарства и подробнейшее описание лечения[454].

---

[450] Степин В. С. История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII–XXI вв. М., 2020. С. 97.
[451] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 88. Л. 314; Д. 148. Л. 109–110.
[452] Там же. Д.1031. Л. 1032–1032 об.
[453] Там же. Д. 532а. Л. 87–90.
[454] Там же. Д. 245. Л. 80–81.

К сожалению, с появлением крупных казенных заводов среди населения распространились венерические заболевания. Плотинный мастер Иван Мелентьев был послан весной 1724 г. на Пыскор, но четверть года практически не работал, болел. Об этом узнал В.И. Геннин и предписал лекарю И. Спринцелю немедленно представить сведения, «какою болезнию одержим был, и отчего, и намного ль по цене лекарства ему издержано». Лекарь констатировал: «Явился одержим французской болезнью от блудодеяния, о том он блудодеянии и сам сказывает, а лекарства на него издержано пять рублев семь копеек, водки на четыре рубли».

Получив справку, В.И. Геннин устроил допрос мастеру и его сожительнице. Они признались в содеянном. Не имея опыта наказаний за «блудное дело», генерал запросил справку у воеводы Соликамской провинции. В ответ была прислана выписка статьи 25 из 22-ой главы Соборного уложения: «…им за тое беззаконное и скверное дело учинити жестокое наказание, бити кнутом». Это и зафиксировано в окончательном решении: «Бить его, Мелентьева, на площади кнутом нещадно, … также и женку за блудодеяния бить кнутом на козле нещадно и со здешних Пыскорских заводов выслать»[455].

В 1725 г. Д. Одинцов привез учеников Кунгурской школы в Екатеринбург, многие из них были больны, в том числе и «французскою болезнию»[456]. В 1735–1738 гг. унтер-шихтмейстер М.Ф. Хвалимов, надзиратель припасов Висимского, Мотовилихинского заводов заболел там «французской болезнию», лечился за «собственный кошт» в Екатеринбургском госпитале. Лечение обошлось в 3 руб. 91 коп.[457] В целом пресечь распространение венерической инфекции не удалось, в архивных делах много документов, подобных этому: работник «весьма офранцужил и при заводе держать нельзя, дабы от него и другим такая болезнь не пристала»[458].

---

[455] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 32, 99, 112–113, 404–410
[456] Там же. Д. 73. Л. 190–210, 229–233.
[457] Цеменкова С.И., Черноухов А.В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 216.
[458] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 79. Л. 470–472

Болезни не щадили горных офицеров. В октябре 1743 г. П.П. Зеленой обратился за медицинской помощью в госпиталь. Лекарь И. Шенезе вынес заключение, согласно которому больного с детства мучила ломота в ногах, болела грудь после падения при работе на Григоровском руднике, имелись затруднения дыхания и слепота на левый глаз в результате полученных побоев в 1743 г. по дороге из Москвы, болело горло. Итогом стал вывод о непригодности в заводских работах ввиду хронического характера болезней. В июне 1748 г. у П.П. Зеленого из-за цинги опухли и отнялись ноги. В силу болезней он часто просил отпуска[459].

Управитель Уктусских заводов В.Н. Титов в апреле 1744 г. «волею Божию» заболел, более четырех месяцев ни разу не был в конторе, был направлен в госпиталь Екатеринбурга. Штаб-лекарь И. Шнезе заключил: болеет «грудью и лихораткою, от которой он свободился чрез три недели, а после того явилась у него сильно цинготная болезнь, которою у него ногу свело и отняло, и доныне ходить не может, около месяцев двух не выздоровеет». Но В.Н. Титов выздоровел, вернулся к работе[460]. Однако нередко лекарь писал иные заключения – «болезнь застарела и вылечить невозможно». Впрочем, пропускная способность екатеринбургского госпиталя была не велика, ежемесячно он мог принять не более 30 человек, поэтому многих больных И. Спринцель «пользовал» дома, а эта отчетность крайне противоречива.

Для оценки эффективности лечения рассмотрим журнал учета больных с 1 апреля 1734 г. по 31 июля 1734 г.: в Екатеринбургском госпитале на лечении находилось 74 человека. За апрель в журнале всего 3 записи о больных и их диагнозах, в мае – 10 записей, в июне – 20 и за июль – 41. В течение этих 4-х мес. на лечение в госпиталь из Алапевского завода приехало 2 человека, из арифметической школы проходили лечение 3 учеников, из Екатеринбургского завода – 29 рабочих, из словесной школы – 7 учеников, с завода императрицы

---

[459] Цеменкова С. И. «Горное дело производить сильною рукою…»: формирование состава «высших и нижних управителей» горнозаводского Урала в 20–40-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр.. Екатеринбург, 2020. Вып. 20. С. 52–53.
[460] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 327–329.

Анны (Сысертского) – 1, завода цесаревны Анны – 16 работников, Каменского завода – 2, Лялинского завода – 1, Полевского завода – 4, приписной конторы – 2, Сибирского обер-бергамта – 1, Тобольского полка – 1, Уктусского завода – 3, счетной канторы – 1 работник и 1 школьник, а котором отсутствуют сведения, откуда он поступил на лечение. Летальный исход был в двух случаях. Первый, когда доменной работник Екатеринбургского завода, поступивший на лечение в госпиталь 20 июня 1734 г., скончался, пролежав 3 дня из-за «французской болезни», которая была осложнена «падучей» болезнью пациента. Смерть второго пациента – молотового подмастерья, который поступил с завода цесаревны Анны (Верх-Исетского) 26 июня, произошла из-за «болезни живота». У него наблюдались кровь из носа и рта, его не стало 4 июля 1734 г.[461]

Отметим, что пациенты попадали в госпиталь не только в силу вирусных и бактериальных заболеваний, но и физических поражений, несчастных случаев. 25 ноября 1742 г. на Кушвинском заводе, празднуя годовщину восшествия на престол Елизаветы Петровны, А.М. Хрущев, будучи не вполне трезвым, решил бросить начиненную порохом гранату. При взрыве ему повредило правую руку. Искусного лекаря на Кушве не было, из Екатеринбурге приехал И. Шнезе, сделал операцию – ампутировал два пальца[462].

И. Шнезе в 1758 г. мог удалять зубы, об этом свидетельствует список «зубных» инструментов «из хорошей стали», которые он заказал сделать заводской конторе[463]. В 1766 г. И. Шнезе снова заказал зубные инструменты по своим чертежам[464]. Известны случаи, когда офицеры, имея плохое зрение, носили очки[465].

Уральские лекари периодически обращались в Канцелярию с просьбой о присылке материалов, необходимых для изготовления лекарств. Региональные власти отправляли перечни медикаментов в Генерал-берг-директориум, который взаимодействовал с Медицинской канцелярией. В 1739 г. роспись Catalogum

[461] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 532а. Л. 83–90 об.
[462] Там же. Д.1014. Л. 103–109 об.
[463] Там же. Д. 1572. Л. 656–657.
[464] Там же. Д. 1831. Л. 277–278 об.
[465] Там же. Д. 1139. Л. 314.

matherialium, составленная на полутора листах Мендерсом, была отправлена из Екатеринбурга в Генерал-берг-директориум[466].

Привоз лекарственных средств осуществлялся из аптек городов Москвы и Санкт-Петербурга. Первая казенная аптека была создана в Петербурге в 1704 г. Впоследствии она была названа Главной и помещалась в здании Медицинской канцелярии. Затем в столице в 1706 г. и 1709 г. были открыты еще 2 казенные аптеки, снабжавшие лекарствами гражданское население и армию. В Москве в 1706 г. открыта Главная аптека, считавшаяся одной из лучших в Европе и до конца века являвшаяся самой крупной в России[467].

Для заказа медикаментов в медицинскую канцелярию отправлялись их списки медикаментов на немецком языке с русской транслитерацией, а учет имеющихся в наличии лекарственных средств в Сибирском обер-бергамте велся только на русском. Это особенность затрудняет идентификацию медикаментов, транслитерация с немецкого и латинского языков осуществлялась, вероятнее всего, «на слух». Иными словами, иноземный лекарь диктовал ученику или подканцеляристу текст на немецком или латинском языке, а тот записывал, исходя из своего слухового и фонетического восприятия. Как следствие, периодически встречается слитное написание частиц «де», «про», отсутствие окончаний, ошибочное совместное или раздельное написание слов. Примером могут служить ежемесячные журналы И. Спринцеля с записями, «сколько в котором месецу было больных и каких чинов именами и сколько издержано на всех обще всего лекарств»[468]. «Регистр лекарствам августа с 1 сентября по 1 число 1734 года» написан транслитом на русском и содержит все отмеченные недостатки[469]. И. Мендерс в октябре 1741 г. просил прислать в екатеринбургскую аптеку зимним путем сосуды для содержания лекарств, семена и медикаменты. Подлинник «Росписи материалов» был отправлен в Москву, а в Канцелярии

---

[466] Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.). // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр.. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 71.
[467] Егорышева И. В. Казённые аптеки в России в XVIII в // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2015. №3. С. 60–61.
[468] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 532а. Л. 94.
[469] Там же. Л. 101 об.–105.

остался переведенный список только на русском языке, содержащий 31 наименование лекарственных средств[470].

В конце октября 1734 г. аптекарь Тамм принял медикаменты от И. Спринцеля согласно списку на латинском языке и в переводе на русский. Всего в документе перечислены 235 наименований препаратов[471].

Екатеринбургский филолог О.Г. Олехнович посвятила кандидатскую диссертацию изучению корпуса делопроизводственных документов Аптекарского приказа. Она называет три способа перевода рецептов медицинских списков XVII в.: транслитерация, буквальный пословный перевод (калькирование) и поиск русского аналога[472]. Так, в медицинских рецептах для датского королевича Вольдемара, приехавшего в Россию в декабре 1643 г. и покинувшего ее в 1645 г., встречаются все три эти способа перевода, иногда их синтез[473].

До 1765 г. врачи и аптекари в России пользовались фармакопеями различных европейских стран. Первую иностранную фармакопею привез в страну английский аптекарь Джеймс Френч в 1602 г., позже прозванный Яков Астафьев. В XVIII в. русские врачи и аптекари наиболее широко использовали две иностранные фармакопеи – «Эдинбургскую фармакопею» и «Бранденбургский диспенсаторий»[474].

Характер наименований препаратов и совпадение написания позволяет утверждать, что екатеринбургские медики использовали в своей работе Бранденбургский диспенсаторий. В Екатеринбург эта книга попала не позднее 1739 г., она была выписана по заявке аптекаря Х. Мендерса из Петербурга[475].

---

[470] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 894. Л. 558–560.
[471] Там же. Д. 510. Л. 83–91.
[472] Олехнович О. Г. Медицинская терминология в «Делах Аптекарского приказа», XVII в. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ольга Георгиевна Олехнович. Екатеринбург, 2000. С. 113.
[473] Худин К. С. Номенклатура лекарственных растений в медицинской практике Аптекарского приказа (на материале рецептов для датского королевича Вольдемара 1644–1645 гг.) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 2.
[474] Куликов, В. А. История создания общегосударственных и ведомственных российских фармакопей // Вестник фармации. 2012. № 2 (56). С. 56–57; Российский Д. М. Первые русские фармакопеи // Советская клиника. М.: Медицина, 1931. № 8; Фортунатов С. П. Из истории создания первых российских фармакопей // Аптечное дело. М., 1952. № 3. С. 65–71.
[475] Сафронова А. М. Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734-1738 гг.) // Восьмые Татищевские чтения : материалы региональной научной конференции. Екатеринбург, 2010. С. 39.

Совместное использование кандидатской диссертации О.Г. Олехнович, перевода списка «аптеки» Михаэлиса 1726 г., выполненного Эрнстом Грубе[476], и Бранденбургского диспенсатория 1734 г. издания[477] позволило восстановить латинское написание в списках медикаментов Сибирского обер-бергамта.

При трактовке показаний к применению препаратов использованы описания из медицинской литературы XVIII–XIX вв. В частности, наиболее близко к трактовке болезней в понимании лекарей XVIII в. следует отнести содержание «Аптеки или науки составлять разные, как внутрь, так и снаружи употребляемые лекарства», которая содержит не только латинские названия препаратов и рецептуры, но и указания на излечиваемые болезни и способы применения. Труд был написан Франциском Антоном Шлерертом и переведен на русский в 1793 г. Фомой Барсуком-Моисеевым.

Приведены списки медикаментов и показания к их применению, которые в 1734 г. затратил И. Гриненберг на лечение И. Рудаковского (Приложение № 28), В.И. Геннина (Приложение № 29), И. Креслера (Приложение № 30), В. Ближевского, Н. Бахорева, С. Неелова (Приложение № 31). Отметим, что лекарства назначались не только горным служителям, но и их женам за отдельную плату (Приложение № 32).

Можно сделать вывод, что помимо гуморальных методик лечения, включающих назначение в большом количестве мочегонных, потогонных и слабительных препаратов, медикам на Урале часто приходилось встречаться с лечением паразитарных заболеваний, цинги, ревматизма и простудных заболеваний, поражающих легкие.

В целом, методы, применяемые при лечении уральскими медиками, соответствовали европейским стандартам того времени. Об этом свидетельствуют используемые средства и наличие медицинской литературы. Медики иностранцы, находившиеся на службе, добросовестно исполняли свои обязанности и смогли подготовить достойную смену.

---

[476] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 92. Л. 259–271 об.
[477] Fagino E. Dispensatorivm Regivm Et Electorale Borvsso-Brandenbvrgicvm. Erford. 1734. 278 p.

В 1758 г. коллежские асессоры С. Владычин и Е. Яковлев в 14 пунктах выразили мнения и предложения по широкому кругу вопросов в связи с передачей казенных заводов в частные руки. О медицине они написали следующее: «в Екатеринбурге госпиталю и аптеке быть так, как до сего состоят. При них штаб-лекарь с подлекарем и двумя учениками, в которой в лечение принимать, если присланы будут из партикулярных заводов. И за то часть жалованья положить с партикулярных заводчиков»[478].

Доношение штаб-лекаря И. Шнезе от 8 декабря 1761 г. в Канцелярию можно считать подведением итогов деятельности и состояния казенной медицинской инфраструктуры на Урале в 20–50-х гг. XVIII в.:

1. «По усмотрению моему ныне при Екатеринбургском госпитале неминуемо быть потребно двум подлекарям … и при них двум ученикам. Для того, что нередко требованы бывают в разные команды для пользования больных не токмо на казенные, но и на партикулярные заводы, и в другие неминуемые места; и когда одни отослан будет, то б другой был при госпитале неотлучно, да двум сторожам с женами, как ныне находятся, для приготовления больным пищи и прочаго»[479].

2. В аптеке два ученика, требуется еще столько же. Из учеников только А. Денисов аттестован в гезели, о чем отправлены документы в Медицинскую канцелярию. «Под моим смотрением приход и расход медикаментам и материалам весьма порядочно исправлял», за что А. Денисову было рекомендовано жалованье 60 руб. в год[480]. «Голомзин, как небезизвестно в оной Канцелярии, что каждое лето, с начала весны даже до самой глубокой осени, всегда бывает в разъездах для збирания трав, кореньев и семян». Ему «за долговременную службу и труды» надо к 30 прибавить 6 рублей. Без дополнительных учеников «никак пробыть невозможно, для того благоволено б

[478] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1636. Л. 175–176.
[479] Там же. Д. 1668. Л. 407.
[480] Там же. Л. 407.

было определить взятого в солдаты Василия Доровикова по-прежнему и с прежде получаемым им жалованьем»[481].

3. «Всемерно должно быть госпиталю и аптеке деревянным, а не каменным для того, что оные палаты складены из одного дикого камня, а не из кирпича, от которого состоит как в зимнее, так и в летнее времена немалая сырость, от чего больные получают себе к имеющимся болезням вящую от угару болезнь же, что и у меня предоменерешно случается. А сверх того, при аптеке привозимым из Москвы немалоценным материалам зимою от морозу, а летом [от] сырого воздуха в каменных покоях немалое повреждение бывает, так, что некоторые самонужнейшие материалы в крайнюю гибель приходят, из которых уже по нужде и в составление медикаментов употребляются». А трав, кореньев и семян для лекарств собрать один человек много не может, те, которые имеются, быстро портятся в таких условиях, что принуждает выписывать множество лишних припасов из Москвы. Каменные здания требуют много дров для постоянного топления печей, причем не только зимой, но и летом «без топления быть в жилом покое никак невозможно, понеже всегда студеность и сырость бывает, отчего гибель материалам, а больным болезнь вящая приключается»[482].

4. «Должно при том госпитале и аптеке» подлекарям и ученикам построить покои, «чтоб они всегда были при своих должностях неотлучны»[483].

5. «Как для аптеки, так и для госпиталя надлежит построить немалой аптекарской огород, в котором бы можно было как травы, коренья, цветы и семена распространять, а как оной построен будет, то можно исправлять больными, которые малое облегчение от болезни получат, да и теми, которые имеют лечение болезни, то могут в случае поливать и полоть»[484].

6. При аптеке имеется «немало ценных материалов и медикаментов немалое число». Их продают партикулярным людям, денег собирается «по нескольку сот рублев», а караула, по примеру других таких припасных мест, при

---

[481] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1668. Л. 407–407 об.
[482] Там же. Л. 407–407 об.
[483] Там же. Л. 408.
[484] Там же. Л. 408–408 об.

аптеке нет, «и тако весьма есть не без опасности»[485].

Таким образом, к концу изучаемого периода было завершено формирование горнозаводской медицинской инфраструктуры на Урале. Силами Екатеринбургского, Пермского, Гороблагодатского, Нерчинского и Красноярского госпиталей, осуществлялось медицинское обслуживание всех горнозаводских служителей в огромном регионе. Лекари и ученики ежегодно дважды объезжали поселки, консультировали и лечили жителей.

Лекари-иностранцы понимали потребность в регулярных поставках медикаментов из Москвы. Но для обеспечения бесперебойной медицинской помощи считали необходимым наличие аптеки для изготовления собственных лекарств. Для комплексного лечения больных позднее был создан собственный аптекарский огород. Но нужно признать – в середине XVIII в. только Екатеринбургский госпиталь являлся местом на Урале, где могло быть полностью осуществлено лечение больных с учетом достижений медицинской науки того времени. Именно через него осуществлялось распределение лекарств и медикаментов лекарям в подчиненные госпитали.

Сформировалась система лекарского ученичества. И. Шнезе, Х. Мендерс, И. Гриненберг обучили кадры для дальнейшего функционирования медицинской инфраструктуры на Урале.

Одним из главных тормозов развития медицинской инфраструктуры следует считать заводские штаты. Оформленные в 1737 г., они резко сокращенные при утверждении в 1741 г., не совершенствованные позднее, привели к стагнации роста медицинских кадров. Невозможно было набирать, учить новые кадры, а со смертью главного аптекаря горнозаводские власти не сталт требовать замены, напротив, пошли на негативные меры – объединили должности лекаря и аптекаря. И, несмотря на это, лекарская и аптекарская службы на горнозаводском Урале оставались на высоком уровне. Кадры, выращенные в Екатеринбурге, трудились даже в армейских частях, отправлялись на другие заводы Урала и Сибири.

---

[485] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1668. Л. 408 об.

2.2. Церковь в системе социального дисциплинирования населения

История конфессиональной политики Петра I и последующих императоров первой половины XVIII в. отражена во многих исследованиях[486]. Упразднение патриаршества и появление взамен его светского коллегиального органа по церковным делам – Священного Синода означало подчинение церкви государственным органам не только в политическом, но и в административном отношении.

Проведенная Петром I реформа, преобразовав систему высшего церковного руководства, существенно не изменила сферу внутренних иерархических взаимоотношений и сохранила прежнее церковно-административное деление. Основной территориальной единицей была епархия, состоявшая под управлением епископа. В пространственном отношении каждая епархия занимала огромную территорию, нередко включавшую две-три губернии, что обусловило развитие сложной структуры органов епархиального управления.

Епархиальное управление в первой половине XVIII в. выглядело следующим образом. Прикамье было в составе епархии Вятской и Великопермской, ее центр располагался за пределами Урала – в г. Вятке. Восточноуральские земли входили в состав епархии Тобольской и Сибирской, центр которой – г. Тобольск – также был за пределами Урала. С 1744 г. в каждой епархии существовали духовные консистории. Консистория превращалась в некое епархиальное подобие Синода, в котором решения принимались коллегиально. Формально консистория не могла оспаривать власть епископа. Большое влияние имели секретари консистории, возглавлявшие консисторскую канцелярию; они были светскими чиновниками, поэтому гораздо меньше зависели от архиерея, чем члены консистории. Создалась своеобразная система параллельного управления: архиерей подчинялся Синоду, а секретарь консистории – обер-прокурору. Консистории были подчинены духовные (иногда их называли заказными) правления, которые возглавляли либо священники

[486] Федоров В. А. Русская православная церковь и государство Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. 480 с.

крупных церквей, либо настоятели некоторых монастырей. Это были церковно-административные подразделения епархии, объединявшие обычно несколько десятков церквей[487].

В синодальный период из церковной юрисдикции были изъяты дела «гражданского свойства», наряду со всей системой церковного и государственного управления, она постепенно бюрократизировалось. На епархиальном уровне процесс бюрократизации получил завершение после издания «Устава духовных консисторий» (1741 г.). Судебными делами в епархиях ведало присутствие консистории, где концентрировалась вся епархиальная административно-распорядительная деятельность, подготовленные и решенные консисторией дела утверждались правящим епископом. Высшая судебная власть принадлежала Святейшему Синоду[488].

Ранее было отмечено, что в эти же годы на Урале появилась новая административная единица – горнозаводское ведомство. Поэтому необходимо изучить взаимоотношения этих органов власти.

Тесные взаимные контакты духовных и горнозаводских властей начались со времени прибытия на Урал главного командира генерала В.И. Геннина, строительства Екатеринбурга. До официальной поездки в Тобольск, В.И. Геннин 20 августа 1723 г. написал первое письмо митрополиту Антонию. Дело в том, что генералу в Москве, при отправке на Урал, было поручено принять меры к высылке к следствию бывшего при губернаторе Гагарине Нерчинского воеводу Федора Качалова. Он «для некоторого похищения позван к розыску в Москву», но будучи «близко Тобольска в монастырь пошел и переменивши свое имя там живет и много серебра и серебряной руды при себе имеет»[489].

В.И. Геннин просил прислать сведения о воеводе, заметил при этом, что Антоний «при духовном деле самой высший чин управляет», поэтому ему необходимо порадеть за императорские интересы. Антоний в ответном письме

---

[487] История Екатеринбургской епархии / Е. М. Главацкая, А. В. Мангилева, И. Л. Манькова, В. А. Мусихин, М. Г. Нечаев, М. Ю. Нечаева. Екатеринбург, 2010. С. 140.

[488] Юрганова И. И. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность: XVII – нач. XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Инна Игоревна Юрганова. С. 305–306.

[489] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 62–62 об, 81.

также посвятил абзац хвалебным словам в адрес генерала, описал жизнь Ф. Качалова в 1717 – 1720 гг. в монашестве, причину смены имени, труды в качестве наместника и управителя Архиерейского дома. В заключении отметил, что еще до письма В. И. Геннина «уже несколько месяцев» дело о серебре расследуется в губернской канцелярии и надворном суде, «в скором времени может воспоследовать окончанием»[490].

Среди прибывших из Тобольска на строительство завода большого количества солдат-строителей появилось много больных и, как следствие, умерших. Для обряда погребения необходимо было исполнять церковные требы. Но единственный ближайший к месту строительства священник находился в церкви на Уктусском заводе и, как отмечается в документах, всегда имел «многие суеты». Поэтому уже в мае 1723 г. на строящийся Исетский завод из Тобольска был прислан поп Иван Ефимов, а для пономарской службы его сын Андрей. Уральское горное начальство должно было обеспечить их денежным и хлебным жалованьем, какое «дается при таковых полках другим священникам»[491].

Однако И. Ефимов не был попом в войсках, ранее служил в приходской церкви, где «жалованья в даче никогда не бывало». В Сибирском обер-бергамте не могли определить, из каких средств платить служителям. Вопрос решался в течение года. Поскольку И. Ефимов был послан «отправлять службы» для военных, все-таки какую-то оплату он получал[492]. А вопрос строительства приходской церкви в Екатеринбурге только рассматривался, строилась лишь временная часовня.

Следует отметить еще один аспект проблемы: горнозаводская и духовная власти совместно строго следили за поведением и соблюдением обязательных треб мирянами. Еще 8 декабря 1718 г. последовал императорский указ: «в соборах, монастырях и в приходских церквях во время пения Божественной

---

[490] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 62–62 об, 81.
[491] Там же. Л. 2 об, 236, 266.
[492] Там же. Л. 1–2 об.

Литургии стоять с безмолвием и слушать со всяким благовением»[493], а если кто нарушит, то «имать штраф не выпуская из церкви по рублю с человека и употреблять на церковные построения». Большие деньги – на рубль можно было купить пуд масла, а у многих рубль составлял месячное жалованье. В январе 1723 г. Синод, «имея о народном в церквях во время пения разглагольствовании», приказал с виновных брать штрафы и «учинить во всех церквях железные ящики на чепях», закрепить их на видных местах, «чтобы прихожане повеление в памяти содержали и неведением не отговаривались»[494].

На 1723 г. в регионе уральских заводов было 89 священно- и церковнослужителей, из них 32 попа, 1 протопоп, 5 дьяконов, 24 дьячка, 17 пономарей, 10 трапезников (Приложение № 14). В 1727 г. количественное соотношение членов церковного притча на казенных и частных заводах выглядело следующим образом:

Таблица 18

Состав духовенства при Екатеринбургском и Демидовском ведомствах в 1727 г.[495]

Наименование клира	Екатеринбургское ведомство	Демидовское ведомство	Всего
Протопопов	2	–	2
Попов	39	8	47
Дьяконов	16	3	19
Церковных причетников, их детей, братьев, племянников, поповских детей	120	15	135
Итого	177	26	203

В исследуемый период постоянно прослеживается нехватка священнослужителей в поселках горнозаводского Урала. Можно неоднократно цитировать слова, подобные тем, что сказал протопоп Ияков Никитин в 1740 г. Он констатировал: «в служении один, которое за многим мирскими требами, к тому ж за управлением порученных мне заказных духовного правления дел и за старостью моею, ежедневно отправлять не могу, … а прихожане в помощь мне для того служения никого по их желанию (как есть везде обыкновенно) и поныне

[493] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т. 5. №3250.
[494] Там же. Т. 7. №4140.
[495] Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 114. Л. 389–390.

не выбирают». Он просил горнозаводскую власть посодействовать – выбрать «человека доброго и послать оного для поставления во священники к Преосвященному Никодиму, митрополиту Тобольскому и Сибирскому»[496].

Долгое время так и не был решен вопрос о материальном обеспечении клира заводских поселков. Только по этой причине появился весьма спорный указ Сибирского обер-бергамта от 28 февраля 1730 г. на прошение дьякона Афонасия Феофилактова, о назначении ему жалованья: «со всех людей, обретающихся здесь в Екатеринбурге, кроме иностранцев, колодников и каторжников, вычитать на дачу всем церковным причетникам от всякого рубля по копейке». Деньги складывать в «особливый ящик» и выдавать протопопу по 12 ½, попу – по 10, дьякону – по 5, дьячку – по 3, пономарю – по 2 копейки, трапезнику – по полтине на месяц. Одновременно было запрещено притчу требовать от прихожан «за всевозможные требы» дополнительной дачи, «разве кто сам из доброходства даст и кто к себе позовет молебны петь».

Решение вызвало противоречивую реакцию мастеровых и работных людей: одни поддержали вычет, многие были против. Это обстоятельство вынудило руководителей сообщить о нововведении в Берг-коллегию и просить поддержки, тем более что и от попа Петропавловской церкви Егошихинского поселка пришла подобная просьба.

В доношении Уральское начальство описало ситуацию: «по заведению здешних заводов, как к церкви протопоп и прочие причетники призываны были и им обещано было жалованье, но оное по сие время не исходатайствовано. Ежели б им руга была определена, то б изрядно было, а когда руги не будет, то весьма надлежит к содержанию и пропитанию их собирать деньги, иначе на службе не удержать их будет». При этом начальство доложило, что «здесь некоторые глупые негодуют, что им дать того по копейке с рубля жаль…, что они и так с немалою нуждою живут, а всегда на работе бывают, из жалованья сверх медикамента и госпиталя вычитается еще за подушный оклад». Но Берг-коллегия нововведение о вычете одной копейки с жителей в пользу

[496] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 849. Л. 413.

церковнослужителей не поддержала: без указа Сената такое решение неправомерно, но при этом и денег не выделила. И церковный притч продолжал испытывать нужду, искал средства для улучшения жизни[497].

Но горнозаводская власть с первых лет всегда выполняла просьбы иерархов, касающиеся помощи в снабжении лесом, изделиями из железа, приобретении колоколов[498]. Особо следует привести документы об отношениях горнозаводской власти со служителями Тюменского Троицкого монастыря. Они охватывают период 1726-1735 гг. и дополняют историю Петропавловского собора.

В 1725 г. многие церковные иерархи обращались к Екатерине I с просьбами о помощи на потребы церковные на вино, на воск и ладан для «поминования блаженной и вечно достойной памяти Его Величества Государя Императора». Подобная просьба пришла и из Тюмени. В Екатеринбурге 24 марта 1726 г. В.И. Геннин получил документ, датируемый 20 ноября 1725 г., в котором содеражались требования выдавать ежегодно бывшему Сибирскому архиерею, «что ныне схимонах Федор» и живет в Тюменском монастыре, 40 руб. «на счет Кабинета» и отправить кровельное железо так как «церковь Святых апостолов Петра и Павла и колокольня не покрыты»[499].

В.И. Геннин оперативно отреагировал: деньги выделить, железо готовить, а в монастырь был отправлен запрос – «какое количество и каких досок надобно»? Удивительно, но в течение двух лет «по оные доски никто не был присылыван», и они были отправлены на продажу в Санкт-Петербург. И только в марте 1728 г. игумен монастыря Гедеон прислал в Сибирский обер-бергампт монаха с прошением, где описал челобитие «ныне покойного архиерея схимонаха Феодора». Он благодарил за своевременно отправляемые ежегодно деньги и просил железо – «кровельные доски».

Присланный монах не привез расчетов, объяснил: «оное учинилось от их в том недознании», в монастыре «искусства никто такого не имеет». Но передал

---

[497] ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 328. Л. 178–210; Д. 331. Л. 587–588.
[498] См., например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 96; 568; 639; 1052; 1422.
[499] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 160. Л. 155.

чертеж-рисунок церкви, согласно которому в Сибирском обер-бергамте смогли сделать примерные расчеты – нужно 16 374 доски, общий вес их составит 2 519 пудов[500] (Приложение № 37). Такого количества в наличии не было, и потому решено возить «не все вдруг», а частями. Стоимость железных полос обязался оплатить Кабинет Е.И.В. Расходы на доставку взял на себя Тюменский монастырь, совместно разработали и маршрут. На наемных подводах сухим путем до Тюмени доставка обошлась бы монастырю дорого. Гораздо выгоднее было организовать транспортировку груза через Демидовские заводы до Нейвы, а далее начать путь по рекам «под самый монастырь»[501].

В течение трех лет заказ был выполнен, а вот Кабинет о своих обязательствах по оплате за услуги, которые оказала монастырю горнозаводская власть, «забывал». В итоге к 1735 г. он «задолжал» Екатеринбургу солидную сумму в 1492 руб., из них за железо на кровлю – 1132 руб. и 360 руб. – «на церковные требы». Когда в январе 1735 г. от архимандрита Зиновия вновь приехал монах за деньгами, новый главный начальник заводов В. Н. Татищев выдать их не разрешил «до особого указа» из столицы[502].

В 1728 г. архимандрит Успенского Долматовского монастыря Сильвестр «с братию» просил лес для строительства ограждений от неприятельских набегов, ремонта во Введенском девичьем монастыре и в «мужских дворцах». Представил рассчеты «о количестве деревьев». Власти в Екатеринбурге оперативно решили вопрос, выделили солидные и удобные участки для рубки леса[503].

Еще до начала строительства Екатеринбургского завода приходские церкви были в поселках Каменского, Алапаевского, Уктусского заводов, на Чусовской пристани, в Невьянском заводе, перешедшем к Демидовым. Вопрос строительства церкви в Екатеринбурге был многозначащим. Пока шло ее строительство, жители крепости были приписаны к приходу церкви Уктусского

---

[500] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 160. Л. 132.
[501] Там же. Л. 140.
[502] Там же. Д. 530а. Л. 81–86.
[503] Там же. Д. 408. Л. 40–45.

завода, находившегося в 7 верстах. Руководители Берг-коллегии предоставили В.И. Геннину полную свободу в привлечении строителей и оформителей главной церкви на горнозаводском Урале. Правда заметили – «пока медные заводы не размножатся, то во оной церкви утварь и иконостас сделать хотя бы не гораздо богатые». В описи церкви 1734 г. об иконостасе было написано: «крашеный разными красками»[504].

С благословения Тобольского и Сибирского митрополита 1 октября 1723 г., на левом берегу Исети, недалеко от плотины, священник Иван Ефимов освятил закладку Екатеринбургской церкви. 30 августа 1724 г., управляющий заводом Ф. Неклюдов сообщил В. Геннину, что у «церкви колокольна построена совсем, только еще крест не поставлен, понеже ево делают в Уктусе». Освящение Екатеринбургской церкви было назначено на 27 февраля 1726 г.[505]. В 1723 г. из Санкт-Петербурга от графа Платона Мусина-Пушкина руководитель «железного каравана» И. Бухвалов привез дары. Новой церкви были выделены книги, другие атрибуты для проведения служб от Знаменского, Долматовского монастырей, Тобольской епархии. Это было сделано по просьбе В.И. Геннина к митрополиту Антонию[506].

О внутреннем оформлении церкви Великомученицы Екатерины ее настоятель протопоп Феодосий Васильев составил перечень «сколько всех икон имеется», вес и цвета материалов, использованных красок, сумм на оплату труда иконописцам – «маляру» Пыскорского монастыря Степану Леонтьеву, иеромонаху Тюменского Троицкого монастыря Антонию, резчику иконостаса Федору Охлынину из Нового Усолья[507].

Список 12 икон Екатеринбургской церкви на 1726 г. был таким: «Спасителя образ, Пресвятой Богородицы, Михаила Архангела, Святые мученицы Екатерины, Апостола Петра, Александра Невского, Николая Чудотворца, Преподобного Сергия, Преподобного Феофана, Князя Владимира,

---

[504] ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 450. Л. 10–14.
[505] Манькова И. Л. Храм в сердце и памяти: очерки истории Екатеринбургского Екатерининского собора. Екатеринбург, 2000. С. 11, 14.
[506] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 74. Л. 228–242, Д. 89. Л. 170–171, Д.148. Л. 167–174, Д. 218. Л. 277, Д. 328. Л. 178.
[507] Там же. Д. 148 Л. 170–175.

Князя Бориса, Князя Глеба» (Приложение № 33). Указывались росписи: «На северных дверях пророка Моисея, над ними одна картина 2 лица, на южных дверях пророка Аарона, над ними одна картина 2 лица апостола Андрея и Варфоломея»; 7 картин праздничных: в началто и срединто Отечества Рождества Христова, Вознечения Христова, Вход в Иерусалим, Богоявления, Преображения, Благовещение, 6 тунб изгнания Адама и Евы»[508].

Настоятель Феодосий Васильев недолго оставался в должности. В апреле 1730 г. на него поступил донос от солдата Сибирского гарнизона Тобольского полка Алексея Симакова. Солдат сообщил, что Феодосий Васильев показал ему в своем доме раскольничью книгу, порочащую церковь. Получив донос, Антоний поручил архимандриту Далматовского Успенского монастыря Филиппу провести расследование о судьбе книги. По итогам следствия настоятель Феодосий Васильев был пострижен в монахи под именем Федор. Место настоятеля церкви Великомученицы Екатерины занял его сын – протопоп Иоанн Федосеев[509].

В 1727 г. происходило принятие присяги новому императору Петру II. При Екатеринбургском ведомстве (без территории Прикамья) находилось 39 церквей, в которых приняли присягу более 2000 различных должностей людей включая В.И. Геннина[510]. Всего на горнозаводском Урале числилось 45 настоятелей (Приложение № 15).

Горнозаводской администрация не стояла в стороне от строительства и функционирования церквей заводских поселков, а также в приписанных к заводам слободах. Впервые по этому вопросу В.И. Геннин обратился к митрополиту в 1724 г., речь шла о постройке церкви и посылке священника в далекий от Урала Нерчинский сереброплавильный завод. Митрополит ответил: священник туда послан, а «о строении церкви вновь позволения учинить не можно», необходимо «крепкое обязательство обывателей о не скудном

---

[508] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 169.
[509] Манькова И. Л. Храм в сердце и памяти: очерки истории Екатеринбургского Екатерининского собора. Екатеринбург, 2000. С. 45.
[510] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 114. Л. 399–447.

священника с причетниками впредь содержании». Решение дела затянулось на годы, но церковь была построена. И практически всегда находилась «на балансе» горнозаводской власти. С Урала туда посылалось все необходимое для пристроек, в том числе колокола, жесть, металлические изделия[511].

Можно утверждать, что с появлением заводского поселка практически сразу же строилась церковь. Например, в 1725 г. – на Егошихе, в 1733 г. – в Сысерти, 1744 г. – на Юговском заводе (Приложение № 42), а с освоением золотых месторождений – в Березовском заводе (Приложение № 43). В итоге во всех поселках в исследуемый период функционировали церкви. В архивных делах сохранились расчеты на строительство церквей, планы (Приложение № 40) и расценки (Приложение № 41)[512]. Они показывают, что горнозаводские власти вкладывали солидные деньги на их содержание, выделяли железные и иные изделия по просьбе священнослужителей.

Строительство церквей в горнозаводских поселках проходило в несколько этапов. Все начиналось с прошения мирских людей в Сибирский обер-бергамт. Приведем в качестве примера два – от жителей Полевского завода и Гробовской крепости, которая была важнейшим пунктом при отправлении грузов с заводов на Чусовскую пристань и, одновременно, в числе многих других, служила защитой заводов от неспокойного башкирского населения.

Так, 29 июля 1728 г. жители Полевского завода написали, что часто получают «жестокие болезни», а «при добыче руд в шахтах по несчастию кого повредит смертию, и оные бывают в жизни дни по два, и желают исповедания и протчих потреб, касающихся к жизни человеческой, по правилам Святых Отцов». Но ближайший священник находился от завода на расстоянии в 31 версты, поэтому часто помощи жители получить не могут, и «желают они усердно построить церковь по силе и помощи, какова возможна» во имя Святых Верховных Петра и Павла.

---

[511] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 218. Л. 133–134.
[512] Там же. Д. 1068. Л. 289.

Жители поселка выбрали дьячка Уктусской церкви Иоила Соколова в священники, просили горнозаводскую власть разрешить ему ехать в Тобольск для посвящения. Приложили и «крепкое обязательство» – договор с ним, где зафиксировали, помимо прочего, что будут выделять священнику «на корм с венчанного по пяти копеек, а с холостых в полу», а за прочие требы – «по своей возможности» (Приложение № 36). В конечном итоге, в августе 1729 г. церковь уже строилась, а миряне вновь просили от Екатеринбурга содействия – прислать «церковной утвари», которую им купить «не без тягости». И вновь Сибирский обер-бергамт оказал помощь[513].

Прошение жителей Гробовской крепости в 1736 г. начиналось с перечисления фамилий просителей – старост, десятников, «лучших людей» – все подписи просто невозможно было уместить. Далее следовал основной текст: «всепокорно просим, дабы повелено было при той Гробовской крепости в острожке Церковь Божию построить во имя Николы Чудотворца, Ильи Пророка Божия, что от нас из Гробовской крепости в дальнем расстоянии Церкви Божие, ближняя верст за тридцать и больше, за лесами, за реками. И смерть придет внезапно скоропостижная Божьим судом, и жены роженицы в банях лежат многие дни и недели, и умирают без даров и без причастия, и кладутся в бор, для того что за дальностью приезжают в не бытность его, священника, дома, для того что приход его и деревни в дальнем расстоянии. И попа, мы, члены, своими трудами, земледельцы, ругой хлебной прокормим».

Руководители Канцелярии рассмотрели прошение, и отправили промеморию митрополиту Тобольскому и Сибирскому. Его решение было окончательным – церковь «построить Благословили». Митрополит прислал грамоту Екатеринбургскому протопопу, можно было начинать строительство, а Канцелярия по прошениям мирян помогала в строительстве лесом, железными изделиями и другими материалами[514].

---

[513] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 218. Л. 130–141, 275–280.
[514] Там же. Д. 609. Л. 342–344.

При смене управителей заводов, а они были частыми, требовался акт передачи всего хозяйства предприятия и подчиненных им поселков. Передаточные акты содержат подробные сведения о населенных пунктах и церквах. Помимо этих документов сохранились и описания сел, приписанных к казенным заводам [515]. Составлялись они тщательно, в них включались и церкви. Приведем краткие описания. В селе Уксянском Крутихинской слободы «церковь деревянная рубленная во имя Сретения Господня, колокольня на двух столбах, на ней больших и малых колоколов медных пять». В Красномыской слободе «церковь деревянная рубленная во имя Вознесения Господня, при той церкви колокольня рубленная ж, на ней больших и малых медных три колокола»[516].

Описания заводских церквей более обстоятельные, с фиксацией как внешнего вида, так и внутреннего убранства, перечня и количества печатных книг. Вот, например, в поселке Алапаевского завода: «церковь каменная во имя Алексея Человека Божия, верх и глава покрыты тесом, длиною одиннадцать, шириною четыре с полусажени. В ней пол чугунный, да и при той церкви паперть рубленная из бревен, длиною две с полу сажени, а шириною против трапезы одна. Во оной церковной утвари: престол, облачен камною один…», далее идет полное перечисление всего хозяйства. «При оной церкви колокольня осьмиугольная, срублена из бревен, покрыта тесом, шириною три с третью сажени, одна глава обита шестью, на ней колоколов медных шесть. На церкви и колокольне кресты железные два»[517].

Ввиду обширной подчиненной территории церковная власть в Тобольске и горнозаводская в Екатеринбурге объективно не имели возможности обеспечить полноценный контроль за священниками и мирянами. В описанной выше системе, где прихожане участвовали в назначении священников, имелись лазейки для нарушений. Так, в 1731 г. дьякон Екатеринбургской церкви Афанасий Феофилактов «тайным обычаем» уехал в Уктус и таким же способом «среди родственников и пьяниц» собрал подписи – просьбы о назначении себя

[515] ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 559, 566, 1301.
[516] Там же. Д. 566. Л. 220, 221.
[517] Там же. 1239–1243.

здесь первосвященником, самовольно без паспорта уехал в Тобольск к митрополиту. Об этом «прознали заводские командиры, лучшие мастеровые и прихожане», написали прошение в Сибирский обер-бергамт. Отметили – дьякон «глазами худ и к службе церковной ленив и малогоден», не нужен им такой пастырь. Реакция горнозаводской власти была строгой, но справедливой – митрополиту в Тобольск отправлена просьба о не посвящении дьякона. А «тайных подписантов» приказали «высечь батожьем, чтоб они, и на них смотря, другие впредь так не дерзали делать».[518]

О случившемся скоро забыли. В Сибирский обер-бергамт с того же Уктусского завода от управителя и прихожан вновь пришла скорбная весть: все духовные службы и мирские требы с 1725 г. отправлял вдовый священник Козьма Самсонов, а в марте 1734 г. «для некоторых своих нужд отлучился он в Калиновскую слободу». Там дьячек церкви Великомученицы Екатерины Козьма Федосеев «со слободскими церковными причетниками, схватив его и сковав в железа», отвезли в Верхотурье, в Никольский монастырь, «и сколько известно, пострижен он в монашеский чин», а другого не прислано. Вновь люди умирают без исповеди и причащения, а рожденные – без крещения, и остались они, «яко заблудшие без пастыря овцы». Вновь последовала просьба из Екатеринбурга в Тобольск, но итоги ее неизвестны[519].

В. Н. Татищев, сменивший В. И. Геннина в октябре 1734 г., на посту главного начальника, прислал важное предложение-просьбу митрополиту Антонию – без предварительного документа – решения Канцелярии – не утверждать назначения на должности священников в церквах казенных заводов и приписанных к ним слободах. Митрополит, убежденный в том, что просьба не правомерна, но не очень ущемляет его права, а также права прихожан, согласился с предложением. Но потребовал от В.Н. Татищева «для лучшего способа и знания к произведению во священные чины и в церковный притч» точные сведения о всех населенных пунктах и церквах[520]

---

[518] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 328. Л. 279–282 об.
[519] Там же. Д. 500. Л. 195–198.
[520] Там же. Д. 624. Л. 524.

Так, с лета 1735 г. Канцелярия взяла под свой контроль круг лиц, посвящаемых в попы и дьяконы митрополитом Тобольским и Сибирским Антонием. Как заводские конторы, так и священнослужители, ходатайствовавшие о выборе определенных людей, сами лица, желавшие занять причетнические или священнические места, подчинились такому решению. Церковный староста с мировыми людьми предлагали прихожанам подписаться, достоин ли человек избрания, заводская контора сообщала об этом в Канцелярию, члены которой заслушивали доношение, иногда требовали дополнительную информацию об избранном, обсуждали эту кандидатуру, зачастую не соглашались с ней и предлагали прихожанам избрать другого. Если кандидат, по мнению членов Канцелярии, подходил для исполнения должности, то отправлялась промемория в Архиерейский приказ в Тобольск с просьбой, чтобы митрополит соблаговолил по правилам церковным посвятить направленного к ним в попы или дьяконы. Уральское начальство противилось назначению на места церковнослужителей недостойных лиц, а также недостаточно подготовленных для этого школьников, категорически против перехода детей мастеровых в духовное сословие, даже если они учились в горнозаводских школах без получения жалованья. Таким образом, Канцелярия по инициативе Татищева с июня 1735 г. стала органом, просеивающим кандидатов в духовный причт, определяющим, достойны ли они занять соответствующие места[521].

30 марта 1740 г. в Тобольске умер митрополит Антоний. На его место был назначен митрополит Арсений (Мацеевич). Известно, что в 1730–1733 гг. иеромонах Арсений был в Тобольске в качестве проповедника и учителя. Но нет никаких оснований утверждать, что Арсений был в составе Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга[522]. В 1733 г., когда экспедиция В. Беринга через Екатеринбург двигалась на восток страны к Охотскому морю,

---

[521] Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 166–169.

[522] Капалин М. К. К вопросу об участии священнослужителей во второй Камчатской экспедиции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2(82). С. 219–224.

Арсений из Тобольска через Верхотурье ехал на запад, в иную сторону, в Устюг, Холмогоры[523]. А вот в другой морской экспедиции 1734–1737 гг. – Архангельск–Обская губа – принял участие добровольно, «не по одолжению»[524].

После назначения на пост митрополита Сибирской и Тобольской епархии в 1741 г. Арсению служители архиерейской канцелярии предоставили сведения о состоянии дел в обширнейшем регионе. Не преминули сообщить и о «непорядочных поступках» команды В.Н. Татищева в отношении церковной власти во второй половине 30-х гг. XVIII в., в частности, о завершившемся в середине 1740 г. конфликте, связанном с обучением церковных детей в светских школах.

Уезжая на Урал, В.Н. Татищев в 1734 г. получил обширную инструкцию за подписью Анны Иоанновны, в 17-м пункте, которой было четко зафиксировано – «устраивать школы», брать в них «дворянских, подьяческих, не служащих церковных детей», всех «прилежно обучать». В.Н. Татищев приказал в 1735 г. провести перепись, «не пророня никого», и по ее итогам забрал в школы 84 ученика. В их число включили всех подростков, а не только «не служащих церковных детей»[525]. К концу 1739 г. из числа детей священно- и церковнослужителей в школах обучались: в Екатеринбургской словесной школе – 8 человек, в Уктусской – 1, Каменской – 17, Алапаевской – 6, Кунгурской словесной – 15, в латинской – 37 учеников. Всего в горнозаводских школах с 1735 г. по 1740 г. было учтено в учении 114 детей духовного ведомства[526].

В 1735 г. В.Н. Татищев давал такие указания: «детей поповских и церковнических, которые хотя и написаны в архиерейские школы, всех собрав, выслать сюда, невзирая ни на какие отговорки, хотя и доказывать будут, что оные назначены в архиерейские школы»[527]. В епархиях получали жалобы от церковнослужителей, рассчитывавших, что их дети вслед за ними продолжат

---

[523] Снегирёв И. М. Арсений Мациевич, митрополит Ростовский и Ярославский. М., 1862. С.5; Попов М. С.. Арсений Мацеевич и его дело. СПб., 1912. С. 12

[524] Попов М. С.. Арсений Мацеевич и его дело. СПб., 1912. С. 16.

[525] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 84.

[526]Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 95.

[527] Волков И., Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России // Исторический журнал. 1944. №12. С. 53.

работу при церкви. Духовное ведомство обладало правом использовать детей попов и дьячков в интересах своего сословия. И высшая власть и архиереи были заинтересованы в пополнении рядов духовенства грамотными лицами.

В 1739 г. дело дошло до Синода и Сената. Они отменили решение В.Н. Татищева. В итоге 30 сентября 1740 г. последовал указ Генерал-берг-директориума – вернуть детей родителям, они должны обучаться в школах архиерейских домов «на коште отцов». Истраченные на учителей и школьников 2100 руб. «положили» на горнозаводскую власть[528].

В июле 1741 г. произошло еще одно экстраординарное событие – протопоп Екатеринбургской церкви Иаков Никитин и дьякон Кирилл Яковлев обратились в Генерал-берг-директориум с просьбой построить собственные дома в заводском посёлке и при этом не поставили в известность об этом духовные власти. Прошение передали в Канцелярию, она решила «справиться» в архиерейской канцелярии, «есть ли к тому примеры»[529].

Обращение церковнослужителей, переданное через гражданское ведомство, вызвало недовольство Арсения. Протопопу Иакову митрополит написал – за то, «что он, уничтожая и презирая власть и честь своего духовного командира, дерзнул в надлежащем до духовного правления деле подать прошение мимо духовной команды в светскую, не в надлежащем деле до светского суда, поступлено будет по святым Канонам без упущения»[530].

Не меньший гнев пал и на Канцелярию. В декабре 1741 г. митрополит Арсений приказал архиерейской канцелярии ответить горнозаводскому ведомству: все доходы во власти «его Преосвещенства, яко местной епархии своей архиерея, а не в ведомстве Канцелярии заводов правления», да и «ни в какие церковные дела Канцелярии вступать и интересоватца нужды нет, понеже церковные дела до управления заводских и других светских нимало не

[528] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 901. Л. 1010–1011.
[529] Там же. Д. 937. Л. 1068 об.
[530] Там же. Л. 1073 об.–1074.

подлежит», это «противно» всем светским правилам, императорским указам, Духовному регламенту[531].

А Канцелярия все законы игнорирует, «поступает по прежним определениям статского действительного советника господина Татищева, которой во многие церковные дела, как во избрания в священно- и церковнослужительские чины всея своея команды, кроме своего Единого приходу, вступал. Так уже и во освещения церковния дерзнул указами своими определения чинить и следствия о том производить мимо местного архиерея. Так и в другия духовные дела, не надлежащия до его власти, входил самостоятельно». В заключении послания Его Преосвященство просил и увещевал членов Канцелярии: «дабы соблаговолили впредь вышереченным определениям не следовать и в надлежащие до духовного правления дела не мешаться, и тем не нанести никакой духовной команде обиды и поступать в должностях своих умеренно». В противном случае митрополит донесет «в главную и верховную команду неотменно»[532].

Так строго митрополит Арсений отреагировал на действия светской власти в Екатеринбурге. Конфликт, кажется, был разрешен и завершен на местном уровне. Но митрополит на этом не остановился. В порыве справедливого отстаивания прав Церкви, Арсений 9 марта 1742 г. написал о событиях в Синод – «об обидах Святой Церкви и клиру церковному», просил «учинить указное определение, дабы отныне впредь оная Канцелярия в церковные и в надлежащие до духовного правления дела со своими наглыми предерзостями не вступала»[533].

Прежде чем рассмотреть конкретно гневные выпады, представим фрагменты преамбулы об обидах и «наглых предерзостях» Церкви и клиру со стороны светских властей, жесткие выводы митрополита Арсения: «Канцелярии в духовные дела вступать и теми своими продерзостями Духовного правительства властей уничтожать, а духовной же команды подчиненным, а особливо священно- и церковнослужителям, обид наносить, по озлоблении

---

[531] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 937. Л. 1072 об.–1073.
[532] Там же. Л. 1073 об.
[533] Там же. Д. 984. Л. 107–113 об.

чинить, и в церковные дела, которые надлежат до рассуждения архиереев, мешаться и интересоватся весьма не надлежит. А ежели де таковые продерзости пресеченье не будут, и впредь оная канцелярия яко светское, а не духовных дел правительство, в те духовные дела продерзостию своею будет еще вступать, то де не токмо подчиненные Его преосвященства претерпевать будут по их самовластным определениям озлобления, но и сами архиереи принуждены будут оставаться в правлении своих духовных должностей не без нарекания. А наипаче, егда оноя Канцелярия яко мирская, но преимуществуя над духовными властями, повелевати будет Сибирской епархии подчиненным духовным лицам и потому единому Преосвяществу останется только звание архиериейское, а власти и дела архиерейского ничего не будет…»[534].

В статье А.Б. Григорьева кратко отмечены ранние конфликты в Тобольске митрополита Арсения с генерал-губернатором И.А. Шиповым[535]. По сути, упомянутое выше доношение в Синод о злоупотреблениях уральского горнозаводского начальства – это фактически продолжение конфликтов с другими лицами светской власти. В нашем распоряжении нет авторского текста, отправленног митрополитом в Синод, имеется только последующий документ – ведение Синода в Сенат. Однако, судя по практике XVIII в., можно утверждать, что служители Синода точно привели его текст.

Митрополит Арсений, обосновывая юридическими документами, обвиняет светскую власть Екатеринбурга в пяти «преступлениях». Во-первых, власти Екатеринбурга ограничили доступ к денежным средствам от продажи свечей в церкви и фактически конфисковали деньги для строительства богадельни. Второе и третье замечания сводились к тому, что Канцелярия заключила договоренность с прежним митрополитом Антонием о не посвящении в священники без одобрения горных властей, что непозволительно ограничивало права церкви. Четвертое «преступление» заключалась в том, что Канцелярия

---

[534] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 107.

[535] Григорьев А. Б. Священномученик Арсений Мацеевич в гражданском, уголовном и церковном судебном процессе // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: материалы научн.-практ. конф. в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 101.

привлекала к суду и «чинила держание под караулом священников в духовных делах безвинно и посылала от себя указы о освящении церкви, в котором написано, что одному священнику по данной от архиерея грамоте церковь освятить, а другому за освещение той церкви деньги взять». И пятое «преступление» – в Екатеринбурге каменную церковь «по благословению архиерейскому, застроенную, разбросали и уничтожили, чего де горше уже быть неможно…, а построенная там деревянная церковь уже обветшала, а по многолюдству обывателей и другой церкви весьма быть надлежало, но у них де вместо того, чтоб быть двум, осталась одна и та ветхая и потому признавается, что им и церкви не нужно…»[536].

Члены Синода не имели полномочий самостоятельно решить проблему, написали в Сенат, приложили и жалобу Арсения. В итоге, 16 августа 1742 г. из Сената в Канцелярию был послан указ с двумя предписаниями:

– «дабы оная Канцелярия в духовные дела в противность указов отнюдь не мешалась под опасением за то по указам немалого штрафа»;

– «Канцелярии в Правительствующий Сенат прислать обстоятельный ответ» на жалобу Арсения[537].

Получив в ноябре 1742 г. предписание Сената, горнозаводские руководители собрали, обобщили материал по всем пяти пунктам обвинений, отправили доношения в Сенат и Синод.

По первому пункту показано, что с жителей Екатеринбурга в 1728–1734 гг. «добровольно» собиралось для поддержания клира по «копейке с рубля», а церковный староста плохо вел приходно-расходные книги, приворовывал. В 1736 г. оказалась недостача, поэтому было решено установить ящик с замком, а ключ хранить в полиции. К деньгам светские власти не прикасались, но учет вели. Поэтому считают, что нарушение не очень значительное. А богадельня, на основании именного указа от 20 июня 1718 г., была построена сначала на Уктусе, а в конце 20-х гг. XVIII в. в Екатеринбурге, «близ церкви в линию», даже не на

[536] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 107–113 об.
[537] Там же. Л. 106.

церковные, как требовал указ, а на казенные деньги в 108 руб. Поэтому приказано от конторы: «для клажи народного подаяния в богадельну сделать ящик жестяной с замком и иметь оной в церкви, из которого высыпать понедельно и записывать особо тому, кто имеет церковные деньги»[538].

К ответу на этот пункт можно дополнить, что кражи в церкви в архивных документах часто фиксировались[539]. Например, в 1741 г. два подростка в Екатеринбургской церкви четырежды крали деньги и вещи, а церковнослужители не замечали этого. Только когда покрали из алтарной части, их поймали, они признались в деяниях, должны были понести жестокое наказание. Но по малолетству обошлось батогами и отправкой на год на покаяние в Долматовский монастырь[540].

По второму и третьему пунктам – о вмешательстве светской власти в вопросы посвящения в священники, Канцелярия подробнейше, на десяти листах с примерами, пояснила ситуацию, доказала, что были приняты правильные решения – тайно сбежавшие от горнозаводской службы воры, плуты, казнокрады, взяточники не могут быть на службе Церкви, «вести» честно паству. И здесь светская власть лишь просила и убеждала не совершать ошибок, так как совместно делают доброе дело[541].

О спорах по делу П. Иконникова, который «бежал неведома куда» из Екатеринбургской заводской конторы, в промемории Тобольскому архиерейскому приказу В.И. Геннин лишь указал – «в 1726 году молодой подьячей оной, Иконников, явился в Тобольску и вместо того, чтоб такова плута беглеца и не имеющего пашпорта по указам поймать, выслать надлежало сюда (в Екатеринбург – С.Н.) под караулом, оной, как известно, принят, и что всего страннее, ежели то правда, и в священники посвящен»[542].

При допросе в Преображенском приказе он показал, что был посвящен в «дьяконы и попы» в Тобольске архиереем Антонием «без мирского выбору и

---

[538] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 129–130.
[539] Там же. Д. 610. Л. 339–344; Д. 937. Л. 936–946; Д. 1113. Л. 409–420.
[540] Там же. Д. 1068. Л. 759–802.
[541] Там же. Д. 984. Л. 131–143.
[542] Там же. Д. 212. Л. 126–126 об.

свидетельства в ево звании». Сибирский обер-бергамт настаивал на публичном наказании, «дабы другим послабления к побегу не дать и от канцелярских дел отбывания, понеже уже многие подьячие из ведомства обер-бергамта сбежали»[543].

По делу С. Попова написали: был определен сборщиком разных податей с крестьян, но 10 августа 1727 г., когда был отпущен домой до 24 августа, побыв дома всего 3 дня, уехал в Тобольск для «взятия от Архиерея благословенной грамоты», чтобы быть дьячком Белолуцкой слободы у церкви Вознесения Господня. По словам Степана Попова, он умел петь, читать по книгам, также ему от митрополита Тобольского и Сибирского Антония дана благословенная грамота, с которой он приехал в Белолуцкую слободу в конце сентября 1727 г. и служил в местной церкви «безотлучно»[544]. О делах других «плутов», которые тайно бегали в Тобольск, сохранилась обширная переписка[545].

Власти в Екатеринбурге напомнили столице – в 1727 г. митрополиту Тобольскому и Сибирскому был послан указ из Синода: «впредь ему, архиерею, таковых беглых и подозрительных людей без обстоятельного и достоверного известия и без письменно заручного приходских людей прошения не токмо в священный чин, но и в причетнический оных не принимал и не производил, опасаясь за таковое в священный и причетнический чин, кого подозрительно произведение … штрафования без упущения»[546].

По четвертому пункту – о скандальном деле освящения церкви в селе Кунарском в 1735 г. – Канцелярия дала подробнейший ответ, занявший десять листов архивного дела. Об этом инциденте достаточно сказать, что священнослужители и представители горнозаводской власти, ставшие фигурантами дела, подделывали документы и вели себя не очень достойно.[547]

Вот основная канва событий: в 1735 г. было необходимо освятить вновь построенную церковь в селе Кунарское. Наделенный функцией закащика

---

[543] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 212. Л. 132, 137.
[544] Там же. Д. 132. Л. 8–14.
[545] Там же. Д. 212. Л. 1–5, 126–140.
[546] Там же. Л. 139 об.
[547] Там же. Д. 984. Л. 144–152.

протопоп Иоанн Федосеев угрозами и иными противоправными поступками вынудил местного попа Иоакима Федорова и притч подписать прошение мирян об освящении именно им церкви. Копия документа была представлена в Канцелярию, а с подлинником, «по решению мирян», в Тобольск выехал поп Покровского села Алексей Афонасьев.

Эта акция могла бы пройти благополучно, но по пути в Тобольск, в селе Покровское, Алексей Афонасьев встретил Козьму Никифорова, попа Невьянской церкви, он также ехал к митрополиту Антонию. Совместно договорились (чтобы не тратить лишних денег мирян) – все документы передаст Козьма Никифоров. Последний, якобы увидев «описку в титуле митрополита», попросил документ переписать. И «оной Афонасьев неведомо как тот выбор воровски переписал или переправил и указ исходатайствовал на оного Невьянского попа» – Козьму Никифорова.

В итоге освящение церкви провел, с большими скандалами в селе, Козьма Никифоров, а Иоанн Федосеев подал жалобу на имя В.Н. Татищева. И здесь главный начальник превысил полномочия – попросил митрополита провести следствие, а деньги за освящение отдать Иоану Федосееву. Но следствие в Тобольске уже шло, выявило грубейшие нарушения. Привезли под караулом из Невьянска и главного подозреваемого – Козьму Никифорова. В.Н. Татищев получил от митрополита Антония послание, где были описаны все подробности дела, подлоги и обманы, а В.Н. Татищеву корректно замечено: не нужно «всякому веровать», бывают «коварственные к лихоиманию происки». А в «особливой к посланию цыдульке», опять же корректно, отмечено, что прихожане имеют лишь право выбирать священника, «чтоб он был человек доброй и трезвой, и не вор и не ханжа», а архиереям часто это «увидать подлинно невозможно», а в освящении же церкви прихожане «никакого повелительного участия не имеют…».

И, наконец, пятый пункт. В 1732 г. В.И. Геннин, с разрешения столичных властей и благословения церковных, начал строить в Екатеринбурге каменную церковь во Имя Святой Анны Пророчицы. А сменивший его В.Н. Татищев,

заявив, что она «зачата строить весма в ненадлежащем месте и ненадлежащей пропорциею», приказал ее разобрать. Серьезнейший произвол местной светской власти. Но к 1742 г. ни В.Н. Татищева, ни его первого помощника А. Хрущева, на Урале не было. Присутствующие в настоящий момент в Екатеринбурге члены Канцелярия за их деяния отвечать не могут[548].

После отправки доношениий-оправданий в Сенат и Синод на горнозаводском Урале сделали выводы, 29 октября 1742 г. руководители в Екатеринбурге определили: «впредь здешней Канцелярии в церковные и прочие приходы и расходы не вступать», все книги церковного старосты Мингалева и прошлых лет отдать вновь прибывшему протопопу «с роспискою», в дела о назначении «духовного чина людей» также не вступать[549]. Ситуация, таким образом, накалилась. С 40-х гг. XVIII в. начались перманентные скандалы, о них напишем ниже. Но непременно нужно заметить, что Елизавета Петровна вошла в историю как защитница православия, высказывала благочестие и любовь к духовенству, постоянно интересовалась работой Синода, его составом и деятельностью. А пока кратко отметим важный момент.

С промышленным освоением Красноярского края, которое, по мнению команды В.Н. Татищева, должно быть перспективным, одновременно с заводом строили, с благословения митрополита, церковь. На основании указа Канцелярии от 20 января 1738 г. «велено церковь построить на казенные деньги». Снабдили ее утварью, книгами, так как «церковных денег в сборе нет, ибо здешние обыватели, как видно, больше скудные и за дороговизною здесь хлеба и сами терпят нужду». Картина такая же, как и на Урале – церковные власти практически не вкладывали деньги, лишь позаботились о назначении священника.

Под руководством обер-офицеров Е. Арцыбашева и Н. Клеопина в 1738–1739 гг. была сооружена Петропавловская церковь в Луказском заводе. Она обошлась казне в 119 руб., деньги ей церковные власти не возместили. К

[548] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 152 об.
[549] Там же. Д. 937. Л. 1077.

великому несчастью, в 1740 г., церковь сгорела. Было решено начать новый сбор денег. Но так как народ там был крайне скуден, со множеством неимущих ссыльных, сборы заняли длительное время, собрали 96 руб. Кто осуществлял сборы, кто давал деньги на святое дело, неизвестно. Но к этому времени власти убедились – нет нужды развития производства, завод закрыли, людей перевели в другие места. Последний управитель Луказского завода С. Владычин, не имея казенных, в 1747 г. часть этих церковных денег отдал на жалованье малой оставшейся команде, на остальные уехал с последними работниками на Урал, сдал остатки в Канцелярию.

В Тобольске узнали о «противностях» светской власти, потребовали вернуть деньги. В Екатеринбурге, получив одобрение Берг-коллегии решили несмотря на то, что церковные власти ранее не отдали 119 руб., вернуть взятые С. Владычиным сборы на церковь. Но совершили, по мнению сановников в Тобольске, вновь самовольство – отправили деньги в Красноярскую воеводскую канцелярию, а не в консисторию в Тобольск.

И вновь «нарвались на скандал». Из Тобольска гневными словами напомнили – по указу Сената в 1742 г. в церковные дела «без всякого с духовной командой согласия» Канцелярии «мешаться не велено», а она этот указ, как бы «забыв», вновь поступила своевольно – отправила деньги мимо консистории светскому лицу. К счастью для горнозаводских властей новый скандал не дошел до Синода, завершился на местном уровне.

А в Тобольске митрополит Арсений в мае 1742 г. назначал на протоирейскую должность в Екатеринбурге вместо протопопа Иакова Никитина иерея Успенского собора Василия Кудрицкого с наставлением: «пребывая же в том звании в своем протоиерейском трезвенно, целомудренно, благовенно, не сварливо, но кротко, смотреливо, не зависливо, не сребролюбиво, учительно, но во всем преподавая себе образ бытия благих дел. И учить притчет церковный и всея люды благоверию и божественным заповедям и жительству христианскому

по всея дни и протчия приличныя добродетели тщатися исполняти со вниманием и вверенную паству бодренно пасти»[550].

Но выбор митрополита Арсения был неудачен. Протопоп Василий Кудрицкий с первых дней пребывания в Екатеринбурге «отличался» «непотребною и скверною бранию», пьянством, плохим исполнением треб, даже битьем тростью при мирянах «смертным боем» помощника – попа Андрея Андроникова. А расследуя дело о краже денег в церкви Уктусского завода, «напившись пьян», бил не только своих подчиненных, но и служащих горнозаводского ведомства. Члены Канцелярии отреагировали – написали о беззакониях в Тобольск. В 1744 г. архиерейский дом вынужден был начать серьезное следствие по проступкам В. Кудрицкого[551]. Конфликт был погашен. В Екатеринбурге в марте 1745 г. уже служил протопоп Иосиф Афанасьев[552]. Но отношения духовной и светской властей в Екатеринбурге вновь пришли в нормальное, деловое русло.

Во время царствования Анны Иоанновны ужесточилась борьба с расколом, поэтому и на Урале происходило усиление преследований старообрядцев. Организованные В.Н. Татищевым солдатские команды прочесывали леса вокруг заводов Демидова и Осокина, устраивали облавы на тайные старообрядческие поселения – скиты, арестованных привозили в Екатеринбург. В.Н. Татищев распорядился построить на лесистом мысу Исетского пруда тюремный острог для раскольников[553]. Не вдаваясь подробно в проблему старообрядчества, отметим – ситуация осложнилась тем, что на Канцелярию по указам свыше с середины 30-х гг. XVIII в. была возложена обязанность следить и за деятельностью частных заводов. Выполнить ее было сложно, а в делах во взаимоотношениях с церковными службами еще сложнее. Дело в том, что на Демидовских заводах почти все приказчики, служащие контор и многие

[550] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 937. Л. 1075.
[551] Там же. Д. 1031. Л. 497–542.
[552] Там же. Л. 910–911.
[553] Манькова И. Л. Храм в сердце и памяти: очерки истории екатеринбургского Екатерининского собора. Екатеринбург, 2000. С. 46.

работники были старообрядцами. Несмотря на многочисленные требования строить храмы, до 40-х гг. XVIII в. они не выполнялись.

В 9-ом пункте Наказа В.Н. Татищева 1735 г. шихтмейстерам, отправлявшимся для контроля за частными заводами, было определено – если в округе ближе 10-ти верст от завода церкви не находится – обязать заводчика строить. Шихтмейстеры докладывали, что в поселках Строганова и Демидовых, за исключением Невьянского, церквей нет. А в Невьянске церковь во имя Преображения Господня, там требы исполнял только поп Козьма Никифоров, скудно в деньгах, колокола надо, книги и многое иное[554].

Заводчики бойкотировали требование, у Демидова было много раскольников, а они, «всенародно известно, в церковь никогда не ходят». Заводчик Осокин в Иргинском заводе «намерение немалого о построении том не имеет», за малолюдством поселка строить не нужно, всего 100 дворов, да и в селе Преображенском Сокольи горы есть церковь. Но он «забыл» сообщить, что дорога в село через реку и горы зимой, весной, и осенью очень трудна[555].

С появлением новых церквей на Ревдинском, Нижнем и Верхнем Тагильских заводах церковнослужители встретили упорство со стороны старообрядцев. К сожалению, помимо увещеваний, других мер, попы и иной клир пошли и по иному пути, особенно в праздничные дни. Употребив спиртного, они ходили по поселкам, творили принуждения, даже «непристойные поступки». Работники писали жалобы, а приказчики старообрядцы, не имея других способов противиться, писали в Канцелярию и пересылали эти материалы. Просили одного – донести о «деяниях» церковнослужителей в Тобольск. В первые годы такая цепочка работала, Канцелярия откликалась. Но в Тобольске не обращали внимание на пьяные выходки попов, защищали их, одобряли борьбу со старообрядцами. Но и поток жалоб не прекращался. То есть, на деле получалось иное – действия священнослужителей еще более настраивали

[554] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 622а. Л. 109.
[555] Там же. Л. 111–113; 115–116.

против церкви старообрядцев. Приведем лишь некоторые примеры конца 1752–1753 гг.[556].

Священники М. Некрасов, М. Дерябин, дьякон Д. Алексеев 30 декабря 1752 г. пьяные «ломились в дом, выбили окно, голову тростью проломили, драли за волосы и бороду мастерового Невьянского завода, вымогали деньги. Пьяный священник Д. Козмин с дьяконом 31 декабря 1752 г. пришли на квартиру также к мастеровому «пославить Христа», требовали денег, тростью «едва глаза не вышибли». 5 января 1753 г. произошло сразу несколько происшествий. Пьяные священники, «коих имени не знают», отобрали у работников «берестяные бураки для продажи и деревянные чаши», «бороды у нас обрезали». Особо усердствовал дьячок С. Герасимов. В Невьянск с Верхне-Тагильского завода приехал работник «для покупки хлеба», а пьяные священник Д. Козмин, Д. Алексеев, М. Некрасов его поймали, «нещадно били, на цепь посадили», волосы на голове и бороде обрезали.

Они же, вместе со священником Церкви Преображения Господня и дьячком С. Герасимовым ночью снесли ворота, ворвались в дом, взяли деньги у мастера меднокатального дела. Собственными дубинами били соседа, его мать и отца, требовали «по рублю на брата». Приговаривали, «нам де на вас, раскольников, от его Преосвященства рассыльщиков не дано, а дана дубина».

В Черноисточинском поселке священник Нижне-Тагильского завода К. Яковлев и пономарь прозванием Маврич 11 января 1753 г. требовали в конторе писчей бумаги. Получив ответ, что бумага господская, стал их бранить «непотребно», говорить: «я де на их определения хотел срать, я де имею власть, да и никого не слушаю». Стали «у приказчика волосы на бороде рвать», а когда он вырвался, били жену и «гонялись за ним по улице». Вот таков первый «пакет» доношений пришел в Екатеринбург. В Канцелярии, естественно, решили – писать в Тобольск, просить все «чинить» по указам, «впредь непорядки попам чинить запретить», копию отправили для сведения в Берг-коллегию[557].

---

[556] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1395. Л. 304–355.
[557] Там же. Л. 304–309.

Но «непорядочные поступки» продолжались. Поп из Невьянска Д. Козмин и дьякон Д. Ильин в Висимо-Шайтанском поселке 30 января 1753 г. со старух взяли 50 руб. взяток, старую вдову били «черемуховою палкою из своих рук смертно, от которых побои едва ль будет жива». Поп и дьячок стращали жителей пистолетом, новорожденных не крестили, а взятки брали. Так как были пьяны, то по отъезду забыли, оставили здесь крест, другую церковную утварь. И ранее такие «нападки» на жителей делали.

В день святой Пятидесятницы 30 мая 1753 г. ходили невьянцы «для гульбы, разных игр и музык в имеющуюся перемену». Были там священники с женами М. Дерябин, М. Некрасов «с церковнопричетники». Все пили вино и пиво. А после, для веселья, «били людей по роже», а жены их «за бороду драли». Говорили – «у Вас де приказчики воры раскольники, да и господа де Ваши такие же». Жители говорили им – «худо вы делаете и из своих рук бить не надлежит». Так же в праздники 29 июня 1753 г. шли жители после вечерни домой, а навстречу «попался Дмитрий Козмин пребезмерно пьяной», бил кого попало тростью с медным костылем. До тех пор, пока трость не сломал. Нашли обломок люди, прислали в контору завода, а оттуда переслали в Екатеринбург. Вид ее сохранился в архиве, грозное оружие (Приложение № 38)[558].

В августе 1753 г. дьякон Преображенской церкви Я. Степанов с сослуживцами «вымучивал деньги» со старух раскольниц. Во время «молельного пения» пьяный поп Д. Дерябин 26 октября 1753 г. бил людей «собственную рукою». В ноябре поп Алексей Старцев уличен «в блудодействе» со вдовой. Бегал по улицам с пистолетом, «тряс естеством своим» и кричал – «я де жен и дочерей ваших всех переблужу»[559].

«Описание» приключений можно продолжать. А документы об этом передавались по адресам: Невьянск – Екатеринбург – Тобольск и обратно. Не было наказаний. Руководители Канцелярии в итоге сообщили в Невьянск, в главную контору Демидовских заводов: «многими от здешней Канцелярии в

[558] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1395. Л. 313–328.
[559] Там же. Л. 329–355.

консисторию Его преосвященства Сильвестра, митрополита Тобольского и Сибирского, промемориями сообщено, но в защищение от тех обид заводским служителям не только удовольствия тою консисториею не учинено, но еще со многими поношениями в здешнюю Канцелярию ответствовано». Поэтому, если и далее будут об обидах поступать жалобы, «то б та Невьянская контора здешнюю Канцелярию такими представлениями за вышеписанными резонами не утруждала, а чинила б о том свои представления мимо здешней Канцелярии по команде кто где ведом прямо от себя»[560].

Взаимодействие горнозаводской и духовной власти происходило и в рамках решения вопросов со ссыльными – в XVIII в. на уральские заводы присылали много ссыльных, среди них были и женщины. По фабуле дела – осудили мужа и жену, его отправили в Тобольск, а ее, «со всеми пожитками», привезли в Екатеринбург. Здесь, скрыв первое венчание, обманув поручителей – свидетелей, она вновь вышла замуж за ссыльного. Муж, «прознав это», просил церковных служителей вернуть жену. Они обратились к горнозаводским чиновникам. Последние провели расследование, подлог подтвердился. Поручителей наказали «батажьем нещадно», а жена, получив наказание кнутом, была отправлена к первому мужу в Тобольск[561].

Безусловно, большинство священнослужителей добросовестно и бескорыстно выполняли свою миссию. Но, увы, некоторые предавались пагубным соблазнам. О «непристойных поступках» церковнослужителей можно писать много. Они были частью общества, пороки за ними также числились. Начиная от пьянства уктусского попа и не исполнении треб в 1725 г., промемории В.И. Геннина митрополиту о том, что многие пастыри уличены в воровстве, поборах, а после службы пьяные на улицах бедокурят, промемории Канцелярии в ноябре 1755 г. опять же митрополиту о том, что священники из

[560] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1395. Л. 370.
[561] Там же. Л. 197–205, 215–233.

Невьянска, приехав к попам на Ревдинский завод в пьяном виде, ночью «били смертно» дневального и караульщика конторы, а также работников завода[562].

Главными пороками в изучаемый период были пьянство и взяточничество. Пьянство было бедой многой части населения, указы горнозаводской власти о наказаниях и требовании его искоренения можно цитировать многократно. И хотя прихожане, как отмечено выше, должны были выбирать пастырей «не пьяниц», иногда совершались и ошибки, как в нижеприведенном случае.

На основании указа из Архиерейской канцелярии в 1734 г. игумен Невьянского Богоявленского монастыря Софроний определен закащиком, «велено ему, закащику заказу своего, над священниками и причетниками наблюдать надлежащего и неотменного исполнения и незабытного знания о бываемых Торжественных днях…». Он и поехал с этой миссией в Белослудскую слободу, «пристал на квартиру к попу Василию Савину». Через некоторое время появился хозяин с попом Скородумского погоста Федором Яковлевым и подьячим слободы Степаном Поповым. Все были пьяны. Софроний пригрозил им – «за имеющие вины, заковав в кандалы пошлет в Тобольск до Его Преосвященства». Реакция была страшной – они ударили его в грудь, «он не мог на ногах устоять и свет из очей его померк. И потом де и лежачего ударил по зубам и зашиб так, что он заказщик и уст своих развести не мог. И еще де он же, поп Яковлев, с помянутым подьячим Поповым ево ж, закащика лежавшего, били поленьем по спине и хребту и за горло давили и живот весь оттоптали смертно. И от тех их смертных побои он, закащик, в означенной Белослудской слободе с августа 26 числа сентября по 2 число лежал при смерти…» (Приложение № 39). Священников отправили к следствию в Тобольск. Оттуда пришла просьба к горнозаводским властям – прислать к дознанию и подьячего Попова, поехал и он «под крепким караулом» отвечать за деяния[563].

Пьянство священника явилось началом следствия еще по одному делу в Крутихинской слободе. Но здесь главный виновник выявился иной – служитель

---

[562] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55. Л. 976–978; Д. 78. Л. 84–85; Д. 114. Л. 179; Д. 432. Л. 1–40; Д. 1032. Л. 84–105; Д. 1243. Л. 330–340; Д. 1456. Л. 482–484.
[563] Там же. Д. 616. Л. 155–160.

горного ведомства, отставной лейб-гвардии унтер-фендрик Сава Малатеин. Начало дела было «житейским». Возвращался приписной крестьянин Михаила Кремлев с работ на заводе, заглянул по пути в дом к родственникам. А там пьяный поп Андрей Григорьев стал требовать паспорт. Крестьянин ответил – у меня только квитанция, я «иду с государевой работы». А поп «матерно его бранил», бил, да еще и приговаривал, «Вы не государеву работу работаете, а работаете мужику». Крамольные, «предерзостные, непристойные слова» для того времени, естественно, последовал донос. Сава Малатеин за взятку с попа в «два рубля да пуд масла» замял дело. Но не учел одного – донос пришел и в Екатеринбург[564].

В Крутихинскую слободу нагрянули следователи. Вскрылся «букет» преступлений. Главным «цветком» была соль – государственный, стратегический (как и серебро) товар. Воровали со степных ближайших озер «с ведома управителя явно, а не тайно» жители практически всей округи. Не были исключением и священнослужители. Так у попа села Уксянского Фонтия Андреева изъяли при обыске 125 пудов. Для сравнения – у крестьян в тайниках находили по 5–10 пудов. Всех главных виновников (крестьян простили) направили в судебные инстанции Тобольска, какие они понесли наказания, сведений в архивном деле нет. Но Сава Малатеин не избежал сурового наказания, был бит кнутом. Вновь появился в Екатеринбурге, но в службу не принят, «жил праздно», умер здесь в 1741 г.[565].

В сентябре 1753 г. невьянский священник Д. Козмин «с протчими церковными людьми» пошел на явный подлог. Имея ссору с семьей работника Голицына, «злобясь на него», он поймал на улице мастера Т. Хмелева, «бил из своих рук смерительно», посадил «на цепь», заставил подписать бумаги, что он ходил на «блудное дело к девице Голициной», и ранее там бывал. Будучи «от тех побои в безумии», Т. Хмелев бумаги подписал[566].

---

[564] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 278. Л. 438–440.
[565] Там же. Д. 423. Л. 6–368 об.
[566] Там же. Д. 1422. Л. 629–630.

Д. Козмин и «компания» не учли главного. По указу Петра I на доклад Синода от 12 апреля 1722 г., дела «о любодействе и блудном насилии» должны рассматриваться «в светском суде»[567]. В дело вмешалась контора Невьянского завода, тем более что мастер в это время выполнял срочный заказ Кабинета Е.И.В. по поставке посуды. Сигнал о происшествии пришел в Екатеринбург[568].

Требования отпустить Т. Хмелева для разбора дела в светский суд затянулись на месяцы. Церковные власти стояли на своем, держали «на цепи». Лишь в марте 1754 г. мастер и девица Анастасия Голицина были допрошены в горнозаводском ведомстве, признаны невиновными[569].

Завершим тему о взаимодействии служитей Церкви и чиновников горнозаводского ведомства вопросом о призрении. Развитие системы государственного призрения произошло в период единоличного правления Петра I – содержание, устройство больниц и богаделен вменялось в обязанности сначала Патриаршего, с 1701 г. – Монастырского приказа, а с 1721 г. – в ведении Святейшего Синода и Камер-конторы[570].

Указы Светские и церковной власти о пресечении бродяжничества, нищенства, содержании «убогих» в XVIII в. ведут начало с 21 января 1712 г. Они совершенствовались, уточнялись и дополнялись новыми пунктами в указах от 6 апреля 1722 г., 23 октября 1723 г., 1 июля 1730 г., 28 августа 1736 г., 22 декабря 1739 г. Так, например, с императорским указом от 20 июня 1718 г. предписывалось престарелым и увечным быть в богадельнях, чтобы они бродя по улицам и по рядам милостыни не просили, а кормили их те, чьи они есть збирая на них хлеб и на одежду с обывателей тех сел и деревень»[571]. 5 января 1728 г. в именном указе зафиксировано: «мастеровых людей, которые по разбору и осмотру за совершенною старостью и дряхлостью в работе больше быть не могут, тех отпустить на прежние их жилище»[572].

---

[567] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т. 6. №3963.
[568] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1422. Л. 631.
[569] Там же. Л. 629–652.
[570] Сутырин Б. А. Историографические этюды. Екатеринбург. 2011. С. 148–151.
[571] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т.4. №2470; Т.5. №3212; Т.6. № 3945; Т.7. № 4335; Т.9. № 7041; ГАСО Ф. 24.Оп. 1. Д. 770 Л. 217 об.; Д. 933. Л. 556.
[572] ГАСО Ф. 24. Оп.1. Д. 1138. Л. 364.

В первой половине XVIII столетия в России богаделен было не так уж и много. Москва и Санкт-Петербург в этом плане были скорее исключением, чем правилом. В 1737 г. в Москве существовало не менее 17 богаделен. В 1733 г. Сенат приказал построить при церквах в Санкт-Петербурге 17 богаделен, чтобы вместе с уже имеющимися довести их число в городе до 20. В общей сложности в них должны были содержаться 400 человек[573].

С начала строительства казенных заводов на Урале не было особой нужды в строительстве богаделен. Работники, получившие увечья или в силу возраста не имеющие возможности продолжать трудиться, находили пристанище в собственном доме или у детей и родственников[574]. Однако, прибывший в 1720 г. на Урал В.Н. Татищев, среди прочего планировал построить ее на Уктусе. Строительство богадельни было запланировано на 1721 г.[575] В плане города Екатеринбурга 1726 г. она отмечена близ Екатеринбургской церкви[576]. А все рассуждения В.Н. Татищева о ее содержании вошли в Наказ заводскому комиссару Ф. Неклюдову 1723 г. Отмечая наличие изувеченных на заводских работах и престарелых драгун, подмастерьев и заводских работников, которые «пропитания лишаются, милостыню просить не могут, к тому ж мало таких и в доме держать хочет», и он планировал устроить для них богадельни при всех заводских поселках. Здания должны были состоять из избы с сенями, чуланами, погребами, огородом, очагом для отопления и готовки пищи. В каждой богадельне должны были быть кровати, снабженные наволочкой, холщовой простыней и овчинной шубой[577].

Каждому «богадельщику» в год на пропитание полагалось выделять из денег, собранных со штрафов 4 рубля, разрешалось просить милостыню не более чем двум людям у дверей церкви и на «торжищах». Подаяния полагалось делить между всеми жителями богадельни, тратить на пищу и одежду. Надзор над

---

[573] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т. 9. № 6406.
[574] ГАСО Ф. 24. Оп.1. Д. 1052. Л. 39.
[575] Там же. Д. 984. Л. 154–155.
[576] РГАДА. Ф. 271. Д. Оп. 3. Д. 7.
[577] Татищев В. Н. Записки. Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. С. 92; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 123. Л. 207 об–209; Д. 770. Л. 217.

богадельней поручался священнику, который должен был дважды в неделю проверять положение дел и узнавать о нуждах постояльцев[578].

Непосредственное смотрение за богадельней должен был осуществлять один из отставных мастеров или бобылей. Ему предстояло жить вместе с семьей «в том же дворе с особою избою», за труды получать, при наличии не менее 12 человек под присмотром, 12 руб. в год. В обязанности смотрителя входили готовка еды, стирка белья и починка одежды. Дрова в богадельню полагалось выдавать казенные и рубить постояльцам. Дисципилну поддерживать следующим образом – «сварливых и безпокойных наказывать удержанием пищи неколико дней, железами, прикованием к стене или столу, или на теле по сносности»[579]. Богадельщики без разрешения не должны были покидать здания и ночевать только в нем: «ежели кто сие преступит или на кабак пойдет и упьется, оных наказывать за первой раз день не давать пищи, за другой два дни, за третей два же дни да семь дней держать прикована к стене, ежели кто в год более учинит, оного не токмо из богадельни, но и з заводов выслать». Пришлым больным, престарелым и немощным запрещалось просить милостыню при заводах, а если проситель оказывался еще и здоровым, то подлежал определнию «в каторжную работу на шесть дней, а за другой раз вдвое»[580].

В Заводском уставе 1735 г. В.Н. Татищева три пункта седьмой главы также посвятил содержанию богадельни, где лечить «подлых и убогих ремесленников, работников, солдат и тому подобных за неспокойством в их домах и их недостатком», при богадельне полагалось иметь особую «скрыню», куда каждый желающий мог положить милостыню[581].

К сентябрю 1736 г. тема нищенства и попрошайничества стала проблемой. По свидетельству полиции значительное количество нищих уже побирались в Екатеринбурге и его окрестностях. Для исправления этой ситуации решили определить их в богадельню, но ее строительство еще даже не было начато. 25

---

[578] Татищев В. Н. Записки. Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. С. 93; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 123. Л. 207 об.–209.
[579] Там же. С. 92; Там же. Л. 207 об.–209.
[580] Там же. С. 93; Там же. Л. 207 об.–209.
[581] Заводской устав Татищева // Горный журнал. 1831. Кн. 9. С. 326–328; ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 890. Л. 364, 777–779, 802.

сентября 1736 г. состоялся указ Канцелярии, в соответствии с которым предполагалось построить в удобном месте у церкви богадельню «для нищих, старых и дряхлых, которые, кроме милостыни «пропитания имать не могут»[582]. Им решено было на пропитание давать муки по пуду на месяц. Для распределения нуждающихся в новое здание Канцелярия в ноябре 1736 потребовала от заводских контор собрать сведения, «где в командах имеются старые и увечные, такия, которые не имеют пропитания, яко оставные солдаты, мастеровые люди и ссыльные, кто какую возможность не имеют»[583].

О возведении здания богадельни Канцелярия сообщила в столицу 29 октября 1737 г. Она находилась «близ церкви в линии в назначенными школами, деревянная, с надлежащими покои»[584]. Построены 2 избы и между ними сени, в избах сделаны широкие лавки. В нее могли быть определены: солдаты, мастеровые и работные люди, ссыльные[585]. Богадельня была построена на казенный кошт обошлась 108 руб., 79 коп.[586] Канцелярия определила: «для клажи народного подаяния в богадельню сделать ящик жестяной с замком, иметь его в церкви, высыпать из него понедельно и записывать особливо»[587].

В исследуемый период на частных заводах подобная богадельня была всего одна – построена на коште Акинфия Демидова в 1738 г. в поселке Невьянского завода и успешно функционировала до его смерти в 1745 г. а после за дома и земельные участки началась длительная тяжба между церковными властями, старообрядцами и приказчиками, в нее была втянута и Канцелярия. Ссоры и споры не закончились и в 1756 г.[588]

Прошений об определении в богадельню было подано в Канцелярию не слишком много. Одними из самых активных просителей мест были ссыльные. Под предлогом тяжелого материального положения и здоровья. Например,

---

582 ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 984. Л. 124 об.
583 Там же. Д. 770. Л. 218.
584 Там же. Л. 218.
585 Там же. Д. 711. Л. 409.
586 Там же. Д. 984. Л.124 об.
587 Там же. Д.629. Л.559–573.
588 Там же. Д. 1423. Л. 305–320.

ссыльный Семен Бахарев, который был работником якорной фабрики. С учетом мнения лекаря их селили в богадельню или отказывали, оставляли в работе[589].

В ноябре 1737 г. в Канцелярию пришло прошение от отставного угольного мастера Кирилло Путимцова, «и жителей» Алексея Тимофеева, Григория Коминова, Никифора Клементьева об определении их за старостью и болезнями в богадельню[590].

В декабре 1737 г. Канцелярия рассмотрела доношение Конторы Чусовских пристаней о ссыльном Макаре Лебедеве, который за дряхлостью лет хотел попасть в богадельню, в январе 1738 г. было решено направить ссыльного на освидетельствование к лекарю Шнезе. 27 февраля 1738 г. Шнезе провел осмотр ссыльного, в результате которого вынес вердикт, что «в работах еще ему быть можно», и в направлении в богадельню М. Лебедеву отказали[591].

В январе 1738 г. в Канцелярию пришло повторное доношение от Кирилла Путимцова, который 1,5 года работал при Екатеринбургском заводе засыпщиком домны, а затем угольным подмастерьем и мастером. К. Путимцов в доношении указывал, что его три раза отправляли на лечение в Екатеринбургский госпиталь, но болезнь так «никак вылечить не могли». В своем доношении он просил отпустить от работ на «волю», в отставку. В 22 мае 1745 г. в третий раз подал доношение в Канцелярию, где указал, что летом 1744 г. «за одержимою болезнью» был отстранен от заводских работ и с того момента пребывал в Екатеринбурге «меж дворов» и просил разрешения «жить с протчими багаделенными, здесь же при Екатеринбурхе, в багаделне»[592].

Иван Александров, новокрещенный чуваш, который служил в полку драгуном в пригороде Мензелинска, за провинность был сослан в вечную работу на Урал в 1740 г. Он по медицинским показаниям в тюрьме работать не мог, был больным, скованным кожной болезнью, его освободили от поруки. При этом

[589] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 770. Л. 218–224.
[590] Там же. Д. 705. Л. 2–2 об.
[591] Там же. Д. 711. Л. 409–413.
[592] Там же. Д. 1051. Л. 38–38 об.

отметили, что И. Александров голодает, «в мир сходить невозможно», просит милостыню[593].

Численность «ссыльных, старых и дряхлых», ежегодно увеличивалось. Так, в 1741 г. их насчитывалось 23 человека – 15 мужского (1 отставной солдат, 14 ссыльных) и 8 женского полу, в год на их содержания требовалось 276 пуд хлеба[594].

Попадали в богадельню и «особые лица», как 55-летний Петр Белоусов. Он был прислан рекрутом в 1734 г., работал в поселке Сысертского завода, даже женился, но потом ушел бродяжничать. К середине 1740-х гг., имея три судимости за «татьбы», как вечно осужденный, был отправлен на Урал. Но работать не мог – во время «гульбы с купцами последние заставили его «попалить из ружья». Неумение обращаться с оружием привело к тому, что «все персты на правой руке» у него оторвало. Особого свидетельства лекаря здесь не требовалось, жена от него сбежала к родным в Тобольск, а он был отправлен в богадельню[595].

В декабре в 1744 г. в Канцелярию пришло доношение от Екатеринбургского ссыльного богадельщика Петра Шишиаева, от которого в январе 1742 г. убежала жена Дарья Епифановна. Она «покрала» у богадельщика лошадь с санями, пожитки, которые богадельщик оценил в 11 руб., сарафан « ценою» в 2 руб. 50 коп., шубу баранью «в ценою» 1 руб., 50 коп., и другие вещи, всего на 16 руб. 20 коп. По предположению богадельщика его жена могла находиться при заводах Демидова, в деревне близ села Покровского. П. Шишаев просил отпустить его с «прочетным» указом в эту деревню для сыска жены. Канцелярия удовлетворила его просьбу и «отпустила» на два месяца[596].

По просьбе протопопа Екатеринбургского духовного правления Федора Кочнева, 15 октября 1761 г. было получено разрешение от Канцелярии на строительство женской богадельни, так как «бродящих явилось немалое число». Здание предполагалось возвести рядом со строящейся каменной церковью во

---

[593] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 850. Л. 810.
[594] Там же. Д. 890. Л. 364.
[595] Там же. Д. 1052. Л. 21–26.
[596] Там же. Д. 1032. Л. 612–615.

Имя святой великомученицы Екатерины, по соседству с мужской богадельней за казенные средства[597].

Богадельня была открыта и при Нерчинских заводах. О ее функционировании свидетельствуют факты приключений кричного мастера Ивана Мужикова. Он был послан туда из Уктусского завода в 1723 г., работал шесть лет, но заболел и отправлен был на свое пропитание в Аргунский острог. И хотя должен был по выздоровлению отправиться на Урал, но «по простоте своей» не ушел, а жил «праздно» у отставного казака более 8 лет. В 1737 г. был «призван на работу», отправлен с грузом свинца в Екатеринбург. Прибыв на Урал, вновь болел четыре года, только в 1744 г. вернулся в Нерчинск. Опять «за скорбию» не работал до 1753 г., а в этом году «за старостью и дряхлостью» был определен в богадельню[598].

Продолжая исследования проблемы, необходимо хотя бы затронуть категорию незаконнорожденных и подкидышей. На основании указов Петра I, Анны Иоанновны, указа Синода от 20 декабря 1738 г., открытие и содержание домов для незаконнорожденных было возложено на архиереев. В конце 30-х годов в Тобольске был открыт приют, то есть здесь горнозаводская власть как бы оставалась в стороне от событий. Специальных приютов на казенных заводов не было, а в распоряжении автора имеются лишь единичные факты о подкидышах. Их брали на воспитание в благополучные семьи. Можно привести факты взятия в семью унтер-офицера Молотеина ребенка, о воспитании приемного сына в семье обер-офицера И. Юдина.[599].

Но так как с середины 1730-х гг. XVIII в., члены Канцелярии были обязаны, хотя бы в общих вопросах, надзирать за частными заводчиками (они откровенно воровали и не платили в полном количестве налоги с продукции), забот им прибавилось. В том числе и по вышеотмеченной проблеме. На заводах Демидовых, Осокиных было много раскольников. Поэтому факты «о блуде»

---

[597] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1668. Л. 129–130.
[598] Там же. Д. 1422. Л.120–123.
[599] Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е–50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 65.

заводских раскольников «с правоверными лицами, так же и правоверных с раскольниками, которые без венчания со вдовами и девицами живут беззаконно и рожают младенцев», весьма примечательны. Такие люди младенцев не крестили, «самолично подкидывают на улицах к жителям». Они, в свою очередь, хотя и приносят крестить, но «для воспитания их себе не берут». Нужно было решать проблему. Об этом писали в 1750 г. церковные иерархи из Тобольска.

По мнению Консистории на заводах Демидовых творится беспредел, там сборище осквернителей церкви. За «блуд, прижитие детей штрафовать там некому, для того как на оных Нижне-Тагильских, так и в прочих во всех оных Демидовских заводах приказчики и полицейския должности правящие и в других управлениях находящиеся суть все раскольники законный брак хулящие». Они и господский дом в Невьянске «осквернили и в блудилищное капище беззаконного прелюбодеяние превратили». Требовали приказчика к суду[600].

Служители в конце текста промемории настоятельно требовали от Канцелярии заставить управителей Демидовских заводов построить сиротский дом, «не приемля никаких от них отговорок»[601]. Члены Канцелярии имели полномочия по улучшению ситуации. В их распоряжении был указ от 7 июля 1722 г. о том, что «блудные дела» находятся в ведении светского суда, а также указ Сената, по которому все светские дела по людям горнозаводского ведомства, включая частные заводы, передаются под ведение Сибирского обер-бергамта[602]. А также указ Берг-коллегии от 3 апреля 1751 г. – на заводах умершего А. Демидова приказчиков мастеровых работных людей «суд и расправою ведать Канцелярии».

Но в Канцелярии 1751 г. решили по-иному – напомнили Консистории: «строение для содержания зазорных младенцев сиротских домов… положено по епархиям на архиереев и для того угрождение оного иметь должно Консистории, а здешние Канцелярии в то вступатца не принадлежит»[603].

---

[600] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1420. Л. 228–229.
[601] Там же. Л. 228–229.
[602] Там же. Д. 375. Л. 63–65.
[603] Там же.. Д. 1420. Л. 231.

Довольно жестко поступили горнозаводские чиновники, могли бы посодействовать в решении проблемы. Но уж, видно, больно по ним ударил указ Сената 1742 г. – результат в целом-то неправедного «наката» со стороны митрополита Арсения, а чуть позднее и резкие высказывания митрополита Сильвестра. Добрые отношения не складывались, об этом свидетельствуют последующие события. В 1750-е гг. «прижитых детей весьма умножилось», а сиротский дом не построен. На новые просьбы Тобольска горнозаводские власти лишь в 1758 г. решили и направили на все заводы такие решения: так как по указу Е.И.В. 1722 г. всех мужиков нужно «купно с любовницами отсылать в гражданский суд», то «любодеев обоего пола людей для учинения по указам присылать сюда немедленно»[604].

Документов в архивных делах о взаимоотношениях двух ветвей власти сохранилось много. И по приведенным сведениям можно утверждать, что в целом они были ровными и доброжелательными, направленными к одной цели – нравственного воспитания паствы как заводских поселков, так и окрестного населения. А неурядицы встречаются в любом деле, многое зависело и от высокопоставленных государевых людей. Но, с конца 30-х гг. XVIII в. оформились и некоторые напряженные моменты между двумя структурами, что приводило к длительным разбирательствам по разным вопросам. Так как политика государства продолжала быть наступательной на политические и экономические привилегии церкви. Горнозаводская власть пыталась вмешиваться во внутренние церковные дела. В итоге страдало общее дело – нравственное воспитание всех категорий населения поселков – паствы. Русская православная церковь в первой половине XVIII в. оставалась важным социальным институтом и всеми мерами отстаивала свои законные интересы по многим вопросам.

2.3. Горнозаводские школы

Основы школьного образования на горных заводах Урала были заложены В.Н. Татищевым. В 1721 г. он, будучи начальником казенных заводов Урала,

[604] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1561. Л. 113–115.

открыл словесную и арифметическую школы в поселке Уктусского завода, словесную при Алапаевском заводе, арифметическую в городе Кунгуре. Финансировались школы из общей суммы, положенной на содержание заводов, поэтому их можно считать ведомственными учебными заведениями. Они находились под непосредственным контролем горного начальства и подчинялись его инструкциям. Строящиеся заводы остро нуждались в грамотных людях, которых можно было определять в ученики при квалифицированных специалистах и использовать для организации делопроизводства в канцелярии и контрах. В них набирали детей мастеровых, солдат, приказных, приписных крестьян и прочих жителей горного ведомства[605].

В арифметические школы набирали «из молодых людей, грамоте умеющих», в том числе и из приписных к заводам слобод, чтобы сразу же начать обучение их «цифири и геометрии и протчим горных дел» наукам, в Кунгуре – из детей священно- и церковнослужителей, хотя из 38 человек, явившихся там для обучения, 22 было отпущено «в домы», как не умеющих писать или даже читать. Поэтому, кроме арифметических школ, на том же Уктусском заводе, а также и Алапаевском были организованы первоначальные школы для обучения чтению и письму. Такие школы стали называться словесными. Обучение в них возлагалось на духовенство, на церковных дьячков и дьякона. К декабрю 1721 г. в школах обучались 50 человек. Чтобы привлечь в них большее число учащихся, В.Н. Татищев обнадежил: «писмо умеющих никогда в солдаты, матросы и другие невольные службы отдаваться не будут»[606]. Отдача в школы детей фактически представляла для заводского населения обязательную повинность[607]. Наборы детей в школы стали производиться каждые два-три года, зачислялись мальчики 6–15 лет[608].

---

[605] Дашкевич Л. А. Становление и развитие школьного дела на Урале в первой половине XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 143.
[606] Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944. С. 39–41.
[607] Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в.: материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 56.
[608] Дашкевич Л. А. Становление и развитие школьного дела на Урале в первой половине XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 143.

В 1723 г. в Наказ заводскому комиссару Ф. Неклюдову В.Н. Татищев включил следующие пункты: «Собрать со всех заводов детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводских жителей и обучать их читать, писать, арифметике, геометрии и черчению; по желанию родителей принимать в школу и детей других сословий». На прочих заводах предполагалось первоначально обучать только чтению и письму, а «для обучения арифметике и геометрии посылать в Екатеринбург»[609].

Крестьянские дети в заводские школы принимались по желанию и все расходы, связанные с бытовыми нуждами и обучением ложились на родителей, что фактически исключало их присутствие в заводских школах. Обязательным обучение было объявлено для детей церковнослужителей, посадских, подьячих, мастеровых. Однако В.Н. Татищев предложил: «понуждать в слободах, чтобы попы учили по несколько крестьянских детей азбуке. Для каждой церкви купить на мирские деньги по 10 учебников»[610]. В.Н. Будрин ставил под сомнение само их существование[611]. Н.В. Нечаев считал, что «нет никаких данных о том, были ли созданы в слободах школы для крестьянских детей»[612]. А.М. Сафронова выявила данные об открытии школ в слободах, приписных к Алапаевскому заводу[613].

Российское государство в XVIII в. на законодательном уровне пыталось обязать детей дворян, духовенства и церковнослужителей, солдат получать образование, соответствующее их уровню положения в обществе. Открывало для детей этих сословий сеть специальных и общеобразовательных школ. Но самое многочисленное сословие России оставалось в этом плане вне поля зрения властей. Более того, в десятках законодательных актов о сборе детей в школы содержалась оговорка – кроме крестьян. Можно сказать, что и в первые

---

[609] Волков И., Нечаев, Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России // Исторический журнал. 1944. №12. С. 42.
[610] Там же. С. 39 - 41.
[611] Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в.: материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 47.
[612] Волков И., Нечаев, Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России // Исторический журнал. 1944. №12. С. 41.
[613] Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 31.

горнозаводские школы Урала дети крестьян привлекались в незначительном количестве. Запрета не было, напротив, желающих принимали, причем с назначением по 3 руб. в год казенного жалованья. Этих денег не хватало даже на хлеб, а еще приходилось платить за квартирный постой, подушную подать.

По официальным ведомостям с 1726 по 1746 гг. в горнозаводских школах имелось всего 16 учащихся из крестьян. Крестьянский ребенок, отданный учиться в казенную школу, фактически навсегда уходил из семьи, попадал в полную зависимость от горнозаводских властей. По окончании обучения подлежал распределению к заводским делам, т.е. терял всякую связь с семьей, с крестьянским миром. Возвращался в этот мир лишь после отставки от дел, чтобы самому участвовать в отработках, продолжать платить подушные деньги. Такой исход был неприемлем для крестьянских семей с их традиционным укладом. Вряд ли и общины могли приветствовать утечку налогоплательщиков и потенциальных работников: в случае старости, болезни, смерти хозяина семьи на крестьян могло пасть бремя отработки податей за обоих выбывших – и за сына, и за отца[614].

Для уральских школьников XVIII в. учеба была тяжелой обязанностью, особенно учившихся не по месту жительства родителей. Ученикам, отцы которых зарабатывали в год менее 12 руб., с 1728 г. – 30 руб., устанавливалось жалованье[615]. Но многим школьникам приходилось голодать, «ходить по миру», просить милостыню. За любой проступок, «непонятливость», неявку на учебу дети подвергались физическим наказаниям. Провинившихся учеников били розгами, а иной раз и держали в помещении школы, закованными в цепи. Неудивительно, что многие ученики бежали от тягот такой жизни. В 1720-е гг. из екатеринбургских школ бежало в среднем по семь человек в год. В 1733 г. был зафиксирован 21 побег. К началу 1734 г. на учебе в Екатеринбургской горной

[614] Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002. С. 6, 19, 21–22, 25.
[615] История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., С. 460.

школе осталось лишь 57 человек. Восстановление и развитие сети горнозаводских школ началось после возвращения на Урал В.Н. Татищева[616].

В 1723 г., после отъезда В.Н. Татищева с Урала, деятельность большинства открытых им школ была свернута. Преемник Татищева генерал В.И. Геннин основные функции обучения передал в центр казенного горного дела – Екатеринбург. С 1725 г. словесная и арифметическая школы действовали лишь в Екатеринбурге, сюда перевели учащихся из Кунгура и с Уктуса[617].

Таким образом, активная политика В.Н. Татищева как начальника казенных заводов по привлечению к обучению грамоте как можно более широких слоев населения в 1721–1722 гг. сменилась более умеренными действиями властей во второй половине 20-х – первой трети 30-х гг. XVIII в. Центром обучения грамоте стал Екатеринбургский завод. Периодически устраивались переписи и «разборы» жителей других заводов, не определенных к делам, включая детей, в результате которых пополнялся состав словесной школы Екатеринбурга.

В 1728 г. в ней учились дети, набранные с Каменского, Алапаевского и Уктусского заводов. В 1728 и 1734 гг. состоялось два массовых зачисления детей, причем в 1734 г. были приняты дети с Верх-Исетского и Верхне-Уктусского заводов, но далеко не все. В школу записали лишь 34 % детей, учтенных на Екатеринбургском заводе, 58 % – на Верх-Исетском, 29 % – на Верхне-Уктусском[618].

После возвращения В.Н. Татищева в качестве начальника казенных заводов осенью 1734 г. им была поставлена задача открыть учебные заведения при каждом казенном предприятии. В Екатеринбурге в ноябре 1735 г. появились школы повышенной ступени – немецкая, латинская, знаменованная (рисования). Словесная школа была отрыта в апреле 1735 г. в Кунгуре. В 1735 г. также начали работать словесные школы при заводах: Егошихинском (март), Лялинском,

---

[616] Дашкевич Л. А. Становление и развитие школьного дела на Урале в первой половине XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 144.
[617] Там же. С. 143.
[618] Сафронова А. М. Документы о грамотности детей на горнозаводском Урале в 1721–1734 гг. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. Вып. 18. С. 303.

Уктусском (май), Алапаевском (июнь), Пыскорском (август), Верх-Исетском, Каменском (сентябрь), Сысертском (ноябрь), Полевском (декабрь). В марте 1739 г. открылась словесная школа Кушвинского завода, в июне 1741 – Северского. Арифметические школы стали действовать при заводах: Каменском (1736, ноябрь), Алапаевском (1737, январь); в 1738 г. – Сысертском (июль 1738 г.), Полевском, Лялинском (октябрь); Верх-Исетском (февраль 1741 г.), Уктусском (1741 г.)[619].

В 1735 г. в Наказ шихтмейстеру и проект Горного устава В. Н. Татищев включил положение, которое обязывало заводовладельцев открывать школы и при частных заводах. Однако по прошению А. Демидова, согласно резолюции Кабинета Министров от 12 декабря 1735 г., верховная власть освободила заводчиков от такой тягости[620]: «На партикулярных заводах обывательских детей учить и писать охотников, а в неволю не принуждать, а кто из них пожелают вступать в прочие науки, таких учить при казенных заводах»[621].

Частные заводовладельцы в первой половине XVIII в. не видели особой необходимости в развитии грамотности среди мастеровых и работных людей. Уровень производства позволял им обходиться практическим обучением рабочих в заводских цехах. Только во второй половине XVIII в. стали появляться единичные учебные заведения при частных заводах Урала. Школы стали открываться при них лишь в первой половине XIX в.[622]

Всего на горнозаводском Урале в 1741 г. было 27 школ. При заводах горного ведомства в других краях в первой половине XVIII в. были открыты единичные школы: на Олонецких – при Петровском заводе (1716 г.), в Сибири –

---

[619] Сафронова А. М. Ведомости об учащихся как источник по истории горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию подготовки документоведов в Уральском федеральном университете. Екатеринбург, 2012. С. 260, 264.

[620] Запарий В. В. Первые шаги металлургического образования на Урале // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург , 2004. С. 227.

[621] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Спб., 1830. Т. 9. № 6840.

[622] Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 286.

при поселках Колывано-Воскресенского, Луказского, Нерчинского заводов [623]. В 1739 г. школа открыта в поселке Кушвинского завода[624].

Ни одно ведомство России в первой половине XVIII в. не открыло на сравнительно небольшой территории такого количества учебных заведений. Лишь духовные власти в какой-то мере могли соперничать с действиями уральской горной администрации – в Новгородской епархии в 20-х гг. XVIII в. школы для обучения грамоте детей духовенства были открыты в 15 населенных пунктах епархии (Валдай, Русса, Олонец, Каргополь, Великие Луки, Юрьев и др.)[625]. На Камчатке к середине XVIII в. появилось 20 миссионерских школ, в которых детей ительменов, забранных у родителей, не знавших русского языка, обучали грамоте и основам христианского вероучения. Но трудно согласиться с мнением А.Г. Базанова, что на этом основании «в середине XVIII в. в отношении образования Камчатка выглядела самым культурным, самым образованным уголком Российской империи»[626].

Росло и количество учеников. К концу 1727 г. в екатеринбургских школах было учеников: в словесной – 66, в арифметической –19. В 1734 г. в словесной – 64, в арифметической – 32[627]. За счет расширения сети школ и привлечения в них детей солдат, духовенства число школьников на горнозаводском Урале увеличилось со 108 в 1734 г. до 573 – в 1735 г., 741 – в 1736 г., 777 – в 1737 г. На 1739 г. пришелся пик численности обучавшихся – 791 человек[628].

По данным А.М. Сафроновой в горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. наибольшее число подростков проходило обучение в екатеринбургских школах – от 100 до 200 ежегодно. Самое большое число в Екатеринбурге было при В.Н. Татищеве: 354 учащихся в 1736 г., 324 – в 1737,

---

[623] Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 8–9.
[624] Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга–Свердловска. Свердловск, 1950. С. 56–57.
[625] Прилежаев Е. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. март-апрель. С. 333–353.
[626] Базанов А. Г. Школы на Камчатке в XVIII веке // Советский Север, 1939. Т. 2. С. 177, 179–182.
[627] Волков И., Нечаев, Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России // Исторический журнал. 1944. №12. С. 42–43.
[628] Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 13.

296 – в 1738. г. Наряду с Екатеринбургским заводом крупные центры обучения сложились при Полевском, Алапаевском, Каменском заводах (50–70–90 и более учащихся). Наименьшее число подростков обучалось при Кушвинском заводе, что объяснялось передачей этого завода в 1739–1742 гг. в частные руки. Неизвестным остается число учеников по школам в целом в 1746–1750 гг.

Подавляющее большинство школьников по социальному происхождению были детьми мастеровых и заводских работников. Дети солдат обучались в основном в школах при Екатеринбургском заводе, причем число их выросло в несколько раз: если до 1735 г. в них числилось от 1 до 5 человек, то в 1735 г. – 35, 1736–1737 гг. – 52, 1746 г. – 60 человек. Дети церковнослужителей сосредотачивались в основном в Екатеринбурге и Кунгуре, составляли основной контингент латинской школы (23, 22, 40, 38, 32 в 1736–1740 гг.), Кунгурской арифметической школы в 1721–1723 гг. (10, 15, 19 из 16 – 21 учеников), в Екатеринбургской словесной – в 1736–1740 гг. (14, 15, 29, 25, 20 человек). В Алапаевской школе их было всего 6 человек, Егошихинской – 2, на Уктусе – 1–2. Дети бобылей и крестьян были единичны (в Екатеринбурге – от 1 до 6, Алапаевске 1–2, Егошихе – 1). Наибольшей разнообразностью отличался состав немецкой школы, в ней обучались дети офицеров, служащих многочисленных заводских контор, мастеровых, солдат. Дети иностранцев (6 человек) сосредотачивались в особом классе латинской школы, где преподавал немец JI. Сехтинг, не владевший русским языком[629].

На 1 мая 1755 г. в екатеринбургской школе было 354 ученика: 3 обучались черчению, 9 – тригонометрии, 42 – геометрии, 12 – знаменованию, 12 – немецкому языку, 1 – латинскому языку, 99 – арифметике, 176 – чтению и письму. В 1763 г. в школе насчитывалось 308 учащихся[630].

Сравнение переписей детей, проводившихся по заводам в 1734 – начале 1740-х гг., со списками зачисленных в учебные заведения позволяет говорить о

---

[629] Сафронова А. М. Ведомости об учащихся как источник по истории горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность : материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию подготовки документоведов в Уральском федеральном университете. Екатеринбург, 2012. С. 260.

[630] Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. М., 1956. С. 87.

почти 100% охвате школьным обучением детей в заводских поселениях в возрасте 7–15 лет (кроме больных и детей ссыльнопоселенцев). Благодаря этому поколение горнозаводского населения, родившееся в 1725–1735 гг., стало почти поголовно грамотным. Такой всплеск детской грамотности можно считать уникальным явлением для России первой половины XVIII в.[631]

Политика расширения сети школ и числа учащихся в них уже в 1737 г. пришла в противоречие с жесткими нормами заводских штатов. За счет приглашения дорогостоящих учителей, покупки книг, выплаты жалованья ученикам на школы было израсходовано почти в два раза больше средств, чем полагалось. В мае 1738 г. констатировалось, что вместо 1 500 руб., положенных на школы по расчетам 1735 г., израсходовано 3 356 руб. 3 1/4 коп. Вместо полагавшейся годовой суммы в 1 576 руб., в 1742 г. на школы было израсходовано 2 015 руб. в связи с необходимостью содержать на жалованье 392 ученика.

Поэтому члены Канцелярии 11 сентября 1742 г. постановили: школы оставить лишь при Екатеринбургском, Полевском, Алапаевском и Егошихинском заводах, т. е. в четырех центрах, на сэкономленные суммы содержать на жалованье лишь сирот и детей отставных от дел, разночинцев и солдат. Дети же мастеровых, составлявшие основной контингент школ, и прочих слоев населения могли обучаться по желанию отцов, но без казенного жалованья. Резкое сокращение сети школ привело к тому, что число учащихся в них уменьшилось в два раза. В 1746 г. в школах числилось 302 ученика, а вне школ оставалось 834 человека в возрасте от 5 до 16 лет, т. е. в 2,5 раза больше, если не принимать в расчет детей 5–6 лет. Нежелание Берг-коллегии утвердить предложения уральской администрации по реорганизации школ 1748 г. на протяжении 1750-х гг. так и не позволило им подняться на новую ступень развития. А передача казенных заводов в 1754–1759 гг. в частные руки, за

[631] Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 12.

исключением Екатеринбургского и Каменского, покончила с этим окончательно[632].

Известно, что во второй половине XVIII в. на казенных заводах сохранились лишь екатеринбургские горные школы. Во второй половине XVIII в. главный центр школьного обучения переместился в Сибирь, где особенно успешно развивались школы при Алтайских заводах[633]. Здесь к концу XVIII в. имелось несколько начальных школ и училище в Барнауле с более обширной программой обучения[634].

К началу XIX в. на Урале действовало только две казенных заводских школы с начальной общеобразовательной программой: Екатеринбургская и Богословская[635]. Похожим было положение и на других казенных горных заводах Российской империи. В Нерчинском горном округе в конце XVIII в. сохранилось только главное училище с общеобразовательной программой[636]. На Александровском заводе (Олонец) только в конце этого столетия открыли небольшую школу, в которой обучали первоначальной грамоте[637].

В 1735 г. была определена должность куратора школ. Первым стал главный межевщик Игнатий Юдин. Его обязанности были подробно определены в «Заводском уставе»: он заботился о комплектовании школ, решал материальные вопросы обеспечения жалованьем учеников и учителей, снабжение учебниками, учебными пособиями, следил за учебной деятельностью школ, успеваемостью учащихся, выдвигал достойных на заводские должности, отстающих учеников представлял к увольнению и к назначению на неквалифицированные работы[638].

---

[632] Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения, Екатеринбург, 2016. С. 18.
[633] Дашкевич Л. А. Становление и развитие школьного дела на Урале в первой половине XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 147.
[634] Смолин А. В. Горные училища Алтая в XVIII–XIX веках : дис. ... канд. пед. наук / Александр Васильевич Смолин. М., 1956. 350 с.
[635] Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: диссертация … докт. ист. наук : 07.00.02. / Эдуард Анатольевич Черноухов. Екатеринбург. 2017. С. 144.
[636] Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (1723–1917 гг.): ав-тореф. дис. … канд. ист. наук. 07.00.02 / Татьяна Андреевна Константинова. Чита, 2006. С. 13.
[637] Балагуров Я. А. Олонецкие заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. С. 138.
[638] Заводской устав Татищева [1734-1736 гг.] // Горный журнал. СПб., 1831. Ч. III. Кн. 9. С. 316.

При организации екатеринбургских школ была создана должность надзирателя. Она не зафиксирована в штатах, не подлежала особой оплате и совмещалась офицерами по их должностным окладам. В 1729 г. надзирателем был вице-маркшейдер князь Василий Горчаков, в декабре 1730 г. он получил годовой отпуск, дела временно принял маркшейдерский ученик Андрей Татищев. Но имея иную важную работу – составление чертежей заводам и рудникам, освобожден, временно надзор за школами был поручен члену Сибирского обер-бергамта Никифору Клеопину[639]. В 1730-х гг. надзирание осуществляли механик Никита Бахарев, в марте – ноябре 1741 г. – М. Кутузов[640], далее – Ф. Санников[641], позднее А. Кичигин. В октябре 1755 г. А. Миссет стал надзирателем всех школ Екатеринбурга – словесной, арифметической, знаменованной, латинской, он оставался в этой должности вплоть до своей смерти в 1781 г[642].

Где размещались школы? В январе 1724 г. В.И. Геннин сообщил в центр о возведении здания Сибирского обер-бергамта и, около нее школы, вмещающей до 100 человек, в составе двух учебных светлиц и комнаты для учителя, где хранились книги и инструменты[643].

Жили учителя в казенных квартирах, пристроенных к школьному помещению. Ремонтировали эти квартиры за казенный счет. В октябре 1733 г. Геннин постановил: чинить окна, полы и прочее во всех таких помещениях за свой кошт[644].

В июле 1734 г., в связи с предстоящим приездом В.Н. Татищева со своей командой в Екатеринбург, В.И. Геннин приказал: «дабы они по прибытии сюда нужды в квартирах не возимели… вычинить и совсем выстроить, вымазать и выбелить старую школу, которая признаваетца впредь для школы быть мала… А

---

[639] Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): к 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 81.
[640] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 279. Л. 158.
[641] Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в.: материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 60–61.
[642] Сафронова А. М. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург , 2016. Вып. 16. С. 321.
[643] Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944. С. 42–43.
[644] Сафронова А.М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): к 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 63.

вместо оной взять большую светлую старого платного двора и построить в верх пруда на берегу для житья школьным учителем, приделать в ней, что надлежит, и оную вымазать и выбелить, и зделать кругом ея ход…»[645].

В описи строений, составленной в связи со сдачей дел В.И. Геннина В.Н. Татищеву в октябре 1734 г., приведено описание нового школьного здания: «Школа срублена из бревен, в одном основании две светлицы, меж ими сени. В сенях и в светлицах и наверху шесть чюланов, забранных тесом». Здание имело большие размеры: длину 15 и ⅓ сажени, ширину 5 саженей, высоту до кровли – 2 сажени. На улицу и во двор смотрели 18 слюдяных окошек, обитых жестью[646].

В планах В.Н. Татищева было строительство специального большого здания для школ в Екатеринбурге, причем каменного. 5 октября 1736 г. приняли решение заложить фундамент напротив церкви на левой стороне пруда, но строительство не было начато. 28 октября 1736 г. Татищев «с товарищи» приказали возвратить в казну дом, проданный в 1735 г. откупщику Перевалову за 51 рубль, который ему, как показала жена, не нужен, и перевести туда школьников учиться немецкому, латинскому и арифметике. Вероятно, сразу же после отъезда В. Н. Татищева в июне 1737 г. в Самару, латинскую школу из бывшего дома Перевалова перевели «на гору», в Командирский дом, специально построенный для начальника заводов В. Н. Татищева. Там она располагалась до 1 августа 1739 г. – на месте, где сейчас стоит храм Вознесения Господня. В доме «на горе» латинской школе была выделена «большая залла», помещение школы было большое, и окон в нем, в отличие от предыдущего, было много, имелся камин[647].

В ведомости к плану Екатеринбургского завода, составленному в 1745 г., показано, что школа разместилась в двух каменных зданиях на правом берегу Исети, вблизи Канцелярии Главного заводов правления; в одном из зданий – с 11-ю покоями, размером 26 сажен на 5 сажен, высотою в 1,5 сажени – находились

---

[645] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 468. Л. 221 об. –222.
[646] Там же. Д. 450. Л. 76.
[647] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 242–243.

лаборатории и школы арифметическая и немецкая; а в другом здании – «палата двойная» размером 9 сажен 1 аршин на 4 сажени 1 аршин, высотою в 1 сажен 1 аршин – помещалась словесная школа[648].

Подбор учителей И. Юдиным, который курировал школы, осуществлялся с 1735 г. от имени Канцелярии, путем освидетельствования по поручению уральского начальства. Например, Полевская заводская контора выдвинула на должность учителя выпускника Морской академии Сергея Еремеева. Его вызвали в Екатеринбурга, знания проверил Михаил Кутузов, объявил, что претендент знает арифметику, а геометрию и тригонометрию уже частично забыл. В результате С. Еремеева к учительству не допустили и отослали на Полевской завод к прежнему делу[649]. Бывший ученик лесного надзирателя Иван Морозов просил назначить его учителем словесной школы, но также получил отказ после освидетельствования надзирателем Н. Бахоревым. Положительное заключение от надзирателя работ и учителя арифметики Санникова получил и стал учителем словесности Кушвинского завода Василий Васильев[650].

При подборе учителей для словесных школ в первое время ставка делалась на местных дьячков. Но кандидатуры эти не всегда были удачны. В Уктусской школе первый учитель – местный дьячок – умел обучать только чтению и для школы пришлось брать особого учителя чистописания. Школы довольно быстро отказались от использования местного духовенства и в качестве учителей стали назначать заводских служителей или ссыльных. Найти учителей в арифметическую школу на Урале было практически невозможно, поэтому туда назначали либо выпускников столичных школ либо младших горных офицеров[651]. Так, в 1725 г. в Екатеринбургскую школу был назначен приехавший из Морской академии М. Кутузов. Обучал детей и даже взрослых геометрии,

---

[648] Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в.: материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 75.
[649] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л 198–199; Д. 910. Л. 49–50.
[650] Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. М., 1956. С. 179–180.
[651] Волков И., Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944. С. 89–90.

тригонометрии, геодезии и картографии[652]. Среди его учеников были И. Бортников и А. Кичигин.

Организуя Кунгурскую школу, В. Н. Татищев в первом своем распоряжении на имя И. Патрушева указал, что учителем в ней будет воспитанник Московской артиллерийской школы А. Калачев. Позднее здесь трудился также столичный воспитанник шихтмейстер Д. Одинцов[653].

Назначение на должность учителя не освобождало от заводских работ. Например, Д. Одинцову, учителю Кунгурской школы, В.Н. Татищевым было велено каждую пятницу ездить на горную работу для контроля за производством. Учителя школ часто сменялись. Как только обнаруживалась нужда в работниках, школьные учителя посылались на горнозаводские должности. Отзыв учителей на производственные работы приводил к тому, что школы часто оставались без учителей или их обязанности поручались таким лицам, которые не могли справиться с порученным делом.[654].

Заводские школы можно подразделить на четыре типа: словесная – начальная школа, обучение чтению и письму; арифметическая – школа второй ступени, в нее принимались дети, уже умеющие читать и писать. Изучались арифметика, геометрия и тригонометрия; в латинской, предназначавшейся преимущественно для грамотных детей духовенства, приобретались навыки перевода и разговора на латинском языке; в немецкой школе обучались дети иностранцев и юноши, проявившие склонность к изучению языков – изучались немецкий, география[655]. Школы знаменования, где учили рисованию, и пения во многом дополняли учебный процесс в упомянутых школах. К 1737 г. Екатеринбургская школа превратилась в большое учебное заведение, имеющее в своем составе все типы школ. Наибольшее количество учащихся приходилось

---

[652] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 279. Л. 158–159.
[653] Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944. С. 89–90.
[654] Волков И., Нечаев, Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 90–91
[655] Спектор Е. Н. Развитие системы образования на Урале в XVIII – начале XX вв. // Известия Уральского государственного горного университета. Екатеринбург, 2007. № 22. С. 149–156.

на словесную школу – 171, в арифметической – 26, в немецкой – 47, латинской – 34, знаменования – 6[656].

Низший тип – начальная школа – словесная, в ней осуществлялось обучение первоначальной грамоте – чтению, письму[657]. Учителем Екатеринбургской словесной школы являлся Никита Афонасьев. Из ссыльных, бывший иеромонах, которого в мае 1735 г. комиссар Тимофей Бурцев, глава Уктусской заводской конторы, предлагал начальству определить учителем в новую словесную школу завода. Согласно справке Конторы судных и земских дел, наведенной в связи с этим, Афанасьев служил инквизитором в Бежецком Николаевском Антоньевом монастыре Новгородской епархии, был сослан «за многие ево продерзостные поступки и за пьянство, и за блудодеяние», ноздри оказались целы, кнутом не бит[658].

В 1742 г. из-за хронического перерасхода штатных школьных сумм Уктусская школа была закрыта. Бывший учитель, получив в числе прочих освобождение от ссылки, пожелал жить в Екатеринбурге, стал зарабатывать на жизнь путем обучения «вольных детей», набрал их 25 человек. Когда учитель Екатеринбургской словесной школы Семен Иванов, освобожденный из ссылки, в августе 1745 г. решил покинуть Екатеринбург, Афанасьеву предложили занять его место. Но он затребовал оклад в 24 руб., в то время как все учителя словесных школ с 1735 г. получали 18 руб., а с июня 1738 – всего 12 руб. в год. Только 25 февраля 1746 г. Афанасьев согласился работать за 12 руб. с разрешением доучить и «вольных» учеников «собственными их книгами». В течение полутора лет Афанасьев трудился в школе, компенсируя низкую оплату труда дополнительными сборами с частных учеников. 12 октября 1748 г. он заболел, попал в госпиталь, где пролежал до своей смерти 28 октября[659].

---

[656] Волков И., Нечаев, Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 47–48.
[657] Спектор Е. Н. Развитие системы образования на Урале в XVIII – начале XX вв. // Известия Уральского государственного горного университета. Екатеринбург, 2007. № 22. С. 149–156.
[658] Сафронова А. М. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. Вып. 16. С. 322.
[659] Там же. С. 322–323.

Учителя из ссыльных были определены также в школы: Верх-Исетскую (Иванов), Полевскую (Иван Лукин), Алапаевскую (Яков Беляев), Ягошихинскую (распоп Григорий Демидов), Кушвинскую (Васильев), в школу в Красноярском горном начальстве (Алексей Третьяков). В остальных словесных школах на уральских заводах учителями были люди, не подвергавшиеся репрессиям (Иван Протопопов – в Каменской, Степан Туесов – в Лялинской, Михаил Хамкин – в Пыскорской, Степан Кудрявцев – в Кунгурской). В Екатеринбургскую словесную школу для обучения письму был назначен Никита Артемьев – не ссыльный, а чтению – двое ссыльных – Арсений Иевлев и Логин Егоров, бывший игумен. Л. Егоров в 1731 г. был прислан из Казанской губернии и при назначении учителем ему было уже 57–58 лет. В школе он обучал долгие годы: в ведомости 1753 г. ему значится 76 лет. Спустя 14 лет (в 1767 г.) он все еще учил детей и чтению, и письму[660].

В словесной школе, кроме ссыльного игумена Логина Егорова, работал с 1749 г. Иван Ащерин, которому в 1754 г. было 76 лет. С 1718 г. он числился на канцелярской службе в Москве, в Камер-коллегии, а с 1736 г. – в Екатеринбурге; в сороковых годах был отставлен «за старостью и малозрительством». В 1754 г., «за множением учеников», в словесную школу были назначены еще двое: старик Нефед Семенников, бывший ротный писарь, с дрожащим почерком, и 19-летний Ларион Грамматчиков, взятый, возможно, прямо со школьной скамьи[661].

Заметим, что в словесной школе Екатеринбурга, самой большой из всех, действовавших при заводах, наполненность классов в 1737 г. была невероятно большой, ученики делились на три класса по 63, 25 и 117 человек; в латинской – на четыре, по 7, 11, 6 и 10 человек; в немецкой на три: 11, 9 и 20 человек. Ученики арифметической школы были разделены на две группы в следующем, 1738 г., когда число учеников здесь возросло до 70[662].

---

[660] Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в.: материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 59.
[661] Там же. С. 80–81.
[662] Там же. С. 67.

Жалованье учителей в словесной школе было низким. Обучая грамоте по 40, 50, а порой и более ста учащихся чтению и письму, они имели оклады на уровне начинающих заводских учеников, вахмистров и сторожей, из которых некоторые учителя платили еще и подушные деньги. Труд учителя был очень тяжел: долгий рабочий день (летом по 12 часов, весной и осенью по 9, зимой по 7 часов), большое число учеников, заполнение разного рода ведомостей (о посещении, выплате жалованья ученикам, об их успехах в науках и т.д.), выполнение различных побочных работ по приказу горного начальства. Учителя находились в полном распоряжении заводских властей, приходили и уходили с должности по воле начальства, о желании их заниматься преподаванием никто не спрашивал. За проступки они подвергались наказаниям не только материально, но и физически[663].

Первым учителем Екатеринбургской арифметической школы был Петр Рыбников, который переведен в Екатеринбург вместе со школой в марте 1724 г. с Уктусского завода. Петр Рыбников был также одним из молодых людей, обучавшихся в Московской артиллерийской школе. В Екатеринбургской школе Рыбникова сменил Михаил Кутузов, преподававший с 1725 г. по 1727 г. В качестве учителя словесности в 1726–1729 гг. трудился выпускник школы Феоктист Балакин, с 1729 по 1735 гг. работал Никита Каркадинов[664].

В 1741 г. Афанасий Кичигин был назначен учителем арифметической школы. В 1753 г. он подписывал документы как надзиратель екатеринбургских школ[665]. А. Кичигин принимал энергичные меры для улучшения учебной работы. Игнатий Юдин высоко оценил его работу, указав, что под руководством А. Кичигина школа находится в «достойном порядке». В 70-х гг. XVIII в., когда А. Кичигин стал главным межевщиком заводов Урала, он наблюдал уже за всеми уральскими школами[666].

---

[663] Сафронова А.М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): к 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 140.
[664] Там же. С. 68–69.
[665] Волков И., Нечаев, Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России // Исторический журнал. 1944. №12. С. 88.
[666] Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. М., 1956. С. 182.

В Екатеринбургской арифметической школе преподавал и ее воспитанник Федор Санников, в течение восьми лет он работал на заводах, а затем долгое время – в школе. В 1743 г. «по некоторому делу» Ф. Санников был арестован. Обязанности учителя от Ф. Санникова принял Афанасий Кичигин. В 1746 г., когда на Урал прибыл президент Берг-коллегии А.Ф. Томилов, Ф. Санников был освобожден и снова приступил к образовательной деятельности. Учителем он оставался до 1753 г., когда был назначен управителем Верхне-Сусанского завода, затем перевелся на Юговские заводы И.Г. Чернышева, получил чин коллежского ассесора[667].

К 1737 г. в школах при уральских заводах было 15 учителей словесных и арифметических школ, совмещающих свои должности: 2 плотинных мастера, 1 подштейгер, 1 канцелярист, 5 молотовых мастеров, 1 мастер расковки меди, 1 пробирщик, 4 мастеров меховых и токарных[668].

Занятия арифметикой и геометрией в заводских школах были поручены заводским служащим. В 1737 и 1740 гг. в арифметических школах преподавали: в Алапаевской школе поручик Алексей Арефьев, потом надзиратель лесов Иван Грамматчиков; в Сысертской – управитель завода Петр Зеленой, потом надзиратель работ Никифор Бессонов; в Каменской – шихтмейстер Иван Михалев и надзирательский ученик Василий Горшков; в Полевской – в 1740 г. – надзиратель припасов Филипп Макашов и в Егошихинском, в том же 1740 г., шихтмейстер Антон Пестерев[669].

8 ноября 1735 г. состоялось торжественное открытие немецкой и латинской школ в Екатеринбурге. В немецкой школе в 1735–1737 гг. преподавали 3 учителя, и детей поделили на 3 класса. Первый класс вел Бернгард Штермер, здесь были собраны самые сильные по успехам учащиеся, 2-й – его помощник Иоганн Гейнш, 3-й – Антон Розе, нанятый в апреле 1735 г. в Москве, бывший учитель Московской школы навигаторов, вышедший в отставку по

---

[667] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1665. Л. 465–466.
[668] Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. М., 1956. С. 180.
[669] Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в.: материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга–Свердловска. Свердловск, 1950. С. 59.

старости. В классе Б. Штермера – 11 самых сильных учеников, дети горнозаводской элиты: надзирателя припасов, заводского управителя, комиссара, фискала, канцеляриста, а также племянник комиссара[670].

После отъезда В.Н. Татищева в Самару в июне 1737 г. Б. Штермер стал не воздержан в приеме алкоголя, начал пропускать занятия в школе; буянить, приходя в школу во время занятий других учителей. Несколько раз Б. Штермеру делали внушения, приглашая на заседания Канцелярии, удерживали выдачу жалованья. Секретарь Канцелярии А. Аристов подавал на Б. Штермера в суд «за битье и бесчестие». С 1 сентября 1738 г. Б. Штермер был официально отстранен от занятий в школе до прихода в нормальное состояние, а ученики его переданы на время А. Миссету. В марте 1739 г. начальству поступило три жалобы на Б. Штермера. А. Миссет сообщал, что он снова пьянствует, в школу не ходит, а когда придет, учеников «посылает за своим делом». Через неделю Б. Штермер угрожал зарубить шпагой беременную жену А. Миссета, и она преждевременно родила мертвого ребенка. Надзиратель школ Н. Бахорев доносил, что Б. Штермер в школу ходит редко «и с учениками непорядочно поступает, бранит и бьет, а за что и сам не знает». 5 апреля 1739 г. начальство решило держать ректора под караулом. Извещенный о «непристойном поведении» Б. Штермера Генерал-берг-директориум указом от 6 июня 1739 г. предписал: Б. Штермеру объявить с подпискою, что он через полгода будет уволен. Но Б. Штермер за жалованьем не являлся, объявив себя больным. 7 августа 1740 г. уехал в город Тобольск, центр Сибирской губернии, где учительствовал до февраля 1741 г.[671]

Первые учителя немецкой школы – Бернгард Штермер, ставший ее ректором, и Иоганн Гейнш – были выписаны в 1735 г. по инициативе Татищева через Кабинет министров из Академии наук, Антон Розе найден в Москве среди

---

[670] Сафронова А. М. Ректор и первый учитель немецкой школы Екатеринбурга Бернгард Штермер (1735–1740) // Научный диалог. 2019. № 7. С. 370–371, 376–377.
[671] Там же. С. 370–371, 376–377.

бывших учителей Московской школы навигаторов, Андрей Миссет нанят в 1738 г. в Самаре самим В.Н. Татищевым[672].

Иоганн Гейнш – один из первых учителей-иностранцев, прибывших в Екатеринбург в 1735 г. До подписания контракта о преподавании в Екатеринбургской немецкой школе он трудился писарем в Санкт-Петербурге, был хорошо знаком с учителем гимназии, действовавшей при Академии наук, Б. Штермером. Когда президент Академии наук рекомендовал Б. Штермера учителем в открываемую в Екатеринбурге по инициативе В. Н. Татищева немецкую школу, то тот в качестве своего помощника представил академическому начальству И. Гейнша как писаря, выходца из Пруссии. Контракт с И. Гейншем был подписан в Сенате 13 июня 1735 г. на 5 лет на условиях выплаты жалованья по 200 руб. в год, с выдачей его по третям года, предоставлением казенной квартиры поблизости от школы. Б. Штермеру, выпросившему себе звание ректора, жалованье было положено самое высокое – 400 руб. в год. Вероятно, И. Гейнш был молодым человеком, недавно женатым, неплохо обеспеченным, возможно, за счет приданого жены и должности, позволявшей иметь дополнительный доход помимо жалованья. Он прибыл в Екатеринбург с женой и малолетним шурином, братом жены. В середине сентября 1737 г. в семье родился сын Иоганн, но жена, видимо, скончалась во время родов или вскоре после них. А 8 декабря в Канцелярию Главного заводов правления подал доношение главный межевщик Игнатий Юдин, отвечавший за деятельность школ, сообщил, что «иноземец Иван Гейнш сего декабря в ночи против 7 числа волею Божию умре»[673].

Антон Якоб Розе попал в учителя Екатеринбургской немецкой школы, вероятно, по рекомендации своего старшего сына, Иоганна Розе, прибывшего в Екатеринбург в октябре 1734 г. в команде В. Н. Татищева в качестве переводчика при Канцелярии Главного заводов правления. За 200 руб. в год тот переводил с

---

[672] Сафронова А. М. Книжное собрание первой немецкой школы Урала (1735–1787 гг.): пути его формирования, состав, использование // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.) : материалы научной конференции Германия - Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв. Екатеринбург, 2001. С. 184–185.

[673] Сафронова А. М. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. Вып. 16. С. 318–319.

немецкого на русский язык документы. Розе проработал в Екатеринбургской немецкой школе 1 год и 9 месяцев, 30 июля 1737 г. скоропостижно скончался[674].

Андрей Миссет – из обрусевших немцев, он дольше всех из уральских учителей в XVIII в. проработал в немецкой школе, с 1738 г. по 1781, за исключением двух лет (1745–1747), когда выезжал в Москву для решения вопроса с наследством. Он прибыл в Екатеринбург из Самары, где трудился в Оренбургской экспедиции И. Кирилова, заключил там контракт с В.Н. Татищевым о службе в течение трех лет учителем немецкого языка и арифметики с жалованьем 60 руб. в год. В сентябре 1738 г. был утвержден в качестве переводчика писем при Канцелярии Главного заводов правления с увеличением оклада до 84 руб. в год, сохранив основную должность учителя, хотя переводчик, отбывший с В.Н. Татищевым в Самару в июне 1737 г., только за переводы документов получал 200 руб. в год. В апреле 1741 г. жалованье ему увеличили до 120 руб. Несколько лет ему приходилось работать без подписания контракта, порой и с затягиванием выплаты жалованья по этой причине[675].

Приходится констатировать раннюю смерть всех иностранцев – учителей: Розе, Гейш и Финн умерли в Екатеринбурге, прожив небольшой срок, причем на их жизни сказалась не столько суровость климата, но и различные проблемы, возникшие на их жизненном пути. У Гейнша умерла жена, оставив младенца на его руках. Розе одолевали материальные проблемы и сложные взаимоотношения, сложившиеся с ректором Штермером. Финн, скорее всего, скончался под давлением накопившихся многочисленных долгов, которые он не мог покрыть вычетами из жалованья[676].

Главная заслуга в обучении детей в латинской школе Екатеринбурга принадлежала Кирияку Андреевичу Кондратовичу (1703–1788). Он малороссиянин, родился на Слободской Украине. Отец, сотник слободского Ахтырского полка, погиб в Полтавском сражении в 1709 г. Полный курс Киево-

---

[674] Сафронова А. М. Первая немецкая школа раннего Екатеринбурга. Екатеринбург, 2019. С. 41–42, 47.
[675] Сафронова А. М. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. Вып. 16. С. 321.
[676] Сафронова А. М. Первая немецкая школа раннего Екатеринбурга. Екатеринбург, 2019. С. 53.

Могилянской академии Кондратович закончил с перерывом в период с 1715 по 1730 г., где приобрел хорошее знание польского и латинского языков. Трудился учителем в Переяславле Рязанском в 1727–1729 гг. К 1732 г. Кондратович жил при дворе баронов Строгановых в качестве певчего, откуда был взят к императорскому двору как гуслист. Был откомандирован вместе с В.Н. Татищевым на Урал в 1734 г. С появлением латинской школы в Екатеринбурге Кондратович стал ее главным учителем[677]. Детей поделили на две неравных половины: иностранцев определили в первый класс к Лаврентию Сехтингу, к Кириаку Кондратовичу – детей священников и церковнослужителей, позднее – и заводских работников. В латинской классы были немногочисленные – иностранный язык требовал большей работы учителя со своими подопечными. Число учащихся в классах постоянно менялось. Так, в последней трети 1736 г. во втором и третьем классе у Кондратовича обучалось 20 человек (12 во втором классе и 8 в третьем), в 1737 – соответственно 11 и 6, в 1738 г. – 10 и 6. В майской трети 1737 г. в ведомости у Кондратовича русских детей показано 28 человек[678].

С середины октября 1736 г. у Кондратовича появился помощник, Александр Накрапаев. В сентябре он прибыл для отбывания ссылки в Екатеринбург из Казанской губернской канцелярии в составе партии других осужденных. Уральское начальство, узнав об обучении Накрапаева в Славяно-греко-латинской академии, которую он не успел закончить, решило освидетельствовать его в знании латинского языка, чтобы использовать в качестве помощника в обучении детей. Накрапаев обучал новичков, плохо подготовленных в отношении русской грамоты, чтению и письму на русском языке, началам латыни, т. е. азбуке и затем вокабулам. Параллельно занятиям со школьниками Накрапаев переписывал по мере подготовки черновые тексты грамматики, составлявшейся Кондратовичем для учеников, и переведенные

---

[677] Бугров К. Д. Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 300–303.

[678] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 100–102, 104, 108–109.

учителем источники с латинского языка для Татищева. На пару с Кондратовичем он проработал в латинской школе вплоть до ее закрытия в декабре 1741 г.[679]

Лаврентий Сехтинг, учитель-иноземец в латинскую школу был нанят по просьбе уральского начальства в Петербурге через Академию наук и Кабинет министров летом 1735 г. По контракту Сехтингу полагалось жалованье 300 руб. в год, бесплатная казенная квартира, дрова и свечи. 24 октября 1735 г. Сехтинг прибыл в Екатеринбург. Он, как и Кондратович, имел опыт преподавания в школе, только в родной Пруссии, в городе Марбурге. Немцу Лаврентию Сехтингу поручили вести первый, старший класс латинской школы, куда собрали детей иностранцев, проживавших в Екатеринбурге, поскольку он совсем не знал русского языка. Это было существенным недостатком нового учителя, ведь его нельзя было использовать для обучения русских детей. Да и общение с администрацией было затруднительным. В случае подачи Сехтингом ведомостей об учениках, прошений, доношений, эти документы приходилось переводить. В отношении исполнения пасторских обязанностей незнание русского языка, конечно, никакой роли не играло, с соотечественниками Сехтинг общался на немецком, немецкий знали и шведы, и финны, работавшие на заводах. Иностранцев, пожелавших отдать своих детей в латинскую школу, набралось в Екатеринбурге в 1735 г. 6 человек, в том числе Карл Спринцель, 15-летний сын штаб-лекаря Екатеринбургского госпиталя. Карл покинул в школу в апреле 1736 г. в связи со смертью отца. В 1737 г. у Сехтинга числилось 7 учеников, в 1738 г. 4 ученика[680].

С лета 1738 г. в латинскую школу начали переводить уже группы детей духовенства, обученных грамоте в словесных школах, открытых в 1735–1736 гг. при других казенных заводах. В июле 1738 г. были присланы из Каменской словесной школы 9 учеников, в августе – из Алапаевской школы – 9, они были взяты в свое время в словесные школы из приписных слобод[681].

---

[679] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 106–108.
[680] Там же. С. 133–134, 142–145.
[681] Там же. С. 110.

Синод указом от 1 апреля 1740 г. потребовал о немедленном увольнении детей священно- и церковнослужителей из школ и поставке их на коште отцов в Тобольск. Генерал-Берг-директориум отправил свой подтвердительный указ от 30 апреля 1740 г. на Урал, предписав «в школы из священно- и церковнослужительских детей впредь не принимать». Этот указ, по сути, явился основной причиной сворачивания деятельности латинской школы. Всех ее учеников, принадлежавших к духовному сословию, разом пришлось отчислить в июле 1740 г. В июле – начале августа все они были отпущены по домам с подпиской о явке в школы духовного ведомства к 1 ноября 1740 г. После увольнения в июле 1740 г. священно- и церковнослужительских детей школа опустела, в ней осталось лишь 8 человек. В последней ведомости, за вторую треть 1741 г., в латинской школе числилось 20 учеников. Из русских по меньшей мере 82 ученика прошли через латинскую школу. Их социальный состав был следующим: 54 – из священно- и церковничьих детей; 18 – дети мастеров и заводских работников, 6 – дети подьячих, по одному ученику – сыновья купца, сторожа, разночинца, бобыля[682].

В связи с тем, что летом 1740 г. заканчивался срок контракта у ректора и учителя немецкой школы Бернгарда Штермера, как и описывалось ранее он вел себя непорядочно, от чрезмерного питья стал страдать горячкой и фактически перестал вести занятия. В немецкой школе трудился один Андрей Миссет. Начальство, чтобы хоть как-то занять Сехтинга, 30 апреля 1740 г. поручило ему смотрение за немецкой школой[683].

С октября 1745 г. Сехтинг проработал учителем немецкого языка, но указом Берг-коллегии от 25 июля 1746 г. ему приказано было ехать на Нерчинские заводы по пасторским делам. Замены себе как учителю он не нашел, а Миссет был в отъезде для решения вопросов с наследством, и пробыл в поездке целый год (до ноября 1747 г.). Занятия в школе немецким языком, видимо, пресеклись. После возвращения в Екатеринбург Сехтингу было поручено быть

[682] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 113–115.
[683] Там же. С. 147.

при прежнем деле, но не указано при каком. Обучение немецкому с 1 октября 1747 возобновил Миссет. Поэтому надзиратель екатеринбургских школ Федор Санников в марте 1748 г. ставит перед начальством вопрос: каких учеников и чему должен обучать Сехтинг? Только 20 июня 1749 г. Миссету было поручено взять 8 человек из немецкой школы и обучить латинскому языку. Во время пребывания президента Берг-коллегии А. Томилова на Урале в 1746 г. он предложил сохранить латинскую школу. В 1749 г. в ней обучались дети местной элиты, высшей заводской администрации: Брандт Иван (17 лет) – сын капитана, полицмейстера Екатеринбурга, Гордеев Афанасий (12 лет) – сын бывшего члена Канцелярии, скончавшегося обер-цегентнера, Ярцев Никита (13 лет) – сын берггешворена, Бахорев Никита (11 лет) – сын главного заводского механика, Аврамов Михаил (17 лет) – сын учителя знаменованной школы, Соловьев Иван (14 лет) – сын умершего надзирателя, Сигаев Алексей (11 лет) – сын умершего сержанта, Пешехонов Алексей (14 лет) – сын шихтмейстера[684].

Полный состав учеников продержался у Сехтинга недолго, постепенно они начали покидать стены латинской школы. В октябре 1753 г. надзиратель екатеринбургских школ Афанасий Кичигин по поручению начальства подбирал кандидатуры для определения в унтер-шихтмейстеры. 28 октября в Канцелярии заслушивали этот вопрос. Кичигин объявил и аттестовал из офицерских детей Никиту Ярцева и Никиту Бахорева. 1757 г. Никита Ярцев первым из екатеринбуржцев подал прошение о поступлении в Московской университет и окончил его, стал крупным специалистом в горном деле, был директором высшего Петербургского горного училища, возглавлял уральские заводы, стал автором нескольких трудов, в т. ч. 8-томной «Российской горной истории», первым из жителей Екатеринбурга получил звание генерала[685].

В 1754 г. в школе значились три ученика: Сигаев Алексей (15 лет), Соловьев Иван (18 лет), Грамотчиков Ларион (17 лет). В годовом рапорте за 1755

---

[684] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 151–154, 161–162.

[685] Сафронова А. М. Первые иноязычные школы раннего Екатеринбурга (1735–1750-е гг.). Екатеринбург, 2020. С. 301.

г., поданном надзирателем екатеринбургских школ Андреем Миссетом, в латинской школе числился лишь один ученик – 20-летний Иван Соловьев, который 27 октября определен в горные ученики. Таким образом, в октябре 1755 г. обучение в латинской школе прекратилось. Сехтинг сложил с себя обязанности преподавателя. Он ставил свою деятельность как пастора выше учительской, священный долг перед соотечественниками выполнялся им непрерывно на протяжении 19 лет, а преподавание в школе осуществлялось в периоды между поездками[686].

При заключении нового контракта в 1754 г. он потребовал, чтобы его указали пастором, а звание учителя было лишь упомянуто, как было указано в старом контракте. Подпись свою под контрактом он не поставил. К тому же горное начальство дало Сехтингу довольно негативную характеристику в качестве учителя, указав, что за 19 лет ни один ученик не овладел латинским языком, «и затем оному Сехтингу здесь в школе делать нечего, да и нужды в нем не признаваетца, для того что он руской язык не довольно знает и таких детей, кои по-немецки говорить еще не умеют, обучать их не может». На заседании приняли решение: по причине не подписания Сехтингом контракта «и для вышеобъявленных обстоятельств здесь быть не нужен и надлежит ево уволить», доложив о том в Берг-коллегию[687]. По данным Н.С. Корепанова Сехтинг прожил в Екатеринбурге до 1767 г.[688]

По инициативе В.Н. Татищева в Екатеринбурге в 1735 г. была открыта первая на Урале школа «знаменования» – школа рисования, в которой обучались живописи и графике. С момента открытия щколы и до своей смерти в 1753 г. знаменование и основы живописи там преподавал М.В. Аврамов. Он известен тем, что помогал в росписи многих поселковых церквей, в том числе на Сысертском заводе (Приложение №34, 35). Он обучался живописи и шпалерному делу в Петербурге, в 1726 г. исследовал месторождения

---

[686] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 162–163, 165–166.
[687] Там же. С. 162–163, 165–166.
[688] Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 90.

минеральных красок на Урале, в 1730–1733 гг. работал живописцем на заводах Демидова[689]. К 1749 г. в школе насчитывалось более 20 учащихся, там же обучались рисованию все ученики арифметической школы, приступившие к геометрии. Основным учебным пособием в школе являлась книга И. Д. Прейслера (1666–1737), главы Нюрнбергской академии живописи, изданная в переводе на русский язык (с параллельным текстом на немецком) академической типографией в 1734 г., – «Основательныя правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству».[690]

После смерти Аврамова обучать школьников поручено было его лучшим ученикам – Ивану Морозову и Егору Южакову. Особо необходимо выделить последнего, он прекрасно рисовал, «красил чертежи» и прославился солидным живописцем Урала[691]. Деятельность школы рисования сыграла большую роль в подготовке специалистов для горных заводов – маркшейдеров, геодезистов, чертежников. Выпускники школы знаменования использовались в качестве помощников геодезистов при проведении ими картографических работ, камнерезном, слесарном, инструментальном деле, на Екатеринбургском монетном дворе, везде, где требовались познания в рисовании, геометрии и тригонометрии. В 1749 г. в Петергоф на шлифовальную мельницу для обучения были взяты 6 учащихся екатеринбургских школ. Воспитанник Аврамова Егор Сунгуров в 1751 г. был назначен смотрителем первой камнерезной фабрики Екатеринбурга. В 1757 г. Кабинет императрицы Елизаветы Петровны затребовал в столицу к камнерезному делу уже 20 учащихся екатеринбургских школ, знающих геометрию, от 15 до 20 лет. После издания Устава народных училищ 1786 г. эта школа слилась со словесной, арифметической и немецкой, образовав единую горную школу Екатеринбурга[692].

---

[689] Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начала XX века. Свердловск, 1981. С. 6–7.
[690] Сафронова А. М. Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735–1750-е) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 299–310.
[691] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1755. Л. 1–8.
[692] Сафронова А. М. Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735–1750-е) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 299–310.

Горнозаводские школы Урала с первого года их деятельности стали центрами приобщения учащихся к музыкальной певческой культуре, и инициатором этого начинания, как и многих других, стал начальник заводов В. Н. Татищев. До 1735 г. главной формой обучения детей хоровому пению являлось их участие в церковных службах под руководством церковнослужителей. В наказах заводским комиссарам 1721 и 1723 гг. Татищев предписывал, чтобы учащиеся школ по воскресным дням и праздникам во время утренней, дневной и вечерней служб читали по очереди церковные книги и обучались пению «согласно», т. е. хором. Если учесть, что 52 воскресных дня в году дополнялись тогда 37 праздничными, пение должно было стать постоянной практикой в ученической среде. В ноябре 1735 г., опять-таки по инициативе Татищева в Екатеринбурге появилась первая на горнозаводском Урале школа пения, в которой должны были обучаться наиболее способные к этому учащиеся. Ссыльный «черкашенин» Федор Корноушенков, до этого на протяжении года обучавший детей чтению и письму, занял первую и единственную на горнозаводском Урале должность учителя пения. В январе 1737 г. Игнатий Юдин, член Канцелярии, отвечавший за деятельность школ, поставил вопрос о его увольнении по той причине, что Корноушенко оказался «по нотам пения недостаточен». Выразил желание обучать пению бывший дьякон Семен Иванов. Он недолго проработал в школе: в феврале сменил Корноушенкова, а в мае умер. Третий учитель, Феофилакт Митенев, оказался самой достойной кандидатурой и успешно проработал в школе с июня 1737 г. по сентябрь 1744 г., когда был отпущен в Военную коллегию. Он, бывший монах, был сослан на вечное житье в Сибирь за утрату из московской военной канцелярии, где был у прихода-расхода денежной казны, 1862 руб.; деньги удалось вернуть, но Митенев, битый кнутом, на этом завершил свою карьеру канцеляриста. Митенев дважды приводил сведения о числе своих подопечных: в июле 1737 г. у него числилось 34 ученика, в декабре 1738 г. – 56 подростков[693].

---

[693] Сафронова А. М. Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735–1740-е) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2009. Вып. 10. С. 51–56.

В ноябре 1736 г. В.Н. Татищев составил «Учреждение, коим порядком учители руских школ имеют поступать» – это первый программный документ, предназначенный учителям всех словесных и арифметических школ, открытых в 1735–1736 гг. при казенных заводах Урала и намеченных к открытию в ближайшем будущем. Так, часы школьных занятий устанавливались в зависимости от времени года. С 1 апреля по август занятия полагалось вести 8 часов: с 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывом на обед с 10 до 2-х часов дня, т. е 4 часа до обеда и 4 часа после. Зимою, с октября по февраль, с 8 часов утра до 3 часов дня с перерывом с 11 до 12 часов, т. е. по 3 часа до обеда и после него, с часовым перерывом на обед. В сентябре и марте полагалось учиться 4 часа до обеда и 3 после, без оговорки конкретных часов. Заметим, с апреля по сентябрь дневной перерыв составлял 4 часа, то есть ученики могли не только пообедать, но и отдохнуть[694].

Важным являлся вопрос о размещении учеников, прибывавших в Екатеринбург из дальних мест. Как правило, «иногородние» школьники размещались у родственников или распределялись на постой в чужие семьи «из найму», т. е. за плату. Такая практика имела место в горнозаводских школах с 1721 г., была распространена и по всей России[695]. Одновременно с размещением детей по частным квартирам горное начальство решило выделить для детей духовенства, присланных в латинскую школу, казенное жилье. Они должны были составить основную массу «иногородних» среди учащихся екатеринбургских школ и не получали казенное жалованье равное 3 руб. в год в словесной школе, 4 руб. – в арифметической, латинской и немецкой. Отсутствие жалованья было связано с тем, что дети духовенства по окончании латинской школы должны были занять места рядом с отцами, уйти «на волю», поэтому горное ведомство не желало тратить на них заводские средства.

За учениками требовалось присматривать. 7 января 1736 г., в Канцелярию поступило прошение Петра Финна, уроженца Копенгагена, о приеме на службу.

---

[694] Татищев В. Н. Записки. Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. Т. 14. С. 235–243.
[695] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 245–246.

Он ранее служил при голштинском князе, затем в Енисейске у воеводы И.К. Хрущове, где обучал его сына. Финн был подвергнут испытанию в переводе текста с немецкого языка, но не справился. Однако его решили пригласить для надзора за школьниками, которые будут размещаться в казенном заведении. 14 февраля 1736 г. Финн был принят экономом под началом Игнатия Юдина, согласно контракту он получал 60 р. в год и обязывался содержать под присмотром учеников в чистоте и порядочности, жить с ними в одних покоях и пользоваться одними и теми же дровами и свечами[696].

Первое, открывшееся горным ведомством казенное заведение, предназначенное для проживания школьников, получило название трактира. В 1736 г. в нем пожелали жить лишь 5 учеников. Получать на руки казенные деньги пожелало 240 учеников, имевших право на материальную поддержку, 36 учащихся заявили, что будут учиться на коште родителей, среди них дети членов правления, управляющих заводами, дворян, 14 детей попов и дьячков, из них 12 учеников латинской школы. Среди последних – 6 детей попов, 2 – протопопа, 4 – дьячков. Если двое детей протопопа были екатеринбургскими жителями, то другие – из села Истокского, Арамашевской, Мурзинской, Камышевской, Каменской, Уткинской слобод, с Алапаевского завода. Их отцы, видимо, не хотели получать никакой материальной поддержки из-за опасения, как бы по окончании обучения их детей не использовали в горном ведомстве. Трактир начал действовать лишь с лета 1736 г. к моменту открытия в нем начали жить и питаться 18 школьников[697].

Эконом Финн злоупотреблял своим положением: брал свечи в свои покои за счет экономии на школьниках, вносил изменения в записи, скрывая изъятия в свою пользу продуктов, без вмешательства начальства не выполнял обязанности по обеспечению подопечных одеждой и обувью. К 1737 г. в трактире остались жить 10 школьников, 7 из которых написали справедливую претензию согласно которой Финн сумел получить деньги, положенные на своих постояльцев, за

---

[696] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 247.
[697] Там же. С. 247–249.

февраль-май 1736 г., как только был назначен на должность, а начал их кормить лишь с июня. В начале мая 1737 г. Юдин подал в Канцелярию представление о необходимости выделить другое помещение под трактир, прежнее оказалось за забором на территории, где проживали каторжники. Но школьникам предписали оставаться в прежнем месте до строительства новых покоев. 5 апреля 1739 г. Финн был принят учителем немецкого языка и арифметики, что привело к закрытию трактира, где, к тому моменту числилось 7 учеников, в отношении которых было принято решение о выдаче жалованья на руки[698].

Ученики часто привлекались к канцелярским работам. Открытие В. Н. Татищевым в 1721 г. школ при уральских заводах позволило в короткие сроки подготовить собственные кадры подьячих для обеспечения главного органа управления заводами и многочисленных контор, цехов, где надо было вести письменный учет работ. Распределялись на эти должности исключительно учащиеся арифметических школ. В условиях острого дефицита грамотных огромную роль в 20-е гг. XVIII в. сыграло и временное использование школьников для письма в конторах, у переклички работных людей и приписных крестьян при строящихся заводах, заготовке древесного угля и других работах. Во второй половине 30-х гг. XVIII в. благодаря расширению сети школ и увеличению в них числа учащихся удалось полностью обеспечивать заводы собственными кадрами делопроизводителей, началась отправка школьников и в заводские конторы Сибири. В 1740-е гг. сама Берг-коллегия, центральный орган управления горнозаводской промышленностью России, стала заполнять свои вакантные должности делопроизводителей выпускниками уральских школ[699].

Так, Н.К. Чупин отмечал, что в годы руководства заводами В.И. Геннина, «когда накоплялось в заводских много дела, то брали разом в помощь, на время, помногу учеников, что мешало успешному их учению, и они позабывали выученное уж прежде». В сентябре 1725 г. из 42 учеников арифметической

---

[698] Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018. С. 250–251, 253, 255–256.

[699] Сафронова А. М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20–30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 18.

школы 15 «писали в разных конторах»[700]. Эти данные повторили и Н.В. Нечаев[701]. В. Н. Будрин на основе сводной таблицы, составленной в Канцелярии Главного заводов правления в 1746 г., привел данные о направлении учеников, выбывших из Екатеринбургской школы в 1735–1746 гг., к приказным делам и в переплетчики: в 1737 г. – 1, 1738 г. – 12, 1739 г. – 6, 1740 г. – 8, с 1741 по 1746 г. – 44, всего 71 ученик из 493[702]. Если учесть, что из общего числа учащихся (493 чел.) 224 ученика не были определены к делам по причине перевода в школы других заводов, отпущены по домам совсем или «до возрасту», бежали, умерли, получается, что из 269 учеников, распределенных к делам, 71 человек был направлен в подьячие (переплетчиками стали единицы). Это 21 % выпускников, то есть каждый пятый выпускник екатеринбургских школ за период 1735–1746 гг. стал подьячим[703].

В исследованиях уральских историков XIX в. встречаются упоминания и о существовании в Екатеринбурге особых профессиональных технических «школ». Уже в 1723 г. В.Н. Татищев и В.И. Геннин предусматрели введение практических занятий для закончивших геометрию учеников – они должны были обучаться ремеслам. Однако для планируемых наказом практических занятий контингент учащихся был небольшим. И вместо обучения ремеслам в послеобеденное время ученики привлекались к выполнению временных заводских работ, использовались для помощи в составлении чертежей и таким способом получали профессиональные навыки. Только после возвращения Татищева на Урал в 1736 г., он расширил программу профессиональной подготовки уральских школьников и попытался претворить ее в жизнь, но на короткий период[704].

---

[700] Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып. 1. Пермь, 1882. С. 18.
[701] Волков И., Нечаев, Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России // Исторический журнал. 1944. №12. С. 85.
[702] Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в.: материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 45–98.
[703] Сафронова А. М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20–30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 33.
[704] Сафронова А.М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): к 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 87–88.

Н. К. Чупин в рукописи «Учебные заведения на уральских заводах» сообщает о работе в Екатеринбурге в 1730-е гг. механической и геодезической школ. Механической школой руководил известный изобретатель, заводской механик Никита Бахорев. В 1738 г., судя по данным Н. К. Чупина, в механической и геодезической школах числилось по три мальчика. В. Н. Шишонко в «Материалах для описания развития народного образования в Пермской губернии» приводит сведения о работе в Екатеринбурге школы по обучению русских мастеров камнерезному искусству. В 1726 г. с этой целью на Урал был отправлен по заключенному контракту в Швеции поручик Реф. В 1738 г. Берг-директориум направил в Екатеринбург каменных дел мастера Рейнера, который обучал мастеров ломке мрамора и изготовлению из него разных изделий по рисункам. Школа Рейнера работала до 1747 гг.[705] Вряд ли, однако, эти «школы» можно считать профессиональными учебными заведениями в современном понимании этого слова. Обучение учеников в них производилось строго на индивидуальной основе, в свободное от школьных занятий время и мало чем отличалось от производственного ученичества[706].

Ученичество явилось необходимым условием в продвижении по службе. Уже в 1725 г. В.И. Геннин четко заявил, что только трудолюбие и стремление к совершенствованию «в искуствах» является гарантией получения чинов, в том, числе и обер-офицерских. Это положение подтвердил в 1735 г. В.Н. Татищев, а в 1745 г. члены Канцелярии вновь зафиксировали – в унтер-офицеры будут производиться лишь те, кто в совершенстве овладел математикой, умеет делать чертежи, приобрел технические навыки.

Поэтому солидные обер-офицеры, также, как, например, Н.П. Бахарев уже с 30-х гг. XVIII в. выявляли способных учеников. Стала зарождаться школа техников, так необходимая в горнозаводском производстве. Ее, наверно, еще нельзя определить как более высокую ступень общего образовательного уровня.

---

[705] Шишонко В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии, с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 27.

[706] Дашкевич Л. А. Становление и развитие школьного дела на Урале в первой половине XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 148.

Но важный момент необходимо подчеркнуть – общеобразовательных школах учились главным образом люди подлого сословия. Им «выбиться» на верхние ступени было крайне сложно. Только овладение «науками» давало такую возможность.

Такие ученики, пройдя специальное обучение, выдвигались минуя категорию работников, сразу в подмастерья или даже в унтер-офицеры. А далее, при «совершенствовании в науках», могли шагнуть и выше.

Примеров такого роста много. Так, в 1735 г. видя успехи ученика Т. Кочкина в «инструментальных делах», руководители, Екатеринбурга отправили его для обучения в Академию наук. Шесть лет совершенствовал он там «инструментальные художества». Получил хвалебный аттестат – «особое прилежание показал, подмастерьем быть достоен», вернулся на Урал, здесь также успешно сдал экзамен. Аттестован в подмастерье (позднее стал мастером), выделили ему специальную «комору» для изготовления инструментов, в том числе «готовален, циркулей, прочих приборов», а также определили учеников[707].

В 40-х гг. XVIII в. можно говорить о солидной школе техников Н.П. Бахорева. Многие ее ученики стали офицерами – И. Кузнецов, В. Попов, И. Сусоров, С. Черемисинов. У него начинал «познания в механике» и Иван Ползунов. Учитель видел его способности, просил даже не отправлять его в 1746 г. в Колывано-Воскресенские заводы.

Школы геодезии и маркшейдеров под руководством И. Куроедова, А.И. Порошина и других офицеров прошли ученики, а в будущем обер-офицеры Ф. Аврамов, Т. Бурцов, С. Костромин, А. Москвин, Ф. Пахоруков, Петр и Александр Степановы. Науку «сочинения чертежей» у М. Кутузова, А. Татищева, Ф. Санникова в 20–40-х гг. XVIII в. прошли И. Бортников, А. Кичигин, Д. Коморников, Ф. Пахоруков. Все вышеперечисленные личности оставили солидный след в истории горнозаводского Урала[708].

---

[707] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 910. Л. 51–55; Д. 917. Л. 59–65; 87–89; Д. 1438. Л. 232–238.

[708] Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е–50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 271–312; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 222; Д. 1643. Л. 6–12; Д. 1679. Л. 195–198.

Таким образом, представленный материал дает возможность высоко оценить степень грамотности молодого поколения мастеровых и работных людей заводских поселков, а закончить вывод мыслью Антона Федоровича Томилова. Боевой офицер, в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. в чине капитана руководивший Сибирским обер-бергамтом, выросший до генерал-майора и Президента Берг-коллегии, в 1746 г. будучи с инспекторской проверкой на Урале, вновь увидел здесь громадный его потенциал. Поэтому и высказал далеко опережающую время мысль о создании здесь крупнейшего образовательного учреждения. Процитируем его мнение «о первой и настоящей большой школе в Екатеринбурхе» полностью: «учеников учить по лекционам словесного, писменного, пения и музыки, арифметике, геометрии, тригонометрии и маркшейдерству, географии, артиллерии, фортификации, механике и архитектуре, рисовать, знаменовать и несколько малярства, металлургии и химии, латинского и немецкого языков. А хотя учителей или мастеров и подмастерьев ныне данных наук, знающих почти здесь никого нет, то до сыскания оных в настоящую Екатеринбургскую школу выбрать к тому способных из горнозаводских офицеров, а в подмастерья определять из обучившихся учеников»[709]. Эти планы удалось осуществить лишь в следующем столетии.

Таким образом, представленный материал дает возможность высоко оценить степень грамотности молодого поколения мастеровых и работных людей заводских поселков, а закончить вывод мыслью Антона Федоровича Томилова. Боевой офицер, в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. в чине капитана руководивший Сибирским обер-бергамтом, выросший до генерал-майора и Президента Берг-коллегии, в 1746 г. будучи с инспекторской проверкой на Урале, вновь увидел здесь громадный его потенциал. Поэтому и высказал далеко опережающую время мысль о создании здесь крупнейшего образовательного учреждения. Процитируем его мнение «о первой и настоящей большой школе в Екатеринбурхе» полностью: «учеников учить по лекционам словесного,

[709] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253. Л. 88.

писменного, пения и музыки, арифметике, геометрии, тригонометрии и маркшейдерству, географии, артиллерии, фортификации, механике и архитектуре, рисовать, знаменовать и несколько малярства, металлургии и химии, латинского и немецкого языков. А хотя учителей или мастеров и подмастерьев ныне данных наук, знающих почти здесь никого нет, то до сыскания оных в настоящую Екатеринбургскую школу выбрать к тому способных из горнозаводских офицеров, а в подмастерья определять из обучившихся учеников»[710]. Эти планы удалось осуществить лишь в следующем столетии.

Таким образом, первая половина XVIII в. явилась периодом формирования и развития социальной инфраструктуры на горнозаводском Урале. Осуществление мер, способствующих началу формирования социального пространства, опиралось на нормы законодательных и нормативно-правовых актов высших и центральных органов управления Российской империи.

В поселениях при казенных заводах по инициативе горнозаводской власти, прежде всего возглавлявших ее В. И. Геннина и В. Н. Татищева, были открыты госпитали, ставшие центрами медицинского обслуживания населения не только тех заводов, при которых они действовали, но и других, откуда присылались больные. На горнозаводской Урал впервые были приглашены из Москвы и Петербурга лекари, штаб-лекари, аптекари, исключительно все немцы, в 1734–1737 гг. трудился доктор, англичанин Дж. Гриф. С 1723 г. власти организовали обучение при них лекарских, с 1735 г. и аптекарских учеников из русских. Таким образом были подготовлены собственные кадры подлекарей и лекарей, начавших обслуживать жителей поселений при казенных заводах не только Урала, но и Сибири. Таким образом был заложен прочный фундамент для последующего развития медицинского обслуживания жителей поселков.

Была организована доставка из Москвы и Петербурга лекарств, на Урале велись поиски лечебных трав, в Екатеринбурге устраивались огороды для их выращивания. Для лечения пациентов медики применяли гуморальные методики

[710] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253. Л. 88.

лечения, которые подразумевали применение мочегонных, потогонных и слабительных средств, лечили ревматизм и простуды, занимались профилактикой цинги. Применяемые для лечения препараты вполне соответствовали европейским нормам. Подтверждением этому служат использование рецептур лекарств и медицинская литература, используемая при обучении.

С начала 1720-х гг. складываются тесные взаимоотношения горнозаводской и духовной власти на территории заводского ведомства. Горнозаводское ведомство, в отличие от владельцев частных заводов, вело строительство церквей в новых поселениях при заводах, удовлетворяло просьбы мирян об их открытии, обеспечивало их материалами, участвовало в формировании внутреннего пространства храмов; организовывало сборы средств при церквах для призрения нуждающихся, открывало богадельни в в поселках при казенных заводах, проводило политику, поощрявшую тесное взаимодействие священно- и церковнослужителей и мирян.

Но порой взаимоотношения светской и духовной власти обострялись из-за чрезмерного вмешательства горного ведомства в процедуру посвящения в священнослужители, широкого привлечения в горнозаводские школы, вопреки общероссийскому законодательству, детей духовенства, что потребовало даже вмешательства в 1740 г. Синода, а в 1742 г. и Сената. Церковные власти пытались отстаивать свои позиции и в сфере управления церквами и правовой подсудности клира от вмешательства горнозаводских властей. Попытки наказания церковнослужителей со стороны Канцелярии, становились основой для споров между Тобольской епархией и горнозаводским чиновниками, разбирательств.

Заслугой горнозаводского ведомства на Урале, прежде всего В.Н. Татищева в начале 1720-х гг., второй половины 1730-х открытие в заводских поселках школ для обучения детей, словесных и арифметических, благодаря которым на горнозаводском Урале выросло поколение молодежи, владеющее грамотой и основами математики. Центром развития образования стал Екатеринбург, где с 1735 г. наряду с самыми крупными на Урале словесной и

арифметической школами были открыты первые иноязычные школы – немецкая и латинская, школа знаменования (рисования). Благодаря деятельности этих школ удалось решить проблему подготовки собственных кадров для казенных заводов, обеспечить их собственными приказными служащими, через дальнейшее ученичество при механиках, пробирерах, маркшейдерах, геодезистах получить достойные кадры и по этим направлениям, не говоря уже о заводских мастерствах.

Заключение

В диссертационном исследовании отражены все основные моменты, касающиеся жизни населения и формирования социальной инфраструктуры в казенных поселениях, возникших при 24 казенных заводах Урала на протяжении первой половины XVIII в.

Заводы в силу технических требований размещались по течению рек, где удобно было строить плотину, поэтому вблизи возникали и поселения при них. Чем мощнее было предприятие, тем крупнее становилось и поселение. Самые крупные поселки сформировались при Екатеринбургском, Верх-Исетском, Сысерстком, Полевском и Алапаевском заводах, при этом Екатеринбургское превосходило другие в десятки раз.

Население заводских поселков было различным по социальному составу. Подавляющее большинство жителей – это мастеровые и работные люди, небольшие группы составляли офицеры и унтер-офицеры — руководство заводов, приказные служители, представители духовенства, обслуживавшие заводские церкви, были бобыли, разночинцы, солдаты (последние составляли большую группу в Екатеринбурге), ссыльные, их число колебалось, с Екатеринбургского завода по мере надобности они .рассылались на другие заводы, в том числе и в Сибирь. Уральское начальство, чтобы обеспечить заводы рабочей силой, организовывало строительство казенных квартир для поселенцев, взимая плату за проживание, поощряло возведение собственных домов, чтобы меньше заниматься ремонтом, предоставляло материалы для строительства, и к середине века во всех поселках при казенных заводах частные дома стали преобладающими.

Уникальные экономические и бытовые условия жизни населения в заводских поселках привели к формированию особых заводских форм оплаты труда, материального обеспечения. В итоге сложился иной в отличие от крестьянства образ жизни мастеровых и работных людей.

Проведенное исследование приводит к выводу, что социальное положение населения поселков было неоднородным. Благосостояние и быт во многом

зависели от удаленности заводов от административного центра и места расположения приписных слобод, где крестьяне успешно занимались сельским хозяйством. В целом стабильная оплата труда, придомовое хозяйство, позволяли мастеровым и работным людям поддерживать необходимый прожиточный уровень. В исследуемый период не зафиксировано крупных недовольств и каких-либо выступлений среди трудового населения.

Заводские поселки изначально возникали как достаточно замкнутые социальные пространства. Жизнь в них направлялась, регламентировалась горнозаводским руководством. Такая ситуация детерминировала, с одной стороны, возможность формирования более здоровой социальной среды – внимание к гигиене, возможность получить медицинскую помощь и образование, контроль нравственности, практика пресечения социальных конфликтов, довольно высокий уровень безопасности. С другой стороны, практически казарменная жизнь вызывала негласные протесты представителей всех слоев населения заводских поселков, что приводило к нежелательным социальным явлениям: нелегальной продаже спиртного, нарушениям в отношении исполнении церковных обрядов (нежелание посещать церковь), распространении «блудного воровства» и пр.

В первой половине XVIII в. было положено начало формированию и развитию социальной инфраструктуры в поселениях при казенных заводах. По инициативе горнозаводской власти были открыты первые госпитали в пяти поселениях, самый крупный – в Екатеринбурге, куда доставлялись больные с Верх-Исетского, Уктусского, Полевского, Алапаевского, Каменского и других заводов. В Москве и Петербурге наняты лекари, штаб-лекари, аптекари, все немцы, а исключением доктора, англичанин Дж. Грифа.

Бесплатным медицинским обслуживанием пользовались лишь служащие и работники заводов, иностранные специалисты, учащиеся школ. Остальное население поселков получало помощь от болезней только за плату. Ее сумма зависела от серьезности заболевания, стоимости затраченных лекарств, оплаты услуги медперсоналу.

Формирование медицинской инфраструктуры в первой половине XVIII в. на горнозаводском Урале не было завершено в полной мере. Пяти госпиталей было недостаточно для обеспечения лечения тружеников более чем 20 заводов. Лекари были не в состоянии обеспечить весь спектр медицинской помощи, это было обусловлено и нехваткой медикаментов и квалификации. Ежегодные объезды предприятий и регулярная отправка туда всех необходимых лекарств улучшали ситуацию, но все-таки не могли обеспечить полноценную профилактику заболеваний и лечение.

Нормы законодательства, установленные в петровскую эпоху, определили стандарты для подготовки лекарей и меры при оказании помощи пациентам. Предпринятые меры положительно повлияли на процесс обучения лекарских учеников, которые, несмотря на все трудности, связанные с удаленностью от европейской части России, успешно прошли аттестацию и оказались достойны звания подлекаря. С 1735 г., появления первых аптекарей, стала вестись подготовка и аптекарских учеников.

С 40-х гг. XVIII в. на базе местных трав, кореньев, созданного «аптекарского огорода» удалось не только улучшить ассортимент лекарств, но и сократить их покупку в Москве. Горнозаводская администрация в полной мере выполняла заявки медицинского персонала.

В 20-е гг. XVIII в. почти одновременно прошла реорганизация церковной власти в России и создание новой горнозаводской администрации. Предпринятая попытка комплексного изучения формирования и функционирования новой модели взаимоотношений между горнозаводской властью и представителями епархии в Тобольске в первые десятилетия синодального периода позволила выделить общие и местные особенности, суть социальных и духовных процессов церковно-государственных взаимоотношений.

Важнейшей заботой горнозаводской и церковной властей являлось поддержание здорового морального климата среди населения поселков. Их взаимоотношения выстраивались в социальной и административных сферах. Инициатором и фактическим строителем церквей в новых заводских поселениях

выступало население и горнозаводская власть. Она же субсидировала благотворительные учреждения. Епархиальные власти освящали церкви, присылали священнослужителей. Только тесное и продуктивное взаимодействие вышеотмеченных властей могло дать серьезный результат. Однако нередко возникали споры и конфликты.

Взаимоотношения церковных и горнозаводских властей в данный период выстраивались в основном в сферах экономической и административной. Церковь выступала, прежде всего, социальным регулятором, поддерживая дисциплину среди населения посредством трансляции традиционных христианских ценностей. По сути дела, представители духовенства, состоящие на службе церкви при заводских поселениях, находились в зоне двойного подчинения: властям епархиальным – в вопросах культа, и властям горнозаводским – в вопросах экономических (оплаты их труда, обеспечения условий проживания) и вопросах социального дисциплинирования населения. Такая ситуация неизбежно приводила к разногласиям между двумя ведомостями.

Совместно с церковью выполняя единую задачу нравственного воспитания мирян, горнозаводская администрация во многих случаях вмешивалась в церковные дела, в том числе в подбор кадров священно и церковнослужителей. Автором установлено, что разумные попытки давления по вопросам, находящимся в компетенции церковной власти, давали положительные результаты. Местная церковная власть шла на некоторые уступки, но со второй половины 30-х гг. XVIII в. Канцелярия перешла грань. Отсюда появились споры, даже конфликтные ситуации, доходившие до Синода и Сената. Решения по ним в высших эшелонах власти объективно не способствовали улучшению взаимоотношений, появилось взаимное отторжение при рассмотрении важных проблем.

Горнозаводское ведомство, прежде всего в лице начальника казенных заводов В. Н. Татищева, большое внимание уделяло формированию в поселениях при заводах школ, словесных и арифметических, именно через них осуществлялась подготовка грамотной молодежи, владеющей не только

письмом, но и основами математики, что позволяло вести через заводское ученичество, распределение выпускников к узким специалистам, новым для заводов, подготовку собственных кадров, необходимых также и для обслуживания канцелярии, горных начальств и заводских контор кадрами делопроизводителей.

В словесной школе учили только чтению и письму, а в арифметической помимо самой арифметики учеников обучали геометрии, тригонометрии, черчению, рисованию. Самая широкая программа обучения основам математики осуществлялась в Екатеринбургской арифметической, где начали преподавать собственные выпускники. При Екатеринбургском заводе с 1735 г. начали действовать также школы немецкая, латинская, знаменования (рисования), пения. Благодаря открытию широкой сети школ на Урале выросло целое поколение образованной молодежи, из их среды, наиболее способных учащихся, вышли десятки горных офицеров, задействованных и в качестве командных кадров, возглавивших те или иные органы управления заводского производства.

Деятельность начальников заводов В.И. Геннина и В.Н. Татищева была направлена на прогрессивное развитие социальной сферы, совершенствование условий, образа и качества жизни населения, проживавшего в поселках при казенных заводах Урала.

Рекомендации, перспективы дальнейшей разработки темы. Учитывая важность социальной инфраструктуры в вопросах развития социального обеспечения региона, выводы, полученные в ходе написания диссертации, в дальнейшем могут быть использованы при создании общих трудов по социальной истории Урала, стать одним из верифицирующих элементов для исторических, социологических и историко-экономических исследований.

Результаты исследования в дальнейшем могут быть дополнены новыми источниками, выявленными в государственных архивах, что позволит дать более детальную оценку состояния социальной инфраструктуры Урала первой половины XVIII в. и послужить основой для изучения ее изменений во второй половине столетия; проведения сравнений с инфраструктурой, сложившейся при

частных предприятиях. Выводы исследования могут быть полезны для написания обобщающих трудов, имеющих своей целью раскрыть эволюцию социального и экономического положения населения уральского региона, взаимоотношений между церковью и государством.

Список источников и литературы

Источники

Опубликованные

I. Законодательные и нормативно правовые акты высших органов управления России

1. Именной указ, объявленный из Сената о воспрещении нищенства в Москве, о распределении нищих по монастырям и богадельням и о рассылке ни к каким богоугодным заведениям на прежние их жительства с наказанием. 21 января 1712 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 4. № 2470.

2. Устав Воинский. 30 марта 1716 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 5. № 3006.

3. Именной указ, объявленный из Сената о забирании под караул праздношатающихся людей, о непускании таковых в домы по пробитии зори без явного свидетельства, о ненанимании работников без поручных записей, о непродаже после зори питей и харча, о разнимании драк и о вспоможении тем, которые закричат: караул, о наблюдении чистоты по улицам и порядка в строении домов. 20 июня 1718 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 5. № 3212

4. Именной указ, объявленный из Сената о взимании штрафа с тех, кои во время божественные литургии будут разговаривать. 8 декабря 1718 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 5. № 3250.

5. Генеральный регламент или Устав. 28 февраля 1720 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 6. № 3534.

6. Регламент об управлении Адмиралтейства и Верфи и часть вторая Регламента Морского. 5 апреля 1722 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 6. № 3937.

7. Именной указ, объявленный из Сената о смотрении, чтобы не было бродящих нищих. 6 апреля 1722 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 6. № 3945.

8. Высочайшая резолюция на докладные пункты Синода о предметах

подлежащих светскому суду и Синоду, об отсылке в оные дел, о решении оных, о розыске, на казании и о штрафах на неосповедовании, о власти Синода, о не укрывании раскольников, о колокольном звоне в урочное время, о наказаниях за церковные преступления и обидах, наносимых Синоду и о держании в домах духовных особ других вер с дозволения Святейшего Синода. 12 апреля 1722 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 6. № 3963.

9. Синодский о соблюдении тишины в церквах во время Богослужения. 11 января 1723 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 7. № 4140.

10. Сенатский указ об отдаче в богадельни слепых и престарелых, являющихся при переписи, о раздаче безродных младенцев на воспитание с вечным за воспитателями укреплением, о шрафе с владельцевь отпустивших кабальных людей без явки в Приказах, и взыскании рекрут за утайку душ в ревизских сказках. 23 октября 1723 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 7. № 4335.

11. Сенатский указ о мерах по пресечению бродяжничества и нищих и об учреждении, для содержания их, при церквах и богаделен. 6 мая 1733 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 9. № 6406.

12. Резолюция кабинета министров о неприкомандировании к казенным заводам состоящих при партикулярных заводах плавильных и других мастеров, о непринуждении детей заводских работников обучатся в школах, о предоставлении свободы заводчикам с мастеровыми людьми делать условия и о небытии при частных заводах Шихтмейстерам. 12 декабря 1735 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 9. № 6840.

13. Генеральный регламент о госпиталях и о должностях, определённых при них Докторов и прочих медицинского чина служителей, также комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людей. 24 декабря 1735 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 9. № 6852.

14. Именной указ о прекращении нищенства. 28 августа 1736 // Полное собрание

законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 9. № 7041.

15. Именной указ о приеме медных пятикопеечников прежнего чекана во всех платежах частных и казенных за четыре копейки. 11 мая 1744 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 12. № 8939.

16. Именной указ о приеме медных пятикопеечников во всех платежах казенных и частных за три копейки. 5 июля 1745 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 12. № 9185.

17. Именной указ о приеме и выдаче из казны старых пятикопеечников за две копейки. 20 июня 1746 // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб., 1830. Т. 12. № 9297.

18. Варадинов Н. Аптекарский устав, извлечённый из Свода законов полных собраний законов, распубликованных циркуляров Министерства внутренних дел, постановлений Медицинского совета и разъясняемый историей законодательства. СПб: Типография Министерства Внутренних Дел, 1880. 140 с.

19. Законодательство Петра I. / В. М. Клеандрова, Б. В. Колобов, Г. А. Кутьина, Т. Е. Новицкая, А. А. Преображенский, М. И. Сизиков, Н. Ю. Титов, А. М. Четвертков, О. И. Чистяков. М. : Юридическая литература, 1997. – 880 с.

II Сборники документов

20. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов. Приложения / В. Берх // Горный журнал. – 1826. Кн 4. – С. 93–132; Кн. 5. – С. 107–149.

21. Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / В. И. Геннин [сост., вступ. ст., коммент. М.О. Акишина]. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. – 467 с.

22. Татищев В. Н. Записки. Письма: 1717–1750 гг. / под. ред. А. И. Юхт. – М. : Научное наследство, 1990. Т. 14. – 438 с.

III Произведения В. И. Геннина и В. Н. Татищева

23. Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 / В. И. Геннин : предисл. М. А. Павлова; подгот. к печати М. Ф. Злотников. – М. : История заводов,

1937. – 681 с.

24. Заводской устав Татищева // Горный журнал. 1831. Кн. 2, 6, 7, 9, 10.

25. Татищев В. Н. Избранные произведения. / под ред. С.Н. Сапко. – М. : Наука, 1979. – 464 с.

VI Фармакопеи

26. Fagino E. Dispensatorivm Regivm Et Electorale Borvsso-Brandenbvrgicvm. Erford: C. F. Jungnicolius, 1734. – 278 p.

27. Gottfried R. W. Med. D. und Practici in Leipzig, Gründliche Anleitung zur Chymie : Darinnen nicht nur Die in der derselben vorkommenden Operationes, und die ... entstehende Producta, sondern auch Die Præparationes derer besten Chymischen Medicamenten aufrichtig beschrieben sind / Von neuen durchgesehen, von ... vielen unrichtigen Dingen gesäubert, Hingegen aber ... mit nötigen Anmerckungen ... vermehret von D. Samuel Theodor Quelmaltz Physiol. Prof. Publ. Ord. Sechste vermehrte und verbesserte Auflage. Leipzig : Schönermarck, 1745. – 297 p.

28. Lewis W., Aikin J. An Experimental History of the Materia Medica, Or of the Natural and Artificial Substances Made Use of in Medicine Containing a Compendious View of Their Natural History, an Account of Their Pharmaceutic Properties and an Estimate of Their Medicinal Powers. London : London Baldwin, 1791. – 504 p.

29. Michaelis Ettmülleri ... Opera omnia: nempe, Institutiones medicinae, cum notis; collegium practicum generale & speciale de morbis virorum, mulierum ac infantium. Collegium chirurgicum. Notae in Morelli methodum de formulis medicamentorum praescribendis; in Ludovici Dissertationes pharmaceuticas. Frankfurt am Main : Sumptibus Johannis Davidis Zunneri, Amstelodami prostat apud Henricum Wetstenium, 1688. – 1616 p.

30. Murray J. A System of Materia Medica and Pharmacy. New York : Duyckinck, Long, Collins & Co., 1824. – 560 p.

Неопубликованные

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 271 – Государственная Берг-коллегия.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 5, 716, 918; Оп. 3. Д. 7.

Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПб ИИ РАН)

Ф. 115 – Коллекция рукописных книг.

Архив СПб ИИ РАН .Ф. 115. Д. 1161, ч. 2.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. 24 – Уральское горное управление, г. Екатеринбург Пермской губернии (1720–1919).

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5а, 17, 23, 26, 32, 35, 37, 52, 53, 55, 71, 73, 74, 77, 78, 79, 88, 89, 92, 93, 94, 96, 114, 122, 123, 126, 132, 134, 135, 142, 148, 157, 158, 160, 164, 188, 212, 218, 243, 245, 278, 280, 305, 328, 331, 341, 350, 354, 372, 375, 376, 385, 397, 408, 422, 423, 424, 432, 433, 450, 464а, 465, 468, 474, 475, 476, 480, 486, 489, 500, 510, 530, 530а, 532, 532а, 546, 549, 557, 559, 560, 562, 566, 568, 589, 607, 609, 610, 611, 616, 622а, 624, 629, 639, 673, 677, 678, 691, 701, 705, 707, 711, 715, 742, 743, 770, 832, 849, 850, 865, 867, 869, 877, 881, 890, 891, 893, 894, 897, 898, 901, 907, 910, 914, 916, 917, 920, 933, 934, 935, 936, 937, 940–941, 984, 986, 987, 988, 990–993, 1013, 1014, 1030, 1031, 1032, 1049, 1050, 1051, 1052, 1068, 1071, 1072, 1079, 1080, 1090, 1094, 1112, 1113, 1116–1122, 1138, 1139, 1140, 1153, 1218, 1243, 1253, 1282, 1291, 1295, 1301, 1323, 1343, 1385, 1395, 1396, 1397, 1399, 1405, 1414, 1417, 1418, 1420, 1421, 1422, 1423, 1425, 1426, 1438, 1456, 1496, 1523, 1525, 1561, 1572, 1590, 1636, 1643, 1665, 1668, 1670, 1679, 1728, 1729, 1730, 1755, 1763, 1797, 1831, 2341; Оп. 12. Д. 279.

Ф. 59 – Чертежная Уральского горного управления, г. Екатеринбург Пермской губернии (1806–1918).

ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 153, 1376, 1381, 1385.

Литература

1. Азизбаева, Р. Е. Госпитали для «зазорных» младенцев петровской эпохи: замысел и его судьба / Р. Е. Азизбаева // Петровское время в лицах СПб.: Изд–во Государственного эрмитажа – 2010.– С. 5–7.

2. Акельев, Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина / Е. В. Акельев. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 416 с.

3. Акишин, М. О. Государство и становление профессиональной медицины в Сибири XVIII века / М. О. Акишин // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем.: тезисы докладов и сообщений, 22-23 апреля 2004 г. – Екатеринбург, 2004. – С. 23–28.

4. Алеврас, Н. Н. Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов XVIII – начала XX века. / Н. Н. Алеврас // Вестник Челябинского государственного университета. –2009. – №16 (154). – С. 26–37.

5. Алелеков, А. Н. История Московского Военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею: 1707–1907. / А.Н. Алелеков. – М. : тип. Штаба Воен. окр., 1907. – 802 с.

6. Анисимов, А. В. Превентивная политика в отношении дезадаптированных несовершеннолетних в России XVIII столетия / А. В. Анисимов // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 1. – С. 237–241.

7. Анисимов, Е. В. Дыба и кнут : Полит. сыск и рус. о-во в XVIII в. / Е.В. Анисимов. – М. : Новое лит. обозрение, 1999. – 719 с.

8. Антропов, Д. Н. Образ горнозаводского Урала XVIII в. в иллюстрациях «Описания Уральских и Сибирских заводов» / Д. Н. Антропов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 86–97.

9. Арнаутова, Ю. Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. / Ю. Е. Арнаутова. – СПб. : Алетейя, 2004 – 398 с.;

10. Базанов, А. Г. Школы на Камчатке в XVIII веке / А. Г. Базанов // Советский Север, – 1939. – № 2. – С. 177–194.

11. Байдин, В. И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале: историко-биографические этюды / В.И. Байдин. – М.: Флинта, Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 203 с.

12. Балагуров, Я. А. Олонецкие заводы в дореформенный период / Я. А. Балагуров. – Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1958. – 211 с.

13. Белов, В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов / В. Д. Белов. – СПб. : Типография Исидора Гольдберга, 1896. – 177 с.

14. Берк, П. Антропология итальянского Возрождения / П. Берк. // Одиссей. Человек в истории, 1993. Образ «другого в культуре». – М., 1994. – С. 272–283.

15. Блок, М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенной преимущественно во Франции и Англии / М. Блок. – М.: «Школа русской культуры», 1998. – 712 с.

16. Блок, М. Феодальное общество. Условия жизни и духовная атмосфера / М. Блок. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. Т. 1. Ч. 1. Кн. 2. – 504 с.

17. Богданов, К. А. Врачи, пациенты читатели патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков / К.А. Богданов. – М. : ОГИ, 2005. – 504 с.

18. Борисов, В. Е. Гулящие люди, бобыли и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII веке: состав, занятия, статус / В. Е. Борисов // Новый исторический вестник. – 2013. – № 3. – С. 6–26.

19. Бородина, Е. В. Каторжные и ссыльные в Екатеринбурге в 1723 – конце 1730-х гг.: к вопросу о формировании социального пространства города / Е. В. Бородина // Genesis: исторические исследования. – 2020. – №11. – С. 14–26.

20. Бородина, Е. В. Регламентация и контроль служебного времени делопроизводителей в России в 1725–1734 гг. (на примере Среднего Урала) / Е. В. Бородина // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 5. – С.1–26.

21. Бородина, Е. В. Служилые люди Урала и Западной Сибири в судебных конфликтах / Е. В. Бородина // Уральский исторический вестник. – 2011. –№3 (32). – 2011. – С. 73–79.

22. Бородулин В. И., Банзелюк Е. Н., Бергер Е. Е. XXI век: кому писать историю медицины – врачам для врачей или историкам для историков? В. И. Бородулин, Е. Н. Банзелюк, Е. Е. Бергер // OPERA MEDICA HISTORICA. ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ : альманах РОИМ.– М. : ООО «Лакуэр Принт», 2019. – вып.4. – С. 42–49.

23. Бородулин, В. И. История медицины России. Клиника внутренних болезней во второй половине XIX первой половине XX века: цикл лекций / В. И. Бородулин. – М.: МЕДпресс-информ, 2011. – 144 с.

24. Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. / К.Д. Бугров, М.А. Киселев. – Екатеринбург, 2016. – 480 с.

25. Будрин, В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. / В. Н. Будрин // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. – Свердловск (26-29 мая 1948 г.), 1950. – С. 45–98.

26. Будрин, В. Н. Екатеринбургские школы за 200 лет / В. Н. Будрин // Екатеринбург за 200 лет (1723–1923). – Екатеринбург, 1923. – С. 173–175.

27. Будрин, В. Н. Предшественники Уральского училища / В. Н. Будрин // 100 лет Горнотехнической школы на Урале. – Свердловск, 1948. С. 17–18.

28. Бужилова А. П. Homo sapiens: история болезни. / А. П. Бужилова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.

29. Бульст Н. Почитание святых во время чумы: социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в Позднее Средневековье / Н. Бульст // Одиссей. Человек в истории. – М., 2000. – С. 152–185.

30. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдье. // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.

31. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя. 2005. – С. 554–560.

32. Вагина П. А. К истории возникновения горнозаводской промышленности Южного Урала / Пнеча. А. Вагина // Вопросы истории Урала. –1958. – Вып. 1. – С. 22–36.

33. Вагина П. А. Материально-бытовое положение мастеровых и работных людей Южного Урала во второй половине XVIII века / П. А. Вагина // Вопросы истории Урала. –1963. – Вып. 4. – С. 7–22.

34. Варганова, В. Сексуальное в свадебном обряде В. Варагнова // Русский эротический фольклор / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. – М. : Ладомир, 1995. – 648 с.

35. Вилков, О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. / О. Н. Вилков. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1990. – 368 с.

36. Владимирский-Буданов, М. Ф. Государство и народного образование в России с XVII века до учреждения министерств / М. Ф. Владимирский-Буданов. – СПб.: тип. В. С. Балашева, 1874. – 142 с.

37. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Киев : Н. Я. Оглоблин, 1915. – 699 с.

38. Волков И., Нечаев, Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России / И. Волков, Н.В. Нечаев // Исторический журнал. – 1944. – №12. – С. 83–84.

39. Герман, И. Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи / И. Ф. Герман. – Екатеринбург. 1810. Т. 1. – 240 с.

40. Гинзбург, К. Образ шабаша ведьм и его истоки / К. Гинзбург // Одиссей. Человек в истории. 1900. – М., 1990. С. 132–146.

41. Гинзбург, К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / К. Гинзбург. – М., 2000. – 272 с.

42. Голикова, С. В. Заводские поселки – особый тип уральских поселений XVIII – начала XX в. / С. В. Голикова // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 3. – С. 66–87.

43. Голикова, С. В., Миненко, Н. А., Побережников, И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия, XVIII – первая половина XIX века / С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. – М. : Наука, 2000. – 263 с.

44. Голобородский, М. В. Архитектура храмов Екатеринбурга: XVIII–XIX вв. : автореферат дис. ... кандидата архитектуры : 18.00.01 / Михаил Венидимович Голобородский. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

45. Горловский, М. А., Павленко, Н. И. Материалы совещания уральских промышленников 1734–1736 гг. / М. А. Горловский, Н. И. Павленко // Исторический архив. – 1953. Т. 9. – С. 5–155.

46. Горловский, М. А., Пятницкий, А. Н. Из истории рабочего движения на Урале : Очерки о положении крепост. рабочих Сред. Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800–1870) / М. А. Горловский, А. Н. Пятницкий, – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1954. –380 с.

47. Гофман, П. Краткая история врачебного искусства / П. Гофман. – СПб. 1789. – 197 с.

48. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / В. А. Аракчеев, Е. В. Бородина, К. Д. Бугров и др. – СПб. : Алетейя, 2018. – 722 с.

49. Греков, Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века / Б. Д. Греков // Летописи занятий Археографической комиссии. – № 35. – 1929. – С. 39–104.

50. Григорьев, А. Б. Священномученик Арсений Мацеевич в гражданском, уголовном и церковном судебном процессе / А. Б. Григорьев // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы научн.-практ. конф. в 2 т. – М., 2008. Т. 1. – С. 98–107.

51. Григорьев, Э.А., Мещеряков, В.Н., Черноухов, А.В. Екатеринбургский монетный двор. История. Каталог. Документы. / Э. А. Григорьев, В. Н. Мещеряков, А. В. Черноухов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 176 с.

52. Гузеев, А. Е. Сысертские горные заводы, их прошлое, настоящее и летопись событий : (1702–1896 гг.) / А. Е. Гузеев. – Пермь : Типография наследников П. Ф. Каменского, 1896. – 109 с.

53. Даль, Д. В. Толковый словарь живого великорусского языка / Д. В. Даль. – М. : Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. – 723 с.

54. Дашкевич, Л. А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII – первой половине XIX в. / Л. А. Дашкевич // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. – С. 103–124.

55. Дашкевич, Л. А. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX в.) / Л. А. Дашкевич, А. М. Сафронова // Металлургические заводы и крестьянство. Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в ранне-индустриальный период: сб. статей. – Екатеринбург: Наука. Урал. отд., 1992. – С. 87–94.

56. Дашкевич, Л. А. Становление и развитие школьного дела на Урале в первой половине XVIII в. / Л. А. Дашкевич // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 139–155.

57. Дашкевич, Л. А. Управление делом «общественного призрения» в Пермской губернии XVIII – первой половине XIX веков / Л. А. Дашкевич // Первые Чупинские краеведческие чтения. – Екатеринбург, 2001. – С. 52–64.

58. Дашкевич, Л. А. Уральские горнозаводчики и рабочие XVIII – первой половине XIX вв.: опыт социальной политики в промышленности / Л. А. Дашкевич // Развитие металлургического производства на Урале. – Екатеринбург: Акаде-мкнига, 2001. – С. 64–70.

59. Дашкевич, Л. А. Формирование института призрения детства в Пермской губернии: государственная и частная инициатива / Л. А. Дашкевич, М. В. Исаева // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2009. Вып. 7. Ч. 1. – С. 141–149.

60. Дельвиг, В. С. Место и роль Московского госпиталя в истории реформирования российской медицины: 1707–1735 гг. / В. С. Дельвиг // Общество. Среда. Развитие: (Terra Humana). – 2013. № 1 (26) – С. 65–70.

61. Демидова, Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в 1-й половине XVIII в. / Н. Ф. Демидова // Тезисы докладов на Сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1957. – С. 26–39.

62. Дергачева-Скоп, Е. И. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири / Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев // Культурное наследие Азиатской России: I Сибирско-Уральский исторический конгресс: материалы, 25-27 нояб. 1997 г. –Тобольск, 1997. – С. 3–8

63. Дерикер, В. Сборник народноврачебных средств, знахарями в России употребляемых / В. Дерикев – СПб.: Типография Гогенфельдена, 1866. – 128 с.

64. Дуров, И. Г. Пенсионное обеспечение отставных военных и морских чинов в монастырях Русской православной церкви в первой четверти XVIII в. / И. Г. Дуров // Меншиковские чтения. – 2010. – № 1. – С. 20–54.

65. Дэвис, Н. З. Возвращение Мартина Герра / Н. З. Дэвис – М. : Прогресс, 1990. – 208 с.

66. Дэвис, Н. З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. / Н. З. Дэвис – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 400 с.

67. Егорышева, И. В. Казённые аптеки в России в XVIII в. / И. В. Егорышева // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2015. – №3. – С. 60–61.

68. Заблудовский, П. Е. История отечественной медицины. / П.Е. Заблудовский. – М.: Медицина, 1981. – 352 с.

69. Заболотных, Т. А. Егошихинская горнозаводская школа / Т. А. Заболотных – В кн.: Из истории народного образования Урала. – Пермь, 1976. – С. 22–32.

70. Законодательство Петра I. / В. М. Клеандрова, Б. В. Колобов, Г. А. Кутьина, Т. Е. Новицкая, А. А. Преображенский, М. И. Сизиков, Н. Ю. Титов, А. М. Четвертков, О. И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 1997. – 880 с.

71. Запарий, В. В. Первые шаги металлургического образования на Урале / В. В. Запарий // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 22-23 апреля 2004 г. – Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. – С. 226–230.

72. Земцов, В. Н. Екатеринбург в мундире: Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVII–начала XX в. / В. Н. Земцов – Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд-во, 1992. – 237 с.

73. Змеев, Л. Ф. Чтения по врачебной истории России / Л.Ф. Змеев. – СПб. : тип. В. Демакова, 1896. – 252 с.

74. Знаменательные и юбилейные даты истории медицины / И. В. Венгрова, И. В. Егорышева, Р. С. Рабинович. – М. : Медгиз, 1956. – 19 с.

75. Иванов, П. А. Краткая история Управления горною частью на Урале / П. А. Иванов. – Екатеринбург : Хромолитотипография К. К. Вурм, 1900. – 71 с.

76. История Екатеринбургской епархии / Е. М. Главацкая, А. В. Мангилева, И. Л. Манькова, В. А. Мусихин, М. Г. Нечаев, М. Ю. Нечаева. – Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2010. – 552 с.

77. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / АН СССР, Ин-т истории и археологии УрО ; отв. ред. А. А. Преображенский. – М.: Наука, – 608 с.

78. Кабузан, В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – М. : Наука, 1990. – 256 с.

79. Каменский, А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А. Б. Каменский. – М., 2006. – 405 с.

80. Капалин, М. К. К вопросу об участии священнослужителей во второй Камчатской экспедиции / М. К. Капалин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 2(82). – С. 219–224.

81. Кафенгауз, Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории Уральской металлургии / под ред. С. Г. Струмилина. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1949. Т. 1. – 524 с

82. Киселев, М.А. Люди Каменского завода и их конфликты (1721–1722) / М. А. Киселев // Одиннадцатые Татищевские чтения. Всерос. науч.-практич. конф. 18 – 19 ноября 2015 г. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2015. – С. 43–47.

83. Клокман, Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века / Ю. Р. Клокман. – М.: Наука, 1967. – 335 с.

84. Клюева, В. П., Екатеринбургская таможня в таможенной системе Сибири: XVII–XVIII вв. / В. П. Клюева // Урало-Сибирская научно-правктическая конференция: матералы докладов. 23-24 июня 2003 г., – Екатеринбург, 2003 С. 147–149

85. Князьков, С. А. Из прошлого русской земли. Очерки из истории Петра Великого и его времени / С.А. Князьков. – СПб. : Тип. Издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1914. – 672 с.

86. Козлов, А. Г. О продолжительности рабочего дня на казенных заводах Урала в XVIII – начале XIX вв. / А. Г. Козлов // Вопросы истории Урала. – Свердловск, 1963. – Вып. 4. – С. 23–36.

87. Козлов, А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII–начала XX века. / А. Г. Козлов. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 223 с.

88. Козлов, А. Г. Фонд «Уральское горное управление» (1719–1917 гг.) как основной источник по истории казенных заводов и фабрик Урала / А. Г. Козлов // Из истории заводов и фабрик Урала. –1960. – №1. – С. 14–29

89. Козлова, Н. В. Нетрудоспособное население Москвы и его социальное обеспечение в XVIII в. (к постановке проблемы) / Н. В. Козлова // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. – 2004. – № 4. – С. 30–42.

90. Козлова, Н. В. Побеги крестьян в России в первой трети XVIII века / Н. В. Козлова. – М. : Издательство Московского Университета, 1983. – 152 с.

91. Колесников, А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. / А. Д. Колесников. – Омск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. – 439 с.

92. Колесникова, В. С. Русские православные праздники / В. С. Колесникова. – М. : Крон-Прес, 1996. – 319 с.

93. Комелова, Г. Сцены русской народной жизни конца XVIII–начала XIX века по гравюрам из собрания Государственного Эрмитажа / Г. Комелева – Ленинград : Государственный Эрмитаж, 1961. – 100 с.

94. Кондрашенков, А. А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII вв. : в 2 ч. / А.А. Кондрашенков – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1966–1969.

95. Константинов, Н. А., Струминский, В. Я. Очерки по истории народного образования в России. / Н. А. Константинов, В. Я. Струминский – М. : Учпедгиз, 1953, – с. 272.

96. Константинова, Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (1723–1917 гг.): ав-тореф. дис. … канд. ист. наук. 07.00.02 / Татьяна Андреевна Константинова. – Чита, 2006. – 23 с.

97. Конюс, Э. М. Истоки русской педиатрии / Э. М. Конюс – М.: Золотые страницы медицины, Библиотека классики медицинской литературы, 2007. – 350 с.

98. Корепанов, Н. С. За семью печатями / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург, 1998. – 95 с.

99. Корепанов, Н. С. Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. – 273 с.

100. Корепанов, Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781) / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998 – 106 с.

101. Корепанов, Н. С. Пермь заводская. 1723–1781. / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. – 111 с.

102. Короткова, М. В. Культура и быт России с древнейших времён до XX века. / М. В. Короткова. – М. : Просвещение, 2009. – 256 с.

103. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 3 т. Т. 1–3. / Н. И. Костомаров. – СПб. : Лит. фонд, 1912.

104. Кошелева, О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени / О.Е. Кошелева. – М. : ОГИ, 2004. – 486 с.

105. Кривоногов, В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке / В. Я. Кривоногов. – Свердловск : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1959. – 177 с.

106. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1534 с.

107. Кузнецова, А. И. Инфраструктура: Вопросы теории, методологии и прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Геоэкономический подход / А. И. Кузнецова – М.: КомКнига, 2013. – 456 с.

108. Куликов, В. А. История создания общегосударственных и ведомственных российских фармакопей / В. А. Куликов // Вестник фармации. – 2012. – № 2 (56). – С. 55–62.

109. Лавринович, М. Б. Социальный капитал vs социальное дисциплинирование: Шереметевский Страннноприимный дом и его обитатели в 1810–1811 гг. / М. Б. Лавринович // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert. – С. 1–39.

110. Лавров, А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. / А. С. Лавров – М. : Древнехранилище, 2000. – 511 с.

111. Ларионова, М. Б. Пермские помещики Зубовы: владельцы и имения / М. Б. Ларионова // Шестые Татищевские чтения : тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 20-21 апреля 2006 г. В 2-х т. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. Т. 2. – С. 150–155.

112. Лахтин, М. Ю. Заготовка лекарственных средств в XVIII в. (Из истории аптечного дела в России) / М.Ю. Лахтин // Фармацевт. – 1903. – № 34. – С. 1167.

113. Лахтин, М. Ю. Медицина и врачи в Московском государстве / М.Ю. Лахтин. – М., 1906. 140 с.

114. Лахтин, М. Ю. Этюды по истории медицины / М.Ю. Лахтин. – М., 1902. – 200 с.

115. Леви, Дж. Биография и история / Дж. Леви // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996. – С. 191–206.

116. Леви, Дж. К вопросу о микроистории / Дж. Леви // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. – С. 167–190.

117. Левшин, П. Г. (Платон) Краткая церковная российская история. / П. Г. Левшин. – М.: Синодальная тип., 1821. – 388 с.

118. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб. : СПбГУКИ, 2002. – 320 с.

119. Лотарева, Р. Н. Города-заводы России, XVIII–первая половина XIX в. / Р. Н. Лотарева – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Урал. архит.-худож. ин-т, 1993. – 213 с.

120. Лушников, А. Г. Клиника внутренних болезней в России / А. Г. Лушников – М. : «Медгиз», 1962, – 254 с.

121. Лысова, О. А. К вопросу о развитии горнотехнического образования на Урале в XVIII в. / О. А. Лысова, Л. А. Осипова // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. – Свердловск, 1979. – С. 97–111.

122. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования. / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.

123. Максимов, Е. Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним / Е. Д. Максимов. – СПб. : Типография Б. Киршбаума, 1901. – 136 с.

124. Мангилева, А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIXв. (на примере Пермской епархии) / А. В. Мангилева – Екатеринбург : Уралнаука, 1998. – 252 с.

125. Мангилева, А. В. Бытовая культура духовенства Урала в первой половине XIX в. Проблемы истории России / А. В. Мангилева. –Екатеринбург, – 2013. – Вып. 10. – С. 202–209.

126. Мангилёва А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX–начале XX в. / А. В. Мангилева. – Екатеринбург, 2015. – 480 с.

127. Мангилева, А. В. Влияние модернизационных процессов на кадровую политику епархиальных властей в XIX в. / А. В. Мангилева // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI-XXI вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – С. 164–171.

128. Мангилева, А. В. Роль приходского духовенства в распространении медицинских знаний в Синодальный период // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. / А. В. Мангилева. – Новосибирск, 2020. – 788 с.

129. Мангилёва, А. В. Клировые ведомости как источник по истории Русской православной церкви синодального периода / А. В. Мангилева // Исторические источники церковного происхождения синодального периода: сборник материалов научной конференции, посвященной 300-летию учреждения Святейшего Правительствующего Синода, 15 апреля 2021 г. – М. : Старая Басманная, 2021 – 263 с.
130. Манькова, И. Л. Храм в сердце и памяти : очерки истории Екатеринбургского Екатерининского собора / И. Л. Манькова. – Екатеринбург : Академкнига, 2000. – 154 с.
131. Матисон, А. В. Материалы для истории повседневности православного духовенства России XVIII в. в фондах духовных консисторий // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского: Сб. статей / сост. Е. В. Акельев, В. Е. Борисов; отв. ред. Е. Б. Смилянская. – М.: «Древлехранилище», 2014. – С. 276–287.
132. Медведева, Л. М. Болезнь в культуре и культура болезни: монография. / Л. М. Медведева – Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2013. – 254 с.
133. Медик, Х. Культура уважения: одежда и ее расцветка в Лайхингене (1750–1820) / Х. Медик // Анналы на рубеже веков: Антология. – М., 2002. – С. 222–243.
134. Медик, Х. Микроистория / Х. Медик // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1994. Т. II. Вып. 4. – С. 193–202.
135. Медик, Х. Народ с книгами. Домашние библиотеки и книжная культура в сельской местности в конце раннего Нового времени. Лайхинген (1748–1820) / Х. Медик // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. – СПб., 2003. – С. 181–222.
136. Меньшенин, Д. Об успехах горного промысла в России / Д. Меньшенин // Горный журнал. – 1829. – № 2. – С. 147–228.
137. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М. : Росспэн, 1998. – 572 с.

138. Миненко, Н. А., Федоров, С. В. Город на Исети: страницы Шадринской летописи / Н. А. Миненко, С. В. Федоров. – Шадринск, 1997. – 279 с.
139. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 896 с.
140. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): в 2 т. / Б.Н. Миронов. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.– 587 с.
141. Мирский, М. Б. Медицина России XVI–XIX веков / М. Б. Мирский. – М. : Росспэн, 1996. – 376 с.
142. Мирский, М. Б. Медицина России X–XX веков: Очерки истории. / М.Б. Мирский. – М.: Роспэн, 2005. – 631 с.
143. Митинский, А. Н. Горнозаводский Урал / А. Н. Митинский. – СПб. : Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909. – 244 с.
144. Михель, Д. В. Оспа в контексте истории / Д. В. Михель // Логос. – 2007. – № 6 (63). – С. 17–40.
145. Мультановский, М. П. История медицины. / М.П. Мультановский. – М. : Государственное издательство Медицинской литературы, 1961. – 348 с.
146. Надель, Н. Первый печатный каталог лекарственных средств / Н. Надель // Фармация. М. : Медицина, – 1971. – № 2. – С. 83–84.
147. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. – 613 с.
148. Нечаев, Н. В. Горнозаводские школы Урала / Н. В. Нечаев. – М. : Трудрезервиздат, 1956. – 207 с.
149. Нечаева, М. Ю. Взаимодействие центральных и местных властей в управлении монастырями Урала в XVIII веке / М. Ю. Нечаева // Уральский исторический вестник. –1996. – № 3. – С. 90–100.
150. Нечаева, М. Ю. Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. / М.Ю. Нечаева – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 218 с.
151. Никольский, Н. М. История русской церкви / Никольский Н. М. – М. : ОГИЗ : Московский рабочий. 1931. – 398 с.

152. Новомбергский, Н. Я. Материалы по истории медицины в России : Т.4. / Н. Я. Новомбергский. – СПб. : Тип. Альтшулера, 1905–1910, Томск, 1910. – 763 с.
153. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, – М. : Азбуковник, 1997. – 928 с.
154. Озеров, И. Х. Горные заводы Урала / И. Х. Озеров. – М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1910. – 255 с.
155. Олехнович, О. Г. Медицинская терминология в «Делах Аптекарского приказа», XVII в. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ольга Георгиевна Олехнович. – Екатеринбург, 2000. – 307 с.
156. Орлов, А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (к вопросу о формировании пролетариата в России) / А. С. Орлов. – М. : Издательство Московского университета, 1979. – 262 с.
157. Орловский, М. П. За двести лет : (очерки по истории горнозаводского Урала) / М. П. Орловский. – Екатеринбург : Библиотека Уральского рабочего, 1907. –102 с.
158. Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы / В. Е. Байдин, С. А. Белобородов, О. П. Губкин и др. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 247 с.
159. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева. М.: «Педагогика», 1973. – 587 с.
160. Павленко, Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы / Н. И. Павленко. – М. : АН СССР, 1962. – 569 с.
161. Павленко, Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы / Н. И. Павленко. – М, 1962. – 566 с.
162. Павленко, Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление / Н. И. Павленко. – М. : АН СССР, 1953. – 504 с.
163. Палкин, Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники / Б.Н. Палкин. – М.: Типография «Известий», 1959. – 274 с.

164. Панкратова, А. М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.) / А.М. Панкратова. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1963, –491 с.

165. Пензин, Э. А. Из истории екатеринбургских школ в 1720–1730 гг. (по документам Сибирского обербергамта) / Э. А. Пензин // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. – Свердловск, 1979. – С. 124–132.

166. Пензин, Э. А. Первые иноязычные школы Екатеринбурга / Э. А. Пензин // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.: Сб. научных трудов, Свердловск, 1990. С. 13–30.

167. Пензин, Э. А. Первый госпиталь / Э. А. Пензин // Вечерний Екатеринбург. 1980. 2 июня.

168. Пензин, Э. А. Школы при горных заводах Урала в первой трети XVIII в. (по документам местных органов горнозаводского управления) / Э. А. Пензин // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. – С. 57–75.

169. Пензин, Э. А., Черноухов, А. В. Из истории классовой борьбы в первой половине XVIII в. (вооруженное выступление строителей Колывано-Воскресенского завода) / Э. А. Пензин, А. В. Черноухов // Рукописная традиция XVI –XIX вв. на востоке России. – Новосибирск : «Наука», 1983. – С. 179–189.

170. Пихоя, Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.) / Р. Г. Пихоя. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд–во, 1987. – 272 с.

171. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. – М. : Наука, 2006 . – 380 с.

172. Покровский, Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н.Н. Покровский. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1974. – 397 с.

173. Покровский, Н. Н. Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. / Н. Н. Покровский. – В кн.: Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. – Новосибирск, 1983. – С. 46–70.

174. Поляков, Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. кн. 2. / Ю. А. Поляков. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. – 350 с.

175. Поляков, Ю. А. Человек в повседневности: исторические аспекты / Ю.А. Поляков // Отечественная история. – 2003. – № 3. – С. 125–132.

176. Попов, М. С. Арсений Мацеевич и его дело / М. С. Попов. – СПб. : тип. М. Фроловой, 1912. – 590 с.

177. Портер, Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» / Р. Портер // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / под общ. ред. Ю. Шлюмбома и др. – СПб. : Алетейя, 2008. – С. 41–73.

178. Постников, С. П. Историко-культурный ландшафт города Екатеринбурга в начале XX века / С. П. Постников // Архитектон: известия вузов. – 2021. – № 4(76). – С. 40–46.

179. Прилежаев, Е. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху / Е. Прилежаев // Христианское чтение. – 1877. – март-апрель. – С. 331– 370.

180. Прокошев, В. В. Распространение грамотности в Пермском крае с древних времен до XIX века. / В. В. Прокошев – В кн.: Из истории народного образования Урала. – Пермь, 1976, С. 13–51.

181. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1975. – 281 с.

182. Рабинович, М. Русский средневековый город. Домашний быт, занятия, обычаи горожан / М. Рабинович – М. : Ломоносовъ, 2019. – 274 с.

183. Раскин, Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) / Д. И. Раскин // История СССР. –1974. –№ 4. – С. 180–188.

184. Редин, Д. А. «Человеческое» измерение власти (субъективный взгляд историка) / Д. А. Редин // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, – 2011. – № 3 (32). – С. 4–8.

185. Редин, Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.) / Д.А. Редин. – Екатеринбург : Волот, 2007. – 608 с.

186. Редин, Д. А., Умнякова, С. И., Черноухов, А. В. Будучи 40 лет в службе… / Д.А. Редин, С.И. Умнякова, А. В. Черноухов, // Регион-Урал. –1997. – № 8. – С. 38–40.

187. Ремезов, Н. В. Заводские люди и их земли / Н. В. Ремезов // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. – Уфа, 1971. – С. 235–252.

188. Рихтер, В. М. История медицины в России в 3-х ч. / В. М. Рихтер. – М. : Университетской тип., 1814.

189. Рождественский, С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX века: Т.1. / С. В. Рождественский. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1912. – 24 с.

190. Рожков, В. И. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на Уральских заводах в царствование Петра Великого / В. И. Рожков // Горный журнал. –1884. Т. 3, – № 7. – С. 94–128.

191. Российский, Д. М. Первые русские фармакопеи / Д. М. Российский // Советская клиника. – М. : Медицина, 1931. – № 8. – С. – 51–53.

192. Рубелия, И. Ф. Медицинская практика, или Наставление лечить болезни, по большой части случающияся в общежитии; : С приложением кратких, но весьма удобных рецептов, и с приложением с некоторыми рисунками Материи медики, или Науки о лекарствах, разположенной по началам преславнаго Гофманна и знаменитаго Гамбергера, философии и медицины доктора; : Разделенной на две части, из коих в первой предлагается о лекарствах вообще всякаго рода, а во второй показывается, когда и какия лекарства употреблять должно. пер. Ф. Барсук-Моисеев. / И. Ф. Рубелия. – М. : Унив. тип. В. Окорокова, 1789. – 362 с.

193. Сафронова, А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания / А. М. Сафронова – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 144 с.

194. Сафронова, А. М. Книжное собрание первой немецкой школы Урала (1735–1787 гг.): пути его формирования, состав, использование / А. М. Сафронова // Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.) : Материалы научной конференции «Германия - Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» 03-09 сентября 1999 г. – Екатеринбург : Издательство «Волот», 2001. – С. 184 – 205.

195. Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян / А. М. Сафронова – Екатеринбург : ГОУП «Каменск-Уральская типография», 2002. – 120 с.

196. Сафронова, А. М. Обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей / А.М. Сафронова. – // Известия Уральского государственного университета. 2004. – № 31. – С. 59-75.

197. Сафронова, А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. – // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 4. – С. 71-99.

198. Сафронова, А. М. Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735 – 1740-е) / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 10. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 51–68.

199. Сафронова, А. М. Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734–1738 гг.) / А. М. Сафронова // Восьмые Татищевские чтения : материалы региональной научной конференции. 27-28 мая 2010 г. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2010. – С. 34–39.

200. Сафронова, А. М. Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735–1750-е) / А. М. Сафронова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. –2011. – № 1 (87). – С. 299–310.

201. Сафронова, А. М. Ведомости об учащихся как источник по истории горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию подготовки документоведов в Уральском федеральном университете, Екатеринбург, 1-4 ноября 2012 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 260–264.
202. Сафронова, А. М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20–30-е годы XVIII в. / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. – 32–56.
203. Сафронова, А. М. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в.: публикация документов / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. Вып. 16. – 318–332.
204. Сафронова, А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в : к 330-летию со дня рождения заводских школах Урала первой половины XVIII в. / А. М. Сафронова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – 355 с.
205. Сафронова, А. М. Личная библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге : монография / А. М. Сафронова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. – 408 с.
206. Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – Вып. 17. – С. 51–70.
207. Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге : монография / А. М. Сафронова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 290 с.

208. Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге монография : монография / А. М. Сафронова. –Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 290 с.
209. Сафронова, А. М. Документы о грамотности детей на горнозаводском Урале в 1721–1734 гг. / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. –Вып. 18. – 289–304.
210. Сафронова, А. М. Распространение медицинских знаний среди первых лекарских учеников на горнозаводском Урале в 1720–50-е гг. / А. М. Сафронова // Модернизация культуры: знание как инструмент развития : Материалы VII Международной научно-практической конференции, Самара, 20–21 мая 2019 г. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2019. – С. 264–268.
211. Сафронова, А. М. Ректор и первый учитель немецкой школы Екатеринбурга Бернгард Штермер (1735–1740) / А. М. Сафронова // Научный диалог. – 2019. – № 7. – С. 366–381.
212. Сафронова, А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – Вып. 19. – С. 56–79.
213. Сафронова, А. М. Первая немецкая школа раннего Екатеринбурга : монография / А. М. Сафронова – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – 196 с.
214. Сафронова, А. М. Первые иноязычные школы раннего Екатеринбурга (1735–1750-е гг.) : монография / А. М. Сафронова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2020. – 432 с.
215. Сафронова, А. М. Первые лекарские ученики при казенных заводах Урала (1722–1734 гг.) / А. М. Сафронова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Материалы XIV Всероссийской научной конференции. В 2-х томах, Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2020. – С. 131–141.

216. Сафронова, А. М., Сафронов, А. А. Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723–1734 годах / А.М. Сафронова, А.А. Сафронов // Научный диалог. –2020. – № 9. – С. 434–453.
217. Сафронова, А. М., Цеменкова, С. И. Горный межевщик Андрей Татищев: документы об учебе в Швеции и деятельности на заводах Урала (1724–1737 гг.) / А. М. Сафронова, С. И. Цеменкова // Научный вестник Крыма. – № 4 (33). – 2021. – С. 1–24.
218. Сафронова, А. М. Первые арифметические школы Урала (1721– 1725) / А. М. Сафронова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 118–132.
219. Сафронова, А. М. В.Н. Татищев и организация первых словесных школ на Урале / А. М. Сафронова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 2. – С. 482–496.
220. Сафронова, А. М. Подьячие казенных заводов Урала в Петровскую эпоху: формирование контингента, условия труда и быта / А. М. Сафронова // Quaestio Rossica. – 2022. – № 3. – С. 976–990.
221. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / И. В. Побережников, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н.А. Миненко. –М. : Наука, 2003. – 379 с.
222. Семенова, Л. Н. Очерки истории и быта культурной жизни России: Первая половина XVIII в. / Л. Н. Семенова – Ленинград: Наука, 1982. – 280 с.
223. Ситников, И. В. Процесс формирования системы общего и специального горного образования на Урале в XVIII – первой половине XIX столетий / И. В. Ситников // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 22-23 апреля 2004 г. – Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. – С. 259–263.
224. Скороходов, Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины / Л.Я. Скороходов. –Ленинград: Практическая медицина. 1926. – 274 с.
225. Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Ленинград : Наука, 1989. – 256 с.

226. Смилянская, Е. Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века / Е. Б. Смилянская. – М. : Ломоносовъ, 2016. – 384 с.
227. Смолин, А. В. Горные училища Алтая в XVIII–XIX веках : дис. ... канд. пед. наук / Александр Васильевич Смолин. – М., 1956. – 350 с.
228. Снегирёв, И. М. Арсений Мациевич, митрополит Ростовский и Ярославский / И. М. Снегирев. – М. : тип. Бахметева, 1862. – 42 с.
229. Соловьев, М. Е. Начало горного промысла на Урале : [речь, читанная на торжественном годичном акте Екатеринбургского Алексеевского реального училища 21 ноября 1890 г.] / М. Соловьев. – Екатеринбург : Типография «Екатеринбургской недели», 1891. – 26 с.
230. Соловьева, М. С. Екатеринбург и Ижевск – образцовые города-заводы XVIII В.: комплексная программа изучения архитектурного наследия «каменный пояс» / М. С. Соловьева // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск, 22–23 сентября 2020 г. – Ижевск: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 2020. – С. 19–27.
231. Соркин, Ю. Э. Страницы истории медицины / Ю. Э. Соркин // В одном городе. Кн. 2. – Екатеринбург: АРГО, 1994. – С. 20–24.
232. Сорокина, Т. С. История медицины: учебник для студ. высш. мед. учеб, заведений / Т. С. Соркина – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 560 с.
233. Спектор, Е. Н. Развитие системы образования на Урале в XVIII – начале XX вв. / Е. Н. Спектор // Известия Уральского государственного горного университета. Екатеринбург, – 2007. – № 22. – С. 149–156.
234. Старков, В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX в. / В.И. Старков. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. – 150 с.
235. Степин, В. С. История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII–XXI вв. / В. С. Степин, А. М. Сточик, С. Н. Затравкин. М. : Издательство «Академический проект», 2020. – 375 с.

236. Стог, А. Д. Об общественном призрении в России: Т. 1. / А. Д. Стог. –СПб. : Издано при Министерстве полиции, 1818. – 114 с.
237. Страшун, И.Д. Русский врач на войне / И. Д. Страшун. – М. : Медгиз, 1947, – 142 с.
238. Струмилин, С.Г. История чёрной металлургии в СССР / С. Г. Струмилин. – М. : Наука, 1967. – 442 с.
239. Супотницкий, М. В , Супотницкая, Н. С. Очерки истории чумы: в 2 кн., кн. I. / М. В. Супотницкий, Н. С. Супотницкая – М. : Вузовская книга. 2006. – 468 с.
240. Сутырин, Б. А. Историографические этюды : избр. ст. и главы / Б. А. Сутырин; отв. ред. В. Н. Земцов. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т. 2011. – 299 с.
241. Топорков, А. Л. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. / А. Л. Топорков. – М. : Ладомир, 1995. – 640 с.
242. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. / Н. А. Миненко, М. О. Акишин, С. В. Голикова, М. Г. Казанцева, И. Л. Манькова, И. В. Побережников, А. М. Сафронова. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 360 с.
243. Трефилова, А. А. Из истории дореформенного земледелия посессионных заводов Пермской губернии / А. А. Трефилова // Исследования по истории Урала. – Пермь, 1964. Ученые записки. ПГУ, № 108. – С. 67–80.
244. Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. / В. И. Байдин, В. Ю. Грачёв, Ю. В. Коновалов, А. Г. Мосин. – Екатеринбург : ООО «Грачёв и партнёры», 2011. – 68 с.
245. Уланов, К. А. Казенные караваны уральских заводов первой трети XVIII века / К. А. Уланов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2019. – № 3. – С. 104–108.
246. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. / Д .Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. –1239 с.
247. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1991. – 632 с.

248. Федоров, В. А. Русская православная церковь и государство Синодальный период. 1700 – 1917 / В.А. Федоров. – М. : Русская панорама. 2003. – 480 с.
249. Фортунатов, С.П. Из истории создания первых российских фармакопей / С. П. Фортунов // Аптечное дело. – М. : Медицина, 1952. – № 3. – С. 65 – 71.
250. Фруменкова, Т. Г. Как родилась идея организации воспитательных домов в России // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2007. – № 3. – С. 66–70.
251. Хрусталев, М. Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах: На материалах Новгородской епархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Михаил Юрьевич Хрусталев. –Архангельск, 2004. – 26 с.
252. Худин, К. С. Номенклатура лекарственных растений в медицинской практике Аптекарского приказа (на материале рецептов для датского королевича Вольдемара 1644–1645 гг.) / К. С. Худин // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2017. – Т. 13. – № 2. – С. 391–411.
253. Цеменкова С. И. «Незаменимые были»: несколько сюжетов из биографии Евдокима Яковлева / С. И. Цеменкова // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – Вып. 19. – С. 338–345.
254. Цеменкова С. И. Знаки пространства империи: чертежи и чертежники горного Урала эпохи де Геннина / С. И. Цеменкова // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. – № 11. – Сер. Интеллектуальная история. Вып. 5. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 114–127.
255. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Екатеринбургский завод в первые годы: человеческий фактор в системе управления / А. В. Черноухов, С. И. Цеменкова // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 345–351.

256. Цеменкова С. И., Черноухов, А. В. Константин Артемьевич Гордеев (1700–1741): от взлета до падения. Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. / А. В. Черноухов, С. И. Цеменкова. – Вып. 22. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 72–90.

257. Цеменкова, С. И. Первые картографы горнозаводского Урала: Михаил Силыч Кутузов // Диалог со временем. – 2021. – №. 75. – С. 359–372.

258. Цеменкова, С. И., Черноухов А. В «Горное дело производить сильною рукою…»: формирование состава «высших и нижних управителей» горнозаводского Урала в 20–40-е гг. XVIII в. / С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – Вып. 20. – С. 52–53.

259. Цеменкова, С. И., Черноухов, А. В. «Горное дело производить сильною рукою…»: формирование состава «высших и нижних управителей» горнозаводского Урала в 20–40-е гг. XVIII в. / С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – Вып. 20. – С. 41–56.

260. Цеменкова, С. И., Черноухов, А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е–50-е гг. XVIII в.: биографический справочник / А. В. Черноухов, С. И. Цеменкова – СПб.: Алетейя, 2022. – 446 с.

261. Черкасова, А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. / А. С. Черкасова. – М. : Наука, 1985. – 248 с.

262. Черкасова, А.С. Рождение индустриальной цивилизации Урала. XVIII век. Исследования, 1961–1991 гг. / А. С. Черкасова. – Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2012. – 407 с.

263. Черноухов, Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: диссертация … докт. ист. наук : 07.00.02. / Эдуард Анатольевич Черноухов. – Екатеринбург. 2017. – 535 с.

264. Чистович, Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия / Я. А. Чистович. – СПб : тип. Я. Трея, 1870. – 416 с.

265. Чупин, Н. К. Об открытии и первоначальной разработке магнитной горы Благодати / Н. К. Чупин. – Пермь : Пермская губернская типография, 1867. – 17 с.
266. Чупин, Н. К. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале / Н.К. Чупин. 1873. – 43 с.
267. Чупин, Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып. 1. / Н.К. Чупин. – Пермь, 1882. – 257 с.
268. Шестова, Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период / Т.Ю. Шестова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. – 282 с.
269. Шишонко, В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии, с указанием времени открытия учебных заведений / В.Н. Шишонко. – Екатеринбург: Типо-лит. и переплетная А.П. Мерной и Е.К. Краевой, 1879. – 396 с.
270. Шкерин, В. А. Мы, верноподданные ведения горного мастеровые рабочие люди: социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX в. / В. А. Шкерин // Уральский исторический вестник. – 2013. – №2 (39). – С. 73–80.
271. Шлерет, Ф. А. Аптека или наука составлять разные лекарства / Ф. А. Шлерет. – М. : Типография М. Пономарева, 1793. – 614 с.
272. Шлерет, Ф. А. Аптека или наука составлять разные лекарства / Ф. А. Шлерет. – М. : Типография М. Пономарева, 1812. – 500 с.
273. Шпренглер, К. Лѣкарственник, или Фармакология / К. Шпренглер. – М.: Университетская Типофграфия, 1820. – 689 с.
274. Щапов, Я. Н. Русское православие: вехи истории / Я. Н. Щапов, А. М. Сахаров, А. А. Зимин и др. – М. : Политиздат. 1989. – 720 с.
275. Щепетов, К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII–XIX веков : по материалам шереметевских вотчин / К. Н. Щепетов. – М : Учпедгиз, 1963. – 100 с.
276. Щербинин, П. П. Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII – нашоеретчале XX в. / П.П. Щербинин // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. – 2007. – № 6/7. – С. 6–29.

277. Энциклопедический лексикон. – СПб. : Типография А. Плюшара, 1838. – 586 с.

278. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / гл. ред. К. К. Арсеньев, Ф. Ф. Петрушевский. – СПб. : Типография И. А. Ефрона, 1893.

279. Юрганова И. И. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность: XVII – нач. XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Инна Игоревна Юрганова. – 459 с.

280. Nesměrák, K., Štícha, M., Belianský, M. et al. Laudanum opiatum caesareum: authentication of the composition of a historical pharmaceutical preparation from the eighteenth century using a multianalytical approach. Monatsh Chem 152, –2021. – P. 1089–1096.

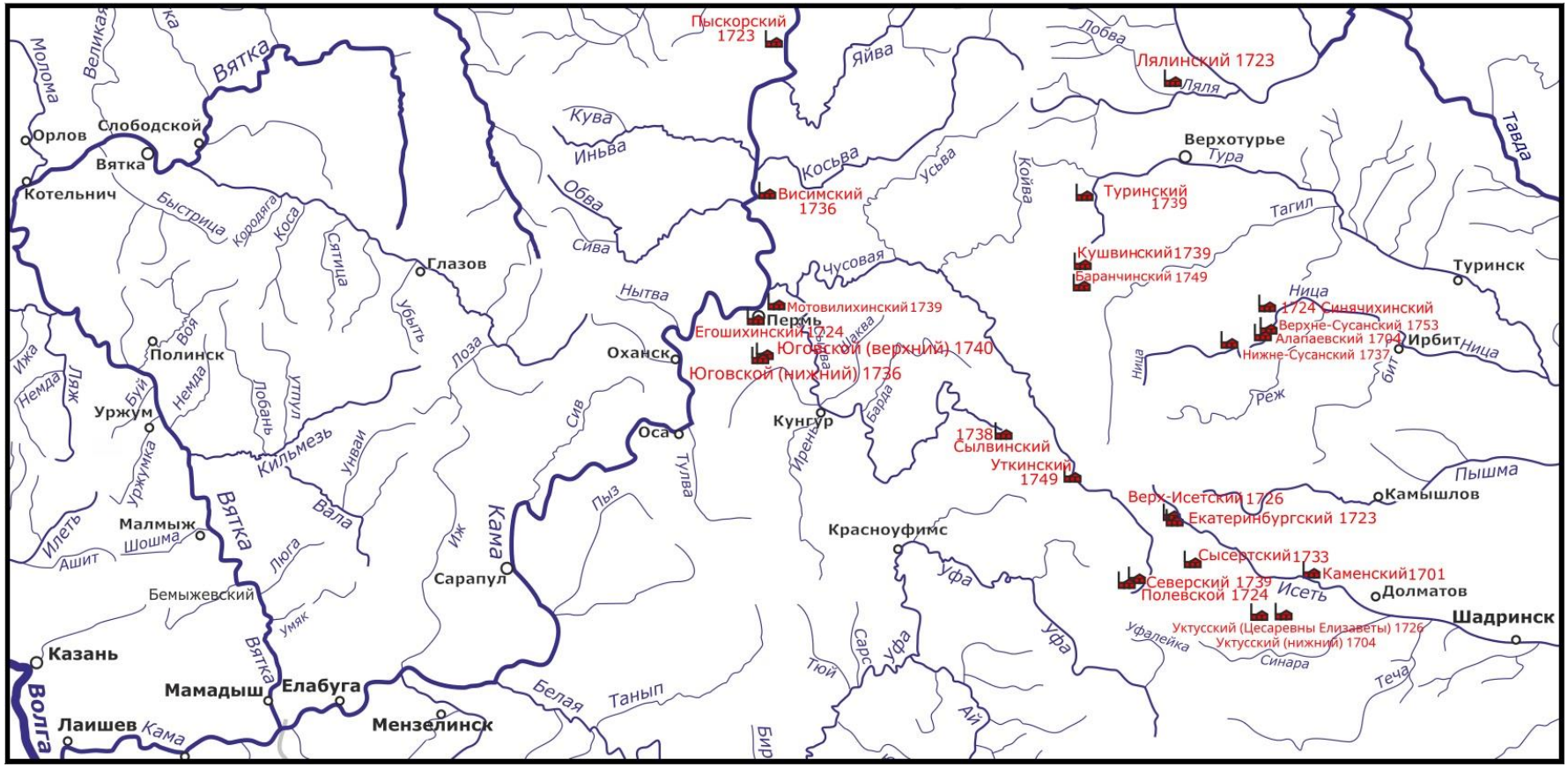
281. Redin, D., Soboleva, L. Dialogue: objectives, boundaries, forms / D. Redin, L. Soboleva // Quaestio Rossica. – 2018. – T. 6, – No 3. – p. 638.

282. Woodall, J. The Surgions Mate: The First Compendium on Naval Medicine, Surgery and Drug Therapy (London 1617). Edited and Annotated by Irmgard Müller. Springer international Publishing Switzeland. – 2016. – 349 p.

Приложения

Приложение 1

Карта казенных заводов Урала первой половины XVIII в.



Источники: Составлено по: Баньковский Л. История и экология: очерки об истоках исторической гидрогеографии. Соликамск, 2008. С. 208–298; История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1989.С. 262–263; История Урала / Под общ. ред. И. С. Капцуговича. 2-е изд. Пермь, 1976. Т. 1. Первобытнообщинный строй. Период феодализма. Период капитализма. / ред. тома В. В. Мухин. С. 81, 230–231; Григорьев Э.А. Уникальные памятники истории: Жеребья. Печатки. Штемпели / Э.А. Григорьев, А.В. Черноухов – Екатеринбург, 2013. С. 244–282.

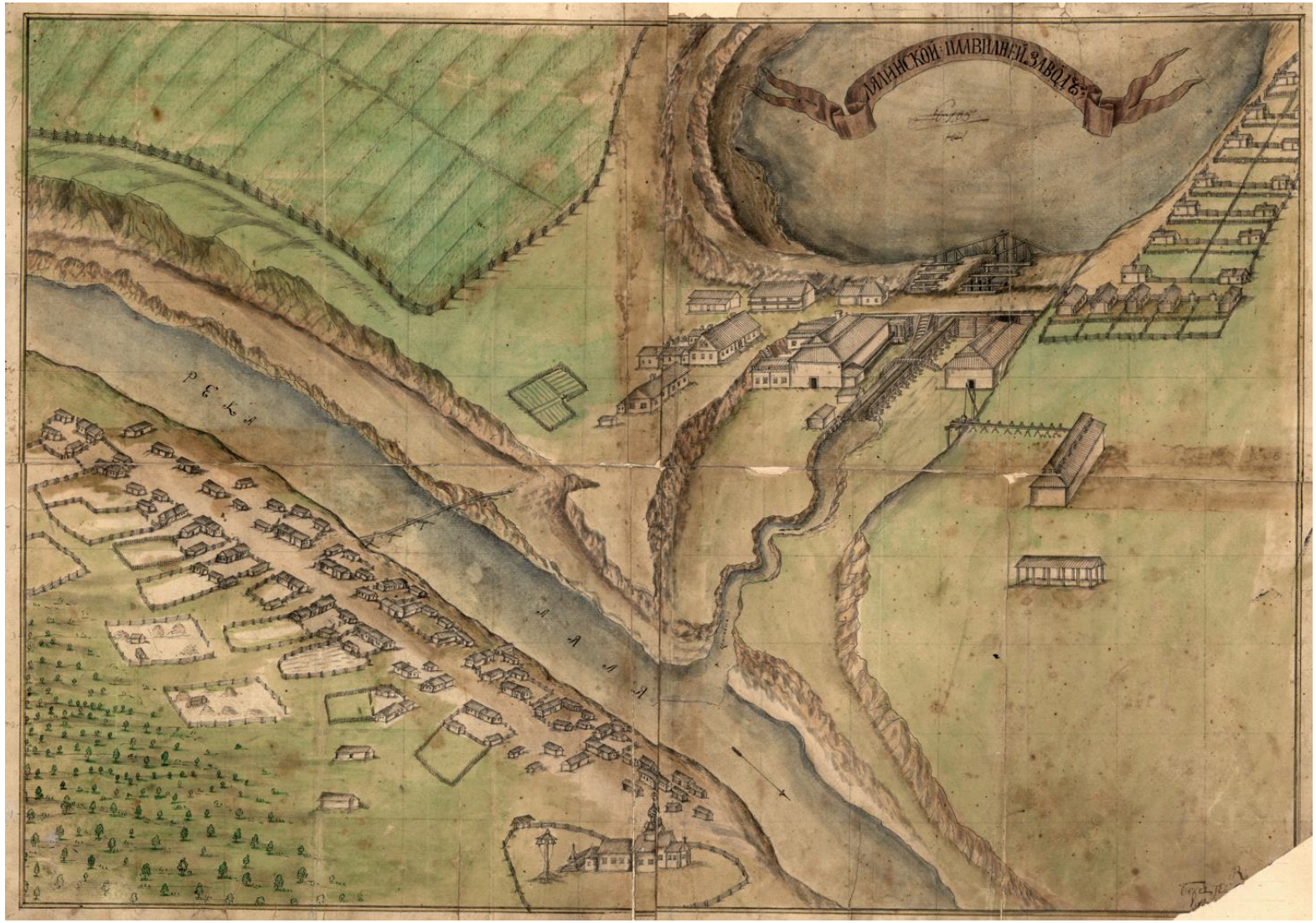
Приложение 2

План Синячихинского завода 1736 г.

Источники: ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1381. Л. 1.

Приложение 3

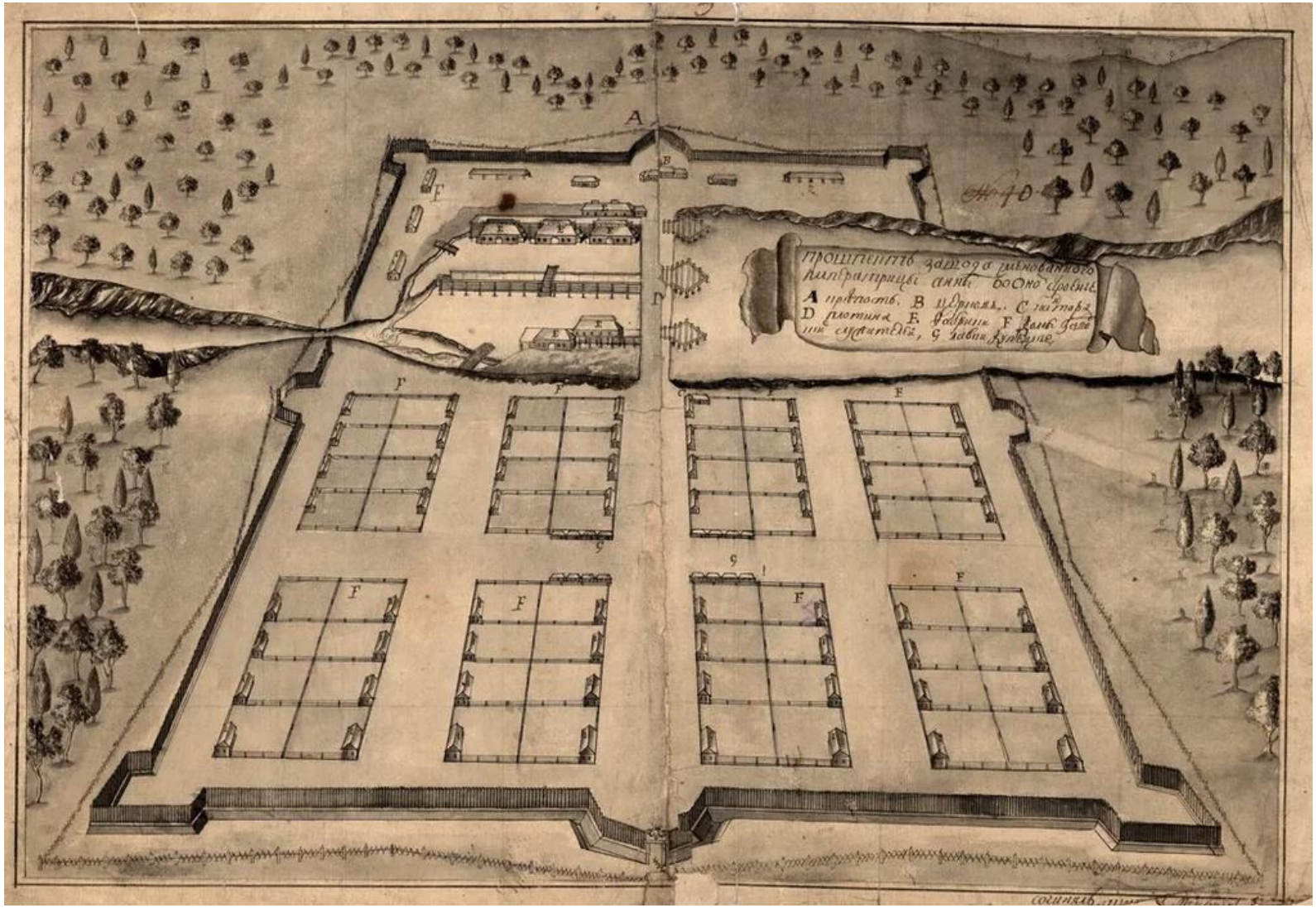
План Лялинского завода первой половины XVIII в.



Источники: ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1385. Л. 1.

Приложение 4

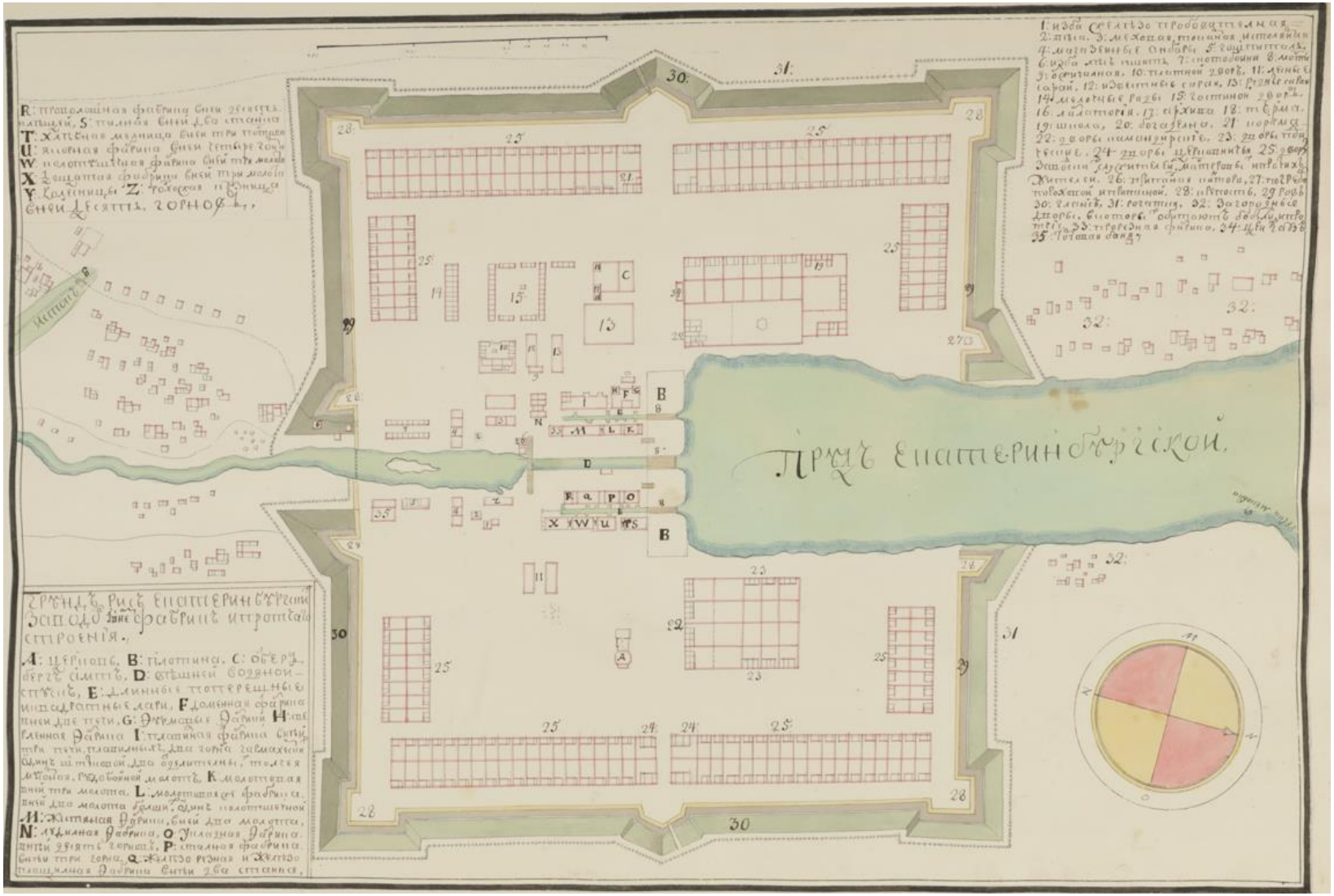
План завода Императрицы Анны первой половины XVIII в.



Источники: ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1376. Л. 1.

Приложение 5

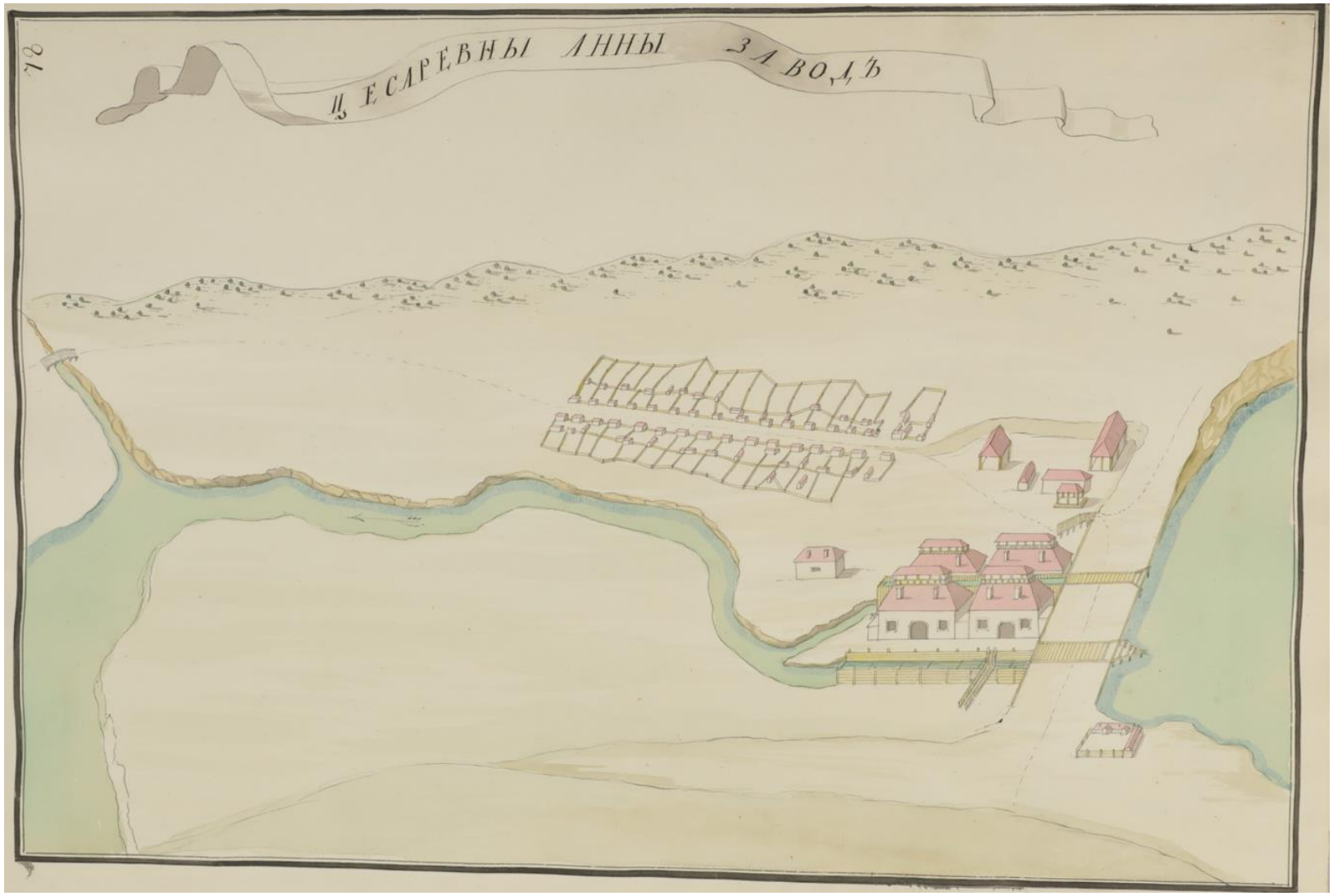
План Екатеринбурга первой половины XVIII в.



Источники: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 1161, Ч. 2. Л. 12.

Приложение 6

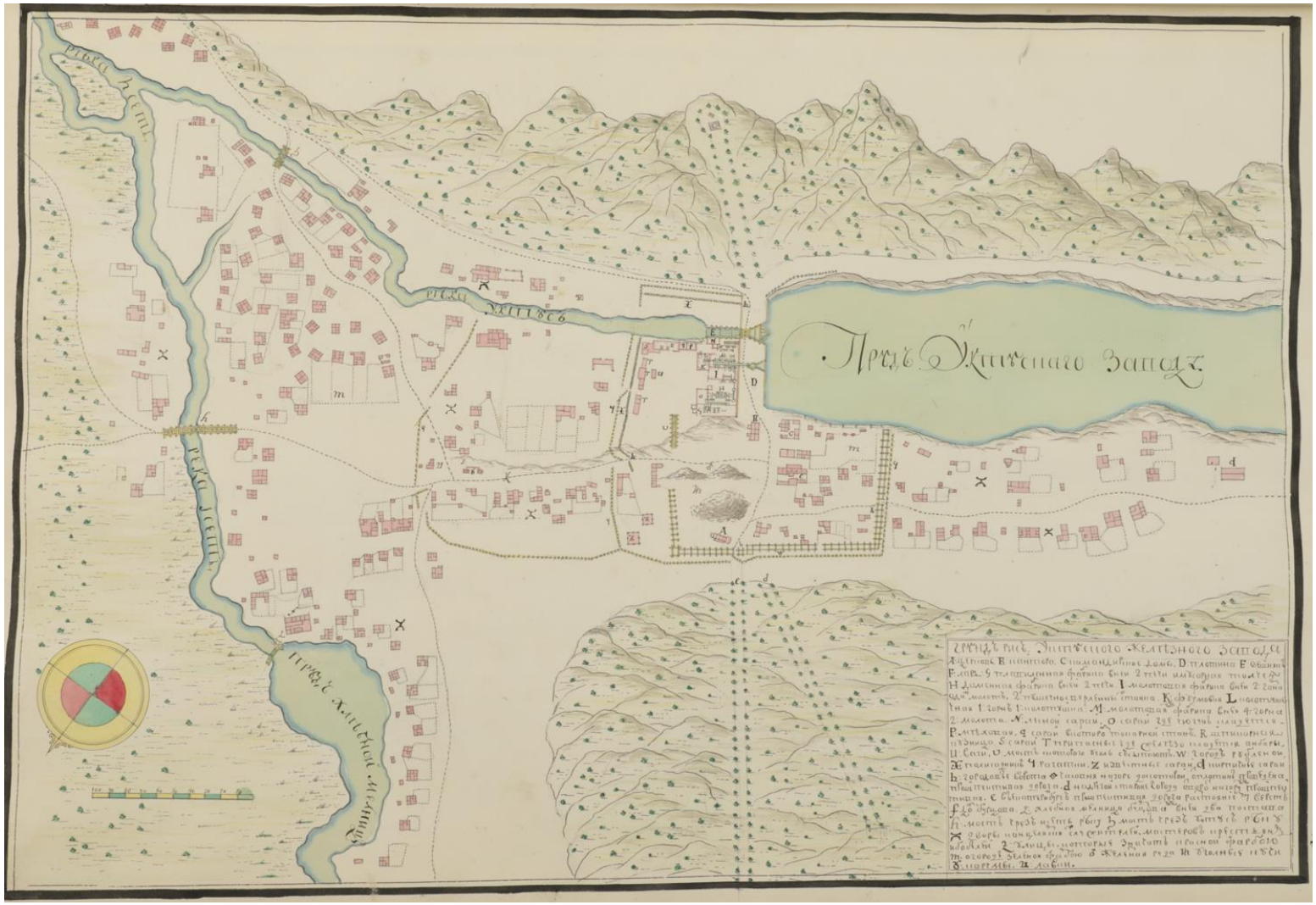
План завода Цесаревны Анны первой половины XVIII в.



Источники: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 1161, Ч. 2. Л. 83.

Приложение 7

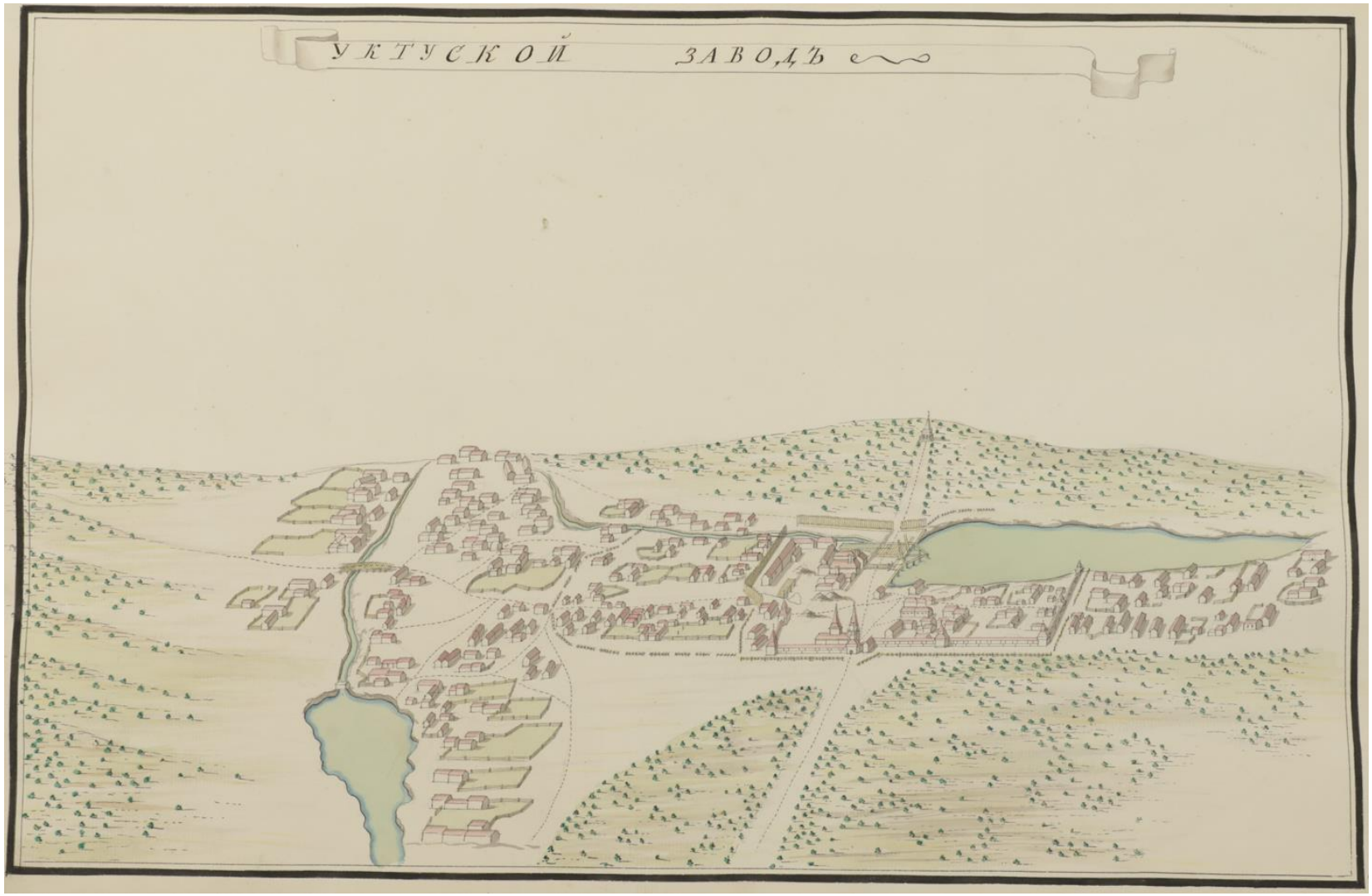
План Уктусского завода первой половины XVIII в.



Источники: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 1161, Ч. 2. Л. 84.

Приложение 8

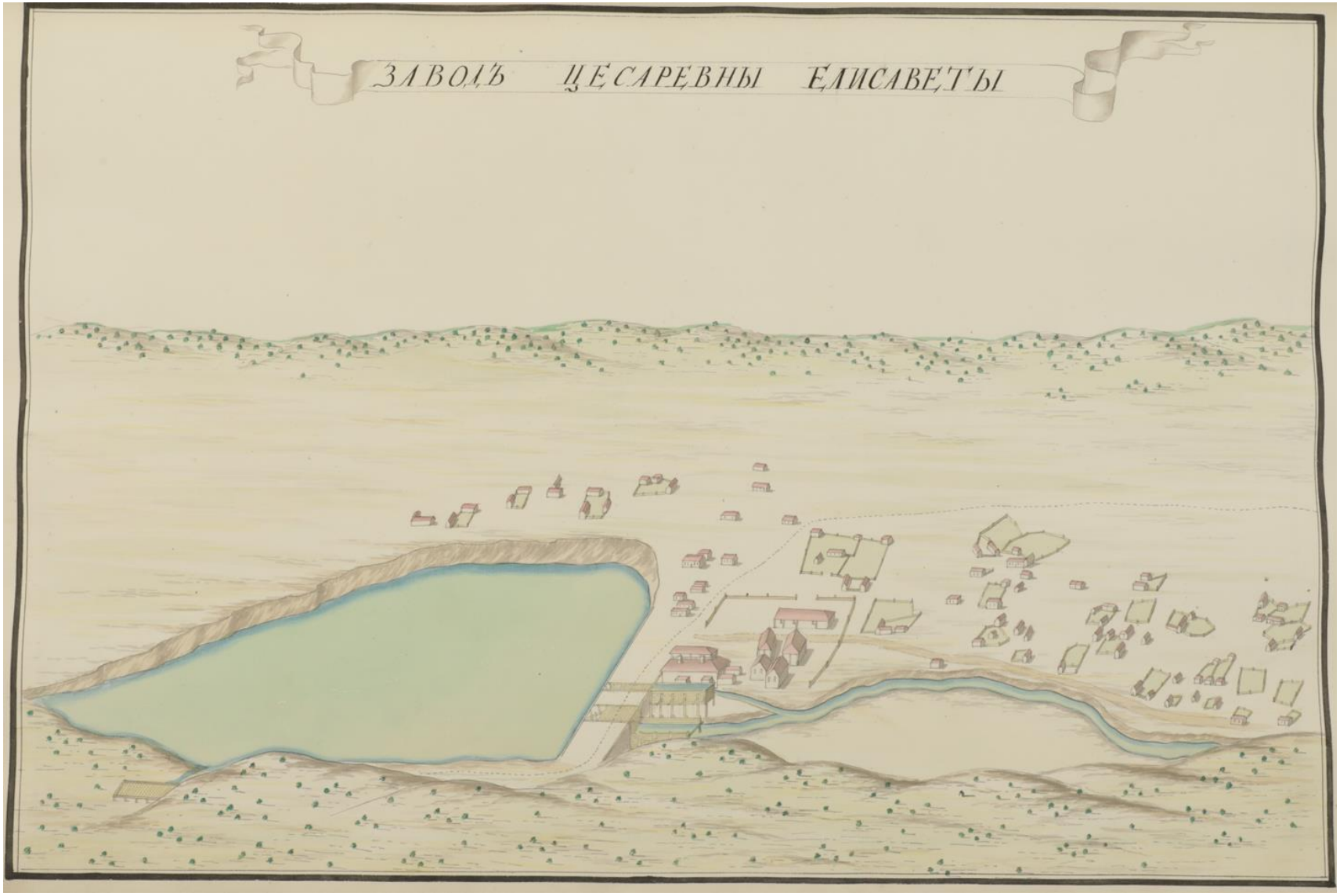
План Уктусского завода первой половины XVIII в.



Источники: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 1161, Ч. 2. Л. 85.

Приложение 9

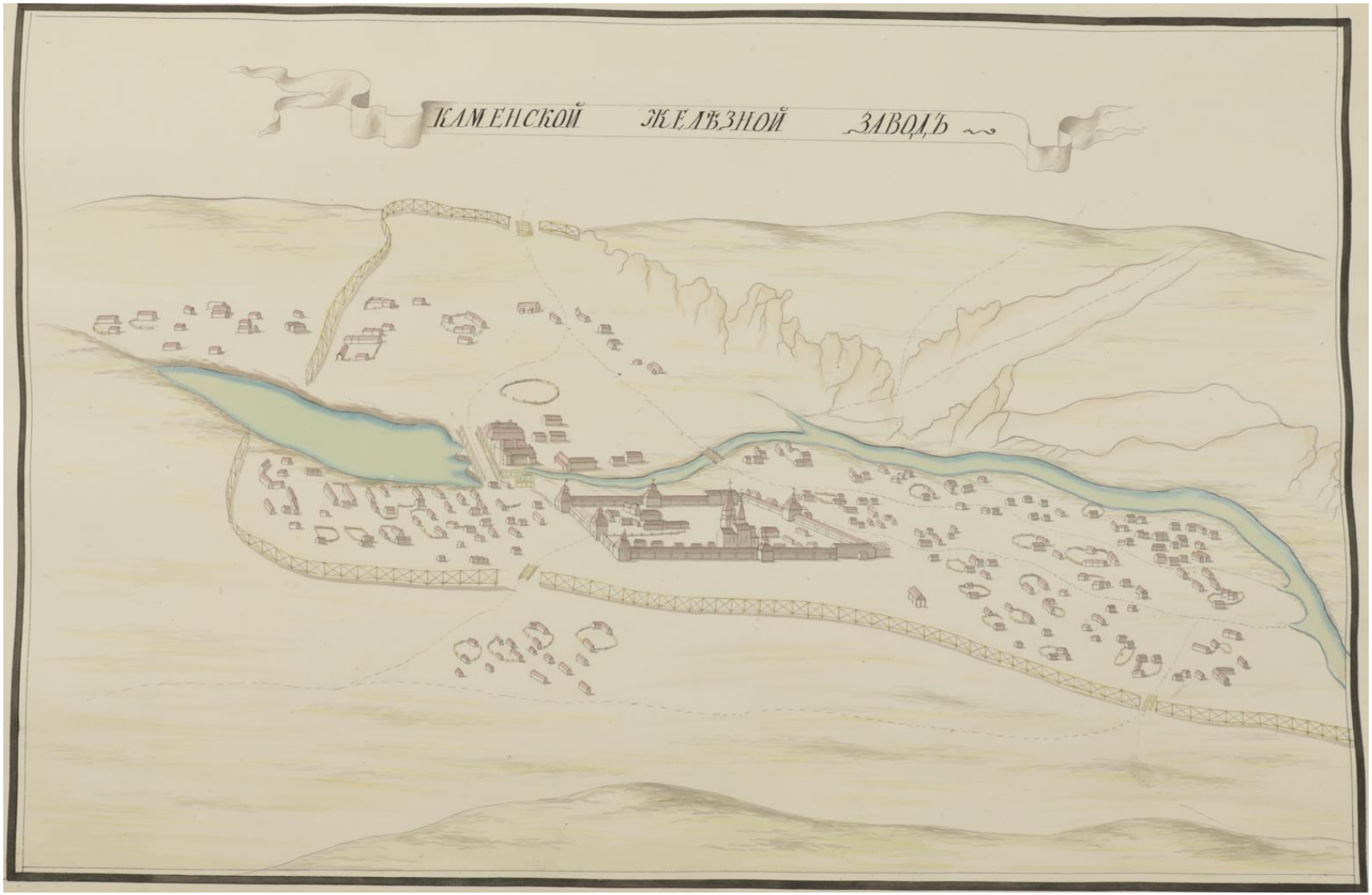
План завода Цесаревны Елизаветы первой половины XVIII в.



Источники: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 1161, Ч. 2. Л. 87.

Приложение 10

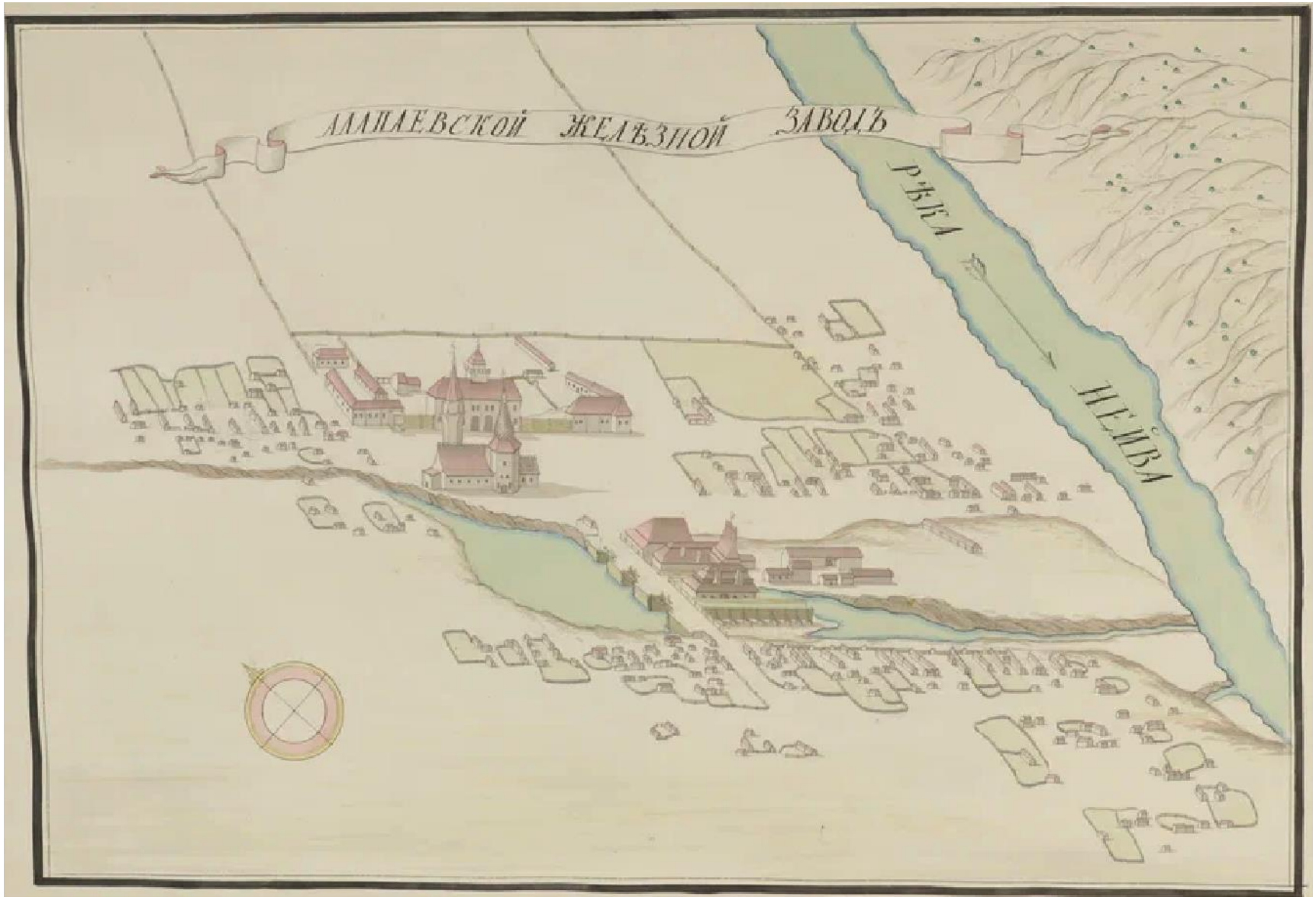
План Каменского завода первой половины XVIII в.



Источники: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 1161, Ч. 2. Л. 93.

Приложение 11

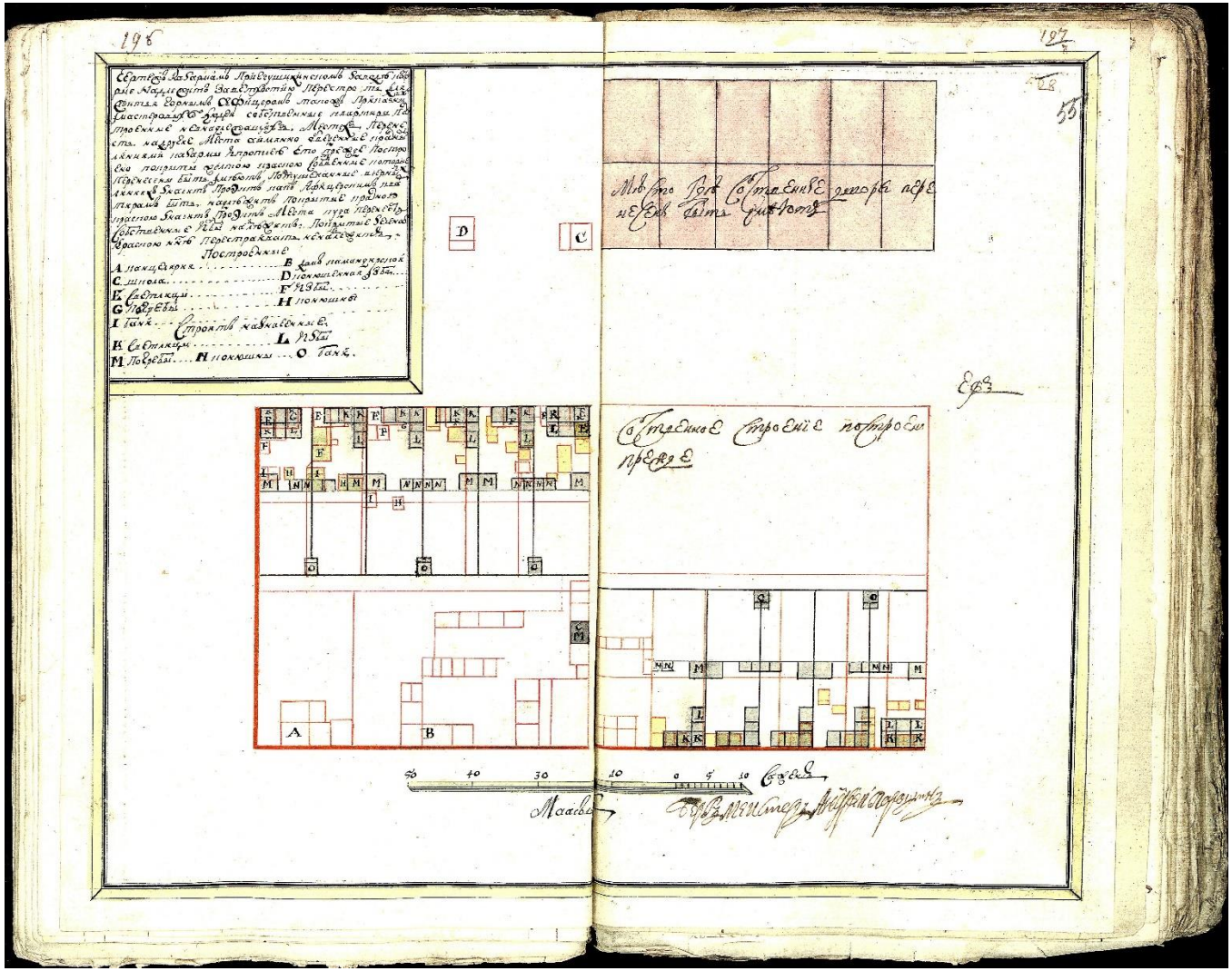
План Алапаевского завода первой половины XVIII в.



Источники: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 1161, Ч. 2. Л. 94.

Приложение 12

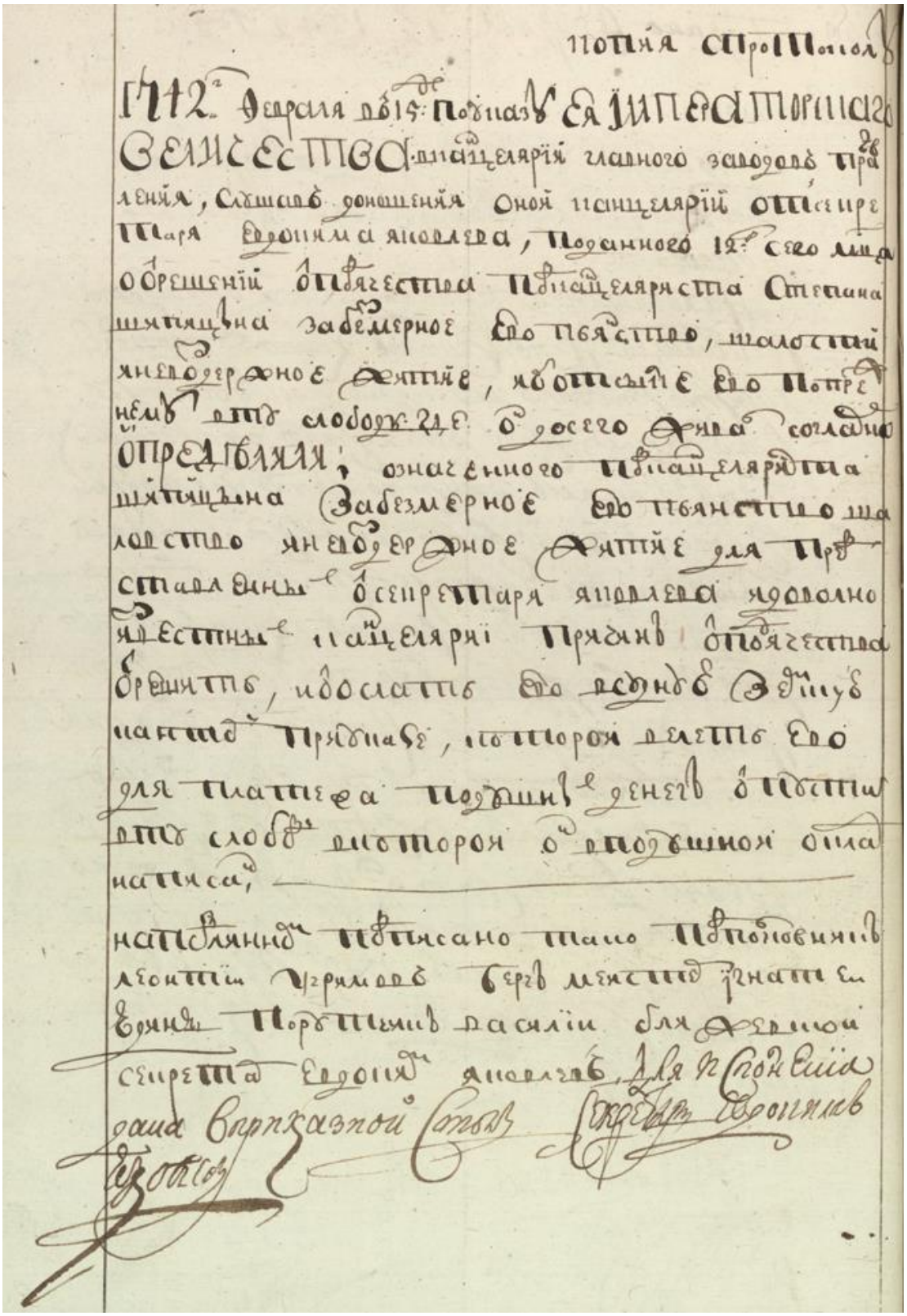
План строений Егошихинского завода, определенных к перестройке за ветхлостью 1742 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 917. Л. 551.

Приложение 13

Копия с протокола о пьянстве в Канцелярии 1742 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 934. Л. 180 об.

Приложение 14

Состав священно- и церковнослужителей с именами их детей региона Каменских и Алапаевских заводов на 1 марта 1723 года

№	Имя, фамилия служителей церкви	Сан	Имя, возраст детей
Каменский завод			
1	Козма Шкулев	Поп	Федор 16 лет
2	Парамон Селменских	Поп	Симион 12 лет; Иван 9 лет; Федор 6 лет
3	Иван Шкулев	Дьякон	–
4	Аврам Ряпосов	Дьячек	–
5	Яков Попов	Дьячек	Гарасим 19 лет; Трифан 17 лет; Василей 9 лет; Прокопей 6 лет
6	Филипп Грибанов	Дьячек	–
7	Семен Дьячков	Пономарь	Степан 8 лет; Иван 6 лет; Степан 4 года
Багарякская слобода			
1	Кирилл Федоров	Поп	Яков 22 лет; Семен 20 лет; Егор 12 лет
2	Иван Миронов	Дьячек	–
3	Петр Федоров	Пономарь	Афонасей 3 лет
Багаряксий уезд, село Троицкое			
1	Василей Фомин	Поп	Егор 17 лет; Гаврило 10 лет
2	Семен Бекреев	Дьячек	Иван 6 лет
3	Андрей Емельяновых	Трапезник	Карп 10 лет; Леонтий 8 лет
Колчеданский острог			
1	Степан Никитин	Поп	Иван 25 лет; Василий 12 лет
2	Михайло Капустин	Дьячек	Семен 26 лет; Трафим 12 лет
3	Федор Ширилин	Пономарь	Иван 16 лет; Федор 5 лет; Павел 1 год
Катайский острог			
1	Василий Петров	Поп	Григорий 25 лет
2	Никита Алексеев	Дьякон	Обросим 2 года
3	Иван Яковлев	Дьячек	–
4	Илья Алексеев	Пономарь	–
5	Ефтрап Марков	Трапезник	Григорий 3 лет
Катайский острог, Троицкая церковь			
1	Никифор Осипов	Поп	Иван 25 лет; Кирило 9 лет; Василей 3 лет; Максим 2 лет
2	Гаврило Попов	Пономарь	–
3	Андрей Сергиев	Трапезник	–
Катайский острог, Ильинская церковь			
1	Егорей Селиверстов	Поп	Иван 25 лет; Иван 22 лет; Селиверст 20 лет
2	Алексей Иванов	Дьячек	Михайло 7 лет; Петр 5 лет; Василий 3 лет
3	Никита Селиверстов	Трапезник	Дмитрий 4 лет
4	Иван Артемьев	Дьячек	Мартемьян 6 лет; Кирило 1 год

№	Имя, фамилия служителей церкви	Сан	Имя, возраст детей
Тамакульская слобода			
1	Гаврило Максимов	Поп	Афонасий 40 лет
2	Филипп Федоров	Дьячек	Афонасий 14 лет
3	Яков Андреев	Пономарь	–
4	Ларион Петров	Трапезник	–
Красноярская слобода			
1	Иван Никитин	Поп	Иван 8 лет; Евдоким 7 лет; Яков 6 лет; Петр 5 лет; Михайло 3 года; Василий 1 год
2	Михайло Зотиев	Дьячек	Петр 8 лет
3	Ефим Петров	Пономарь	Петр 6 лет; Осип 4 года; Никита 2 года
4	Дмитрий Иванов	Пономарь	–
Пышминская слобода			
1	Зотик Петров	Поп	Матвей 19 лет; Яков 18 лет; Петр 15 лет; Иван 7 лет
2	Василей Михеев	Дьячек	Андрей 10 лет; Андрей 2 года; пасынок Иван 20 лет; пасынок Андрей 18 лет
3	Василей Кондратьев	Пономарь	Прокопий 9 лет; Степан 1 год
4	Сергей Емельянов	Трапезник	Петр 4 года; Максим 2 года
Камышловская слобода			
1	Павел Павлов	Поп	Антон 7 лет; Дмитрий 4 года
2	Игнатей Павлов	Поп	Гаврила 14 лет
3	Гарасим Терентьев	Дьякон	Данило 24 года
4	Алексей Павлов	Дьячек	–
5	Федор Павлов	Пономарь	Григорий 5 лет
6	Осип Еремеев	Трапезник	Иван 6 месяцев
Камышловская слобода, село Скатинское			
1	Иван Михайлов	Поп	Алексей 25 лет; Прокопий 20 лет; Леонтий 15 лет
2	Федор Степанов	Дьячек	Павел 2 года
3	Андрей Елисеев	Трапезник	Гаврила 5 лет
Калиновская слобода			
1	Козма Самсонов	Поп	Федор 13 лет; Егор 6 лет
2	Федор Иванов	Поп	Иван 10 лет; Андрей 6 лет; Максим 5 лет
3	Яков Ефимов	Дьячек	Семен 4 недели
4	Алексей Кириллов	Пономарь	–
5	Никита Иванов	Трапезник	Никита 35 лет; Ион 20 лет
Калиновская слобода, село Латышевское			
1	Афанасий Сергиев	Поп	Селиверст 25 лет
2	Василий Красильников	Дьячек	–
Новопышминская слобода			
1	Иван Михайлов	Поп	Яков 18 лет; Иван 10 лет; Степан 4 года; Ефим 15 недель
2	Игнатий Федоров	Дьячек	–
3	Василий Обросимов	Пономарь	Яков 20 лет
Белослуцкая слобода			
1	Яков Иванов	Поп	Федор 30 лет; Иван 10 лет; Иван 9 лет
2	Федор Ильин	Поп	Иван 6 лет
3	Алексей Попов	Дьячек	Игнатий 19 лет
4	Иван Пономарев	Пономарь	–

№	Имя, фамилия служителей церкви	Сан	Имя, возраст детей
Белослуцская слобода, село Колмаковское			
1	Климан Петров	Поп	Василий 6 лет; Андрей 4 года; Иван 1 год
2	Василий Семенов	Дьякон	Семен 2 года
3	Яков Емельянов	Пономарь	Сын 23 года
Невьянская слобода			
1	Потап Васильев	Протопоп	–
2	Яков Емельянов	Поп	Григорий 46 лет
3	Анисифот	Поп	Яков 16 лет; Иван 14 лет; Василий 3 года
Невьянская слобода, село Голупково			
1	Кондратий Ильин	Поп	Исак 13 лет
2	Степан Солонинин	Дьячек	Иван 11 лет
3	Лука Серебреников	Пономарь	–
Алапаевский завод			
1	Иван Михайлов	Поп	Яков 20 лет
2	Андрей Мелентьев	Дьячек	Игнатий 2 года
Мурзинская слобода			
1	Иван Старцов	Поп	Алексей 7 лет; Иван 3 года
2	Алексей Невесевьев	Дьячек	–
3	Осип Рыбалов	Пономарь	Петр 10 лет
Арамашевская слобода			
1	Иосив Михайлов	Поп	Климант 9 лет; Иван 5 лет; Данила 2 года
2	Родион Михайлов	Поп	«Сыну пол года»
3	Илья Уденицов	Дьячек	–
4	Исай Серебреников	Пономарь	Иван 2 года
Арамашевская слобода, село Глинское			
1	Федор Антипьев	Поп	Афонасий 12 лет; Федор 9 лет
2	Афанасий Леонтьев	Поп	Василий 12 лет
3	Иван Артемьев	Дьячек	Василий 6 лет
Камышевская слобода			
1	Иван Афанасьев	Поп	Степан 8 лет; Григорий 6 лет; Иван 5 лет; Семен 3 года
2	Яким Федоров	Дьякон	–
3	Сергей Алексеев	Дьячек	Сев 21 год; Михайло 11 лет; Мелентий 4 года; Алексей 4 года; Сергей 1 год
4	Пимин Кочнев	Трапезинк	Трифан 9 лет; Гаврило 4 года
5	Кирила Алексеев	Поп	Гаврила 20 лет; Дмитрий 18 лет; Елизар 10 лет; Козма 9 лет

Источники: Составлено по: ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 35. Л. 43–48.

Приложение 15

Количество церквей на горнозаводском Урале 1727 г.[711]

№	Наименование населенного пункта	Наименование церкви	Фамилия, имя Настоятеля
	1. Екатеринбургское ведомство		
1.	Екатеринбургский завод	Великомученицы Екатерины	Феодосий Васильев
2.	Уктусские заводы	Николаевская	Козьма Самсонов
3.	Алапаевский завод	Алексеевская	Иоан Михайлов
4.	Лялинский село (Лялинский завод)	Богоявления Господня	
5.	Каменский завод	Трех Святителей	Парамон Яковлев
6.	Горный Щит		Никита Яковлев
7.	Чусовская (Уткинская) пристань	Георгиевская	Сила Кузнецов
8.	Арамашевская слобода	Богородицкая	Иродион Михайлов
9.	Глинский погост		Афонасий Леонтьев
10.	Голубковский погост	Вознесения	Кондрат Ильин
11.	Невьянский острог	Богородицкая	Потап Васильев
12.	Арамильская слобода	Рождества Христова	Яков Никитин
13.	Село Бобровское	Архангельская	Павел Иванов
14.	Село Брусянское	Вознесения	Петр Сергеев
15.	Село Щелкунское	Предтеченская	Дорофей Кондратов
16.	Багарякская слобода	Вознесения	Кирило Федоров
17.	Село Истотское	Троицкая	Василий Игнатьев
18.	Белослудская слобода	Вознесения	Яков Иванов
19.	Село Колмаковское	Рождественская	Климент Петров
20.	Белоярская слобода	Николаевская	Иван Ильин
21.	Клевакинский погост	Рождественская	Прокопей Тимофеев
22.	Калиновская слобода	Рождественская	Алексей Кирилов
23.	Калиновская слобода	Ильи Пророка	Афонасий Сергиев
24.	Село Латышево		Иван Козмин
25.	Камышевская слобода	Георгиевская	Иван Афонасьев
26.	Село Покровское	Покровская	Алексей Кирилов
27.	Камышловская слобода	Покрова Богородицы	Павел Васильев
28.	Село Скатинское	Николаевская	Василий Семенов
29.	Катайский острог	Богоявленская	Василий Петров
30.	Катайский острог	Троицкая	Никифор Осипов
31.	Катайский острог	Ильинская	СеливерстГеорьев
32.	Колчеданский острог	Сретенская	Стефан Никитин
33.	Село Щербаковское	Николаевская	Парфен Козмин
34.	Красноярская слобода	Введенская	Иван Никитин
35.	Новопышминская слобода	Архангельская	Гаврило Данилов
36.	Брусянский погост	Знаменская	Иван Михайлов
37.	Пышминская слобода	Богоявленская	Зотик Петров

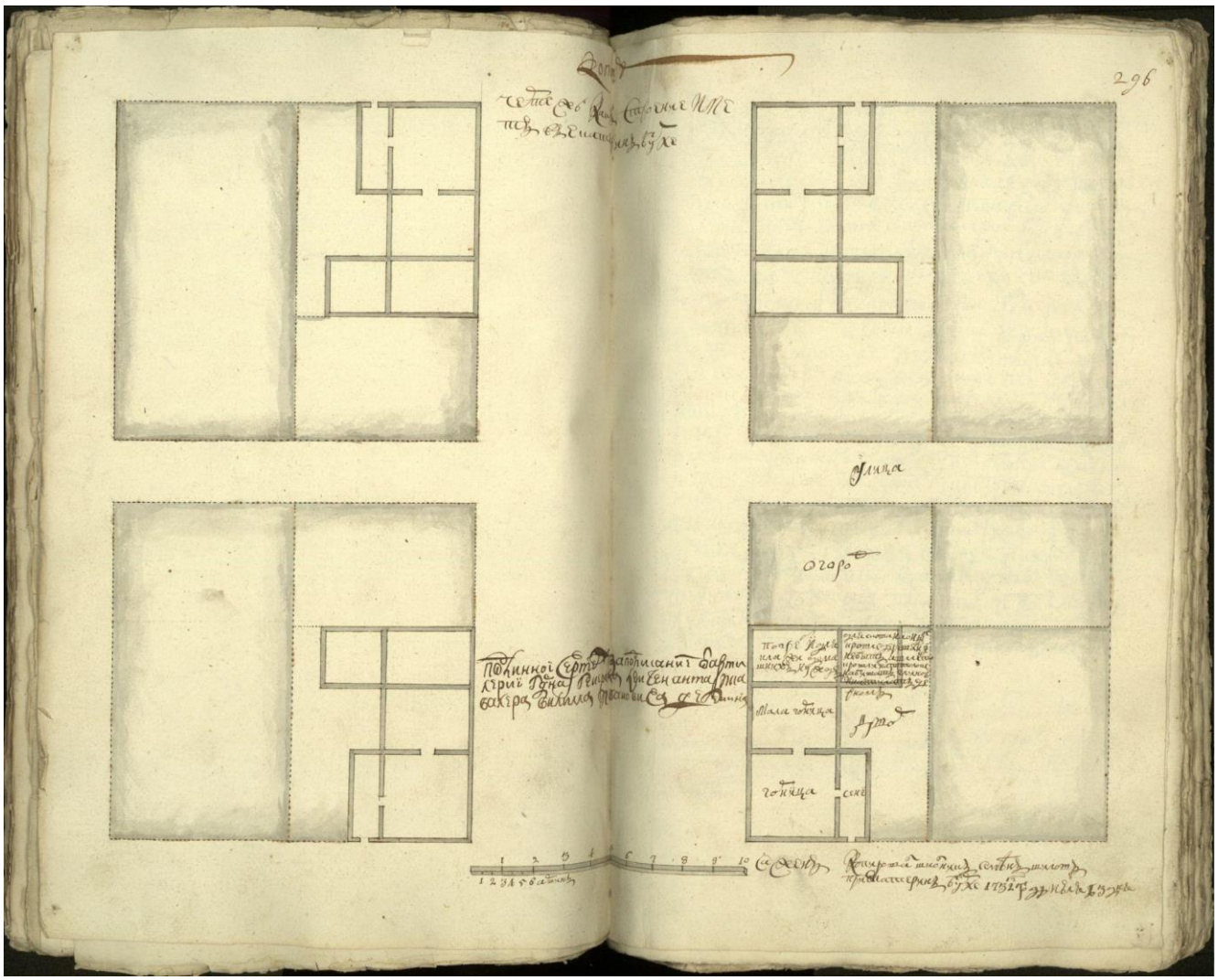
[711] Наименование церкви дается по источнику. Из притча представляется только фамилия и имя главного служителя. Пропуск в тексте означает, что в документе нет сведений.

	Наименование населенного пункта	Наименование церкви	Фамилия, имя Настоятеля
38.	Тамакульскаяслобода	Егорьевская	Гаврило Максимов
39.	Утятская слобода	Николаевская	Петр Андреев
	2. Демидовское ведомство		
1.	Невьянский завод	Преображенская	Никита Петров
2.	Аятская слобода	Троицкая	Федор Агапитов
3.	Глинский погост	Николаевская	Афонасий Леонтьев
4.	Мурзинская слобода	Сретенская	Иоанн Павлов
5.	Краснопольская слобода	Ильинская	Яков Семенов
6.	Покровское село	Богородицкая	Герасим Антонов

Источники: Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 114. Л. 399–447.

Приложение 16

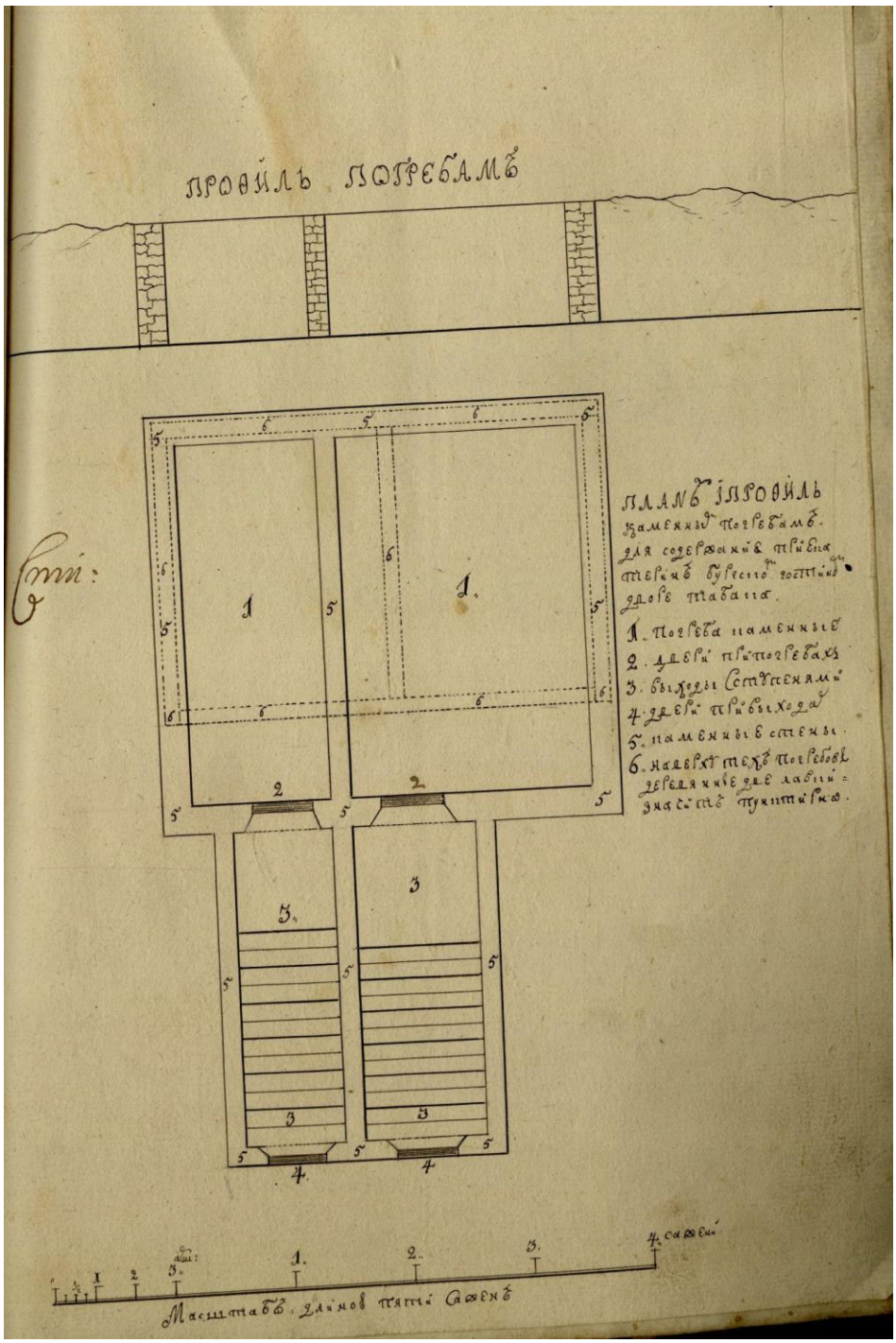
Чертеж домов в Екатеринбурге 1732 г., представленный В.И. Генниным



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 295–296.

Приложение 17

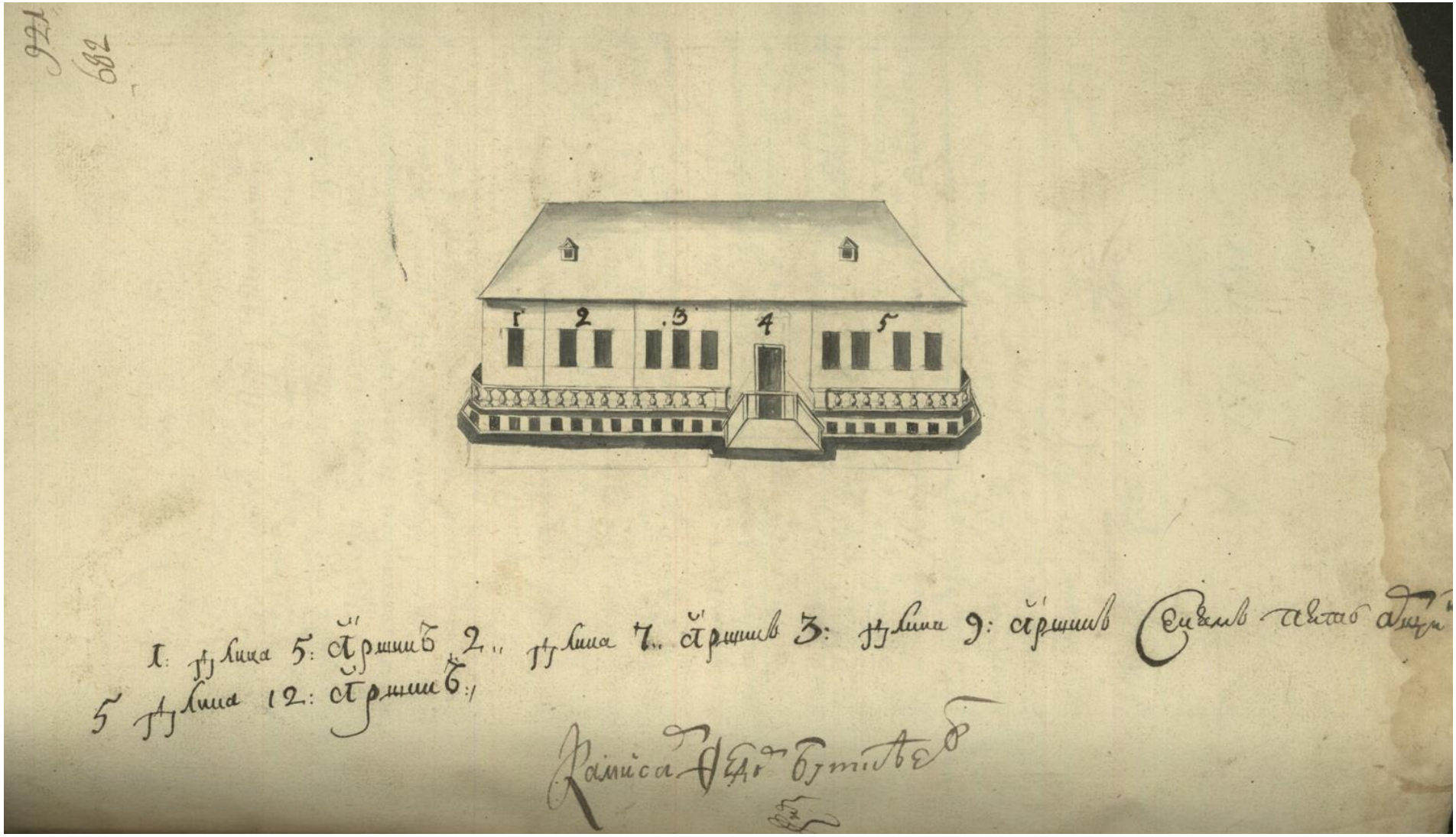
Чертеж каменных погребов для содержания при екатеринбургском Гостином дворе табака 1754 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1405. Л. 85.

Приложение 18

Проект екатеринбургской таможни 1734 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 465. Л. 682.

Приложение 19

Роспись лекарств, отправленных из Екатеринбурга в Якутскую заводскую контору в 1743 г.

Перечень лекарств	Разъяснения лекаря
«Проносного 12 приемов, от обжогу мази, 4 фунта пирюль головных»	«Могут знать и тамо сим о пользе»
«Зукус ликверцие четверть фунта»	«Следуют от кашля»
«Эсенция линорум два унца»	«Кровочистительные капли, кои принимать по 60 и по 80 капель в чаю»
«Залвитоле олео сун зилвин два унца Валвалитоле оле озун зилвин два унца»	«Против густой крови и омороки и для ради желудка, в один прием по 50 капель в чаю»
«Живучего пластыря 3 фунта Гноечан мази 1 фунт Головного пластыря четверть фунта»	«Сие могут ко употреблению знать тамо собою»
«Бальзам зурфурис, сини зитис, четыре золотника»	«От грудной болезни и от кашля, принимать в чаю по 60 капель, ежели у кого жару нет»
«Интур синтимония тартара затис 8 золотников»	«Ко очищению урина и крови, принимать в чаю по 60 капель»
«Спиртус салис самоници один унц»	«От лихорадки принимать в чаю или в пиве по 30 капель, или нюхать»
«Порошки от жару 3 унца»	«Принимать в воде по полузолотнику»
«Специесь линорум три фунта»	«Сие кровочистительное, взяв полфунта и положа три фунта воды варить в горшке, замазав наглухо, и по утрам по стакану пить»
«Мази полфунта»	«К пользе против застарелых ран»

Источники: Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 986. Л. 197 об.–198.

Приложение 20

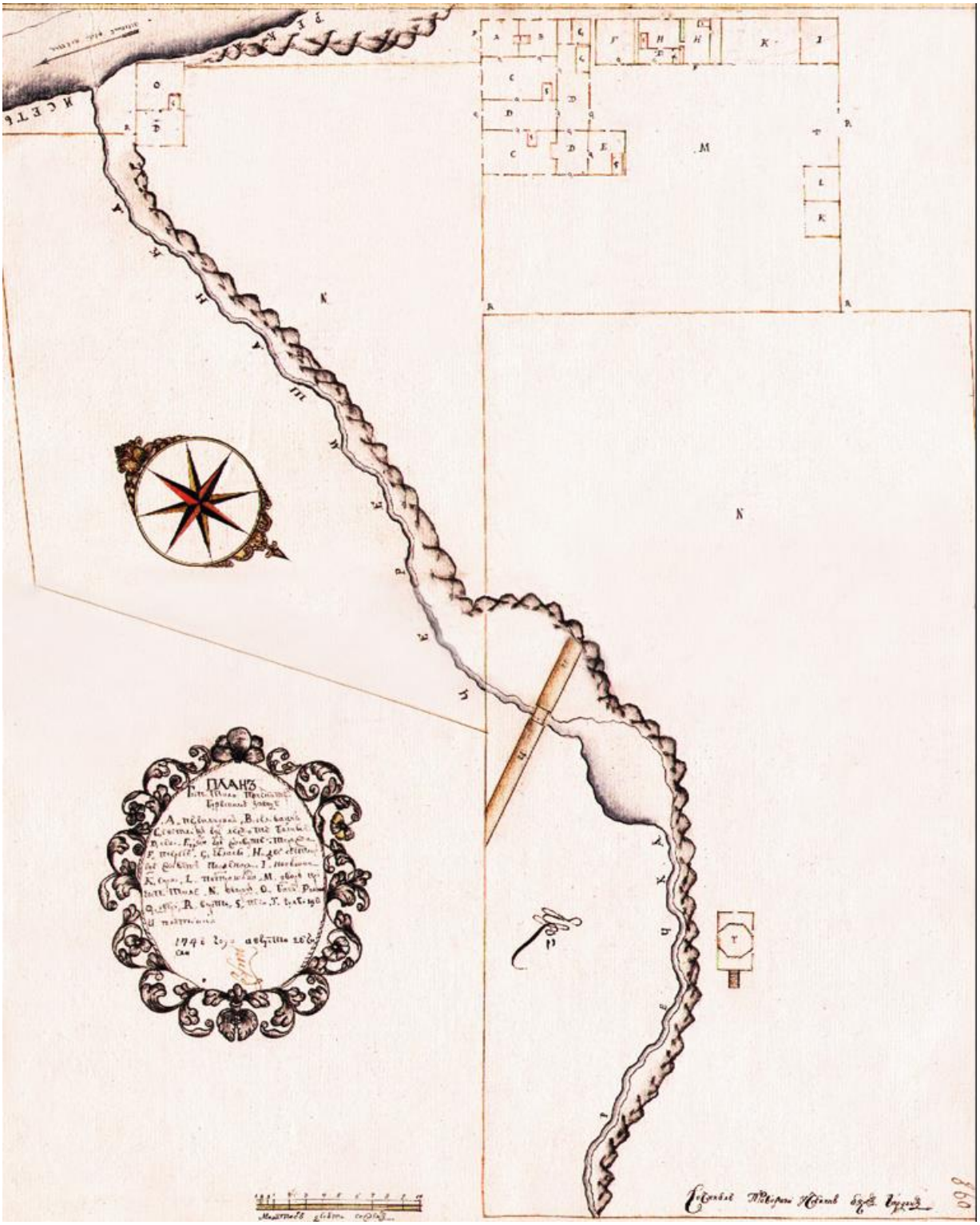
Табель медицинского персонала на казенных заводах в 1752 г.

Фамилия, имя	Должность	Жалованье в год (руб.)
При Екатеринбургском госпитале		
Шнезе Иоган	штаб–лекарь	350
Сизиков Василий	подлекарь	60
Каменщиков Иван	подлекарь	48
Семенников Семен	ученик	18
При Екатеринбургской аптеке		
Мендерс Христиан	бергмейстер	400
Углов Емельян	ученик	36
Голомзин Лаврентий	ученик	18
При Егошихинском госпитале		
Гриненберг Иоган	лекарь	191
Грудин Иван	ученик	18
При Туринском госпитале		
Бревнов Иван	подлекарь	60
Резанов Василий	ученик	36
При Нерчинском госпитале		
Голомзин Никифор	за лекаря	84
Томилов Егор	Подлекарь	60
Веснин Федор	Ученик	4 и солдатский провиант
Ковригин Николай	Ученик	4 и солдатский провиант

Источники: Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1422. Л. 519–522.

Приложение 21

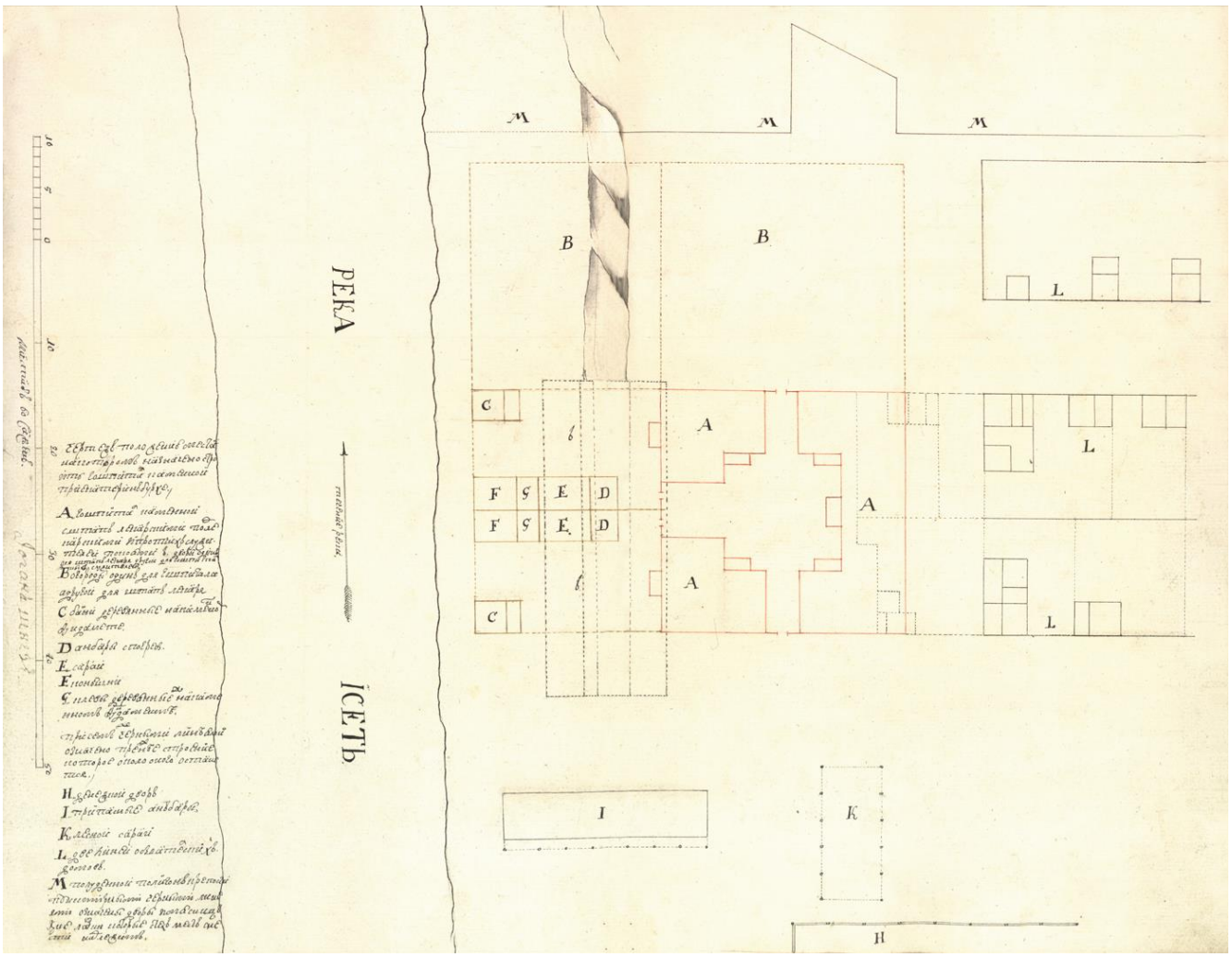
План деревянного Екатеринбургского госпиталя по речке Черемшанке, 1948 г.



Источники: Корепанов Н.С. Энциклопедия Екатеринбурга. Том 1. 1723–1807 годы: рождение и становление. Екатеринбург, 2017. С. 85.

Приложение 22

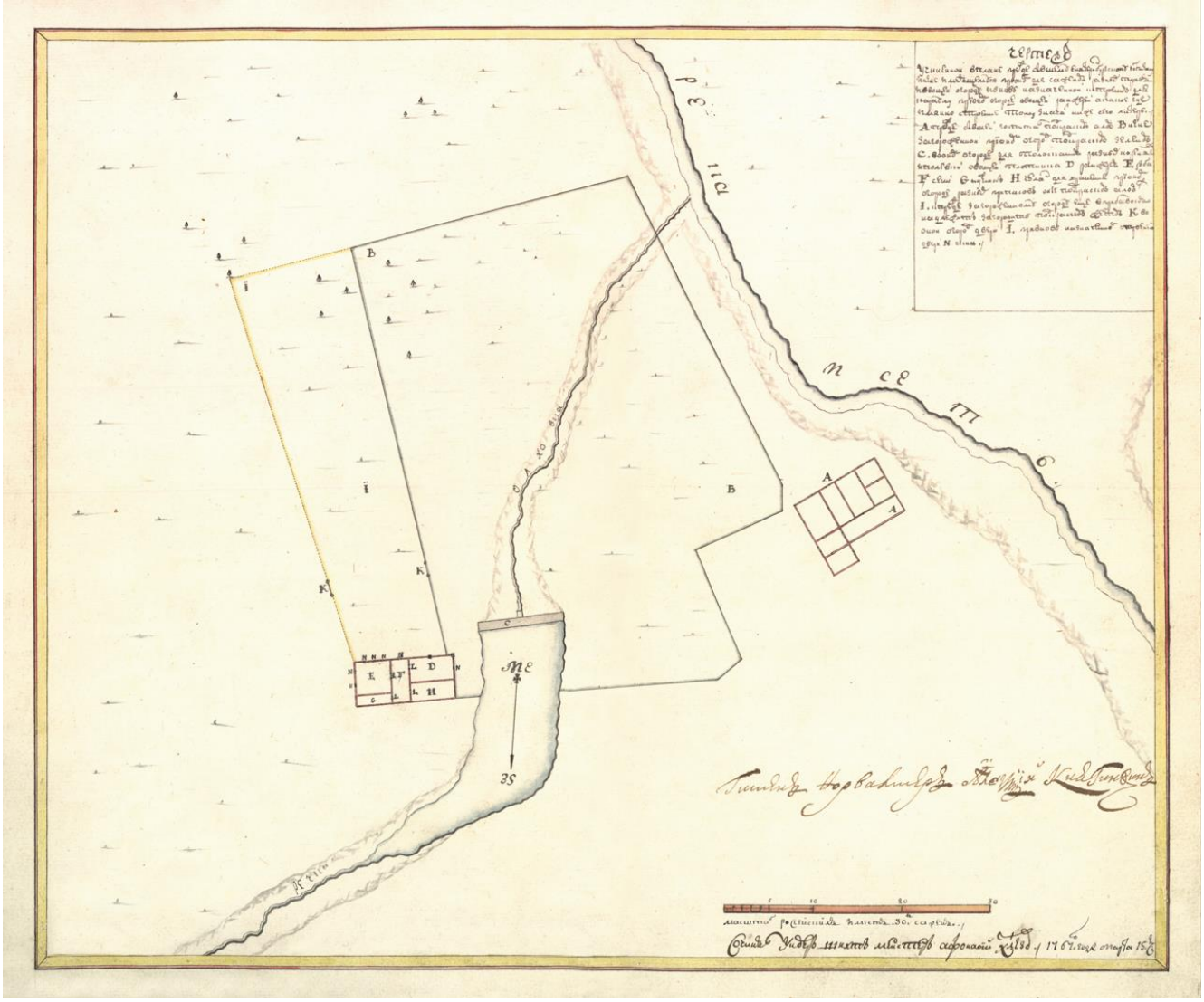
План места каменного Екатеринбургского госпиталя по правому берегу Исети, 1748 г.



Источники: Корепанов Н.С. Энциклопедия Екатеринбурга. Том 1. 1723–1807 годы: рождение и становление. Екатеринбург, 2017. С. 89.

Приложение 23

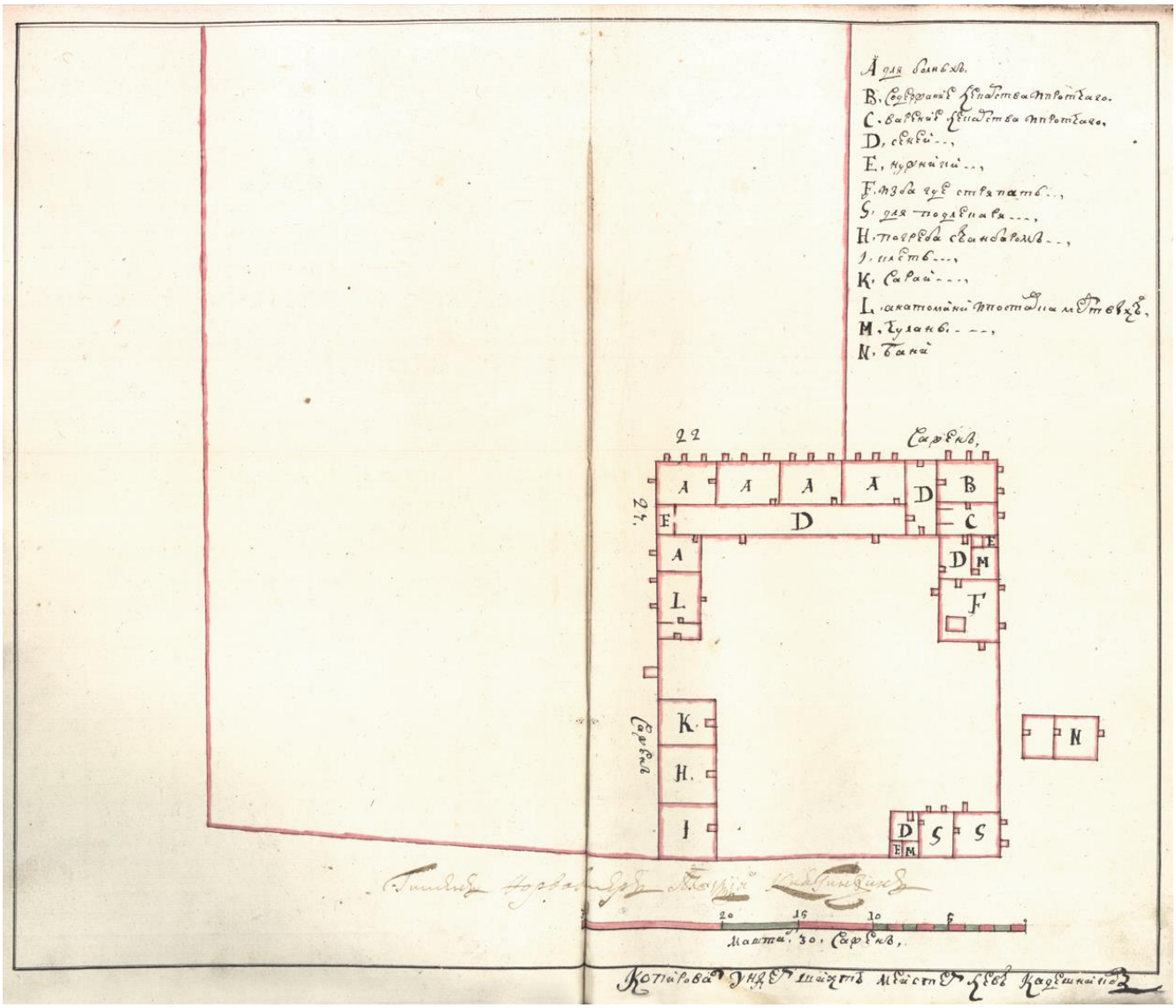
План старого деревянного Екатеринбургского госпиталя, 1767 г.



Источники: Корепанов Н.С. Энциклопедия Екатеринбурга. Том 1. 1723–1807 годы: рождение и становление. Екатеринбург, 2017. С. 87.

Приложение 24

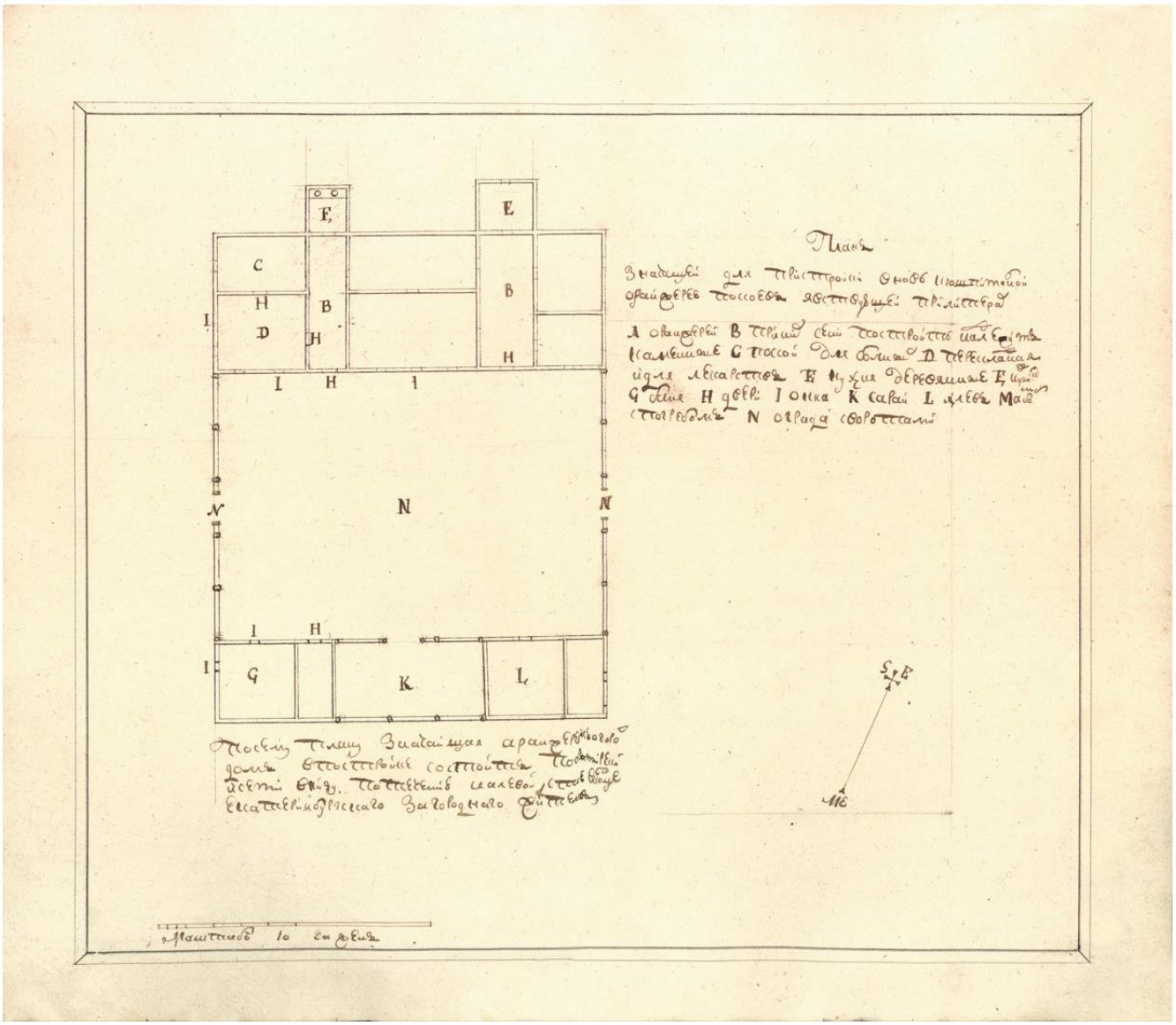
Чертёж восстановленного деревянного Екатеринбургского госпиталя, 1767 г.



Источники: Корепанов Н.С. Энциклопедия Екатеринбурга. Том 1. 1723–1807 годы: рождение и становление. Екатеринбург, 2017. С. 88.

Приложение 25

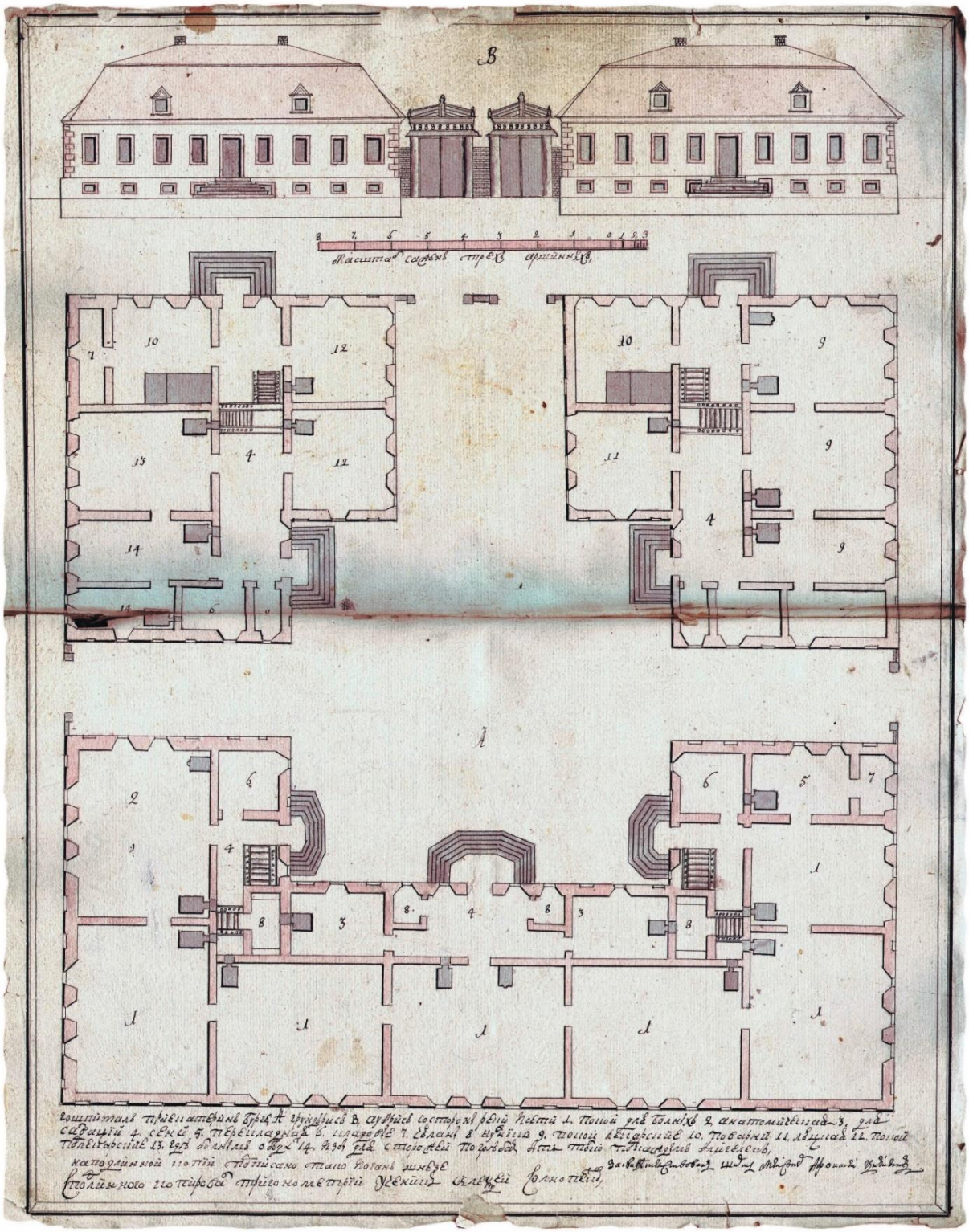
План аптечной оранжереи при деревянном Екатеринбургском госпитале, 1767 г.



Источники: Корепанов Н.С. Энциклопедия Екатеринбурга. Том 1. 1723–1807 годы: рождение и становление. Екатеринбург, 2017. С. 86.

Приложение 26

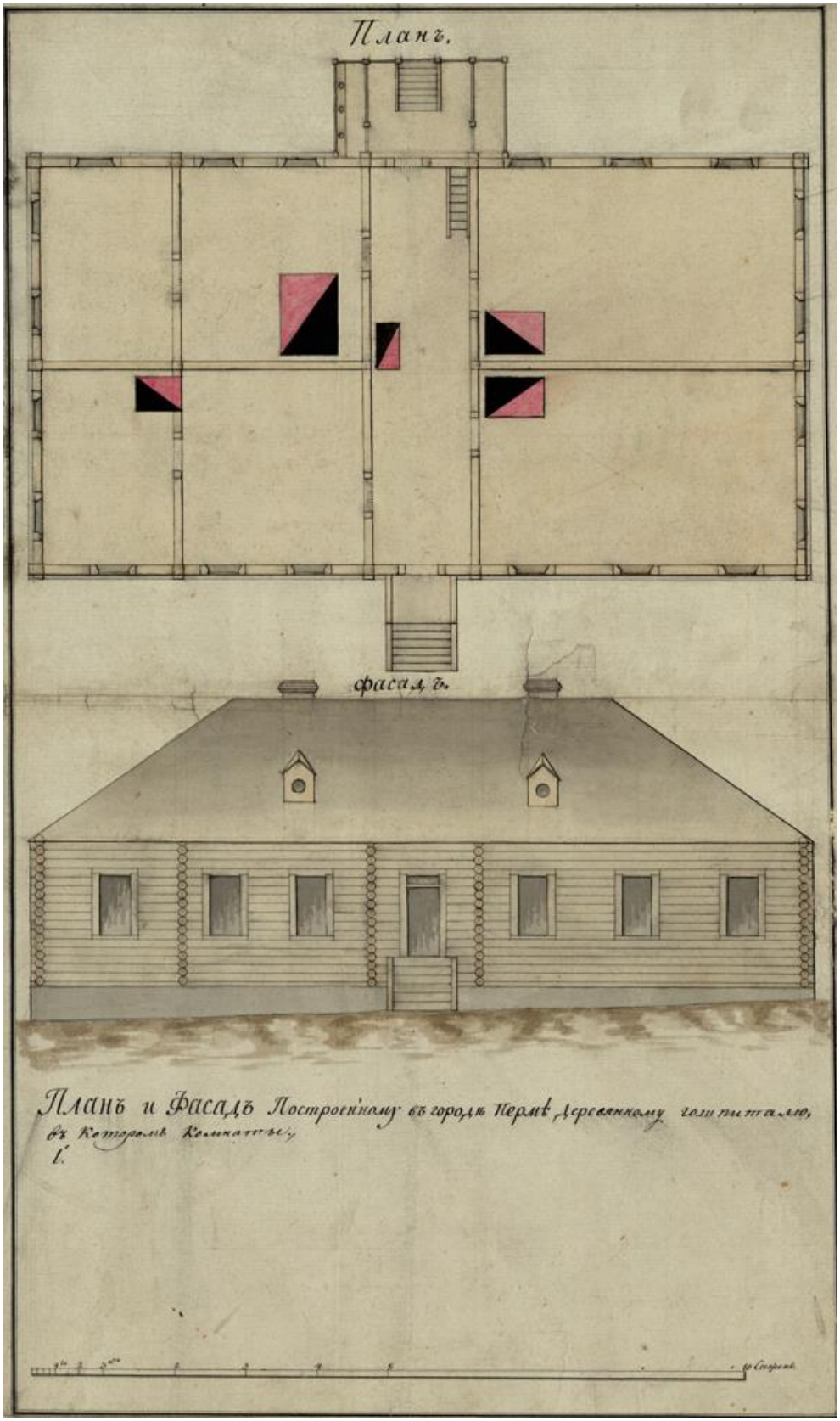
Проект каменного госпиталя в Екатеринбурге 1747 г.



Источники: Корепанов Н.С. Энциклопедия Екатеринбурга. Том 1. 1723–1807 годы: рождение и становление. Екатеринбург, 2017. С. 90

Приложение 27

Деревянный госпиталь в Перми 1765 г.



Источники: ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 153. Л. 1.

Приложение 28

Список медикаментов, назначенных асессору И. Рудаковскому в 1734 г.

Месяц	Препарат (лат)	Показания к применению
Июль	Aqua Ulmariae	Водка из цветка лабазника вязолистного. применялась при кровотечениях, поносах и истерических припадках, «почиталась также глистогонным».
	Camphora	Камфора, смола камфороносного лавра .»Умоляет судороги, отвращает и останавливает гнилость и укрощает стремление и действие какого-либо яда».
Август	Aqua Ulmariae	Водка из цветка лабазника вязолистного. применялась при кровотечениях, поносах и истерических припадках, «почиталась также глистогонным».
	Antimonium diaphoreticum	«Испариногонительная или потевая сурьма». Разбавляет и очищает густую мокроту в груди, «производит испарину».
	Essentis Alexipharmaca	вызывает потоотделение, назначают при лихорадках, слабом пульсе, бледности и «холодности кожи, которая означает слабость сосудов», «для истребления сыпей», ревматизме.
	Mixtura simplex	Изготовляется путем добавления к дягильному спирту (spiritus angelicae compofitus) жидкости из винного камня и серной кислоты разведенной в воде в малой концентрации. Вызывает обильное потоотделение, лечит лихорадки и ревматизм.
	Cinnabri Antimonium	«Сырая, не обожжена, струистая сурьма» – разжижает мокроту, притупляет колющую боль, поэтому используется при лечение «ломотных или простудных», грыжных заболеваниях.
	Laudanum Opiatum	Сильный анальгетик – основной составляющей был экстракт опия, остальные элементы препарата служили лишь для корректировки горького вкуса опиума.
	Cornu Cervi praeparati	Средство от мозолей. Порошок из жженого в печи оленьего рога, сушит раны и «употребляется у хирургов».
	Oculi Cancrorum	Раковые жерновки. «Втягивают в себя кислоту и притупляют остроту», т.е. средство от изжоги, также излечивают от флюороза (чрезмерное количество фтора в организме) при заболевании которым разрушаются зубы, а на поздней стадии кости и внутреннии органы.
	Nigri de boratum	Черный буракс. Солоноватое кристаллическое вещество, имеющее слабые «разбивательные» и «чистительные» свойства.
	Tinctura antimonii	Капли с сурьмой. Потогонное и мочегонное средство, в больших количествах вызывает рвоту.
	Tinctura tartari	Капли из винного камня – мочегонное средство.

Источники: Составлено по: ГАСО Ф.24.Оп.1. Д. 532а. Л. 92 об., 103; Дерикер В. Сборник народноврачебных средств, знахарями в России употребляемых. СПб., 1866. С. 158; Рубелия И.Ф. Медицинская практика, или Наставление лечить болезни, по большой части случающияся в общежитии. М., 1789. С. 303–304; Шлерет Ф.А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1793. С. 9; Шлерет Ф.А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1812. С. 4, 7–8, 95–96, 109–110, 120, 321–322; Gottfried R. W. Med. D. und Practici in Leipzig, Gründliche Anleitung zur Chymie : Darinnen nicht nur Die in der derselben vorkommenden Operationes, und die ... entstehende Producta, sondern auch Die Præparationes derer besten Chymischen Medicamenten aufrichtig beschrieben sind / Von neuen durchgesehen, von ... vielen unrichtigen Dingen gesäubert, Hingegen aber ... mit nötigen Anmerckungen ... vermehret von D. Samuel Theodor Quelmaltz Physiol. Prof. Publ. Ord. Sechste vermehrte und verbesserte Auflage. Leipzig : Schönermarck, 1745. P. 186; Lewis W., Aikin J. An Experimental History of the Materia Medica, Or of the Natural and Artificial Substances Made Use of in Medicine Containing a Compendious View of Their Natural History, an Account of Their Pharmaceutic Properties and an Estimate of Their Medicinal Powers. 2011, P. 184–185; Nesměrák, K., Štícha, M., Belianský, M. et al. Laudanum opiatum caesareum: authentication of the composition of a historical pharmaceutical preparation from the eighteenth century using a multianalytical approach. Monatsh Chem 152, 2021. P. 1089–1096.

Приложение 29

Список медикаментов, назначенных генералу В.И. Геннину в 1734 г.

Месяц	Препарат (лат)	Показания к применению
Июль	Camphora	Камфора, смола камфороносного лавра .»Умоляет судороги, отвращает и останавливает гнилость и укрощает стремление и действие какого-либо яда».
	Gummi Myrrhae	Драконья смола или драконья кровь – «лечит раны, также горячит тело, утончает влаги, производит испарину, гонит мочу, отражает гнилость и укрепляет слабые части тела».
	Spiritus Juniperi	Ягодная настойка (дух можжевеловый) – «ветрогонное» и мочегонное средство при водянке.
	Roob Sambuci	Бузинный сок – потогонное средство.
	Oleum Cinnamomi	Коричневое масло – применяется при костоеде (кариес) и параличе языка, употребляется в виде елеосахара (сахар с примесью эфирного масла), также прибавляется к другим веществам для приятного запаха и «сохранения сил желудка».
Август	Antimonium diaphoreticum	«Испариногонительная или потевая сурьма». Разбавляет и очищает густую мокроту в груди, «производит испарину».
	Essentis Alexipharmaca	вызывает потоотделение, назначают при лихорадках, слабом пульсе, бледности и «холодности кожи, которая означает слабость сосудов», «для истребления сыпей», ревматизме .
	Cinnabri Antimonium	«Сырая, не обожжена, струистая сурьма» – разжижает мокроту, притупляет колющую боль, поэтому используется при лечение «ломотных или простудных», грыжных заболеваниях .
	Laudanum Opiatum	Сильный анальгетик – основной составляющей был экстракт опия, остальные элементы препарата служили лишь для корректировки горького вкуса опиума .
	Unguentum anodynum	Болеутолительная мазь – содержала шафран и «сырой опий» – высушенный млечный сок, который получают из недозрелых маковых головок. «Сей мази свойство есть холодить, мягчить, притуплять остроту и утолять судороги и боли» .
	Unguentum populeum	Мазь из почек тополя – болеутоляющая мазь, имеющая в составе листья белены и паслена
	Unguentum de Althaea	Проскурнячная мазь – изготовляется из корней алтея (проскурняка) – «имеет же она силу мягчить, ослабялть, утолять боль и разбивать застои, почему и употребляетя от ломоты» .
	Unguentum nervinum	Жилокрепительная мазь – смесь свиного и оленьего сала с янтарным и можжевеловым маслами – «сия мазь имеет силу разибвать и укреплять» .
	Unguentum martiatum	Мазь, имеющая сложный состав из множества ингредиентов, считалась эффективной против простуды головы; удаляла боли из груди и желудка возникающие от холода; предотвращала судороги и лечила подагру; размягчала затвердевшие гнойники и опухоли на теле; облегчала боли в тонком кишечнике .
	Nigri de boratum	Черный буракс. Солоноватое кристаллическое вещество, имеющее слабые «разбивательные» и «чистительные» свойства .
	Tinctura antimonii	Капли с сурьмой. Потогонное и мочегонное средство, в больших количествах вызывает рвоту .
	Tinctura tartari	Капли из винного камня – мочегонное средство .
	Arcanum duplicatum	Двусоставная слабительная соль или купоросная селитра – жаропонижающая, слабительное и мочегонное средство .
	Folium Sennae	Александрийский лист – «для слабления и очищения желудка» .

Месяц	Препарат (лат)	Показания к применению
Август	Cornu Cervi praeparati	Средство от мозолей. Порошок из жженого в печи оленьего рога, сушит раны и «употребляется у хирургов».
	Oculi Cancrorum	Раковые жерновки. «Втягивают в себя кислоту и притупляют остроту», т.е. средство от изжоги, также излечивают от флюороза (чрезмерное количество фтора в организме) при заболевании которым разрушаются зубы, а на поздней стадии кости и внутреннии органы.
	aqua Ulmariae	Водка из цветка лабазника вязолистного. применялась при кровотечениях, поносах и истерических припадках, «почиталась также глистогонным».

Источники: Составлено по: ГАСО Ф.24. Оп.1. Д. 532а. Л. 92 об.; Дерикер В. Сборник народноврачебных средств, знахарями в России употребляемых. СПб., 1866. С. 158; Рубелия И.Ф. Медицинская практика, или Наставление лечить болезни, по большой части случающияся в общежитии. М., 1789. С. 303–304; Шлерет Ф.А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1812. С. 4, 7–8, 22, 33, 95–96, 110–111, 120, 321–322, 350, 473–474, 478; Шлерет Ф.А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1793. С. 9, 356; Шпренглер К. Лѣкарственник, или Фармакология. М., 1820. С. 91–92, 109–110; Gottfried R. W. Med. D. und Practici in Leipzig, Gründliche Anleitung zur Chymie : Darinnen nicht nur Die in der derselben vorkommenden Operationes, und die ... entstehende Producta, sondern auch Die Præparationes derer besten Chymischen Medicamenten aufrichtig beschrieben sind / Von neuen durchgesehen, von ... vielen unrichtigen Dingen gesäubert, Hingegen aber ... mit nötigen Anmerckungen ... vermehret von D. Samuel Theodor Quelmaltz Physiol. Prof. Publ. Ord. Sechste vermehrte und verbesserte Auflage. Leipzig, 1745. P. 186; Lewis W., Aikin J. An Experimental History of the Materia Medica, Or of the Natural and Artificial Substances Made Use of in Medicine Containing a Compendious View of Their Natural History, an Account of Their Pharmaceutic Properties and an Estimate of Their Medicinal Powers. 2011. P. 184–185; Murray J. A System of Materia Medica and Pharmacy. New-York. 1824. P. 364; Nesměrák, K., Štícha, M., Belianský, M. et al. Laudanum opiatum caesareum: authentication of the composition of a historical pharmaceutical preparation from the eighteenth century using a multianalytical approach. Monatsh Chem 152, 2021. P. 1089–1096; Woodall J. The Surgions Mate: The First Compendium on Naval Medicine, Surgery and Drug Therapy (London 1617), Switzeland. 2016. P. 74.

Приложение 30

Список медикаментов, назначенных штейгеру И.Х. Креслеру в1734 г.

Месяц	Препарат (лат)	Показания к применению
Июль	Mercurius dulcis	Услаждающая ртуть – безвкусный порошок, полученный путем смешивания и кипячения «чистой ртути» и «самой лучшей крепкой водки» – «разбивает густые и вязкие влаги, очищает худомокротную кровь, производит слюнотечение врачующее любострастную болезнь и умершвляет глист»;
	Resina Jalapae	Ялаповая смола – делается из корня ялаппы (травянистое растение), является слабительным, выводит глистов и «горячит тело»;
	Cremor tartari	Винный камень – твердые кристаллы, которые осаждаются в результате брожения вина, разводятся в воде, выводит мокроту, при употреблении в больших количествах «легко и тихо слабит желудок».
	Species pro Clyfteribus	Клизмы для лечения желудочных болезней.
	Electuarium pro clysteribus	Клизмы для лечения желудочных болезней.
	Cinnabri Antimonium	«Сырая, не обожжена, струистая сурьма» – разжижает мокроту, притупляет колющую боль, поэтому используется при лечение «ломотных или простудных», грыжных заболеваниях.
	Pilule de succino crationis	Катаральные пилюли – лечат воспаление слизистых оболочек рта и горла, насморк.
	Oleum Succini	Янтарное масло – успокаивает судороги, «разводит густые влаги», вызывает испарину, обладает мочегонными свойствами.
	Spiritus cornu cervi	Двойное спирт оленьего рога – «утоляет кислоту и судороги», выводит мокроту, вызывает испарину, мочегонное, «утоляет боли».
Август	Species pro Clyfteribus	Клизмы для лечения желудочных болезней.
	Electuarium pro clysteribus	Клизмы для лечения желудочных болезней.
	Folium Sennae	Александрийский лист – «для слабления и очищения желудка».
	Arcanum duplicatum	Двусоставная слабительная соль или купоросная селитра – жаропонижающая, слабительное и мочегонное средство .
	Essentia castorel	Принимается внутрь при язвенных болезнях, кишечных коликах
	Essentia centaurii minoris	Экстракт или сгущенный сок золототысячника – «отворяет запоры, очищает раны, укрепляют слабые части тела, разбивает густые влаги и отражает гнилость».
	Centaurei minoris	Золототысячник. Цветы золототысячника «имеют бальзамичское свойство», «очищают худосочную кровь, разбивают завалы и укрепляют тело».
	absinthium	Полынь – умерщвляет глистов.
	Tinctura antimonii	Капли с сурьмой. Потогонное и мочегонное средство, в больших количествах вызывает рвоту.
	Tinctura tartari	Капли из винного камня – мочегонное средство.
	Essentia lignorum	Капли древесные – «разбивают густую кровь» и выводят «порчу» через пот или мочу.
	Spiritus salis ammoniaci	Нашатырный спирт – оказывает возбуждающее и раздражающее действие, «разводит стоячие влаги», мочегонит, «отражает гнилость».
	Oculi Cancrorum	Раковые жерновки. «Втягивают в себя кислоту и притупляют остроту», т.е. средство от изжоги, также излечивают от флюороза (чрезмерное количество фтора в организме) при заболевании которым разрушаются зубы, а на поздней стадии кости и внутреннии органы .

Месяц	Препарат (лат)	Показания к применению
Август	Cornu Cervi praeparati	Средство от мозолей. Порошок из жженого в печи оленьего рога, сушит раны и «употребляется у хирургов».
	Aqva Apoplectica	вода от «пострелу», т.е. ломоты и колющей боли в пояснице.
	Spiritus Lumbricorum terreftrium	Винный спирт земляных червей – употребляется только снаружи «разбивает и утоляет боли».
	Liqvor Cornu Cervi fuccinatus	Янтарне оленьего рога капли – «разбивают» густую мокроту, «утоляют судороги», имеют потогонные и мочегонные свойства.
	Pulvis pleuriticus	Порошок, который обезболивает боль в груди, отхаркивающее.
	Tartarus vitriolatus	Купоросный винный камень – «разбивает густые и вязкие мокроты, утоляет жар, отражает тлетворность во влагах, отончает густые соки, разбивает завалы и засорения, гонит мочу».

Источники: Составлено по: ГАСО Ф.24. Оп.1. Д. 532а. Л. 103 об.; Рубелия И.Ф. Медицинская практика, или Наставление лечить болезни, по большой части случающияся в общежитии. М., 1789. С. 303–304; Шлерет Ф.А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1812. С. 4, 22, 110–111, 120, 126–127, 321–322; Шлерет Ф.А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1793. С. 9; Lewis W., Aikin J. An Experimental History of the Materia Medica, Or of the Natural and Artificial Substances Made Use of in Medicine Containing a Compendious View of Their Natural History, an Account of Their Pharmaceutic Properties and an Estimate of Their Medicinal Powers. 2011. P. 184–185; Michaelis Ettmülleri ... Opera omnia: nempe, Institutiones medicinae, cum notis; collegium practicum generale & speciale de morbis virorum, mulierum ac infantium. Collegium chirurgicum. Notae in Morelli methodum de formulis medicamentorum praescribendis; in Ludovici Dissertationes pharmaceuticas. sumptibus Johannis Davidis Zunneri, Amstelodami prostat apud Henricum Wetstenium, 1688. P. 315.

Приложение 31

Список медикаментов, назначенных в 1734 г. работникам казенных заводов

ФИО	Месяц	Препарат (лат)	Показания к применению
Василий Ближевский (Шихтмейстер)	Июль	Essentia Stomachica	Капли для лечения желудка.
		Resina Jalapae	Ялаповая смола – делается из корня ялаппы (травянистое растение), является слабительным, выводит глистов и «горячит тело».
		Pulveris radicis ipecacchuanae	Порошок из рвотного корня – «производит безопасную рвоту и утоляет судороги».
		Spiritus Cochleariae	Спирт ложечной или цынготной травы – лечит цингу, «разбивает ветры в животе, укрепляет желудок, гонит мочу, производит испарину и греет тело».
	Август	Essentia Stomachica	Капли для лечения желудка.
		Spiritus Cochleariae	Спирт ложечной или цынготной травы – лечит цингу, «разбивает ветры в животе, укрепляет желудок, гонит мочу, производит испарину и греет тело».
		Resina Jalapae	Ялаповая смола – делается из корня ялаппы (травянистое растение), является слабительным, выводит глистов и «горячит тело».
		Essentia lignorum	Капли древесные – «разбивают густую кровь» и выводят «порчу» через пот или мочу.
Иван Чарушин (комиссар)	Июль	Cremor tartari	Винный камень – твердые кристаллы, которые осаждаются в результате брожения вина, разводятся в воде, выводит мокроту, при употреблении в больших количествах «легко и тихо слабит желудок».
		Resina Jalapae	Ялаповая смола – делается из корня ялаппы (травянистое растение), является слабительным, выводит глистов и «горячит тело»;
		Spiritus Cochleariae	Спирт ложечной или цынготной травы – лечит цингу, «разбивает ветры в животе, укрепляет желудок, гонит мочу, производит испарину и греет тело».
		Empl. spermate Ranarum	Пластырь из лягушачьей, жабьей икры – для лечения кожных воспалений и застарелых язв.
		Cantharides	Кантариды, испанские мухи – мухи, имеющие «раздражительную силу и жгучее свойство», которые используются для изготовления пластырей и капель, имеющих свойство афродизиака.
	Август	Spiritus Cochleariae	Спирт ложечной или цынготной травы – лечит цингу, «разбивает ветры в животе, укрепляет желудок, гонит мочу, производит испарину и греет тело».
		Essentia lignorum	Капли древесные – «разбивают густую кровь» и выводят «порчу» через пот или мочу;
		Elixir proprietatis	Крепительные капли – слабительное из ревеня.
Карп Брант (командир роты)	Июль	essentia Stomachica	Капли для лечения желудка.
		Pulvis purgans	Проносный порошок – слабительное.
		Theriaca venetiana	Венецианский териак – легендарное средство», универсальное противоядие, известное со времен Римской республики. Имеет в своем составе белый мак, т.е. опиум. «Разбивает ветры, отражает гнилость, производит испарину, усыпляет боли».

ФИО	Месяц	Препарат (лат)	Показания к применению
Никита Бахорев (машинный мастер)	Август	Pulvis purgans	Проносный порошок – слабительное.
		Cremor tartari	Винный камень – твердые кристаллы, которые осаждаются в результате брожения вина, разводятся в воде, выводит мокроту, при употреблении в больших количествах «легко и тихо слабит желудок».
		Tartarus emeticus	Рвотный винный камень – производит рвоту и слабит на низ, производит испарину и гонит мочу.
		Emplastrum de minio	Пластырь из сурику – «отбивает мокроту, сушит оную и заживляет раны».
Степан Неелов (обер-цегентнер)	Август	Resina Jalapae	Ялаповая смола – делается из корня ялаппы (травянистое растение), является слабительным, выводит глистов и «горячит тело»;
		Spiritus Cochleariae	Спирт ложечной или цынготной травы – лечит цингу, «разбивает ветры в животе, укрепляет желудок, гонит мочу, производит испарину и греет тело».
		balsamum Peruianum	Перуанский бальзам – при употреблении внутрь оказывает общеукрепляющее действие (профилактика), снаружи – заживляет раны.
		balsamum terebinthinae	скипидар

Источники: Составлено по: ГАСО Ф.24. Оп.1. Д. 532а. Л. 93, 104-104 об., Даль Д.В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863. С.411; Рюбель И.Ф. Медицинская практика, или Наставление лечить болезни, по большой части случающияся в общежитии. М., 1789. 346; Шлерет Ф.А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1812. С. 7–8, 74, 76, 126 – 127, 132–133, 135, 280–281, 312–313, 317–318.

Приложение 32

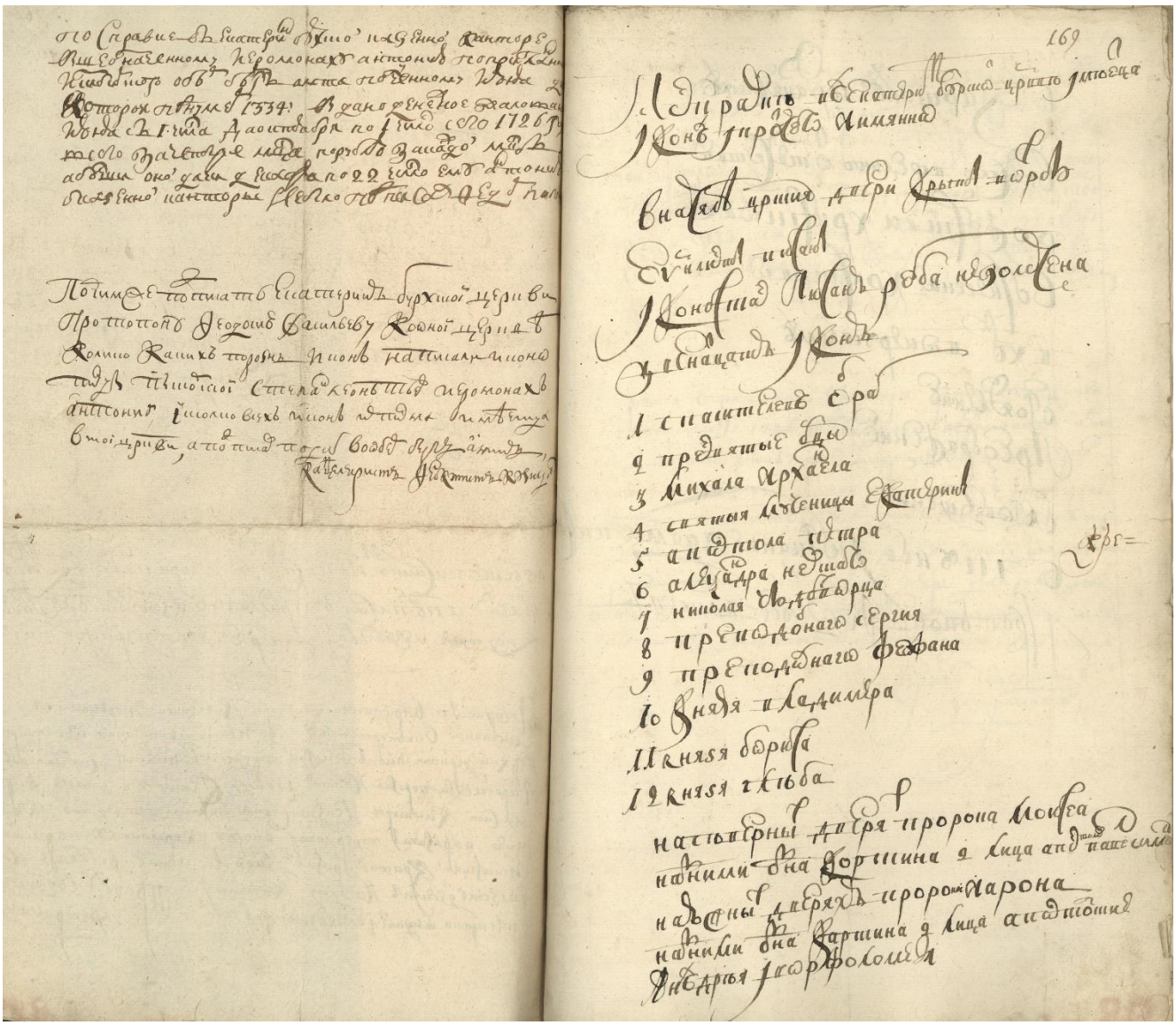
Список медикаментов, назначенных лекарем Гриненбергом женам работников казенных заводов в 1734 г.

Супруга	Препарат (лат)	Показания к применению
Жена гвардии сержанта управителя Уткинской казенной пристани Никифора Бессонова	Essentia lignorum	Капли древесные – «разбивают густую кровь» и выводят «порчу» через пот или мочу;
	Tinctura tartari	Капли из винного камня – мочегонное средство.
	Tinctura antimonii	Капли с сурьмой. Потогонное и мочегонное средство, в больших количествах вызывает рвоту.
	Essentia ligni sassafras	Капли из сассафравого дерева – «отводят или разбивают внутренние завалы», вызывают «великую испарину».
	decoctum Lignorum	Древесный или кровоочистительный отвар – «имеет кровоочистительную и испариногонительную силу».
	Spiritus Cochleariae	Спирт ложечной или цынготной травы – лечит цингу, «разбивает ветры в животе, укрепляет желудок, гонит мочу, производит испарину и греет тело».
Жена Евдокима Яковлева, исполняющего должность «за секретаря» Сибирского обер-бергамта	Pulveris radicis ipecacchuanae	Порошок из рвотного корня – «производит безопасную рвоту и утоляет судороги».
	essentia Stomachica	Капли для лечения желудка.
	Mixtura simplex	Изготовляется путем добавления к дягильному спирту (spiritus angelicae compofitus) жидкости из винного камня и серной кислоты разведенной в воде в малой концентрации. Вызывает обильное потоотделение, лечит лихорадки и ревматизм.
	Tinctura bezoardica	Потогонное средство.
	Spiritus Nitri dulcis	Услажденная селитренная кислота – противосудрожное средство, «разбивает ветры», мочегонное и жаропонижающее.
	Theriaca venetiana	Венецианский териак – легендарное средство», универсальное противоядие, известное со времен Римской республики. Имеет в своем составе белый мак, т.е. опиум. «Разбивает ветры, отражает гнилость, производит испарину, усыпляет боли».
	Specificum cephalicum	При употреблении снаружи – обезболивающее, при употреблении внутрь укрепляет «чувствительные жилы» и желудок, имеет «горячительное свойство».
	aqua Ulmariae	Водка из цветка лабазника вязолистного. применялась при кровотечениях, поносах и истерических припадках, «почиталась также глистогонным».
Вдова молотового мастера Анна Алексеевна	Species decocti pectoralis	Набор для грудного отвара – очищает легкие от слизи.
	Pulvis pectoralis	Грудной порошок – выводит мокроту из легких.

Источники: Составлено по: ГАСО Ф.24. Оп.1. Д. 532а. Л. 93, 104 об.-105, Даль Д.В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863. С.411; Рубелия И.Ф. Медицинская практика, или Наставление лечить болезни, по большой части случающияся в общежитии. М., 1789. С. 303–304; Шлерет Ф.А. Аптека или наука составлять разные лекарства. М., 1812. С. 13, 62, 112–133, 269–270, 277–278, 280–281, 317–318, 321–322, 325, 450–451; Шпренглер К. Лѣкарственник, или Фармакология. М., 1820. С. 110.

Приложение 33

Список икон Екатеринбургской церкви. 1726 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.148. Л.169.

Приложение 34

Рисунок учителя знаменованной школы Мирона Аврамова «о имеющихся в наличии святых образов и к ним что вновь писать надлежит» в церкви Сысертского завода. 1742 г. (Часть 1)

Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.935. Л.20. об.

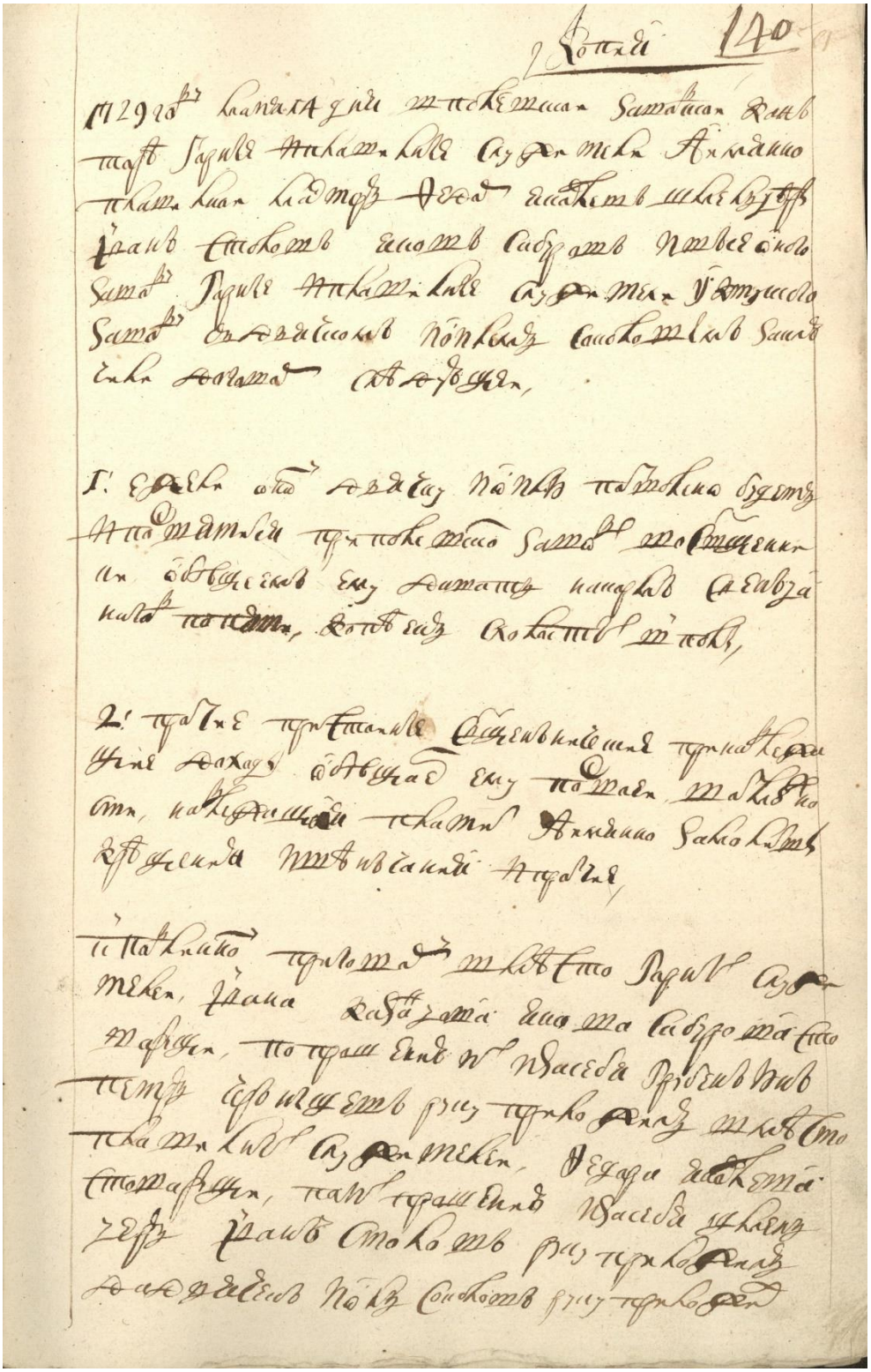
Приложение 35

Рисунок учителя знаменованной школы Мирона Аврамова «о имеющихся в наличии святых образов и к ним что вновь писать надлежит» в церкви Сысертского завода. 1742 г. (Часть 2)

Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.935. Л. 20. об.

Приложение 36

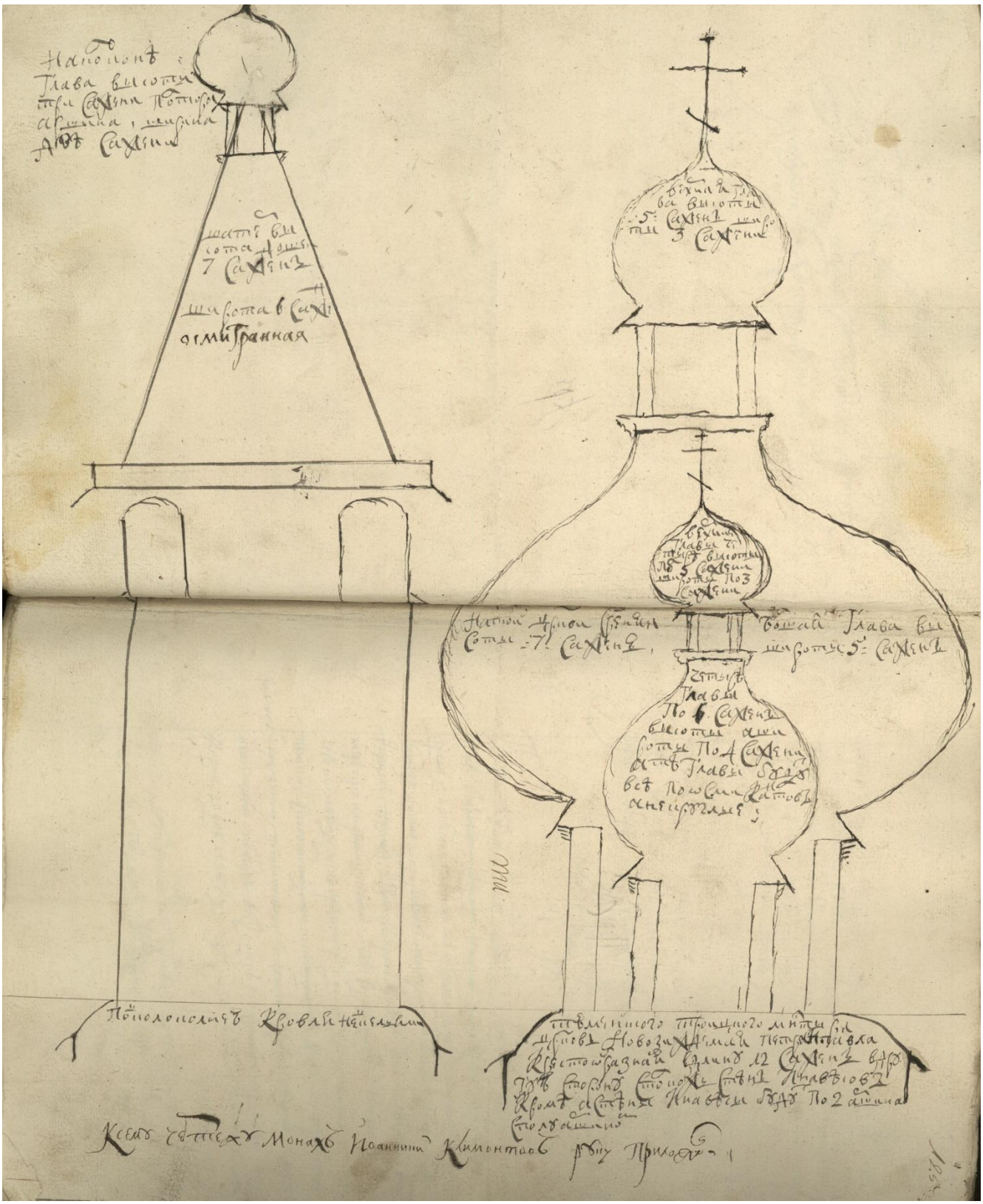
Обязательство служителей Полевского завода платить священнику за церковные требы. 1729 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.218. Л. 140.

Приложение 37

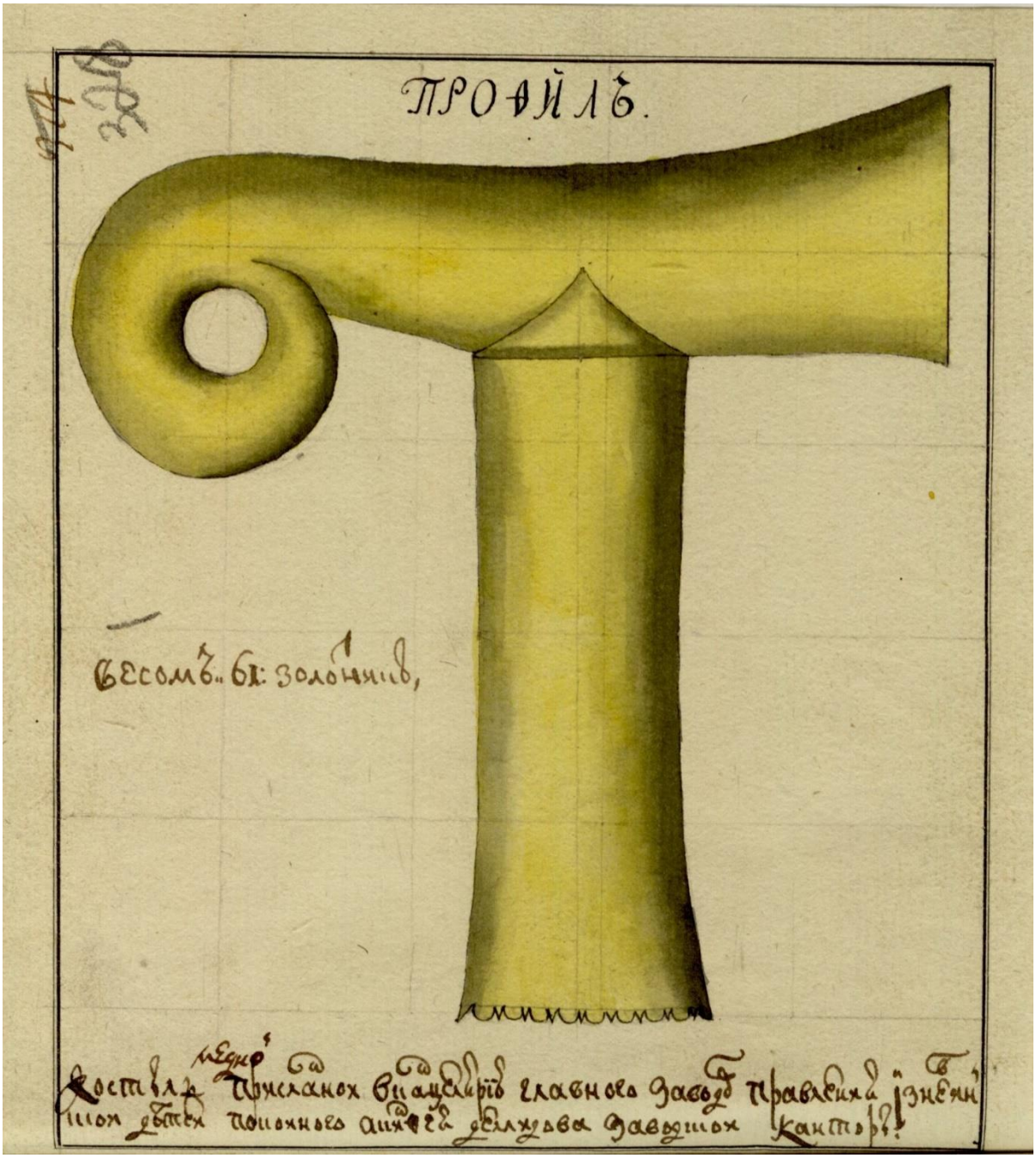
Чертеж куполов церкви Святых апостолов Петра и Павла. Тюмень. 1728 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.160. Л.125.

Приложение 38

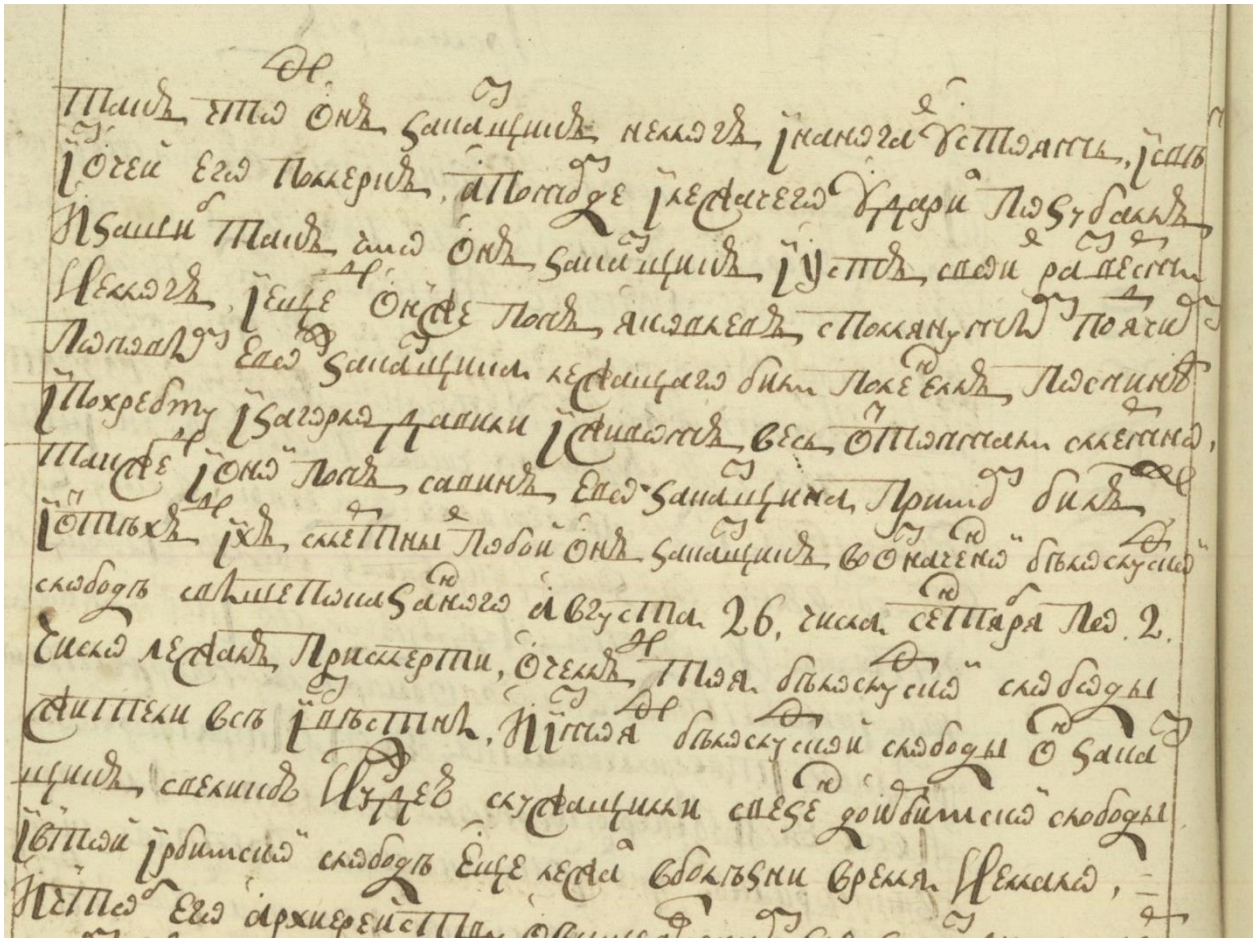
Обломок трости попа из Невьянска Дмитрия Козмина 1753 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1395. Л. 328.

Приложение 39

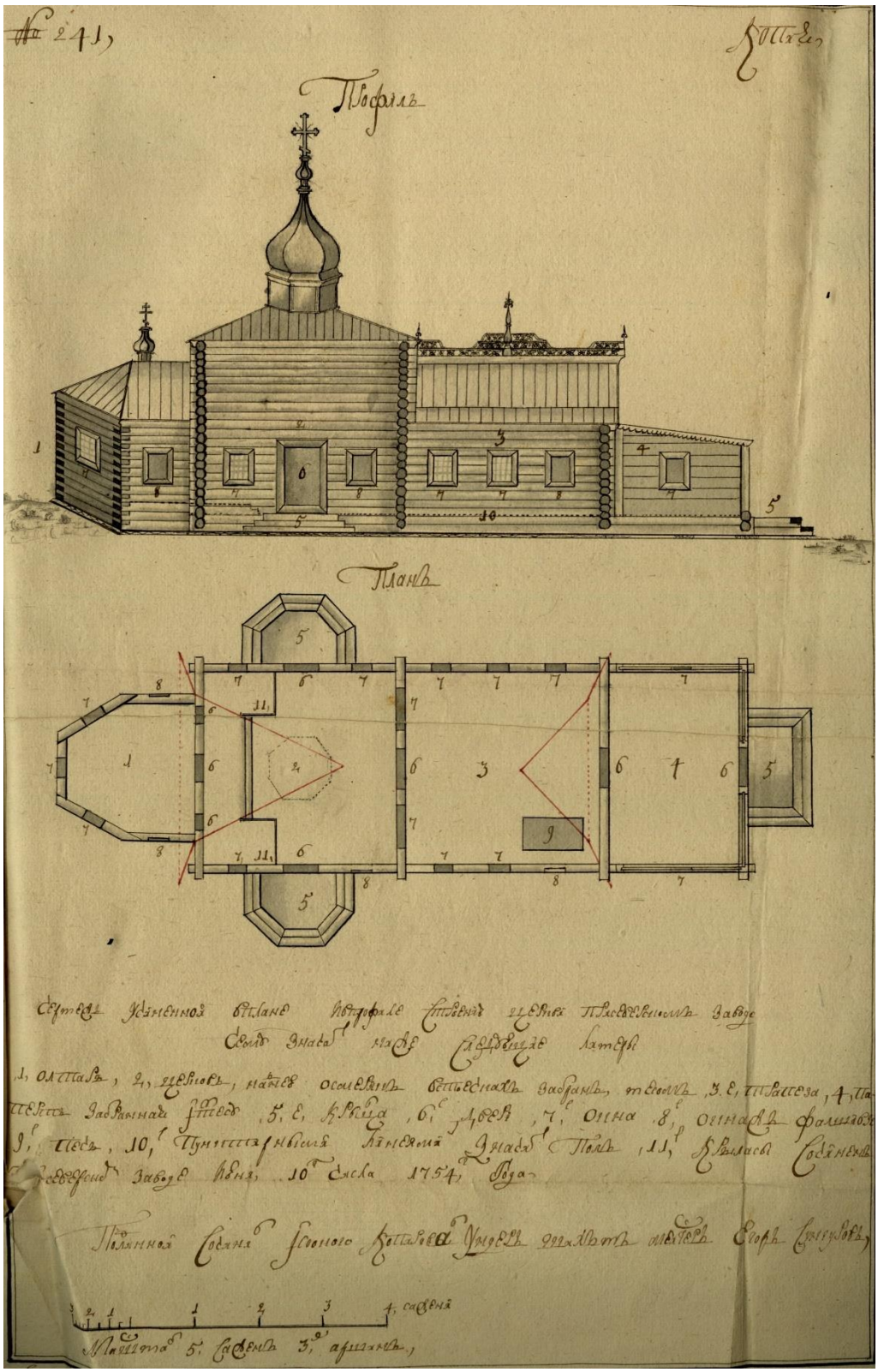
Фрагмент промемории из Тобольской архиерейской канцелярии в Сибирский обер-бергамт о присылке подьячего Степана Попова для следствия. 1734 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 616. Л. 155 об.

Приложение 40

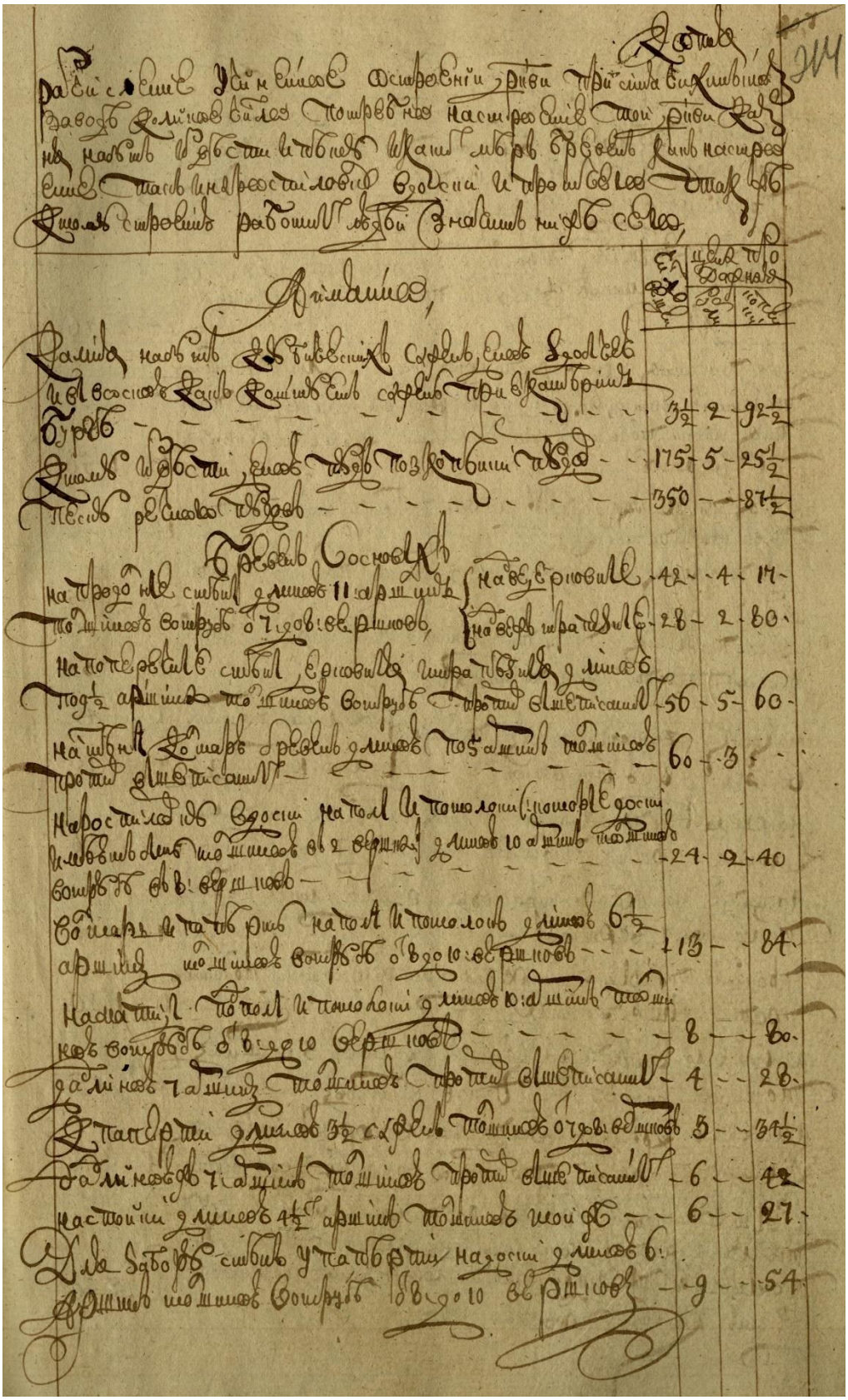
Чертеж церкви при Северском заводе. 1754 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1426. Л. 212.

Приложение 41

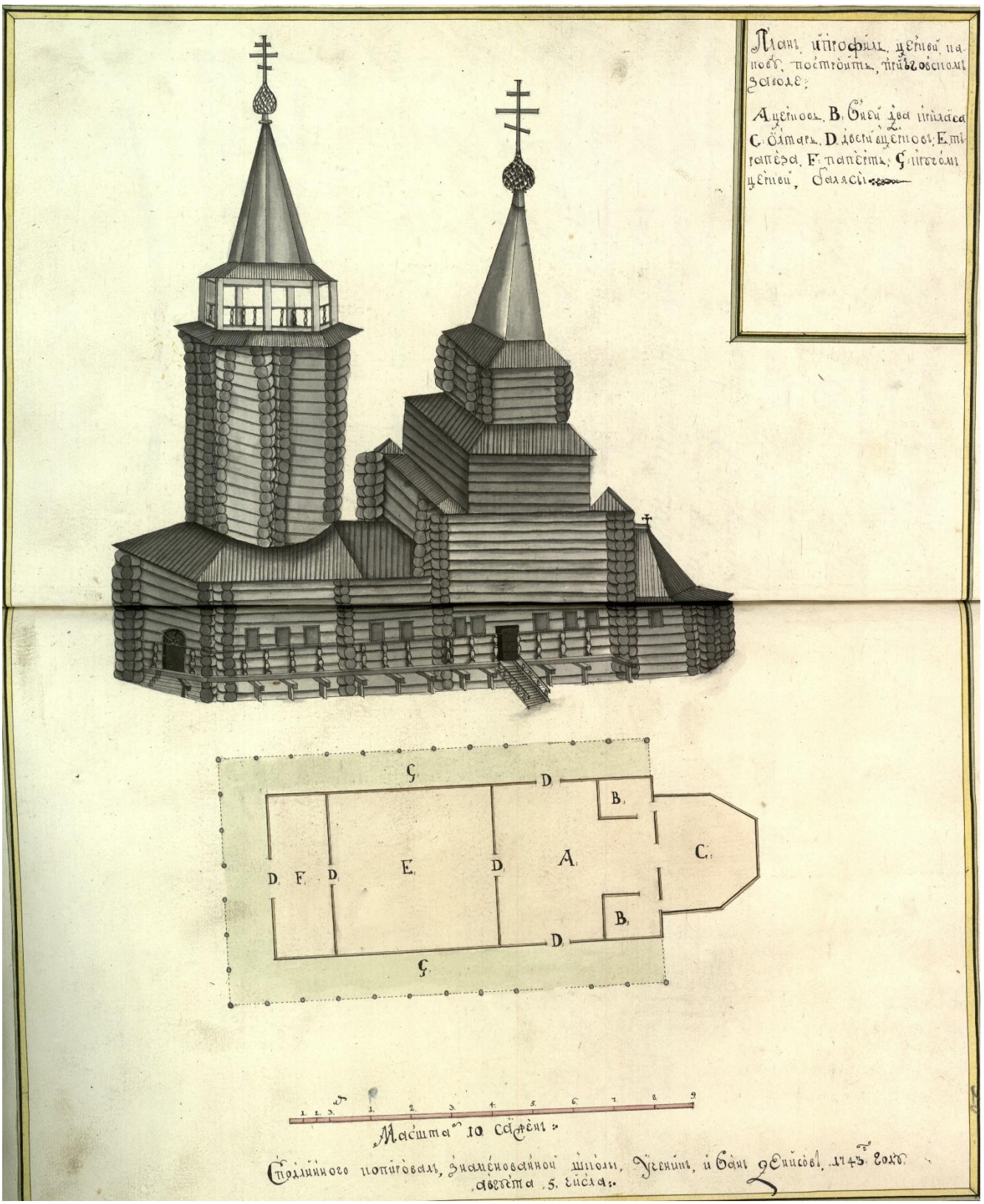
Фрагмент росписи припасов для строительства церкви при Северском заводе. 1754 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1426. Л. 214.

Приложение 42

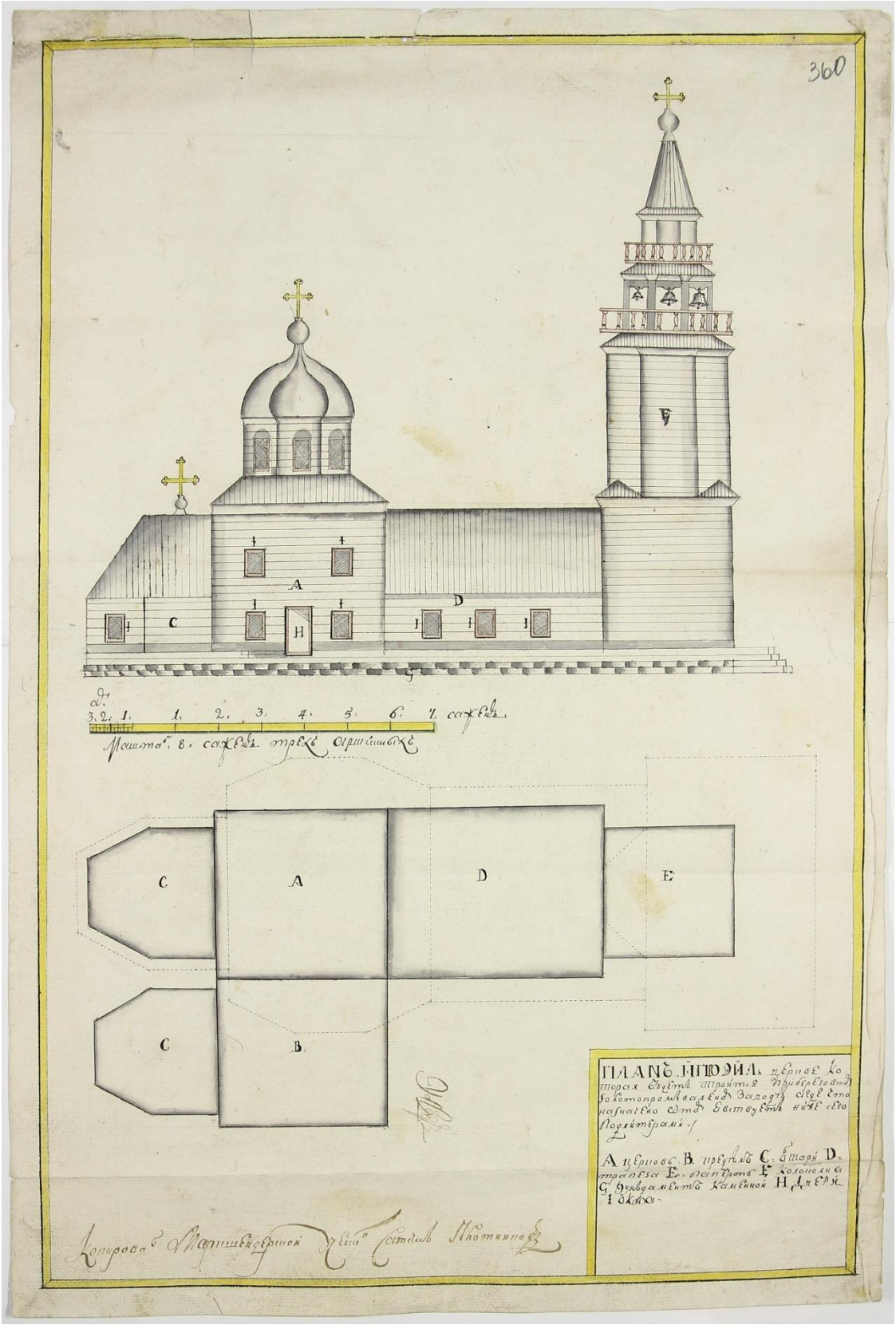
План церкви при Юговском заводе. 1743 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1068. Л. 289.

Приложение 43

Чертеж церкви при Березовском золотопромывальном заводе. 1765 г.



Источники: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1797. Л. 360.